

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

2

2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 12 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социо-
логический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 29.02.2024
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.К. Мамедов,
А.Л. Маршак, А.А. Осеев,
В.Н. Петров, Н.Л. Полякова,
А.Б. Рахманов, А.Б. Синельников,
Н.Г. Скворцов, Ж.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Кравченко А.И.</i> Открытое и закрытое общество К. Поппера: реальность и иллюзии.....	5
<i>Мостовая Д.А.</i> Становление и перспективы организационной коммуникации как исследовательской области.....	21
<i>Хохлова О.М.</i> Общественное согласие как условие развития современной России.....	28
<i>Хуссейн Карим Хоссам Абдельрауф.</i> Онтология сознания и социокультурные взаимоотношения: философский анализ форм арабского общественного сознания в контексте арабо-западных отношений.....	37
<i>Щеглова М.И., Габдуллин И.Р., Недорезов В.Г.</i> Реальность феноменального опыта как компонента возникновения геометрических иллюзий: философский анализ экспериментальных данных воздействия на сознание людей и животных.....	44

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Аносов С.С.</i> Социальный активизм россиян.....	49
<i>Баев П.А.</i> Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи.....	57
<i>Грицких Н.В., Рыбак Н.С., Моторина Е.Г.</i> Особенности и тенденции развития креативных индустрий в XX–XXI вв.	65
<i>Решетникова Е.В., Гуринович Л.А., Шарбурак М.А.</i> Формирование этнической идентичности молодежи в процессе воспроизводства социального воспитания.....	73
<i>Дорцева Е.В.</i> Особенности пропагандистского воздействия на современную российскую молодёжь в цифровой среде.....	88

<i>Заварзина Ю.В.</i> Благоустройство территории в оценках общественного мнения.....	100
--	-----

<i>Маслодудова Н.В.</i> Онлайн-знакомства как альтернативное поле потенциального брачного рынка.....	113
<i>Полюшкевич О.А.</i> Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире.....	121

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Заякина О.А.</i> Карьерные ориентации студентов вузов: опыт социологических исследований.....	128
<i>Сидорова Н.В., Струк Е.Н., Ван Хао.</i> Профессиональная мотивация студентов технических вузов: опыт эмпирического исследования в ИРНТУ.....	133
<i>Сушко В.А.</i> Механизмы государственного влияния на формирование среднего класса.....	138
<i>Худякова М.А.</i> Трансформация общественного договора в современном российском обществе (по итогам социологических исследований).....	150
<i>Каймаразова А.К.</i> Институциональное влияние образования на социальную мобильность молодежи в российском обществе.....	158
<i>Грачева О.Е., Мкртумова И.В.</i> Современные представления о роли медиации при синдроме отчуждения родителя в общественном дискурсе и практиках специалистов (на материалах социологического исследования).....	164
<i>Гильдингерш М.Г., Давыдов С.А., Петров М.А.</i> Методологические аспекты формирования корпоративной культуры и практика их применения в организации.....	172

Рычихина Э.Н., Щеткина М.А.
Организация мониторинга
корпоративной культуры
образовательного комплекса 181

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ван Цян. О принципе деления
культурно-исторических типов
Н.Я. Данилевского 190

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Петрова Е.И. Национальное
самосознание: факторы формирования
и элементы проявления 198

*Чеченов А.М., Кушхова А.Ф.,
Желиготова Р.М., Атабиева З.А.*
Социально-философский анализ
теории и концепции социальных
изменений и развития, современных
общественно-политических процессов ... 207

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Горбунова И.Ю., Кравченко Т.П.,
Юцкова Е.В.* Нанотехнологии
и инновационное развитие общества 213

*Крюков В.В., Сотникова Е.В.,
Ступина Н.С.* Философия логистики 219

Открытое и закрытое общество К. Поппера: реальность и иллюзии

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора
журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Изучением теории открытого общества Поппера я начал заниматься в середине 1980-х годов. В обществе начиналась горбачевская перестройка, официальная цель которой – построение социализма с человеческим лицом. Вот так и писали – без кавычек. Сегодня мне понятно, что то был наш доморощенный вариант открытого общества. Его прорабы собирались позаимствовать все лучшее у запада, а убрать все худшее с востока. До провозглашения частной собственности и приватизации промышленности дело еще не доходило, но о «гласности» говорили из всех репродукторов. Вот здесь кавычки для «гласности» уместны, поскольку гласность допускалась сквозь полукоткрытый рот и с оглядкой по сторонам – на свое историческое прошлое, на свой народ и на чужой запад. Открытым обществом мы тогда не стали. Не являемся таковым и сегодня, если понимать открытость в попперовском смысле. Самое удивительное, что и США – апостол открытого мира – еще меньше можно причислить к открытому обществу. Парадокс? Ну, почему же парадокс. Скорее закономерность, и вот почему.

Ключевые слова: открытое и закрытое общество, идеальный тип, глобализм, верификация и фальсификация, абстрактное общество.

Эпоху Глобализации – конец XX – начало XXI века – в каком-то смысле можно поставить в один ряд с двумя предшествующими великими событиями в истории человечества, а именно Ренессансом и Просвещением. Отличительная черта эпохи Возрождения – светский характер культуры, её гуманизм и антропоцентризм, возросший интерес к античности. В эпоху Просвещения наука, рационализм и свободомыслие заложили фундамент промышленному расцвету Европы. На третьем этапе место Европы заняла Америка, возглавившая научно-технологический прогресс, подчинившая себе мировую культуру, науку, технологии, текущую повестку дня. Ничто не могло шевельнуть или пройти мимо острого взгляда гегемона. Первый парень на деревне, да еще на глобальной деревне, он правил, диктовал, умирнял, натравливал, ссорил народы, регионы, страны. И все это под лозунгом экспорта демократии, торжества общечеловеческих ценностей и идеалов открытого общества.

Исходные посылки теории

Термины «открытое общество» и «закрытое общество» первым в научный оборот ввел *Анри Бергсон* в начале 1930-х годов. Однако популярность они приобрели благодаря усилиям совсем другого человека – выдающегося мыслителя нашего времени *Карла Поппера*, который считал французского философа своим учителем. Учитель лишь наметил путь, по которому ученик пошел сам и повел европейскую интеллигенцию.

А.Бергсон противопоставлял два типа обществ: а) закрытое, стремящееся к самосохранению и опирающееся на принципы авторитаризма и насилия; б) открытое, воплощенное в великих личностях – моральных героях и христианских мистиках. Бергсон связывал с ними два типа морали и религии – статический и динамический. Возможность

дальнейшего прогресса человеческого общества Бергсон видел лишь в открытом обществе, в динамической морали, выделяя в качестве главных принципов любовь к человечеству, «дух простоты», отказ от искусственных потребностей, вызванных преимущественным развитием «тела» человечества в ущерб его духовной культуре [1].

Для Поппера закрытое общество – это эпоха господства коллективного сознания, родового строя, магии и растворения – без остатка – индивида в группе. Аналогия с механической солидарностью Э. Дюркгейма налицо. Открытое общество начинается с прорыва личности сквозь пути коллектива и провозглашения антропоцентризма магистральным путем интеллектуального развития европейского общества, а это Ренессанс. У французского социолога было примерно то же самое. Даже точнее – Новое время и ранний капитализм.

В своей книге «Открытое общество и его враги» он критиковал платонизм за трайбалистский элитаризм, а в работе «Ницета историцизма» – марксизм за «историцистскую» веру в законы, предсказывающие ход истории. Философия жизни Бергсона превратилась в политологию у Поппера. Концепт открытого общества сразу же приобрел политически заостренную форму. Раскрывая историю создания своей главной социологической книги по типологии обществ, К. Поппер писал: «Опубликована она была в 1945 г., когда война в Европе уже окончилась, но работу над ней я считал своим вкладом в победу. Она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина, которых пакт 1939 г. сделал на время союзниками», и далее: «Критикуя марксизм, я до некоторой степени критиковал и самого себя, поскольку в ранней молодости был марксистом и даже коммунистом. (Мне не было и 17 лет, когда я отверг это учение.)» [2, с. 7]. Понятие открытого общества было выдвинуто Карлом Поппером в качестве антитезы понятию *тоталитарного* общества. Понятие открытого общества – социальный эквивалент политического и экономиче-

ского понятия «конституции свободы» Фридриха фон Хайека.

Закрытое и открытое общество – *идеальные типы*, при помощи которых К. Поппер хотел раскрыть не столько внутренне строение общества, сколько два противоположных вектора развития человечества. В этих понятиях воплощается противоборство между коммунизмом (социализмом) и либерализмом (демократией), борьба между коллективизмом и индивидуализмом, приоритетами равенства или свободы, труда или капитала.

В открытом обществе люди руководствуются личными интересами и расчетом, которые нужны им для развития рыночных отношений и предпринимательства, ответственностью и рационалистической этикой. Подобные ценности восходят к Новому времени и совпадают с идеологией либерализма. Из них проистекают наука, современные достижения технического прогресса, свобода и демократия. Но позаимствованы они были человечеством именно у греков, которые создали, выражаясь современным языком, цивилизацию венчурных фирм и малого бизнеса.

В качестве исторических предпосылок свободного общества служили частная собственность, рынок, предпринимательство, конкуренция и демократическое устройство, которые впервые появились в античной Греции. Именно к этому периоду человеческой истории относят возникновение гражданского общества и правового государства.

Надо сразу же оговориться, что идеальный тип у Поппера настолько идеализировал реальную жизнь, что порой доводил ее чуть ли не до абстракционистского абсурда. Закрытое, или первобытное общество у него основано на вере в магию и коллективизме, здесь нет частной собственности, личностного начала, предпринимательства и демократии. Его односторонний подход расходится с археологическими и антропологическими данными. Сегодня нам известны многочисленные сведения о так называемой племенной демократии, зачатках рыночных и торго-

обменных отношениях в примитивном обществе, наконец, отсутствии какого-то ни было подавления свободы личности. Родоплеменной строй вовсе не был похож на мрачное средневековье, а Спарта не служила воплощением тоталитарного зла, как это рисовал К. Поппер.

Закрытым первобытное общество было только потому, что от всех людей требовалось подчинение обычаям и традициям предков, соблюдения нравственных табу, стоявших на защите человеческого здоровья и ограничивавших половую распущенность, беззаконие и своеволие. Любовь к своей родине предполагала самопожертвование, которое Поппером – да и не только им одним – трактуется как подавление личности во имя коллектива. Нынешний либерализм, моральная распущенность, гегемония ЛГБТ-сообществ на западе, до которых Поппер к счастью не дожил, в его терминах являют собой пик развития открытого общества. Точнее сказать, логическое развитие античной демократии в американской упаковке.

Открытое общество у Поппера олицетворяла Древняя Греция со столицей в Афинах, закрытое – Спарта. «Наша западная цивилизация была рождена греками. Они, по-видимому, были первыми, кто сделал шаг от племенного строя к гуманизму», – писал К. Поппер [2, с. 216]. Именно к этому периоду человеческой истории относят возникновение гражданского общества и правового государства. И сегодня у теории открытого общества Поппера находится множество последователей, в том числе филантроп и мультимиллиардер Дж. Сорос, посвятившей ей одну из своих книг. Правда, Афины Сорос сравнивает с США, а Спарту – с Россией и Китаем.

К. Поппер характеризовал спартанское политическое устройство как «застойный олигархический племенной режим», «исключительно враждебный по отношению к личности». Он обвиняет Платона в том, что тот, «подобно другим милитаристам, восхищается Спартой» и в своих «Законах» копирует установления спартанского тоталитарного полиса [2, с. 141, 223]. Сегодня историки

во многом переоценивают роль и характер Спарты, подчеркивая не только ее патриотический консерватизм, умение побороться с противостоящим врагом, но и проводить самостоятельную, независимую политику, отстаивая свое понимание демократии и свой взгляд на отношения с другими странами.

Универсальность архаики

Возможно, Спарту можно относить к закрытому обществу, но считать ее тоталитарным строем, понимая тоталитаризм в современном смысле слова, каким мы его знаем по временам гитлеровской Германии и сталинской России, по всей видимости, нельзя. Однако Поппер прав в том, что оба типа общества – открытое и закрытое – суть некие исторические универсалии, которые возникли в глубокой древности и продолжают сосуществовать до сих пор. С течением веков два типа общества, сохраняя существенные характеристики, приобретали новые черты, как-то видоизменялись, трансформировались. На пути к открытому обществу человечество преодолело немало препятствий. Сегодня для большинства европейцев открытое общество символизирует Запад, а закрытое – Восток.

Первоначально Поппер даже задумывал написать книгу под названием «Ложные пророки: Платон, Гегель – Маркс», но затем она превратилась в две самостоятельные работы – «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги». В первой он разобрался с тоталитарным мышлением, во второй – с тоталитарным обществом, назвав его закрытым, а с нравственной точки зрения – порочным и антигуманным.

По убеждению К. Поппера, оправданием закрытого общества и тоталитаризма занимались Гераклит, Платон, Аристотель, Гегель, Маркс, М. Шелер, К. Мангейм, А. Уайтхед, А. Тойнби. Это лишь первый эшелон лжепророков. Досталось бы от него и другим, да они слишком малы для истории, поэтому Поппер скопом указывает на то, что «закрывали» общество многочисленные иррационалистические течения, а глав-

ное – религии, в том числе христианство. Почему досталось христианству, непонятно. Зато наука у него – двигатель прогресса. Не зря она боролась с религией и открыла эпоху Нового времени. Открытые общества в принципе являются секуляризованными. Поппер умалчивает, что именно наука породила атеизм, атомную бомбу, а также технический прогресс, который загнал экологию в такую пропасть, выбраться из которой не хватит тех денег, которые получило человечество благодаря его достижениям. Именно сегодня у просвещенного и насквозь пропитанного научными знаниями человечества почему-то наблюдается ренессанс религиозного духа, причем нередко в таких экстравагантных формах, например тоталитарных сект, которые и не снились племенному строю.

Да, закрытое общество – это культура архаики, которая существовала и в XXI в. до н.э., и в XXI в.н.э. Это некая социальная универсалия, промаршировавшая с человечеством весь его нелегкий исторический маршрут. Но почему архаика и община столь живучи? Может быть потому, что они нужны человечеству? Даже тогда (а, может быть, именно тогда), когда некоторые мыслители списывают их в архив?

Неоязычество, равно как и национализм в посткоммунистических европейских странах, представляет собой не только культурный пережиток, а, возможно, даже и не столько культурный пережиток, сколько паллиативную, а еще лучше сказать – социальную превращенную форму – древних институтов. Здесь нет возрождения древней верности роду, они представляют беззащитную спекуляцию на архаике, часто выгодную тем или иным политическим лидерам. Но, как выразился сам Поппер, «сила и древних, и новых тоталитарных движений – как бы плохо мы ни относились к ним – основана на том, что они пытаются ответить на вполне реальную социальную потребность» [2, с. 215].

Опасно ли оно для нас? Специальная военная операция 2022 г. выудила на поверхность сотни тысяч украинских нацистов, идеология которых восходит

к воинственному неоязычеству, сознательно противостоящему мировому – православному, католическому и протестантскому – христианству. Это уже не заигрывание с религиозными догматами. Это уже то неоязычество, которое восхваляет идеологию человеконенавистничества и фашизма, преклоняется перед Гитлером, стремится уничтожить все русское на земле и убить всех русских. Такой оказалась универсальность архаики!

Абстрактное общество

И уж совсем чужеродным элементом в теоретической конструкции К.Поппера выглядит понятие абстрактного общества, характеризующее, между прочим, закрытое общество прошлого, а не наше открытое общество с его атомарностью, отчуждением и многомиллиардной городской толпой. Свойства «абстрактного общества» австрийский философ пробует объяснить при помощи следующей гиперболы. Представьте общество, где люди никогда не встречаются лицом к лицу. Они не только не знакомы друг с другом, но и не разговаривают. Только переписываются – при помощи писем или телеграмм. И уж чтобы совсем подчеркнуть ужасы социальной изоляции, в которую попадают члены абстрактного общества, Поппер подчеркивает: они разъезжают в закрытых автомобилях, а размножаются в колбочках. Такое выдуманное общество можно назвать «полностью абстрактным или безличным обществом» [2, с. 219].

Тут Поппер лукавит: никакое, даже самое продвинутое, племенное общество не обладает ни телефоном, ни телеграфом, ни автомобилями. Так что абстрактное общество возникает не в момент перехода от закрытого общества к открытому, а в какое-то другое время. Неожиданно у него вырывается откровение: вследствие потери органического характера открытое общество постепенно может стать тем, что можно назвать «абстрактным обществом» [2, с. 219]. Оказывается, в нашем современном обществе уже идет процесс «абстрагирования». С нарастающей скоростью оно

превращается в «совершенно абстрактное общество».

Мы проносимся друг мимо друга в закрытых авто. В городской толпе мы одиноки среди проходящих мимо таких же одиноких и абстрактных индивидов, перезваниваемся мы нечасто, а встречаемся еще реже. На работе отношения ограничиваем только вопросами бизнеса. По два-три часа в день просиживаем в автомобильных пробках, окруженные такими же, как и наш, закрытыми лимузинами. Членство в профсоюзе, добавляет К. Поппер, ограничивается лишь обладанием удостоверения и уплатой взносов неизвестному секретарю. С ним можно согласиться: существование в ситуации полной анонимности и одиночества – участь миллионов людей. А если вспомнить появившийся недавно институт надомного труда, особенно его последнюю разновидность – телеработу на карантине (COVID-19), то картина абстрактного общества приобрела вполне завершенные черты. Это среда искусственных цветов, воздуха и отношений. Большинство социальных групп в открытом обществе (за исключением семьи и теплых домашних отношений) являются не более чем суррогатами. Абстрактные отношения, согласно К. Попперу, создают механизмы обмена и кооперации, а если хорошенько подумать, то окажется, что вся экономика – это область исключительно таких взаимоотношений. Она построена на денежном расчете, рациональности, коммерции. Поппер не развивает свои идеи, да и не надо. До него это блестяще сделал Г. Зиммель в «Философии денег».

Итак, куда же переходит человечество у Поппера? Если судить формально, то от закрытого общества к открытому, а от него – к абстрактному. Получается целых три, а не два типа общества. Это неверно, утверждает австрийский философ: их не более двух. Просто переход от закрытого общества к открытому, начатый древними греками, еще не закончился. Трансатлантический дрейф всемирной истории у Поппера растянулся на тысячелетия. Он так и пишет: «греки начали величайшую революцию,

которая, по-видимому, все еще находится в своей начальной стадии, а именно – в стадии перехода от закрытого общества к открытому» [2, с. 220]. Сегодня мы живем «в открытом и частично абстрактном обществе», – утверждает он чуть погодя. Так куда мы все-таки переходим – от закрытого общества к открытому, или от открытого – к абстрактному? Не закончив первый процесс, мы уже немножко забеременели вторым.

Так что на самом деле скрыто у Поппера? Вначале было закрытое общество. Как и почему оно закрылось, Поппер не объясняет, а просто описывает якобы ему присущие черты, которые на самом деле можно найти у любого типа общества, когда-либо существовавшего прежде и где-либо существующего сегодня. Закрытое общество вдруг и сразу не сменилось открытым, а был промежуточный этап, растянувшийся на тысячелетия, ибо мы еще находимся в последней фазе того общества, которое было создано древними греками. Но почему мы тянем? Если у греков была демократия и всеобщее счастье открытого общества, то куда девать темное средневековье? Это отскок назад? Ну, да, иначе не понадобился Ренессанс с восстановлением идеалов античности, на фундаменте которого произросла наука Просвещения и всеобщий рационализм секуляризма – освобождения от религии. А такие скачки – шаг вперед, два шага назад – не являются самостоятельными этапами истории человечества?

Гуляющим типом следует представлять абстрактное общество. То оно возникает при первобытном, а значит и закрытом, обществе. То оно ждет нас впереди и наступает после открытого общества. Это как в России – наше общество вечно кого-то догоняет и куда-то переходит. То мы отстаем от запада лет на 300, то обгоняем и оказываемся уже при коммунизме.

Постиндустриальное общество стало миром кочевников-фрилансеров, постоянно переезжающих с места на место, меняющих работу, работающих в одной стране, гражданство имеющих в другой, легко меняющих знакомых, друзей, ино-

гда – родственников. Многие едва знают имена и лица людей по соседству, не вступают с ними в разговоры. Люди неохотно открывают себя для близких отношений, так как боятся быть отвергнутыми.

А. Маслоу называл Америку нацией без корней, отчужденной и разобщенной, уткнувшейся в маленький мирок провинциального комьюнити и не интересующихся, кроме продажной элиты, планетарными проблемами. Поверхностные человеческие отношения, нарисованные улыбки, формальные кивки и вполне неформальные плевки в сторону других – разве это не черты абстрактного общества, уже наступившего, а не в будущем ожидаемого? К. Поппер так прямо и указал – это абстрактное общество, а Г. Зиммель называл его анонимным. Народу в нем много, да людей мало!

Общество уже не в силах противостоять валу научных открытий и покорно уступает им. Вот уже начали клонировать человека. К. Поппер, живший за 50 лет до начала компьютерной эры, не мог и помыслить, что его прогнозы относительно скорого наступления абстрактного общества так быстро сбываются. В этом он оказался прав. Только причиной нашего приближения к нему оказался не растянувшийся на тысячелетия переход от закрытого общества к открытому, а случившийся совсем недавно взрыв научно-технического прогресса. Наука подарила нам Интернет и виртуальную реальность, в которой мы можем общаться друг с другом, оставаясь неизвестными, анонимными и непроницаемыми друг для друга.

Симулякр – выдуманная реальность, принимаемая за настоящую, – правит нашим абстрактным обществом. Деньги – тоже симулякры, т.е. копии без оригиналов. У тех и других нет эмпирического референта, который можно увидеть или услышать, взять за руку, уступить ему место. Но ведь общество, государство, нация, класс и прочие абстрактные категории из социологического арсенала, тоже мифы. Построенное на их основе общество в значительной

мере – абстрактное общество. Узники в пещере Платона видели на стене копии, но не оригиналы кувшинов, деревьев и лошадей. Поскольку другого в своей жизни они никогда не встречали, то с удовольствием принимали копии за оригинал. И им не важно, насколько тень дерева на серой стене отличается от зеленого дерева на земле. Узники согласились считать тени оригиналами и обращались с тенями как с реальными предметами. Так и мы, представители XXI века, согласны считать государство и деньги не вымыслом, а реальностью, за которую можно кровь пролить или чужой жизнью пожертвовать. Так на бумажки и фикции мы обмениваем то, что сделано из плоти и крови.

Кажется, мы перестали быть чуточку беременными. Народившееся абстрактное общество, цифровой мир, электронное правительство, глобальная деревня и виртуальные магазины – это уже не наше будущее, а наше настоящее. Открытое общество, ставшее возможным только благодаря тому, что однажды в человеке проснулась Личность, теперь ее уничтожает, превращаясь в обезличенное, а стало быть, абстрактное общество. Как тут не вспомнить поразительный афоризм Фр. Фукуямы: «Конец истории печален». На безжизненной планете останутся только роботы, построившие совершенное как утопия общество на платформах искусственного интеллекта.

Глобализм – доктрина распространения либеральных свобод не только на отдельные страны, но и на все мировое сообщество, оказался очень созвучным попперовскому идеалу открытого общества. Правда, переживающем эпоху вхождения в абстрактную фазу. Только непонятно, это конец или все же начало истории? Если тинэйджер верит в виртуальных рейнджеров, образ которых создает цифровая программа и которым в материальной реальности ровным счетом ничего не соответствует, то чем он лучше первобытного человека, веровавшего в силу магии, колдовства и населявшего реальность умершими духами, которым в материальном мире также ни-

чего не соответствовало? С выдуманной реальности и ее власти над нашим сознанием начало свой путь человечество, ими же оно его, похоже, и заканчивает. Во всяком случае, сегодня.

Тут самое время вспомнить учение о трех мирах К.Поппера. Он утверждал о равноправном существовании а) физического мира, б) человеческого сознания, в) идеального мира культуры. Все три мира онтологичны совершенно одинаково, они одинаково сильно влияют на нас, мы одинаково сильно верим им. С первым мира вроде бы все понятно – он материален. А вот как быть с двумя другими. Они-то виртуальны! Но Поппер заранее наделяет их равным правом на жизнь. Большинство ученых ныне признают правильность таких воззрений. Но тогда придется признать и то, что реальность абстрактного общества Поппер обосновал не только в своих социологических трудах, что еще было бы простиительно, но и в логико-методологических. А это уже гораздо серьезнее.

И, тем не менее, пугаться кошмаров абстрактного мира еще рано. Открытое, закрытое и абстрактное общество – всего лишь теоретические конструкции, а в реальном обществе, каким бы развитым или отсталым они ни были всегда можно обнаружить наличие элементов авторитарности, воплощающей закрытое общество, и демократии, служащей опознавательным знаком открытого общества. Как можно встретить черты абстрактного общества – мобильники и спутниковые антенны – в племенном по своей природе обществе (Афганистан, Чечня). Все перемешано на территории одной страны, все борется и сопротивляется друг другу. Следовательно, коллективного восшествия в мир виртуальной реальности не будет. Страны развиваются с неодинаковой скоростью, и борются за жизненное пространство с разной силой и успехом.

Вряд ли можно согласиться с попперовской моделью вечно мутирующего человечества. С одной стороны, он хочет быть точным, утверждая, что разваливаться закрытое общество начало в связи с морской торговлей. Афины,

в отличие от материковой Спарты, находились на побережье, много торговали, увидели весь мир, были подвижным и творческим народом. Культурные контакты и колонизация новых земель довершили процесс открытия общества. С этим никто спорить не станет. Однако цена за открытость непомерно высокая. Переход от закрытого к открытому обществу сопровождается сдвигами тектонических плит и геоаномальными явлениями, как выразились бы геологи, т.е. постоянными войнами, революциями, классовой борьбой, ростом социального напряжения, которые продолжают и в наши дни. А значит, следуя такой логике, продолжается и трансисторический переход человечества.

Проекция научного метода

В течение 60-летнего творческого пути Поппер защищал идеал «открытой» (для критики и новизны) философии. Две свои книги он озаглавил «Открытое общество», «Открытая Вселенная». Сам тоже стремился следовать этому идеалу [3]. Поппер исходит из универсальности разработанной им методологии, полагая, что разработанные им метод фальсификационизма, демаркации теоретического и метафизического, рационального и иррационального, в равной мере применим как к области физических, так и области социальных наук.

Только два подхода существуют в философии науки: верификация – подтверждение теории, фальсификация – опровержение теории. Верификацией называется процедура установления истинности тех или иных суждений, подтверждения теоретического знания посредством перечисления всего класса эмпирических референтов или объектов, которые охватываются данным понятием или данной гипотезой. Для установления истинности какого-либо утверждения, например о том, что все вороны – черные, надо провести наблюдение, опрос, эксперимент. В нашем случае придется объехать всю Африку, Азию, Европу и Австралию. Верификация – очень громоздкая, неблагодарная и трудозатратная процедура: потребуется исчерпать

весь класс эмпирических референтов, чтобы доказать, что все вороны – черные.

Фальсификация предполагает, что ученый вместо поиска всех примеров, подтверждающих гипотезу, обнаруживает один-единственный случай, опровергающий ее. Ученому надо доказать ложность гипотезы или теории с помощью единичного факта, а не искать всех ворон на Земле ради подтверждения истины. Если вы утверждаете, что все вороны черные, вам достаточно найти одну белую ворону и доказать ее исключительность – тогда вы получите право сказать, что, за редким исключением, все вороны черные.

Фальсификационизм Поппера гласит: если из данного правила есть исключения, то оно – научное правило. Из каждого правила есть исключение – поговорка, раскрывающая суть фальсификационизма. А если нет? Тогда одно из двух: либо это ненаучное правило, либо ты плохо искал исключения.

Суть его идеи в том, что теория только в том случае может претендовать на статус подлинно научной, если она может быть опровергнута. Сколько раз опровергали марксизм, особенно базовую идею обнищания пролетариата по мере прогресса капитализма! Если опровергли одну из главных гипотез Маркса, то его теория подлинно научная. Почему же Поппер, зная об этом, продолжал отрицать научную подлинность марксизма? Дело всей его жизни – опровержение марксистской теории. Но разве это имеет какое-то отношение к подлинной учености?

Научные утверждения строятся с квантором существования, а не всеобщности. Это значит, что гипотеза, лежащая в основе данной теории, распространяется на узкой или более широкий круг явлений. Но не на все явления. Фальсификационизм лишь утверждает, что данное явление не попадает, вопреки мнению ее автора, в сферу ее приложения. То есть он помогает четче очертить сферу действия теории. И спасибо ей. Она помогла сделать автору то, что он не смог.

Теория классовой борьбы применима только к классовым обществам, а не к племенным или феодальным. А классы возникли в Новое время. Так Маркс и не распространял ее на все подряд. Так в чем же заключается критика Поппера?

А вот верификация сложнее. Она предлагает четкие технологии подтверждения истинности гипотезы. В попытках такого не сделаешь. Эти технологии то и дело устаревают и заменяются новыми. Вот в чем научный прогресс, а не в том, что плохие теории отвергаются, а им на смену приходят хорошие.

Сравним два утверждения.

1. У меня в саду стоит синяя бочка. Чтобы его верифицировать, надо зайти ко мне в сад и своими глазами увидеть ее: да, она там.

2. У меня в саду стоит красивая бочка. Его нельзя ни верифицировать, ни фальсифицировать. Это оценочное суждение. У всех людей вкусы разные, и оценки будут разными.

Таким образом, фальсификация – это ход от обратного: ученый ищет не подтверждение теории, а ее опровержение. Путь более короткий и менее затратный. Его и предложил К. Поппер. Фальсификация теорий, т.е. их отбрасывание, Поппер считал важнее их верификации, т.е. подтверждения. Открытое общество способно к публичной критике, закрытое – нет.

Уровень категориального знания, а теория общественно-экономических формаций Маркса, к примеру, является именно таковым, на самом деле верифицируется не локальным опытом, зафиксированным в протокольных предложениях, а общечеловеческой практикой (ведь и сами категории – это отфильтрованный культурный опыт человечества), умышленно подменяется частно-теоретическим и, «очищенный» таким образом, подгоняется затем под критерии позитивистского идеала научного метода. Разумеется, полученную схему нельзя фальсифицировать единичными фактами и потому ее приходится отбросить. Ошибка, называемая в логике подменой тезиса, присутствует, на наш взгляд, и здесь.

Оказывается, опровергать гипотезу намного проще и экономичнее, чем ее подтверждать. Если вы утверждаете, что любая социальная группа имеет свою субкультуру, то вы должны либо переисследовать все большие социальные группы (пенсионеров, молодежь, национальные меньшинства, профессиональные группы и т.д.) и доказать, что у каждой есть своя субкультура, либо найти среди них такую, у которой нет своей субкультуры и сказать, что есть единственная большая социальная группа, которую можно назвать исключением из правил. В первом случае речь идет о верификации, во втором – о фальсификации.

Верификация возникла в первой половине XX в. – в недрах Венского кружка позитивистов; фальсификацию изобрел К. Поппер во второй половине XX в. Еще будучи студентом, он глубоко интересовался марксизмом и психоанализом, верил, как и создатели этих учений, в их безусловную истинность, а значит и научность. Но вскоре Поппер стал сомневаться в своих убеждениях. Нельзя было отрицать того, что многие выводы марксизма и психоанализа подтверждались – верифицировались – эмпирическими фактами: реально наблюдаемым ходом социально-экономических процессов в одном случае, клинической практикой – в другом. Однако не меньшее количество фактов эти учения не могли объяснить либо вступали в противоречие с ними. Тем не менее, сторонники марксизма и психоанализа, находясь под обаянием теоретической мощи, игнорировали явные противоречия. Размышляя над этим, Поппер пришел к выводу, что нетрудно получить эмпирическое подтверждение почти для любой умело скроенной теории, но подлинно научные теории должны выдерживать более серьезную проверку – они должны допускать рискованные предсказания, т.е. из них должны выводиться такие факты и следствия, которые, если они не наблюдаются в действительности, могли бы опровергнуть теорию [4].

Поппер предупреждал: не считайте, что наука дает окончательную истину – она способна дать лишь частичную ис-

тину. Если теорию невозможно опровергнуть, то, по мнению Поппера, она стоит вне науки. Именно непроверяемость марксизма, психоанализа и астрологии, связанная с расплывчатостью исходных понятий, а также умением сторонников истолковывать любые факты в свою пользу, т.е. как подтверждение, делает эти учения ненаучными. Настоящая наука не должна бояться опровержений: рациональная критика и постоянная коррекция фактами является сутью научного познания.

Не будем и мы бояться опровержения теории открытого общества К. Поппера. Ведь опровержение играет на руку научному прогрессу. Но как выясняется, не все так просто. Законы Ньютона полностью не учитывают планетарные орбиты. Они были опровергнуты, т.е. скорректированы, но не отвергнуты. Неоднократно пытались опровергнуть и теорию относительности. Опровергали, но не отвергали, ибо на ней строятся все расчеты в современной космологии. Теория флогистона просуществовала более ста лет до конца 18-го века, пока не возникла кислородная теория горения. ДНК открыли в 1869 г., а признали только в 1953 г. Психоанализ, теология и марксизм, отвергнутые Поппером как ненаучные построения, считаются верными миллионами людей. Ошибочные следствия или ответвления от теории не являются опровержением самой теории. Неудачная попытка воплощения марксизма в СССР не опровергает истинности самого марксизма. Вот почему то и дело – с периодичностью 15–20 лет – мы наблюдаем так называемые ренессансы марксизма.

Социологические и политологические критерии

Хотя есть все основания считать концепцию общества К. Поппера в большей степени политологической, нежели социологической, однако вопреки ожиданиям она оказала большее влияние на социологов, а не на политологов.

Как нам кажется, концепция открытого и закрытого общества К. Поппера, имея несомненно социологическую ос-

нову, сильно политизирована. В ней речь идет даже не столько о стратификации общества или социальной мобильности, сколько о политических режимах, свойствах тоталитарного общества, религии, свободе слова и т.п. Возможно, научная теория, претендующая дать всестороннюю картину общества, тем более в его историческом развитии, именно такой, т.е. комплексной, и должна быть. Но тогда возникает вопрос о разграничении чисто социологических и политологических критериев закрытости и открытости общества.

В социологическом смысле закрытым считается такое общество, где перемещения людей из одной страты в другую ограничены либо полностью исключены. И, наоборот, в открытом обществе перемещения по вертикали ничем не ограничиваются, кроме собственного трудолюбия, наличия соответствующей мотивации и средств. Рабовладельческое, кастовое и сословное общества считаются социологически закрытыми, а классовое – открытым. Рабство – исторически первая система социальной стратификации. Рабство возникло в глубокой древности в Египте, Вавилоне, Китае, Греции, Риме и сохранилось в ряде регионов практически до настоящего времени. Касты – наследственные социальные страты, которых отличает друг от друга, собственность, профессия, политическая позиция и ритуальные статусы. Разновидностью кастовой эндогамии служит расовая сегрегация, которая сохранялась в США до 1950-х годов, а в ЮАР – до 1990-х годов. В феодальных обществах, которые существовали в Европе с IV по XIV век, люди разделялись на сословия. Сословие – социальная группа, обладающая закрепленными обычаями или юридическим законом и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. Для сословной системы, включающей несколько страт, характерна иерархия, выраженная в неравенстве их положения и привилегий.

По определению Джорджа Сороса, открытое общество – это общество, которое предоставляет своим членам максимально возможную степень свободы

в преследовании своих интересов, совместимых с интересами других. В рабовладельческом, кастовом и сословном обществе каждый индивид – в рамках своей социальной группы – свободен в преследовании своих интересов, если они совместимы с интересами других людей. Классовое общество, пришедшее им на смену в Новое время, всеми социологами считается исторически первым типом открытого общества. Но и здесь преследование своих интересов свободно только в рамках своего класса, но отнюдь не между классами. Элита никогда не допустит представителей андеркласса либо просто иностранцев в свои ряды. Так что современное британское и американское общество открыто только в рамках одной социальной страты и закрыто в рамках всей социальной иерархии.

В политологическом смысле закрытой считается такая страна, перемещение из которой в другую исключается либо строго ограничивается. В данном случае правильнее говорить о стране, а не об обществе. Из общества нельзя уехать или мигрировать. То и другое совершается по отношению к стране как части света. Закрытие называется также «железным занавесом». СССР – пример закрытой страны, в которой существовало тоталитарное государство (тоталитарный политический режим). В таком случае общество не может быть тоталитарным. Тоталитарными являются страна и/или государство.

Яркий пример закрытого общества в политологическом смысле представляет средневековая Япония и бывший СССР. Япония издавна проводила политику изоляции от внешнего мира. В 1639 г. страна закрыла свои порты для кораблей из Европы и Восточной Азии, кроме китайских и нидерландских. Годом раньше в стране было запрещено христианство. Еще в 1624 г. Япония прекратила торговлю с Испанией. Из европейцев право торговать было предоставлено только нидерландским купцам. Изоляция Японии от внешнего мира продолжалась свыше двух столетий, вплоть до середины XIX в. Политическая закры-

тость общества повела за собой и социальную закрытость. Японское общество было разделено на четыре сословия: самураев, крестьян, ремесленников и торговцев. Права и обязанности каждого сословия были строго регламентированы, запрещался переход из одного сословия в другое. Во главе привилегированного сословия самураев стоял верховный сюзерен – сёгун. На ступень ниже стояли его непосредственные вассалы, бывшие сподвижники Токугавы, затем шли «посторонние князья» (крупные феодалы, не связанные в прошлом с домом Токугава). Особый слой самураев (хатамото-самураи) составляли чиновники. Остальные самураи входили в войско сёгуна.

Советский союз 1960–1980-х годов – удивительное сочетание открытого (очень мобильного) общества и закрытой страны (ограниченные поездки за рубежом). Политологический критерий закрытости распространяется как на людей, так и на информацию. За рубежом не могут выезжать граждане, из-за рубежа не могут проникать газеты, журналы, книги. Социологический критерий закрытости относится только к людям.

Закрытое общество – это immobile, неподвижное, застывшее общество. Переход из низшей страты в средние и высшие происходил в исключительных случаях (освобождение от рабства, выкуп на волю). Человек рождался и умирал преимущественно в своей касте и сословии. Вот почему закрытое общество называют еще стратификационной системой с предписанными (аскриптивными) статусами.

В нем социальное пространство заранее разграфлено на ячейки, между ними возведены неподвижные барьеры, все роли приписаны заранее, а индивид не вправе выбирать те нормы, которым может подчиняться или не подчиняться. Большинство традиционных обществ – закрытые системы с низким уровнем социальной мобильности, где почти все статусы приобретаются с рождением.

В индустриальном и постиндустриальном обществах, характеризующихся высокой степенью социальной мобильности, как горизонтальной, так и верти-

кальной, ситуация иная: жесткой связи индивида со своим происхождением и своей позицией нет. В таких обществах широко распространена практика совместительства – занятие одним индивидом нескольких статусных позиций, выполнение нескольких видов работы, подработки и т.д.

В итоге в теории открытого общества Поппера «смешались в кучу кони, люди...». Социологические критерии общества перепутаны, намеренно подменены, научно не оговорены с политологическими признаками открытого и закрытого общества.

Понятия демократии, рыночной экономики и гражданского общества не должны приводить к мысли, будто существует только одна институциональная форма, позволяющая воплотить их в реальность. Таких форм – множество. Это может быть президентская, парламентская демократия или демократия на основе референдумов, гражданское общество основано на инициативе индивидов или местных общин, даже религиозных организаций и т.д. Противопоставив открытому обществу закрытое, К. Поппер никогда не отождествлял открытое общество с какой-либо политической или экономической системой.

Весь смысл открытого общества заключается в том, что существует не один путь, а множество путей развития, и люди, совершающие прогресс и воплощающие реформы, вправе совершать ошибки, не жертвуя своей жизнью. Но они обязаны нести также ответственность за свои действия перед законом, исправляя допущенные неправильности. Враги открытого общества исключали возможность проб, не говоря уже об ошибках, и вместо этого выстраивали соблазнительный мираж счастливой страны, не знающей конфликтов и перемен.

Подобно тому, как в замкнутом помещении или сосуде все функционирует по замкнутому кругу, так и в закрытом обществе действует нечто, напоминающее самонаводящуюся индукцию (мы прибегли к этому понятию для прояснения смысла, хотя ни Бергсон, ни Поппер им не пользовались). Закрытость

общества порождает механизмы передачи всевозможных слухов и страхов, со временем превращаясь в их жертву – враждебное или настороженное отношение ко всем другим обществам приводит к его самоизоляции и ступору. Прогресс замедляется, собственных ресурсов для скачка вперед не хватает, начинаются процессы разложения.

В открытом обществе мирно сосуществуют разные течения, движения, культуры и системы. Они обмениваются информацией и идеями, постоянно конфликтуют и мирятся, уживаясь под одной крышей. Степень разнообразия мультикультурного общества на порядок выше, а потому выше у него и степень адаптивности к среде. Открытое общество продуваемо всеми ветрами на свете. В нем нет жестких барьеров, препятствующих перемещениям людей вертикально (мобильность) и горизонтально (миграция). Стало быть, его можно считать открытым как по социологическим, так и по политологическим критериям.

Дихотомия открытого и закрытого общества А.Бергсона и К.Поппера, на мой взгляд, продолжает социологическую традицию противопоставления полярных типов социальных систем, начатую Ф.Теннисом с его *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (общинной и обществом) и развитую Э.Дюркгеймом в его концепции органической и механической солидарности.

Мыльный пузырь открытого общества

Испытания временем попперовская теория открытого общества не выдержала. А испытание случилось в 2014 г., когда коллективный запад начал вводить экономические санкции против путинской России. Что такое санкции? Это ограничения и запрещения, которые накладывает более сильный и властный на более слабого и подчиненного. Равный на равного наложить санкции либо как-то наказать его не может. У него на это нет полномочий и превосходящих сил. Санкции говорят о превосходстве одного над другим либо одного над многими.

США числят себя гегемоном не только западного мира, но и всего глобального мира. Господство над миром обеспечивает им доллар – мировая валюта номер один и военная мощь, какой не у других стран. В военной доктрине США содержится, явно не провозглашаемый, принцип, гласящий, что военная мощь страны должна превосходить совокупную мощь всех стран мира вместе взятых. Экономическая сила держится на том же постулате: количество операций по всему миру, совершаемых при помощи доллара, должно превосходить число операций, совершаемых по любой другой валюте либо по всем другим валютам мира вместе взятым.

Так оно и происходило на протяжении второй половины XX века. Итогом стал распад СССР, искусственно и искусно устроенный американцами в 1991 г. Распад царской России в 1917 г. был также искусно инспирирован западом. Однако с началом Специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. ситуация в корне начала меняться. Вызов, брошенный Россией, был интерпретирован как посягательство на гегемонию США и угроза гибели глобального мира под предводительством запада.

А гегемония США, по мнению американцев, означала порядок на земле, стабильность, мир и процветание всех наций. Его поддержание обходилось гегемону очень дорого – более 30 триллионов долларов внешнего долга США, как теперь оказалось. Выплачивать американское правительство его не может физически, да и не собирается вовсе – можно ведь еще напечатать «зеленых вертолетов». А потому держаться на плаву Америке можно было, только устраняя непокорных или принуждая их к покорности. Иными словами, главный колонизатор не мог терпеть никакого бунта среди колонизированных им народов. А колонией США считали весь мир.

В колонии, как свидетельствует всемирная история, не существует открытого общества. Существует свобода, но не для подданных, а только для господ. После 11 сентября 2001 г. свобода исчезла для всех американцев, ибо

отныне, якобы из-за угрозы терроризма, было введено прослушивание всех телефонов и запрет на любые публикации, которые, по мнению официальной цензуры, могли показаться подозрительными и опасными. А кто решал вопрос опасности? Конечно, не рядовые американцы, кичившиеся абсолютной свободой в стране. Оппозиционеров выслали, сажали, убивали. Народ притих, любые возмущения, даже его признаки, как это случилось с мнимым штурмом Капитолия 6 января 2021 г. при переходе власти от республиканцев к демократам. Именно демократы, глашатаи открытого общества, закрутили все гайки и покончили со всякими проблесками свободы. Эпоха открытого общества закончилась. Закончилась и эпоха глобального мира. На смену однополярности пришла многополярность. Россия вернула себе статус мировой сверхдержавы. Гегемонии США нанесен смертельный удар.

А что с социологической теорией открытого общества К. Поппера? Его принцип фальсификации гласит: нельзя доказать истинность научного утверждения, можно доказать только его ложность. События 2022 г., как логическое продолжение событий 2014 г., доказали, Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций. До 22 февраля 2022 г. Россия находилась на второй строчке после Ирана. На тот момент против Тегерана было введено 3616 санкционных ограничений, против Москвы – 2754. На третьей строчке находилась Сирия с 2608 санкциями. Но, начиная с февраля, против Москвы было введено 2778 новых санкций, общее количество ограничений достигло 5532, и Россия теперь намного опережает Иран.

Открытое общество в принципе отвергает санкции. Они закрывают общество от внешнего мира, изолируют его. Нельзя считаться открытым обществом, закрывая другие общества. Можно сказать больше, страна, закрывающая другую страну или страны, сама никогда не была открытой. Конечно, не в плане свободы эмиграции, которая касается экономики и рынка рабочей силы,

а в плане политики, культуры и социальной жизни. Если в странах коллективного запада запрещают русскую культуру, русский язык, российские номера на автомашинах, ограничивают российский туризм и общение с Россией, то это называется уже не просто закрытым обществом, а лагерной зоной.

Тоталитарное общество оказалось не на востоке, как считал Поппер, ненавидевший СССР, а у него под носом – в самой демократической стране. По степени тоталитарности США сегодня сравнялись, если не превзошли СССР. Почему? Да потому что СССР не мог навязывать свою волю всему миру, а США могут. Они могут заставить все подведомственные им страны считать традиционную семью и разделение полов ненормальным явлением, запретить любую публикацию в прессе, которая не понравится американскому правительству, черное называть белым, считать меньшинства большинством населения страны, поставить геев и лесбиянок во главу правительства, именовать зло добром. Идея открытого общества Поппера – общества, в котором индивиды могут свободно критиковать действия своего правительства, – США похоронили, так и не воплотив ее в жизнь.

В конце августа 2022 г. президент США Байден назвал движение другого президента США Трампа полуфашистским, а в 2023 г. уже Байдена приравнивали к Гитлеру за уничтожение демократии в США. В интернете можно найти за 2023 г. такое мнение американцев: «В настоящее время Соединенными Штатами Америки и западными странами ведётся крайне жесткая борьба с любым инакомыслящим, и под подобное определение может быть подтянуто абсолютно любое обстоятельство» (источник: <https://dzen.ru/a/ZQL0w02R8AY-IZTS4>). И где оно, открытое общество? Не оказалось ли оно мыльным пузырем, который лопнул? А существовало ли оно когда-либо в реальности или это только вымысел знаменитого социолога?

Кстати сказать, о мыльном пузыре в отношении к США первым писал

Джордж Сорос в своей книге «Мыльный пузырь» американского превосходства: исправление ошибок использования американской мощи». Вполне убедительная критика американских

консерваторов была затеяна автором с единственной целью – похвалить демократов и свои достижения, порекламировать собственные фонды, внедряющие демократию по всему миру.

В 1979 году Джордж Сорос создал в США свой первый благотворительный фонд «Открытое общество» (Open Society Fund). В настоящее время Сорос тратит ежегодно на свои некоммерческие проекты в среднем около 300 миллионов долларов. Сейчас более чем в 25 странах им созданы благотворительные фонды. Они финансируют оппозицию, натравливают народ на свержение своих властей, организуют провокации и цветные революции по всему миру, разжигают ненависть и вооруженные конфликты. Разве так ведет себя открытое общество? Социологическое понятие Поппера превратилось в политический жупел в руках Сороса. Демократию нельзя навязывать другим странам, как пытались экспортировать мировую революцию большевики. Такое несовместимо с идеей открытого общества, предполагающего демократию снизу, а не сверху, по приказу начальства.

И не только с идеей, но и с самой жизнью. Как сообщила пресса, 16 мая 2023 г. американский бизнесмен Илон Маск заявил, что финансист Джордж Сорос ненавидит человечество и хочет «разрушить саму ткань цивилизации». По мнению Маска, фонд «Открытое об-

щество», который оказывает финансовую поддержку группам гражданского общества по всему миру, на самом деле создан не с благой целью.

Заключение

Что можно сказать в заключение о К. Поппере? Сначала мы его ненавидели как открытого врага коммунизма. Это происходило в годы советской власти. Затем мы его приветствовали. Такое происходило в годы постсоветской России. Сегодня, во втором десятилетии XXI века, мы о нем молчим. Возможно, мы стали более мудрыми, выдержанными и свободными. Мы знаем силу своей страны и своего общества, которому не нужны заокеанские теории, ибо ни одна из них так и не смогла предсказать развитие России или объяснить удивительный исторический креатив русского народа.

Принцип фальсификации – опровержения, а не подтверждения – научности теории можно истолковать сегодня в более широком значении. Теория открытого общества Поппера нигде и никогда не была подтверждена строго эмпирическими методами. Но она и никогда не была ими опровергнута. Скажу боль-

ше: она никогда не будет опровергнута, ибо миф не опровергается. В миф можно верить или не верить. Но его нельзя проверить.

Как мы помним, Поппер утверждал, что истинность научного утверждения доказать нельзя, можно доказать только его ложность. История США в XXI веке доказывает лживость морали открытого общества, а саму эту идею делает несостоятельной. И что тогда – если ее опровергает история, то она становится научной? Абсурднее о научной истине и сказать нельзя.

Видный философ науки и социолог заявлял, что человеческое знание прогрессирует путем «фальсификации». Какой фальсификации? В каком смысле фальсификации? Мы прекрасно знаем, что от фальсифицированных продуктов люди помирают. Фальсификация здесь предполагает подделку, ложь, замену настоящего чем-то похожим на него. Оставаясь на почве строгой социологии, фальсификация есть социальная превращенная форма.

Использование научной концепции Поппера в политических целях есть прямое нарушение принципа свободы от оценок Вебера, а также проекция научного метода в политическое поле. Такой ход означает опровержение фальсификационизма, провозглашенного Поппером в борьбе с превращением политических мифом, каковым он считал марксизм, в науку. За что боролся, на то и напоролся.

Для Поппера и Сороса открытое общество – светлое будущее человечества. Для Маркса светлое будущее всего человечества – коммунизм. Чем открытое общество отличается от коммунистического? Практически ничем, ибо то и другое существует только на бумаге, в абстракции. А ведь Поппер придумал свое общество, доказывая научную несостоятельность марковского общества. Иными словами, одну фантазию – фантазию периода раннего капитализма – заменил другой фантазией – фантазией постиндустриального или перезрелого капитализма.

Открытое общество – иное название глобального общества. Общее для них – отсутствие барьеров для перемещения по вертикали и горизонтали: карьер, товаров, идей, людей. Соросу не нужны политические границы и разные государства. Они мешают движению его капиталов. Чем меньше границ-препятствий, тем выше прибыль. Это чисто политическая и политэкономическая вещь. А потому открытое общество и глобализм не являются в чистом виде научными понятиями. Науку под них подверстали хитроумные либералы.

Литература

1. Блауберг И.И. Анри Луи Бергсон. – URL: <http://mega.km.ru>
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1.
3. Философия науки. Вып.1: Проблемы рациональности. М., 1995. С. 14.
4. Popper K. The logic of scientific discovery. – London: Hutchinson, 1959; Popper K. The poverty of historicism. – London: Routledge, 1957.

OPEN AND CLOSED SOCIETY BY K. POPPER: REALITY AND ILLUSIONS

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

I began studying Popper's theory of the open society in the mid-1980s. Gorbachev's perestroika began in society, the official goal of which was to build socialism with a human face. That's how they wrote it – without quotes. Today it is clear to me that this was our home-grown version of an open society. His foremen were going to borrow all the best from the west, and remove all the worst from the east. Things had not yet come to the proclamation of private property and the privatization of industry, but "glasnost" was talked about from all loudspeakers. Here the quotation marks for "glasnost" are appropriate, since glasnost was allowed through a half-open mouth and with an eye to both sides – at one's historical past, at one's own people and at the foreign West.

We did not become an open society then. We are not like that today, if we understand openness in the Popperian sense. The most surprising thing is that the United States, the apostle of the open world, can even less be considered an

open society. Paradox? Well, why the paradox?
It's more of a pattern, and here's why.

Keywords: open and closed society, ideal type, globalism, verification and falsification, abstract society.

References

1. Blauberg I.I. Henri Louis Bergson. – URL: <http://mega.km.ru>
2. Popper K. Open Society and Its Enemies. M., 1992. T. 1.
3. Philosophy of science. Issue 1: Problems of rationality. M., 1995. P. 14.
4. Popper K. The logic of scientific discovery. – London: Hutchinson, 1959; Popper K. The poverty of historicism. – London: Routledge, 1957.

Становление и перспективы организационной коммуникации как исследовательской области

Мостовая Дарья Андреевна,

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: mostovaya_93.93@mail.ru

В статье рассматривается процесс эволюции организационной коммуникации как самостоятельной исследовательской области. Актуализируется проблематика трансформации коммуникационных процессов, меняющей систему взаимодействия внутри коллектива и облик организации в целом. Показаны истоки возникновения организационной коммуникации как дисциплины и сферы исследований, приведены основные направления первых исследований их стремительное развитие в направлениях междисциплинарности и полипарадигмальности. Дан обзор современных трендов в исследованиях организационной коммуникации, показаны методологические традиции и факторы, обуславливающие формирование исследовательского вектора. На основании существующих тенденций сделано предположение о перспективных направлениях развития рассматриваемой исследовательской сферы.

Ключевые слова: коммуникация, организация, сети, теория, исследования, управление.

Понятие «организационная коммуникация» относится, с одной стороны, к широкому спектру практик, осуществляемых в рамках организаций, с другой – отдельной области исследований, изучающей ключевые характеристики и трансформацию коммуникации в организациях. Последнее представляется особо важным, поскольку эволюция процессов организационной коммуникации кардинально меняет систему взаимодействия внутри коллектива и облик организации в целом. Например, смещение акцентов с жёстко регламентированной должностной иерархии на мягкие, горизонтальные организационные связи, ведёт к принципиально новым формам сотрудничества, командной работе, кооперации. Фиксация подобных процессов и возможность их прогнозирования открывает широкие возможности развития организаций как важной части современного социума, ориентированной на социально-экономическое развитие общества [3].

Как сфера исследования, организационная коммуникация методологически отличается от таких родственных областей, как менеджмент, организационные исследования и промышленно-организационная психология, хотя и разделяет с ними некоторые принципы. Аналогично дисциплине «коммуникационные исследования», изучение организационных коммуникаций реализуются самыми разными специалистами: вузовскими и академическими учёными, медиа-исследователями, социальными психологами, дискурс-аналитиками, и т.д.

Ретроспектива

Исторически возникновение организационной коммуникации отражает ее связь как с социальными, так и с гуманитарными науками. Самостоятельной данная область исследований стала лишь в 1950–1960-х годах и смогла институ-

ционализироваться только параллельно с появлением вузовской дисциплины «организационная коммуникация». Один из первых исследователей Чарльз Реддинг отмечает, что первые десятилетия данное направление оставалось периферией уже сложившихся дисциплин в социальных науках: производственной психологии, менеджмента, экономики, социологии [9]. 1950-е годы он определил как «десятилетие кристаллизации», в течение которого был создан ряд специализированных программ в американских университетах.

Первоначально программы назывались «деловые и промышленные коммуникации» отражая ориентацию на корпоративную среду и управленческую составляющую. Таким образом, первые исследовательские проекты были сосредоточены на причинно-следственной связи между коммуникационными процессами и корпоративной эффективностью. Они затрагивали такие темы, как распространение информации, восходящая и нисходящая коммуникация, коммуникационные сети, методы улучшения коммуникативных навыков и вопросы человеческих отношений.

Сложившаяся в середине прошлого века исследовательская традиция оставалась неизменной на протяжении более двух десятилетий. Об этом может свидетельствовать обзор данной области, проведенный Джеральдом Голдхабером с коллегами в 1978 году и определяющий две широкие области исследований: «информационный поток» и «факторы восприятия/установок» [7]. Первая область представляет собой изучение коммуникационных сетей, различных ролей в этих сетях (связующие, изоляты, мосты и т.д.), а также особенностей каналов и сообщений. Вторая исследует восприятие членами, организационного климата, адекватности информации и удовлетворенности работой. Обзор отражает тогдашнее доминирование в области «системной» модели с ее попытками показать организации как системы взаимозависимых практик, занимающихся обработкой информации. Такие исследования имели четко выра-

женную корпоративно-управленческую направленность, уделяя особое внимание вопросам эффективности, производительности, удержания сотрудников и человеческих отношений.

Обзор Д. Гольдхабера интересен тем, что представляет собой снимок области, которая уже несколько лет спустя выглядела совершенно иначе. В начале 1980-х годов довольно исследовательский подход к организационной коммуникации существенно расширился. Его суть хорошо резюмировали М. Пақановский и Н. О'Доннелл-Трухильо фразой о том, что «в организациях происходит больше событий, чем просто выполнение работы: люди сплетничают, шутят, воюют друг с другом, иницируют романтические связи, обсуждают спорт, устраивают пикники» [8]. В таком подходе, получившем название культурного или интерпретативного, базовая идея заключается в том, что повседневные «неформальные» коммуникативные практики лежат в основе организации. Если более ранние исследования подразумевали под «организацией» некую данность, а коммуникацию изучали как переменную, интерпретативный взгляд перевёл коммуникацию из «переменной» в разряд составной части организации.

Ориентация на смысл продемонстрировала обращение исследователей организационной коммуникации к трём базовым методологическим линиям, лежащим в русле философских тенденций того периода времени. Во-первых, интерпретативные исследования опирались на идеи К. Гирца, отражённые в классической работе «Интерпретации культур» [2]. В ней известный антрополог рассматривал значение как публичное, семиотическое, коммуникативное, а не когнитивное или структурное явление и предлагал создание «толстых описаний», раскрывающих взаимосвязь между повседневными практиками общения и коллективным смыслообразованием и построением значений. Во-вторых, для изучения коммуникативных отношений между властью и организацией объединялись такие исследовательские традиции, как «лингвисти-

ческий поворот», «критическая теория» и теория Фрейда. Приверженцы такого подхода утверждали, что, хотя, интерпретативные исследования раскрывали суть коллективного конструирования системы значений членами организации, они упускали из виду главное – то, в какой степени эти значения были глубинным продуктом властных отношений. В-третьих, для изучения процессов убеждения в организационных условиях, риторические исследования объединили достижения континентальной философии с классической аристотелевской традицией. Здесь основное внимание уделялось изучению идентичности работника с организационными ценностями, а также поиск предпосылок для принятия членами организации решений в корпоративном дискурсе с целью создания формы ненавязчивого контроля.

Конечно, «интерпретативный поворот» не означал революционной смены парадигм в теории и исследованиях организационной коммуникации. В этом смысле 1980-е и 1990-е годы представляли собой период брожения, когда новые подходы конкурировали с давно устоявшимися исследовательскими традициями за то, что считалось законными способами концептуализации и изучения организационной коммуникации. В центре этих дебатов были не только вопросы о развитии теории, методах исследований. Определялся онтологический статус организаций как коммуникативных явлений. Осуществлялись попытки ответа на вопрос: обладают ли организации реальными, материальными характеристиками, независимыми от человеческого смысла, или же сводятся к системам социально сконструированных значений и коммуникативной практики?

В 2000-х годах это брожение завершилось признанием факта, что для исследований организационной коммуникации могут быть полезны как изучение самих связей, так и рассмотрение противоречий между теоретическими точками зрения. Таким образом, организационная коммуникация как область исследования стала глубоко междисци-

плинарной областью, в которой нашли своё место разнообразные теоретические точки зрения и эпистемологические предположения. Раздробленные и поляризованные дебаты 1980-х и 1990-х годов о «несоизмеримости парадигм» переросли, если не в парадигмальный консенсус, то в признание того, что разные точки зрения представляют собой важный ресурс, на который можно опираться при решении проблем организационной коммуникации [5].

Современность

Современные обзоры исследований в области организационных коммуникаций свидетельствуют о революционных изменениях в данной области. Краткое перечисление теорий и исследовательских тем позволяет оценить масштаб и разнообразие текущей повестки исследований. Это интерпретативизм в его различных разновидностях (риторика, критическая теория, феминизм, постмодернизм), этнография, теории структурирования, теории деятельности, искусственного интеллекта, символически-материальной диалектики и разнообразия в организациях. Наряду с увеличением теоретического ареала, расширились и организационные формы, на которые стала распространяться сфера организационных коммуникаций. Например, глобальные, сетевые, виртуальные, некоммерческие организации, кооперативы и т.д. Также в исследовательское поле попали отношения между технологиями, организациями и обществом; групповые структуры (часто опосредованные коммуникационными технологиями); новые формы лидерства; организационные изменения; взаимосвязь между рабочей и нерабочей сферами; организационная этика и др.

Безусловно, существует преемственность в исследованиях организационных коммуникаций, проводимых в прошлом и нынешнем веках. Например, рассмотрение организации как социальной структуры остаётся в рамках системного подхода ключевой и акцентирует влияние на взаимозависимости и коллективном, целенаправленном поведении.

Однако последователи сетевых исследований 1960-х и 1970-х годов имеют лишь общее сходство с нынешними работами семантических и реляционных сетей. В настоящее время в большей степени распространены теории хаоса и принципов самоорганизующихся систем. Кроме того, сегодня значительной популярностью по-прежнему пользуются исследования лидерства, хотя внимание ученых сместилось с попыток определить лидерство как индивидуальную характеристику в сторону более дискурсивно ориентированных моделей.

Можно утверждать, что хотя ряд исследований областей демонстрируют преемственность, подходы к ним существенно изменились, в направлении развития смыслоориентированности. Отметим ряд ключевых вопросов, тенденций и теоретических разработок, дающих общее представление о состоянии исследований в области организационных коммуникаций.

Во-первых, с дисциплинарной точки зрения, предпринимаются усилия для того, чтобы область одновременно оставалась уникальной и в то же время расширяла междисциплинарность с менеджментом, организационной социологией, промышленной психологией и т.д. Таким образом, современное изучение организаций связано не столько с относительными достоинствами «субъективных» и «объективных» эпистемологий, сколько с пониманием того, как различные точки зрения конструируют изучаемое явление. Например, согласно Дитцу, интерпретативные исследования конструируют социальных акторов, в то время как нормативные/социологические исследования вырабатывают концепции посредством изучения их поведения [6].

Во-вторых, достижения в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) сильно повлияли на взаимодействие членов организации с информацией, участие в её обработке и принятии решений. Исследователи организационных коммуникаций провели значительный объем исследований, уделяя особое внимание тому, как цифровизация изменила конфигу-

рацию организационного процесса [1]. Если в ранних исследованиях ИКТ играли роль вспомогательного средства для обработки информации, современные работы применяют более целевой подход изучая социальное конструирование посредством информационных технологий. Иными словами, определяющий вопрос: «Как ИКТ используются членами организации?» преобразовался в другой: «Какую роль ИКТ играют для членов организации?». В этом смысле ИКТ социально сконструированы как набор правил и ресурсов, которые одновременно поддерживают и ограничивают процессы принятия решений. Цифровизация породила также большое количество исследований новых организационных структур, включая онлайн-сообщества, социальные сети, виртуальные миры и идентичности. Другое направление – специфика «внутренних» и «внешних» коммуникационных процессов в организации, которая существенно усложнилась с появлением и распространением удалённой занятости.

В-третьих, изучение организаций как площадок коммуникаций в сфере властно-политических отношений довольно распространено. Однако, если ранние исследования опирались, в большей степени на традиции марксизма и критическую теорию Франкфуртской школы, в начале текущего века значительно усилили позиции феминистская, постструктуралистская и постмодернистская мысли. В критической традиции исследовательский фокус настроен на влияние глубоких структурных властных отношений на внешние процессы. В этом контексте были изучены такие дискурсивные феномены, как истории, метафоры, повседневные разговоры, ритуалы и т.д. Показана их роль в идеологическом обеспечении властных отношений, скрытые противоречия и овеществление в социальной реальности. Одним из ярчайших примеров критической традиции является проект Юргена Хабермаса, рассматривавшего способы, которыми организационная рациональность приводит к систематическим искажениям коммуникации и «корпора-

тивной колонизации», ограничивающей возможности альтернативных способов мышления, и оценки организационного процесса.

С начала 1990-х годов ряд ученых активно использовали различные феминистские точки зрения для изучения организационной коммуникации как «гендерной» практики, где гендер рассматривался как конститутивная особенность организации. Исследовательское поле охватывало: рассмотрение повседневного личностного противостояния на рабочем месте как гендерного процесса; изучение типичного становления мужских и женских идентичностей на рабочем месте; изучение гегемонистской маскулинности и патриархата как характерных черт организационной жизни; и др. Постмодернистская и постструктуралистская традиции дали новый импульс, предоставив альтернативное прочтение властных отношений в организациях. Вдохновленные, в частности, работами Мишеля Фуко, исследователи коммуникации рассматривали организации как места дисциплинарной практики, где используются различные технологии власти для создания лояльных идентичностей, послушания и нормализованных дискурсов. Пересечение феминистской и постструктуралистской мысли привлекло внимание к изучению пробелов и противоречий в повседневной деятельности организации, которые опровергают кажущуюся целостность управленческого контроля. Здесь дискурс и все формы символических действий рассматриваются как скрытые или реальные ресурсы, которые сотрудники стратегически используют для создания пространств сопротивления, тем самым ограничивая возможности корпоративной колонизации.

В-четвертых, и это связано с предыдущим пунктом, исследователи организационных коммуникаций начали серьезно относиться к проблеме организационного разнообразия, особенно в том, что касается вопросов «голоса». Эти усилия вышли за рамки вопроса «управления многообразием» — подхода, который некоторые ученые критиковали

за усилия руководства решить проблему разнообразия на рабочем месте. Разнообразие исследовалось с точки зрения того, какое место в повседневной организационной коммуникации занимают пол, раса, класс и сексуальность. Проблема голоса связана с тем, какие организации можно считать «подходящими» для изучения. Сегодня все чаще область исследований расширяется, распространяясь на структуры, ранее считавшиеся альтернативными: некоммерческие и общественные организации, творческие коллективы, и т.д. Это позволило исследователям выйти за рамки довольно узких определений организационной жизни.

В-пятых, исследователи организационных коммуникаций внесли вклад в продолжающиеся междисциплинарные дебаты по поводу взаимоотношений между дискурсом и организациями. Одним из последствий этого стал вызов стабильности самой идеи «организации». На протяжении десятилетий ученые рассматривали «организацию», концентрируясь на коммуникации «внутри» этой структуры. Сегодня же основное внимание уделяется изучению ненадежных, случайных особенностей организации как текущего процесса, признанного двусмысленностью. В частности, «Монреальская школа» Джима Тейлора и его коллег предложила ряд теорий, включая философию обычного языка, акторно-сетевую теорию Бруно Латура и теорию сложности как средства объяснения организации с точки зрения диалектики разговора и текста, которая вовлекает социальных акторов в непрерывный, но никогда неразрешимый поиск завершенности и стабильности.

В-шестых, исследователи коммуникаций обратили более пристальное внимание на метаморфозы организаций в связи с глобализационными процессами. На фоне того, что само понятие «организация» уже довольно давно подвергается пересмотру, меняется представление об организации как о фиксированном физическом месте, в которое человек «входит» и «выходит» в противовес представлению о ней как герметично

закрытом образовании. Такие проблемы, как сжатие пространства и времени, фрагментация идентичностей, повышение уровня мобильности рабочей силы, переход к аутсорсингу и использованию временных сотрудников, дезинтеграция местных сообществ, эффекты брендинга, гомогенизация культур всё чаще попадают в исследовательский объектив.

Вышеприведенная картина обрисована довольно широко, однако способна дать общее представление о важных аспектах, стимулирующих исследования. В целом можно отметить, что анализ в данной области контекстуализируется в рамках более крупных социальных, политических и экономических процессов на макроуровне.

Перспектива

Исходя из положения, что будущие исследования организационной коммуникации закладываются в настоящем, можно предположить продолжение и развитие существующих тенденций. В частности, сдвиг в сторону эпистемологического плюрализма, будет только усиливать междисциплинарный характер таких исследований. Это касается, прежде всего взаимосвязей организационной коммуникации с менеджментом, дисциплинами информационной направленности и IT- сферой в целом. Особое, на наш взгляд, место займёт изучение роли искусственного интеллекта в организационной коммуникации.

Идеи, заложенные последователями феминизма и постструктурализма, вероятно также получают своё развитие в будущих исследованиях организационной коммуникации. Организации, как расовые, половые, классовые и гендерные институты, которые одновременно являются средой и результатом субъективных взглядов своих участников будут рассматриваться учёными всё чаще. Продолжающийся сдвиг в сторону рассмотрения организаций как меняющихся, динамичных и проницаемых площадок актуализирует изучение взаимосвязей между работой и другими сферами жизни людей. Учитывая, что границы между работой и повседневностью ста-

новятся более прозрачными важно понимать влияние таких сдвигов на индивидуальную идентичность и поведение людей.

Упомянутые направления потребуют соответствующей эволюции методологического аппарата, применяемого в исследованиях организационной коммуникации. Представляется, что усилится роль качественных методов, позволяющих рассматривать ежедневные коммуникативные практики членов организации на месте, от «момента к моменту». Количественная традиция также будет разрабатывать инструменты, которые лучше отражают текущие, процессуальные особенности организационной жизни. Подводя итог, отметим, что организационные коммуникации являются довольно молодой областью, которая, хотя и претендует на самостоятельность, включает самые разнообразные исследовательские направления и традиции. Будучи яркой и динамичной сферой, она вносит существенный вклад в наше понимание социальной структуры – базовой институции, определяющей характер развития современного социума.

Литература

1. Богданова Ю.З. Информационные технологии в деловых коммуникациях // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2020. № 73. С. 47–52.
2. Гирц К. Интерпретация культур: [пер. с англ.]. – М.: РОССПЭН, 2004. – 557 с.
3. Сафонов К.Б. Теоретические аспекты эффективного социального управления организационными коммуникациями в контексте гуманизации // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6–2 (96). С. 176–178.
4. Таратухина Ю.В., Авдеева З.К. Деловые и межкультурные коммуникации: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 324 с.
5. Corman R. & Poole, M. S. (Eds.) (2000) Perspectives on Organizational Com-

munication: Finding Common Ground. Guilford Press, New York.

6. Deetz S. (1996) Describing Differences in Approaches to Organization Science: Rethinking Burrell and Morgan and their Legacy. *Organization Science* 7: 191–207.
7. Goldhaber G.M., Yates M.P., Porter D.P., & Lesniak R. (1978) Organizational Communication: 1978. *Human Communication Research* 5(1): 76–96.
8. Pacanowsky M. & O'Donnell-Trujillo N. (1982) Communication and Organizational Cultures. *Western Journal of Speech Communication* 46: 115–30.
9. Redding C. (1985) Stumbling Toward Identity: The Emergence of Organizational Communication as a Field of Study. In: McPhee, R. D. & Tompkins, P. K. (Eds.), *Organizational Communication: Traditional Themes and New Directions*. Sage, Beverly Hills, CA, pp. 15–54.

INFORMAL COMMUNICATIONS IN AN ORGANIZATION: THEORETICAL FOUNDATIONS AND METHODOLOGICAL GUIDELINES

Mostovaya D.A.

Tyumen Industrial University

The article develops the process of evolution of organizational communication as an independent research field. The problem of transformation of communication processes, the changing system of interaction within the team and the appearance of the organization is being updated. The origins of the emergence of organizational communication are identified, such as disciplinary and spherical research, the leading directions of the first research, their rapid development in the directions of interdisciplinarity and polyparadigm. An overview of current trends in organizational communication research is given, methodological traditions and factors that determine the methods of the research vector are

shown. On this basis, assumptions are made about promising directions for the development of the research field.

Keywords: communication, organization, networks, theory, research, management.

References

1. Bogdanova Yu.Z. Information technologies in business communications // *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanities, medical and biological sciences*. 2020. No. 73. pp. 47–52.
2. Geertz K. Interpretation of cultures: [trans. from English]. – M.: Rosspen, 2004. – 557 p.
3. Safonov K.B. Theoretical aspects of effective social management of organizational communications in the context of humanization // *International scientific research journal*. 2020. No. 6–2 (96). pp. 176–178.
4. Taratukhina Yu.V., Avdeeva Z.K. Business and intercultural communications: textbook and workshop for universities. – M.: Yurayt, 2023. – 324 p.
5. Corman R. & Poole, M. S. (Eds.) (2000) *Perspectives on Organizational Communication: Finding Common Ground*. Guilford Press, New York.
6. Deetz S. (1996) Describing Differences in Approaches to Organization Science: Rethinking Burrell and Morgan and their Legacy. *Organization Science* 7: 191–207.
7. Goldhaber G. M., Yates M.P., Porter D.P., & Lesniak R. (1978) Organizational Communication: 1978. *Human Communication Research* 5(1): 76–96.
8. Pacanowsky M. & O'Donnell-Trujillo N. (1982) Communication and Organizational Cultures. *Western Journal of Speech Communication* 46: 115–30.
9. Redding C. (1985) Stumbling Toward Identity: The Emergence of Organizational Communication as a Field of Study. In: McPhee, R. D. & Tompkins, P. K. (Eds.), *Organizational Communication: Traditional Themes and New Directions*. Sage, Beverly Hills, CA, pp. 15–54.

Общественное согласие как условие развития современной России

Хохлова Ольга Михайловна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: olgamikhaylovnak@bk.ru

Автором рассматривается феномен общественного согласия как фактор демократического развития общества, регулятор реализуемой им социальной политики, в идеале формирующей в обществе социальную справедливость, приводящую к согласию. Автор анализирует эффективные для достижения общественного согласия технологические аспекты, рассматривает способы выстраивания диалога между обществом и властью, и, имеющиеся на современном этапе развития России политические коммуникации, выступающие в качестве стратегии различных компромиссов. Автором проводится эмпирическое исследование и описывает его методику, отмечая, что, в современном обществе имеются признаки размывания традиционного образа социального государства, и происходящий кризис демократии, как политического инструмента управления современным обществом.

Ключевые слова: общественное согласие, общественное развитие, регулятор, Россия, современное общество, политические коммуникации, социальная справедливость, компромисс.

Согласие во все времена рассматривалось как форма взаимодействия субъектов, при которой реализовывалось их единство, равноправие и целостность, хотя они имели разное положение в обществе, но в этом взаимодействии реализовывалось их бесконфликтное существование. Согласие представляет собой важное и жизненно необходимое взаимодействие субъектов, особенно в условиях борьбы, разгорающихся конфликтов, различных противоречий, возникающих в обществе.

При реализации взаимодействия отдельные субъекты находят сходство во взглядах, интересах, ценностях и приоритетах, это схождение взглядов и позволяет им образовать единство и целостность, в которой отсутствует конфликтный фактор. Выраженное сходство субъектов способно приблизить полярности субъектов, устранить имеющиеся противоречия, настроить конфликтующие субъекты на взаимопонимание. Согласие, в его обыденном понимании, как правило, воспринимается как схождение взглядов, суждений, восприятия и т.д. Согласие способно возникнуть сразу, как исходное начало, а может проявиться и в последствии, как итоговый результат взаимодействия.

Уровни проявления согласия в обществе выстраиваются в определенном иерархическом порядке, начиная от межличностного и до межгосударственного взаимодействия его субъектов. Применимо к социальной жизни общества учеными и исследователями не всегда используется термин согласие, поскольку на основе принципа общественного согласия могут проявляться и такие социальные явления, как: дружба, гражданский мир, гражданское согласие, социальное единство, солидарность и другие. Несогласие, в свою очередь, применимо к социальной жизни общества, проявляется, как правило, в социальных противоречиях, конфликтах, протестных

настроениях, развязывании войн, классово-борьбе и т.д. Социальные противоречия существенно отличаются от противоречий природного или техногенного характера [7].

К. Маркс, рассматривая социальные противоречия, утверждал, что, они являются предвестником социальных революций, а пролетариат выступает носителем революционной практики. Убеденный в том, что, капиталистический способ производства устарел, его возможности исчерпаны, К. Маркс был абсолютно убежден, что в коммунистическом обществе легко устранить различные конфликты и противоречия. По мнению К. Маркса, успешным выходом из данной ситуации может являться ассоциация, способная создать благоприятные условия для свободного развития всех членов общества [2]. Социальное единство всех членов общества и общественное согласие устанавливаются посредством солидарности, единства взглядов большинства членов общества, достижения социального благополучия его граждан и наличия ряда других благоприятных факторов.

Э. Дюркгейм, известный французский социолог, философ, основавший во Франции социологическую школу, основоположник социологии. Э. Дюркгейм в теории общественного разделения труда дал ответ на вопрос, относительно солидарности отдельных индивидов с другими. Общественное разделение трудовых функций, жизненно необходимый обмен натуральными продуктами позволили осуществляться процессу интеграции общества, чем было обеспечено единое строение и функционирование социального организма. Процессы разделения труда в обществе привели к возникновению функции разделения труда, и стали зарождают чувство солидарности и сплоченности в обществе [4].

Общество, представленное в трудах и теориях Э. Дюркгейма и ряда других ученых, формирует новую модель в сфере солидарности, начинает зарождаться процесс становления и согласия между субъектами взаимодействия, при которых формируется наивысшая ценность

общества, и происходит становление норм его жизнедеятельности, начинают анализировать, рассматривать и изучать социальное единство и гармонию [6].

Русская философия, популяризирующая идеи социализма, рассматривая понятие солидарность, отмечала его особую значимость, общность интересов, единое душе, «важнейший и необходимый фактор развития человеческого общества, который ведет к прогрессу и всеобщему благоденствию» [9]. По мнению Н.К. Михайловский считал, что солидарность проявляется и существует между равными, что солидарность, как явление существует в условиях кооперации, которая нацелена на достижение взаимопонимания, солидарность интересов и взаимопомощь отдельных субъектов друг другу [9].

Л.И. Мечников, учитывая роль кооперации, считал, что, она влияет на распространение солидарности, поскольку, среди географических условий, например, водная среда, за все этапы исторического развития имеет период развития солидарности [8].

Имеющиеся в трудах русских ученых описание явления солидарности существенно углубили и расширили ее смысл. Понятие солидарности является объемным и многогранным, оно насыщено разными компонентами, среди которых: общие интересы, цели субъектов, совокупность групп, классов человеческой общности, основанное на общности, их совместная деятельность и ответственность.

Солидарность по своей сути напоминает взаимопомощь, в ее функцию заложена кооперация, как форма организации труда, которая объединяет определенное количество субъектов взаимодействия. Стремительный рост общественной солидарности способен проявиться главной движущей силой на историческом пути развития. Солидарность представляет собой конструктивное средство, преодолевающее социальные конфликты, разрешающее противоречия мирным путем, управляющее стихийными процессами, все это позволяет жить, сохраниться и созидательно развиваться в дальнейшем.

В современных условиях общественное согласие созвучно с идеологией социального партнерства, ее основатели поддерживали учение Л. Фейербаха, других исследователей, изучали классовую солидарность, как форму социального взаимодействия и как реформирование общества [10].

Конец XIX столетия отмечен тем, что идеологии классовой борьбы противопоставили идеологию социального партнерства, которая уже проникала в нормы трудовых отношений.

Развитие научно-технического прогресса, процессы гуманизации социальных отношений постепенно размывали классовые границы, устанавливали общие стандарты в жизни человека, таким образом, утверждалась идеология социального партнерства.

Согласие, представляющее собой социальное явление, нацеленное по своей природе на диалог, является родовым началом природы человека, без него человек не может существовать и стабильно развиваться [11, с. 64–65].

Общественное согласие является явлением объективным, социально-политическим и социально-культурным, что, безусловно, формирует фактор устойчивого существования общества и мира в целом.

Согласие в обществе может быть базовым основанием взаимоотношений между людьми и народами. Во все исторические периоды согласие являлось проблемой общества, поскольку люди всегда различались своими интересами, взглядами, ценностями и приоритетами, эти отличия и представляли почву для имеющихся разногласий и противостояния субъектов общественных отношений.

Идея общественного согласия представляет собой бесконфликтную целостность, уникальная форма отношений между субъектами, идея согласия ориентируется на ликвидацию или разрешение противоречий и конфликтных ситуаций во всем мировом сообществе.

Сущность общественного согласия заключается в стабильности и безопасности существования, сохранении един-

ства и целостности мирового пространства во всем его многообразии, что является фактором формирования и гарантии устойчивого развития общества [9, С. 2, 14–15].

Исторически возникающие в разных уголках мирового сообщества опасные периоды, ярко демонстрировали миру угрозу существования и отдельного человека и всего человечества [10, С. 111–112].

Все вышесказанное значительно усиливает сущность принципа общественного согласия, способного зафиксировать способы взаимоотношений людей в мировом пространстве. Суть его заключается в согласованных действиях, совместных усилиях, исходящих изначально из согласия, а не борьбы, в этом и заложен принцип успешного, эффективного существования и развития в настоящем и будущем измерениях [11, С. 14–15].

Опыт мирового развития на протяжении длительного исторического периода показывает, что предотвращение вызовов и угроз, периодически проявляющихся в современных реалиях в разных уголках мирового сообщества, могут привести к неустойчивому развитию общества, а благоприятное развитие общества возможно лишь в условиях общественного согласия.

«Доверие», «недоверие», «согласие», «несогласие» представляют собой реально существующие явления, многогранные по своему содержанию и сути, способные проявиться, и оказать влияние на социально-экономические процессы развития общества. Доступ и объем социальных благ представляют собой показатели положения в обществе группы населения по признакам власти и дохода.

Политическое доверие может быть выражено без глубокого погружения в саму проблему. «Политическое доверие» содержит в себе спектр мотиваций политической поддержки, в его основу заложена вера, а не полученный опыт.

Общественное согласие является своеобразной мировоззренческой позицией, по своей сути очень напоминающую «консенсус». Достижение согласия может происходить с помощью сбли-

жения сторон на фоне их единомыслия по ряду или отдельным вопросам. Согласие может быть полным или частичным, в зависимости по какому объему вопросов стороны достигли согласия, достижимым или не достижимым, в зависимости от того, насколько стороны заинтересованы достичь согласия.

Вопрос, реально ли достижение абсолютного согласия в современном российском обществе, где около 160 различных наций и национальностей, с серьезными показателями социально-политического расслоения? В этом случае необходимо вести речь о максимально возможном общественном согласии, о возможности достижения консенсуса.

Предпринятая нами попытка анализа общественного согласия, возможности доверительных отношений между властью и обществом, реализации и осуществления роли этих субъектов взаимоотношений в успешном дальнейшем развитии России.

Выражение своего согласия или несогласия субъектов взаимоотношений с осуществляемой политикой власти и государственных структур представляют их мировоззрение и выражение своих позиций.

Существующая исторически проблема доверия к власти состоит в ожидании благоприятных социально-экономических предпосылок, реализуемой политики в стране и реальной ситуации, соответствии или несоответствии предвыборным обещаниям властей и их реальной реализации в жизни.

Доверие является своеобразным эффектом от итогового результата реализуемых властью обещаний, соответственно, недоверие представляет собой эффект утраченных иллюзий, напрасных ожиданий и полном или частичном разочаровании граждан. Обязательность выполнения обещанных ожиданий является основным залогом доверия людей.

Особенности проведения и анализ результатов исследования

Приведем данные общественного мнения «Доверие к власти в Российской Федерации», проводимого нами летом 2023 го-

да. Было опрошено 1112 жителей нашего региона, среди респондентов 72% женщин и 28% мужчин, возраст респондентов от 18 до 65 лет. Опрос проводился в 6 районах Иркутской области: Иркутском, Усольском, Тайшетском, Братском, Нижнеудинском и Усть-Илимском и г. Иркутске, Ангарске, Усолье-Сибирском, Шелехов, Чермхово, Братск.

Относительно доверия к высшим властям отметим следующее: деятельности Президента РФ доверяли только 19%, деятельности Государственной Думы РФ лишь 22% респондентов, Правительству РФ доверяли 38%, а Правительству Иркутской области уже 46%. Попытаемся выяснить, какие факторы способствовали или оказывали наибольшее влияние на отношение наших соотечественников к проводимой политике в России. Выборочное исследование ограничивает нас в полном и достоверном объеме информации, поэтому воспользуемся эмпирическим исследованием, включающим наблюдение, сравнение и анализ, направленный на получение объективной, точной и социальной количественной информации. Выборка нам позволила по-новому подойти к изучению экономических и социальных процессов в обществе.

Проведенное исследование отчетливо демонстрирует, что согласие и несогласие граждан с политикой государственных органов и властных структур отражает выражение мировоззренческих позиций, которые формируются в настоящее время и показывают нестабильность, противоречивость, конфликтную атмосферу современного общества по отношению к власти. Политика заверения властей на протяжении тридцати лет, ложные заявления о помощи людям, о благополучии каждого, в целом об обществе, тем более, если обещанное транслировалось перед выборами, а в реальной жизни не совпадало, как правило, приводило к народному негоднованию, вспыхивающим конфликтам, различным протестным акциям.

70 лет советской власти граждане СССР, верили, что социалистический строй – самый справедливый из имею-

щихся в мировом сообществе, что с его становлением в ближайшем будущем будет достигнуто благополучие абсолютно всех граждан.

Советский период необходимо рассматривать вместе в его суровыми реалиями общества, особенно в после-революционные, военные и послевоенные годы. Однако, справедливо, что за советский период наша страна действительно стремительно развивалась, жизнь простых граждан существенно улучшалась, и в этом огромная заслуга советской власти, радеющей за свой народ, за свою страну.

После войны граждане СССР решали грандиозное количество социально-экономических, оборонных задач, происходило становление нового образования и медицины, наука поднималась на новые рубежи, страны быстро выходила на серьезные показатели и успехи в жилищном строительстве, строила систему лучшего в мире образования, здравоохранения, становилась конкурентоспособной и по ряду показателей была лучшей в мире. Ельцинские и горбачевские обещания нба протяжении многих лет задушили в народе даже малейшую веру к власти, потерялась надежда на светлое будущее, достойную, благополучную жизнь.

Распад Советского Союза отчетливо продемонстрировал нашим гражданам, что, необходимо самим выстраивать свою жизнь, самостоятельно ее улучшать, надеяться только на себя и учиться взаимодействовать с новыми властными структурами.

Во многом этому содействовали длительные обещания первого Президента РФ Б. Ельцина: «если цены станут неуправляемы, превысят более чем в тричетыре раза, я сам лягу на рельсы», «дефолта не будет!» и другие. В очередной раз ожидания людей напрасны, в дальнейшем происходит резкое обострение противоречий, проявляющихся во всех сферах жизни граждан. Новый путь развития России по преодолению кризиса, наоборот, приводит к его углублению, на лицо рост протестной активности граждан, конфликтный период затягива-

ется, а обнищание населения значительно усиливается.

Проведенное исследование демонстрирует, что показатели оценки деятельности власти находятся на низком уровне либо ближе к низкому. Длительный период реформирования, практически на протяжении более 2-х десятилетий, показывает, что благополучие и жизнь большинства наших соотечественников тяжелая (39%), либо нелегкая (42%), что является невысокими показателями благополучия граждан и находится на грани с конфликтогенными факторами.

Важным критерием эффективности, реализуемой в России государственной политики, является рост благосостояния ее народа. Оценка проблем, включая политические, социально-экономические, оборонные, экологические и другие преобразования, происходящие с начала 1990-х гг., представляют в качестве приоритетных, на наш взгляд, проведение анализа социальности и справедливости.

Государственная политика власти и правительства должна оценивается по уровню социальной ответственности перед народом и обществом. Уровень, его качественные показатели, основные направления реализуемой деятельности, результаты развития социальной сферы общества, их разворот в сторону бедных слоев населения, предстают в качестве индикаторов дальнейшего развития страны по пути социального прогресса.

Проведенное исследование показывает, что, как благополучную ситуацию в нашей стране называет только один из восьми респондентов. 75% населения Иркутской области считают ситуацию неблагополучной, кризисной, а один из десяти респондентов считает ситуацию катастрофической.

Исследование показало, что число «бедных» в нашем регионе около 60% населения, особенно высок этот показатель в отдаленных от центра и северных районах Иркутской области: Тайшетском, Усть-Илимском и Нижнеудинском. 38% респондентов оценили свои жи-

лищные условия, как «несоответствующие нормам или некачественные», 34% из них имеют неблагоустроенное жилье. За последнее двадцатилетие в России динамика демонстрирует резкий рост показателя поляризации общества. Это значит, что исследование показывает разрыв в доходах наименее и наиболее благополучного и обеспеченного населения Иркутской области, за указанный период составил чуть больше 15 раз (для сравнения в других развитых странах Западной Европы он ниже в 6 раз, в США в 10 раз).

За два последних десятилетия в России произошло становление новой элиты, что является основной проблемой. Новая элита отделена высокими заборами от граждан, не интересуется их проблемами и не настроена оказывать какую-либо помощь.

Убедительным и печальным является аргумент, что к началу XX века Россия опустилась по показателям на позиции развивающейся страны с 2% мирового ВВП, хотя еще в 1913 г. он составлял 6% [1, с. 6]. В 2023 г. рост экономики России составил всего 2,7% [3], несмотря на то, что Правительство РФ не раз озвучивало это цифру на порядок выше фактической. Этот рост не представляется существенным, не дали оптимистичных прогнозов и данные нашего исследования, и опросы, и наблюдения за происходящим ростом экономики. Сегодня нашей стране срочно необходима всеобъемлющая модернизация экономики, соответствующая мировым критериям. Наши опросы демонстрируют, что за последние годы в стране имеется целый ряд нерешенных вопросов, социально-экономических проблем, отсутствия инновационных технологий, способных поставить экономику страны на новые рельсы и вывести на высокий уровень развития, усугубившиеся проблемы в школьном образовании могут поставить под удар все отрасли экономики, причем это может произойти в ближайшем будущем.

Больше всего в нашем исследовании возмущает жителей нашего региона – необоснованно высокие цены на жилье (47% респондентов), продукты питания

(39%) товары и товары первой необходимости (15%), некачественные покрытия дорог (42%), коррупция (64%), неблагоприятная экология (21%) и ряд других показателей.

Вызывает недовольство и недоверие к федеральной власти, официально объявляемая в стране Росстатом инфляция и ее «реальный уровень», отметили 56%.

Коррупция давно уже объявлена в нашей стране первоочередной задачей, с ней пытаются бороться, для этого имеются все рычаги воздействия, но как показывают наши наблюдения и данные СМИ, успехов в этой борьбе явно недостаточно.

Антикоррупционная международная организация «Transparency International» опубликовала данные, которые демонстрируют, что 20 лет назад Россия была в середине списка из 180 стран мирового сообщества, в 2010 г. заняла 154 место из 178 стран, а в 2023 г. заняла 137 место [5], что говорит о мощном разгуле коррупции в нашей стране.

Недовольство граждан нашего региона проявляется и в том, что власти либо нерешительны, либо бессильны (74%). Последние яркие судебные процессы демонстрируют ужасающие данные (76%) респондентов, участвующих в нашем исследовании на вопрос: Вы считаете себя достаточно защищенными от действий правоохранительных органов и Росгвардии? На этот вопрос 76% респондентов ответили «не считаем», 12% считают, что слабо защищены.

Данные исследования показывают, что жители нашего региона считают себя не защищенными от преступников, но и от призванных их защищать по роду службы.

Исследование продемонстрировало и другую проблему в нашем обществе: рост правового, политического и нравственного нигилизма. 59% граждан вообще находятся за пределами правового поля. Граждане нашего региона не верят в справедливость, считают неспособными правоохранителей обеспечивать им защиту.

Отмеченные нами процессы привели к полному или частичному отчуждению

граждан от политики. Исследование показало, что 89% респондентов считают, что не смогут повлиять на процессы, происходящие в нашей стране, верят в свое воздействие на ситуацию всего 4% респондентов. Можно отметить и снижение доверия к политическим партиям, Правительству РФ, Федеральному собранию РФ.

Исследование показывает, что в последние годы в нашей стране ярко проявляется потребность в переменах, несмотря на часть населения, которая не ждет перемен (38%), боится (12%). Это объясняется нестабильностью, неопределенностью общества и возможным ухудшением условий жизни граждан. Объясняется такая ситуация непониманием значительного числа жителей региона сути и значения для успешного развития страны современной инновационной деятельности. 27% респондентов не желает слышать о модернизации, эту группу представляют подавляющее число учителей и других бюджетников, это объясняется, что недостаточно обеспеченные, малоресурсные группы больше других подвержены кризису, который и обострил консервативные настроения, еще больше усилил укоренившееся недоверие к государственной власти. Не желает перемен также большинство пенсионеров (64%), рассчитывающих в материальном плане только на государство. Средний класс сумел приспособиться к новым реалиям жизни общества, рассчитывает только на себя и свои силы и здоровье (68%). Необходимо отметить, что от всех кризисных явлений и процессов большие негативные явления имеют социальные группы, которые относятся к слою ниже среднего класса или к бедным (78% респондентов) группам населения.

Ориентируясь на инновации в развитии нашей страны, необходимо обращать внимание в сторону молодых и самостоятельных граждан, которые представляют собой основную движущую силу общества, к ним можно присоединить современных, грамотных бюрократов и представителей успешно развивающегося бизнеса.

В ходе проведенного нами эмпирического исследования, описанную группу представляют в нашем исследовании представители среднего возраста (67%), преимущественно проживающие в крупных городах (48%) и поселках (32%), получившие качественное советское среднее (23%) или высшее образование (62%), в жизни, рассчитывающие только на свои силы, оценивающие свое финансовое положение выше среднего уровня (48%) или как хорошее (28%). Это соответствует показателям из общего количества наших респондентов 38%, участвующих в проведении исследования. Исследование подтвердило и тот факт, что, значительная часть современной молодежи в нашем регионе (возрастная категория от 14 до 35 лет) не стремится к каким-либо переменам (27%), или вовсе устремляется к радикальным идеям (18%).

За последние два года в России наблюдается рост гражданской активности, приводящий к увеличению протестных акций. Положительная динамика протестных настроений напрямую связана с распространением коррупции, неэффективной борьбой с ней, недоверия к правоохранительным органам, бесправия, невозможности себя защитить, отсутствием желаемых перспектив в карьере, невозможности изменить сложившуюся ситуацию в стране к лучшему.

Молодое поколение в большинстве своем (76%) имеет намерение улучшить свою жизнь, полагает, что дальше так жить нельзя, что только ярко выраженные протестные настроения граждан могут заставить власть функционировать, и что пришло время восстановить справедливость [14, с. 16–17].

Анализ проведенного нами исследования показал, что, молодежь имеет оптимистичный настрой на будущее, но, она мало информирована, слабо разбирается в государственной политике, или совсем не интересуется ей.

Молодежь во все времена истории страны являлась авангардом модернизации и двигателем прогресса, но, как раз, между молодежью и государством всегда была глобальная пропасть, раз-

деляющая опыт, взгляды и устремления в будущее.

Находящаяся в данный период времени у власти молодежь, отличается по отношению к народу четко прослеживаемым высокомерием. Постоянное или неоднократное невыполнение властями обещаний или открытая ложь приводят к стойкому недоверию к власти, в будущем это начнет проявляться на их социальной психологии, становлении политической позиции, выразится в растерянности, или проявлению апатии, безразличия, нежелания, неучастия, абсентеизма на выборах, либо их бойкоте, а может проявиться в активации протестного настроения и активном участии в митингах и других протестных акциях, что требует незамедлительного регулирования этих процессов.

В современном обществе граждане нашей страны утратили со временем веру в достижение провозглашенных целей, на победу справедливости, реализацию в действительность призывов к благополучной жизни, эффективным реформам, свободе и демократии в ее смысловом и юридическом понимании. Декларациям, провозглашаемым перед очередными выборами, наш народ больше не верит.

Необходимо разработать конструктивную, но обязательно реалистическую, рассчитанную долгосрочную и краткосрочную перспективу программу понятных всему обществу конкретных действий и пытаться разными способами ее реализовывать в жизнь, осуществляя надлежащий контроль за ее исполнением.

Сегодня нашему обществу, как никогда, требуется грамотно сформулированная, тщательно проанализированная, доступная для восприятия каждого гражданина нашей страны программа развития (стратегия), с ближайшими и конечными целями, с четким указанием этапов ее проведения, указанием необходимых механизмов ее реализации и по взаимодействию субъектов. Это и станет отправным вектором развития к новым рубежам благополучной жизни в нашей стране.

Литература

1. Аргументы и факты. 2010. № 52. С. 6.
2. Всемирная энциклопедия: Философия XX век (Ред. А.А. Грицанов). – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
3. Главные события в экономике России в 2023 году. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231228/ekonomika-1918637515.html/> (дата обращения: 08.02.2024).
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
5. Коммерсант. Россия опустилась на 137-е место в рейтинге восприятия коррупции «Transparency International». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806/> (дата обращения: 08.02.2024).
6. Краткий философский словарь. 2 изд. – М.: Блок-Принт, 2023. – 496 с.
7. Меняева М.П. Культура согласия: сущность, становление, воспроизводство. Дисс... д-ра филос. наук. Челябинск, 2015. – 41 с.
8. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. – М.: Прогресс; Пангея, 1995. – 461 с.
9. Русская философия: словарь. Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – С. 453.
10. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. Москва: Наука, 1995.
11. Хохлова О.М. Гражданское общество в современной России. Миссия Конфессий. Том 11. Часть 4. (№ 61). 2022. С. 60–67.
12. Хохлова О.М. Становление понятий «согласие» и «несогласие» в истории философской мысли. Гуманитарный Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. № 2 (94). 2022. С. 1–16.
13. Хохлова О. М., Островских Ж.В., Рожкова А.К. Информационная безопасность в системе национальной безопасности современной России в период пандемии COVID-19. Сибир-

ский юридический вестник. Иркутский государственный университет. Иркутск. 2022. № 2 (97). С. 105–115.

14. Хохлова О.М. Дихотомия «согласие-несогласие» в социальной сфере (философско-методологический анализ). Автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. М., 2013. 22 с.

SOCIAL CONSENT AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Hohlva O.M.
Irkutsk State University

The author examines the phenomenon of public consent as a factor in the democratic development of society, a regulator of the social policy it implements, ideally forming social justice in society, leading to harmony in society. The author analyzes technological aspects that are effective for achieving public consent, considers ways to build a dialogue between society and government, and the political communications available at the present stage of Russia's development, which act as a strategy for various compromises. The author notes the existing signs of erosion of the traditional image of the welfare state, and the ongoing crisis of democracy as a political instrument for managing modern society.

Keywords: public consent, social development, regulator, Russia, modern society, political communications, social justice, compromise.

References

1. Arguments and facts. 2010. No. 52. P. 6.
2. World Encyclopedia: Philosophy of the 20th century (Ed. A.A. Gritsanov). – M.: AST, Mn.: Harvest, Modern writer, 2002. – 976 p.
3. Main events in the Russian economy in 2023. [Electronic resource]. – URL: [\[ria.ru/20231228/ekonomika-1918637515.html/\]\(https://ria.ru/20231228/ekonomika-1918637515.html/\) \(access date: 02/08/2024\).](https://
</div><div data-bbox=)

4. Durkheim E. On the division of social labor / Transl. from fr. A.B. Hoffman, notes by V.V. Sapov. – M.: Kanon, 1996. – 432 p.
5. Businessman. Russia has dropped to 137th place in Transparency International's Corruption Perceptions Index. [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806/> (date of access: 02/08/2024).
6. Brief philosophical dictionary. 2nd ed. – M.: Block-Print, 2023. – 496 p.
7. Menyayeva M.P. Culture of consent: essence, formation, reproduction. Diss... Doctor of Philosophy. Sci. Chelyabinsk, 2015. – 41 p.
8. Mechnikov L.I. Civilization and great historical rivers. Geographical theory of the development of modern societies. – M.: Progress; Pangea, 1995. – 461 p.
9. Russian philosophy: dictionary. Under general ed. M.A. Olive. – M.: Republic, 1995. – P. 453.
10. Feuerbach L. Works: in 2 volumes. Moscow: Nauka, 1995.
11. Khokhlova O.M. Civil society in modern Russia. Mission of Confessions. Volume 11. Part 4. (No. 61). 2022. pp. 60–67.
12. Khokhlova O.M. Formation of the concepts of “agreement” and “disagreement” in the history of philosophical thought. Humanitarian Bulletin of MSTU named after. N.E. Bauman. No. 2 (94). 2022. pp. 1–16.
13. Khokhlova O. M., Ostrovskikh Zh. V., Rozhkova A.K. Information security in the national security system of modern Russia during the COVID-19 pandemic. Siberian Legal Bulletin. Irkutsk State University. Irkutsk 2022. No. 2 (97). pp. 105–115.
14. Khokhlova O.M. Dichotomy “agreement-disagreement” in the social sphere (philosophical and methodological analysis). Author's abstract. ...cand. Philosopher Sciences: 09.00.11: Moscow State Technical University named after. N.E. Bauman. M., 2013. 22 p.

Онтология сознания и социокультурные взаимоотношения: философский анализ форм арабского общественного сознания в контексте арабо-западных отношений

Хуссейн Карим Хоссам Абдельрауф,

аспирант, Томский государственный университет

E-mail: karimmax625@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы, связанные с онтологическим статусом сознания. Содержится информация о факторах, оказывающих влияние на сознание человека и общества. Уделено место влиянию общественного сознания на социокультурные контакты между Западным и исламским миром. В исследовании анализируются множество сторон жизни, характерных как для европейского общества, так и для социума стран Ближнего Востока и Северной Африки. На основании этого мы можем рассуждать о том, чем эти две социокультурные реальности схожи друг с другом и чем они различаются. Естественно, в статье читающему можно найти ответ на вопрос о причинах различий между двумя сообществами и о том, почему имеются смежные или похожие стороны жизни. При написании работы нельзя было обойти стороной историю и процессы, которые она описывает, поэтому анализ некоторых событий тоже присутствует, поскольку он повлиял на эволюцию развития отношений между рассматриваемыми цивилизациями. Философский анализ является важной частью исследования, рассмотрена связь между причинами, которые влияют на наше сознание и взаимоотношениями между Западным миром и Востоком.

Ключевые слова: взаимодействие, исламский мир, сознание, онтология, Запад.

Постановка проблемы

На протяжении истории человечества можно усмотреть множество примеров столкновения тех или иных цивилизаций между собой. В наши дни взаимоотношения между западной и арабской цивилизациями как никогда актуальны (под Западом понимаем страны Европы, англоязычный мир) [2]. Безусловно, любое взаимоотношение между столь обширными группами людей оставляет след в истории, социологии и культуре. Часто тема сосуществования исламского и христианского мира становится предметом для исследований и рассуждений ученых и мыслителей [7]. Вероятно, сформировалось много устоявшихся представлений об этом культурном контакте [1]. Рассматривая данную тему с философской точки зрения невозможно обойти некоторые вопросы общественного сознания и его формирования. Также нельзя обойти стороной проблему онтологического статуса сознания и его роли в становлении и развитии отношений между цивилизациями.

Были сформированы следующие цели исследования: определить, насколько сознание является онтологичным, воплощается ли оно в действительности через наши действия, поведение, в какой степени оно оказывает влияние на наличие контакта между Европой и исламским миром, проследить динамику, историю социокультурного взаимодействия между Западом и Востоком. Второй вопрос касается рассуждений о том, на самом ли деле сознание является главной детерминантой, оказывающей влияние на взаимодействие между исламским миром и Европой? Получив ответы на эти вопросы, станет возможным сделать вывод о влиянии онтологии сознания на культурный контакт между цивилизациями. Важно получить ответ

ещё на один вопрос: по каким причинам общественное сознание трансформируется и как с этим связана онтология сознания.

Тема сознания и его роль в жизни человека является дискуссионной темой, её исследования начались ещё в Античности, начиная с Парменида, жившего в Древней Греции, который утверждал, что бытие есть конструкт сознания, а не чувств. В Новое время проблемами сознания и его влиянием на нашу жизнь занимались философы-просветители (Дж. Пристли, И. Кант, Г. Гегель), пришедшие к выводу о том, что сознание антропологично [12]. Позже вопросом сознания занимался К. Маркс и его многочисленные последователи в советской философской школе, к которым можно отнести В.П. Тугаринова – известного русского мыслителя XX века, Э.В. Ильенкова и Д.И. Дубровского, рассуждавшие о материальном выражении сознания. Современные исследования за рубежом представляют интерес, поскольку исследователи, рассуждают о вопросах сознания через междисциплинарность, во многом опираясь на психологию и смежные с ней науки [12]. Используя исторические знания, посвященные проблеме отношений Запада и исламского мира, а также философские установки, касающиеся проблемы сознания, его роли и функции в нашей жизни, будет проанализировано формирование общественного мнения в Арабских странах [3] в течение хода времени и под влиянием трансформации индивидуального и массового сознания в арабском мире.

Методологические основы и методика исследования

Проблема сознания традиционно рассматривалась в различных дисциплинах, в основном, по отдельности, то есть, одни исследователи занимались изучением вопросов, связанных с онтологическим статусом сознания, уделяли внимание функционированию мозга человека, принципам его работы и влиянию сознания на поведение. К этим исследователям можно отнести К. Лонгуета-

Хиггинса, Ч. Лафлина [14], Ф. Вареллу [14], которые изучали влияние сознания на тело. В результате чего была создана теория нейрофемологии, область которой касается когнитивной стороны взаимодействия между мозгом и сознанием. Анализировалась связь между сознанием и телом посредством сигналов, которые сознание через различные каналы передает телу [11]. Джон Сёрл в своем труде «Сознание, язык и общество», с позиций психофизического дуализма, характеризует влияние мозга на сознательные процессы, возникающие у человека [4, С. 60–65].

Немало философов и ученых занимались проблемой взаимоотношений между Западом и Востоком, уделяя внимание контакту этих цивилизаций между собой [7]. Однако, не достаточно исследованы психосоциальные основы взаимодействий между Европой и Востоком. Русский историк В.С. Соловьев посвятил внимание этой проблеме и месте России, находящейся на рубеже между Западом и Востоком [2]. Наиболее ценным исследованием является работа известного психолога М. Вебера, посвященная изучению контакту между исламским миром и Востоком. В труде «Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира» М. Вебер рассматривал взаимоотношения между Востоком и Западом через религиозную призму религиозного мировоззрения [8].

Данное исследование имеет целью рассмотреть взаимодействие между западной и восточной цивилизациями, опираясь в равной степени на историю этого многовекового контакта и философию сознания.

Данная тема является смежной со многими гуманитарными и даже некоторыми естественными науками, соответственно будет применяться междисциплинарный подход, при котором рассмотрение проблемы производится через анализ знаний, информации, связанной с историей изучения международных отношений, имиджологии, культурологии, религиоведения и востоковедения, в целом. Большинство перечисленных наук рассматриваются в истории

ческом контексте. В данной работе будут освещены исторические процессы и события, культура и некоторые особенности устройства Западного и Исламского мира. Также важно будет рассмотреть политику, которая являлась отражением контакта между двумя цивилизациями [7].

Результаты исследования

Онтология сознания является одной из наиболее дискуссионных тем во всей философской науке. Это связано, прежде всего, с тем, что сознание является структурообразующим элементом всей философской мысли, является ее основой. Онтология – это учение обо всем существующем, о том, что человек может почувствовать, воспринимать визуально, осязать тактильно, или с помощью других органов чувств. Из этого следует, что онтология сознания обращена к проблеме способа бытия сознания, которое явлено как субъективный опыт, а не объективная реальность, данная нам в ощущениях. Существуют различные трактовки онтологического статуса сознания: идеализм, при котором сознание является предпосылкой для существования всего материального; дуализм, при котором сознание и материя автономны друг от друга, но тесно переплетаются между собой [13]. В свою очередь, сознание и реальность, то есть, бытие – есть основополагающие явления, оказывающие влияние на общество, его культурную жизнь, а влияют на формирование массового сознания [12].

Арабский мир, возникший в VII–VI вв. [6] практически сразу начал завоевательные войны, проводя очень активное распространение своей религии и культуры на захваченных территориях. Что побуждало столь обширную экспансию арабского мира в Средние века? Причин много, и многие кроются в материальной составляющей. Но, что, если окружающая среда, массовое сознание, лингвистическая организация и организмическая регуляция оказались реальными причинами, по которым эти завоевания состоялись? На это в своем исследовании указывают Ф. Варелла и Э. Томп-

сон [13]. Процессы, которые описывают исследователи относятся к нематериальным. Лингвистическую организацию и организмическую регуляцию человек способен осуществить через сознание, психику, которая неразрывно связана с телом и оказывает определяющее влияние на его функционирование [12]. Общественное и индивидуальное сознание являются взаимозависимыми понятиями, поскольку общественное мнение состоит из того, как каждый отдельный индивид воспринимает мир вокруг. В то же время, формы общественного сознания оказывают определяющее воздействие на каждого человека. Каждая цивилизация имеет свою культуру, состоящую из множества отраслей и направлений, естественно, между ними могут возникать контакты, которые будут оказывать влияние на общественное сознание друг друга. Примером того является активная торговля Запада с Арабским миром, несмотря на различия и конфликты между ними, более того, обеспечивалось взаимопроникновение форм Западной культуры в Арабскую и наоборот.

Можно обнаружить много общего между Арабским и Западным миром на заре Нового времени. Прежде всего, у обеих цивилизаций очень большую и важную роль играла религия, проникавшая во все сферы общества, да и технологическое оснащение было примерно на одном уровне. Что позволяло распространять влияние, в том числе и культурное с экспансии, которая достигала в отдельные моменты и центра Европы (XVII век). Однако мусульманский мир является в силу некоторых причин более консервативным, традиции и обычаи играют в нем более важную роль, чем на Западе [3]. В XVIII–XIX вв. арабский мир начинает заметно отставать от Запада практически во всех отношениях. Геополитическая обстановка менялась стремительно, не менее динамической структурой является сознание человека. Можно проследить по культуре, по художественной деятельности людей ход этого процесса, который называется эволюцией сознания. Позже философы, такие как Кант и Гегель делают выводы

социальной природе сознания, указывая, что сознание человека формируется в ходе социальных взаимодействий, возникает при нахождении человека в обществе и коммуникации с другими членами общества. В XIX в. материалисты, например, К. Маркс идет дальше и делает вывод о том, что сознание является процессом, который выступает как онтологическая структура, т.е. на него оказывает влияние не только окружающая среда, но и трудовая деятельность, способ бытия. Таким образом, не только психофизические процессы оказывают влияние на формирование общественного сознания [8], но и общественные явления играют не последнюю роль, что вполне очевидно, поскольку наши представления о мире формируются также через общество, на которое, в свою очередь, оказывается под влиянием коммуникативных процессов, информации и ее восприятия.

Исследования мозга, проведенные уже в наше время, позволяют делать выводы о том, что сознание является выражением высших психических функций, являющихся явным выражением осознанного. Но не только нейрофизиология головного мозга оказывает влияние на формирование процессов сознания [12]. Гораздо большее число факторов влияет на восприятие этого мира, на наше сознание. Можно проследить эволюцию изменений контактов между Западом и Востоком, которые прослеживались на всех уровнях, прежде всего, научно-технический прогресс Западного мира вынуждает последних значимых правителей исламского мира – турецкого султана и персидского шаха перенимать, заимствовать Европейские технологии, а также устройство основных государственных институтов. Что начинает оказывать существенное влияние на общественное сознание Арабского мира. Многие страны Ближнего Востока были вынуждены перестраиваться на европейский лад, потому что риск остаться на задворках истории был крайне велик. Не последнюю роль в данном процессе играла глобализация [5]. Большую роль в формировании общественного созна-

ния выполняют СМИ, которые транслируют информацию по множеству каналов связи, тем самым, оказывая ещё более сильное влияние на сознание. Это вызывало негативную реакцию со стороны наиболее консервативных слоев Арабского общества. Европейское сознание и образ жизни, которые начали активно проникать в арабский мир способствовали развитию плюралистических отношений к нему местного населения. Где-то Западный опыт перенимался и действует до сих пор, в каких-то странах это выражено в меньшей степени. В течение XX века количество мусульманских стран возросло, и в основном тенденция перенимать западный образ жизни сохраняется. В тоже время, традиционалистские тенденции в исламском мире приводят к сохранению традиционных ценностей и стереотипов мышления и деятельности.

В СМИ активизируются процессы формирования образов, которые негативно представляют Европейскую обыденность и жизнь. Религиозные лидеры начинают обвинять Запад в «забвении» [3]. Политические лидеры зачастую обвиняли Запад в проблемах, которые сопровождают Ближний Восток и Северную Африку. Между тем, некоторое обычное население арабского мира, Востока, начинает, в поисках лучших условий для существования, уходить на Запад. Это тоже говорит об изменении сознания, и, позволяет сделать выводы о том, что на его природу оказывают влияние не только психофизические процессы в головном мозге человека, но и социальные процессы, а также продукты деятельности, предметы, воспринимаемые которые, человек делает определенные выводы. Приходя с Востока на Запад, мигранты стараются создать свои порядки, навязать свои условия Западу, которые заключаются в протестах, терактах и более многочисленных прочих мелких инцидентах [3].

Если в Новое время, Запад и Восток обладали схожими элементами в своих обществах и своих культурных особенностях, то сейчас нет. Прежде всего, различие видится в том, что обычаи Востока

статичны, в то время как на Западе нравы динамичны и постоянно претерпевают изменения. В то же время, столкновение Западной и Восточной цивилизаций является «двигателем» всей истории, вокруг которой происходят основные события. Можно сказать, что на формирование этих отношений влияют процессы, которые оказывают влияние на все общество, к ним можно отнести СМИ, формирующие общественное мнение, а также транслирующие процессы, происходящие в изменениях международных отношений. Таким образом, на сознание влияет множество факторов, определяющих субъективный опыт, внутреннее бытие человека, так и социальных, возникающих в его общественном бытии. Традиционное и консервативное общество Востока не готово к столь радикальным трансформациям и нововведениям, на которые нацелена Западная цивилизация. Такой контраст в ценностных установках Востока и Запада приводит к разной реакции, прежде всего, проявляющейся в усилении роли религии и порицании Западных идеалов и норм на Востоке.

Заключение

Сознание, будучи зависимым от множества процессов, выступает динамической, меняющейся структурой. Как общество оказывает влияние на трансформацию сознания, так и сознание индивидуальное оказывает влияние на формирование общества, его принципов и установок. По этой причине, ошибочно утверждать, что лишь сознание оказывает влияние на формирование отношений между Западом и Востоком. На них оказывают влияние множество факторов: географических, экономических, социальных, культурных, нравственных, которые формируются через мыслительные процессы в разуме человека, транслируемые в виде определенных поступков и действий. Сознание и общество взаимозависимы друг от друга, являясь тесно связанными между собой.

Литература

1. Астафьев А.К. Онтология сознания и объективный разум // Серия

«Мыслители», Тугариновские чтения, Выпуск 1 / Материалы научной сессии Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 5–10.

2. Баранец Н.Г. «Западничество» в культурном мире В.С. Соловьева / Н.Г. Баранец // Соловьевские исследования: Периодический сб. науч. трудов / Редкол.: М.В. Максимов, А.П. Козырев, М. И. Ненашев, и др.. – Вып.6.: / Министерство образования РФ; Сост. М.В. Максимов. – Иваново: Ивановский гос. энергетический ун-т им. В.И. Ленина, 2003. – С. 106–115.
3. Валиахметова Г.Н. Запад – исламский мир: политический контекст активизации диалога цивилизаций / Г.Н. Валиахметова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2013. – № 2 (115). – С. 126–134.
4. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
5. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. – Избранные произведения. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли. – М.: Изд. дом Марджани, 2012. – 88 с.
7. Исламский фактор в истории и современности / ин-т востоковедения РАН; отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульяновко. – М.: Вост. лит., 2011. – 605 с.
8. Карякин В.В. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока / В.В. Карякин. – Москва: Граница, 2010. – 349 с.
9. Киселева О.В., Науметова Ю.Э. Формирование общественного мнения и способы манипулирования им в различных целях // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 6. С. 91–95.
10. Колесников П.М. Ещё раз о феномене «Арабской весны» и эскала-

ции конфликта на Ближнем Востоке / П.М. Колесников. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F670071093/C__Users_2lkhasan_Desktop_22.12_Fenomen.Arabskaya.vesna.pdf

11. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
12. Черникова И.В., Логиновская Ю.В. Глобально-эволюционный подход к сознанию в когнитивной науке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 466. С. 71–78.
13. Чешев В.В. Есть ли у сознания онтологический статус? *Философия науки и техники* 2023. Т. 28. № 1. С. 133–147.
14. Шуталева А.В. Концепция воплощенного сознания в нейрофеноменологии Ф. Варелы // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А.

ONTOLOGY OF CONSCIOUSNESS AND SOCIOCULTURAL RELATIONSHIPS: PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE FORMS OF ARAB SOCIAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF ARAB-WESTERN RELATIONS

Karim Hossam Abdelraouf Hussein
Tomsk State University

The article discusses problems associated with the ontological status of consciousness. Contains information about factors influencing the consciousness of man and society. Place is given to the influence of public consciousness on sociocultural contacts between the Western and Islamic worlds. The study analyzes many aspects of life characteristic of both European society and the society of the countries of the Middle East and North Africa. Based on this, we can talk about how these two sociocultural realities are similar to each other and how they differ. Naturally, in the article the reader can find the answer to the question of the reasons for the differences between the two communities and why there are adjacent or similar aspects of life. When writing the work, it was impossible to ignore history and the processes that it describes, so the analysis of some events is also present, since it influenced the evolution of the devel-

opment of relations between the civilizations in question. Philosophical analysis is an important part of the study, examining the connection between the reasons that influence our consciousness and the relationship between the Western world and the East.

Keywords: interaction, Islamic world, consciousness, ontology, West.

References

1. Astafiev A.K. Ontology of consciousness and objective mind // Series "Thinkers", Tugarinov Readings, Issue 1 / Materials of the scientific session St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. pp. 5–10.
2. Baranets N.G. "Westernism" in the cultural world of V.S. Solovyova / N.G. Baranets // Solovyov studies: Periodical collection. scientific Proceedings / Editorial Board: M.V. Maksimov, A.P. Kozyrev, M.I., Nenashev, etc. – Issue 6.: / Ministry of Education of the Russian Federation; Comp. M.V. Maksimov. – Ivanovo: Ivanovo State. Energy University named after. IN AND. Lenin, 2003. – pp. 106–115.
3. Valiakhmetova G.N. The West – the Islamic world: the political context of intensifying the dialogue of civilizations / G.N. Valiakhmetova // News of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences. – 2013. – No. 2 (115). – pp. 126–134.
4. Vasiliev V.V. The difficult problem of consciousness. – M.: Progress-Tradition, 2009. – 272 p.
5. Weber M. Theory of stages and directions of religious rejection of the world. – Selected works. – Moscow: Progress, 1990. – 808 p.
6. Globalization and the Muslim world: an assessment of modern Islamic legal thought. – M.: Publishing house. Marjani House, 2012. – 88 p.
7. Islamic factor in history and modernity / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; resp. ed. V. Ya. Belokrenitsky, I.V. Zaitsev, N. Yu. Ulchenko. – M.: Vost, lit., 2011. – 605 p.
8. Karyakin V.V. Modern geopolitical dynamics of the Near and Middle East / V.V. Karyakin. – Moscow: Granitsa, 2010. – 349 p.
9. Kiseleva O.V., Naumetova Yu.E. Formation of public opinion and ways of manipulating it for various purposes // International Journal of Experimental Education. 2017. No. 6. pp. 91–95.
10. Kolesnikov P.M. Once again about the phenomenon of the "Arab Spring" and the es-

- calation of the conflict in the Middle East / P.M. Kolesnikov. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F670071093/C__Users_2lkhasan_Desktop_22.12_Fenomen.Arabskaya.vesna.pdf
11. Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. – M.: URSS: Book House “LIBROKOM”, 2013. – 512 p.
  12. Chernikova I.V., Loginovskaya Yu.V. Global-evolutionary approach to consciousness in cognitive science // Vestn. Volume. state un-ta. 2021. No. 466. pp. 71–78.
  13. Cheshev V.V. Does consciousness have an ontological status? Philosophy of Science and Technology 2023. Vol. 28. No. 1. pp. 133–147.
  14. Shutaleva A.V. The concept of embodied consciousness in the neurophenomenology of F. Varela // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2023. Volume 12. No. 7A.

Реальность феноменального опыта как компонента возникновения геометрических иллюзий: философский анализ экспериментальных данных воздействия на сознание людей и животных

Щеглова Мария Игоревна,

ассистент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

E-mail: mashylena@mail.ru

Габдуллин Ильдар Рустамович,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

E-mail: i.gabd@yandex.ru

Недорезов Вадим Георгиевич,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

E-mail: nvad@yandex.ru

Авторы статьи высказывают сомнение в состоятельности иллюзионизма и его способности решить проблемы, связанные с квалиа и сознанием. Для этого рассматривается внутреннее противоречие иллюзионизма, которое содержится в самом определении феномена иллюзии. Ключевым контраргументом против иллюзионизма представляется подверженность животных феномену иллюзии. Авторы концентрируются на проявлении когнитивных искажений (иллюзий) животных различных классов, сравнивая с иллюзиями человеческого сознания, и учитывая, что в научной литературе достаточно исследований, описывающих процесс формирования и причины иллюзий у человека.

В статье приводятся данные экспериментов по восприятию иллюзий Эббингауза и Понцо. Описывается, какие различия в оценке данных примеров существуют между людьми, другими животными, рыбами и птицами. Формулируется вывод о состоятельности тезиса о реальности феноменального опыта как необходимого компонента возникновения геометрических иллюзий.

Ключевые слова: квалиа, сознание, когнитивные искажения, иллюзионизм, наблюдение, феноменология, Эббингауз, Понцо.

Введение

В истории развития взглядов на природу сознания прослеживаются две тенденции: доказать его реальность через открытие субстанции сознания и отрицание его реальности через объяснение субъективности как иллюзии физических процессов. Концепции, в рамках которых пропагандируется последний тезис, оформились в понятие «иллюзионизм». В рамках иллюзионизма отрицается «трудная проблема» сознания, сформулированная Д. Чалмерсом: вопрос об «освещенности» бытия некорректен, так как приписывание субстанционального основания этой «освещенности» – когнитивное заблуждение [5]. Вместо этой проблемы иллюзионизм предлагает сосредоточиться на проблеме иллюзии [4]. Однако мы полагаем, что имеет место либо ошибочная формулировка в обобщенном названии подходов, обращенная к «иллюзии», либо внутренние противоречия подхода. Это в совокупности с контраргументами к позиции в ставят под сомнение состоятельность иллюзионизма. Обоснование этого сомнения и есть цель данной статьи.

Результаты исследования

В философии сознания существует понятие особого рода, которое некоторыми философами понимается как его феноменологическая сущность – это квалиа («трудная проблема», по сути, есть проблема причины квалиа). К примеру, Л. Штубенберг утверждал, что сознательное бытие и есть непрерывная череда квалиа, без которых наше «Я» – мёртвое [3]. Отсюда важность уточнения тех комбинаций отношений, в которых могут состоять квалиа и сознание.

1. Всякое сознание всегда обладает квалиа. Отрицание сознания ведет к отрицанию квалиа.

2. Квалиа и сознание находятся в отношении нестрогой дизъюнкции и мы можем предполагать, что одно может существовать без необходимости в признании реальности другого.

Иллюзионизм отрицает оба этих понятия, как сознание, так и квалиа, с той разницей, что для одних его представителей, к примеру, для Деннета [1], квалиа – пустое понятие, так как сознание не обладает феноменологическим содержанием, а его иллюзия возникает из языковых структур сознания. Это уточнение имеет важное значение, так как в рамках данного исследования мы рассмотрим контраргументацию, связанную и с сознанием, и с квалиа.

Остановимся на ключевом положении иллюзионизма: «сознание и/или квалиа есть иллюзия». Сам термин Термин был предложен К. Франкишем, который в 2016 году опубликовал статью «Иллюзионизм как теория сознания» [2]. Суть иллюзионизма заключается в том, что феноменальные переживания рассматриваются как не реальные объекты, а скорее как иллюзии, несмотря на реальность сознания. И хотя это утверждение отлично от уже упомянутого отрицания Деннетом который приписывает иллюзорность как сознанию, так и квалиа, сегодня к иллюзионистам приписывают (относят) и самого Деннета.

По мнению Франкиша, в существующей картине мира нет теории, способной объяснить природу феноменального элемента сознания, а значит, для построения такой теории требуется радикальное преобразование научных конструкторов. Поэтому с большей вероятностью истинным окажется отказ от реальности квалиа, чем позитивный исход в поисках нейтральных корреляторов сознания.

При этом термин «иллюзия» в русскоязычной трактовке подхода есть буквальный перевод англоязычного «*illusion*», при этом используется в качестве иллюстрации «ложности реального бытия», то есть как опровержение реальности феноменов сознания. Проследим, насколько состоятелен такой вывод.

Дадим определение понятия «иллюзия». Согласно словарю Ожегова, иллюзия – «обман чувств, нечто кажущееся».

Ключевыми словами, указывающими на сущность явления, будут «обман» и «чувства». Соответственно, обман всегда предполагает несоответствие существующего *Б* реальному *А*. Это всегда плоскость отношения. Что подразумевается под *Б*? Очевидно, что чувства, причём обладающие актуальным бытием, иначе соотносить с реальностью будет нечего. Ощущение само по себе не может быть ложным или истинным; заблуждение возникает на уровне осознания и описания источника этих ощущений. Иными словами, иллюзия – это отрицание одновременной истинности ощущения и реального положения вещей. Цель иллюзионизма – установить равенство между иллюзией и феноменальным образом в сознании, но если принять, что этот опыт сам по себе нереален, возникает противоречие.

Любые иллюзорные ощущения имеют объективные причины. Например, мираж в пустыне обусловлен рефракцией световых лучей из-за разницы в температуре между поверхностью и воздухом. Таким образом, иллюзия представляет собой необходимое, обусловленное объективными причинами, субъективное восприятие. Глядя на мираж в пустыне, мы можем сказать, что видим озеро на песке, но ошибочным будет утверждение, что это озеро действительно находится на песке.

В научной литературе достаточно данных о формировании различных иллюзий в сознании человека. К тому же каждому читателю статьи доступен иллюзорный опыт. Особенно следует отметить понятие *когнитивное искажение*, которое чаще всего соотносится не только с иллюзиями восприятия, но и, в более широком смысле, с заблуждениями рассудка. Таким образом, иллюзии в сознании человека означает и систематические отклонения в поведении, восприятии и мышлении, обусловленные субъективными убеждениями (предубеждениями) и стереотипами, социальными, моральными и эмоциональными причинами, сбоями в обработке и анализе информации, а также физическими огра-

ничениями и особенностями строения человеческого мозга [4].

Мы предполагаем, что анализ поведения в случае оценки наличия у субъекта иллюзии может быть, по степени вероятности истинности вывода, равнозначен прочим эмпирическим исследованиям. Конечно, эпистемологический разрыв, на который указал Левин, не преодолевается, но у философов и учёных так или иначе отсутствуют инструменты для его преодоления. Отсюда наше доверие к результатам подобного наблюдения.

В 2016 году Л.С. Фенг и его команда опубликовали статью «Почему животные различаются в восприимчивости к геометрическим иллюзиям?» [2]. В ней они исследовали восприятие животными не только иллюзии Мюллера-Лайера, но также примеры Понцо, Эббингауза, Дельбёфа и др. Авторы просмотрели более 300 материалов по этой теме в библиотеке PubMed, выбрав релевантные исследования. В центре изучения были геометрические иллюзии, которые, при переводе на язык сенсуализма Локка, могут быть поняты как первичные качества. А исследования квалиа, как правило, относят к вторичным качествам. Однако мы считаем, что для выработки стратегии поведения в отношении даже геометрической иллюзии необходимо формирование феноменального переживания.

Вернемся к результатам обзорного материала Фенг и её команды. У животных иллюзия Эббингауза была исследована на павианах, голубях, кура и краснохвостых рыба и дельфинах. Иллюзия Эббингауза, также известная как иллюзия размера кругов, представляет собой визуальное искажение, в котором размер объекта оценивается в зависимости от размера окружающих его объектов.

В типичном виде иллюзии Эббингауза представлены два круга одинакового размера, но один из них окружен маленькими кругами, а другой – большими. В результате визуального восприятия круг, окружённый маленькими кругами, кажется больше, чем тот, который окружен большими кругами.

Это искажение восприятия происходит из-за влияния контекста на воспри-

ятие размеров объектов в мозге человека. Иллюзия Эббингауза подчёркивает, как визуальное восприятие подвержено воздействию окружающего контекста, что может привести к неверной оценке размеров объектов.

Результаты оценки восприятия иллюзии животными оказались следующими: рыбы и дельфины видят различно идентичные круги, также как и человек. При этом бабуины не реагировали на иллюзию, а голуби, наоборот, проявили чувствительность к иллюзии. Голуби воспринимали круг, окруженный большими кругами-индукторами, как более крупный, чем круг, окруженный маленькими. В контексте задачи по определению размера голуби считали, что целевой круг, окруженный большими индукторами, превышает свой фактический размер, в то время как целевой круг, окруженный маленькими индукторами, представляется меньше своего реального размера. Дополнительные проверочные тесты проводились для исключения возможности, что голуби принимали решение, ориентируясь на общий размер или разницу в размере между целевым кругом и индукторами.

Эксперимент с иллюзией Понцо был проведен на макаках-резусах, шимпанзе, голубях-мясоедах и лошадях. Отметим, что иллюзия Понцо схожа с иллюзией Эббингауза: его суть в искажении восприятия размеров объектов, обусловленное окружающим контекстом.

В типичном варианте иллюзии Понцо нарисованы две параллельные горизонтальные линии, которые одинаковы по длине. Эти линии соединены диагональными линиями, создающими эффект железнодорожных рельсов, сближающихся вглубь перспективы. Верхняя горизонтальная линия размещена между верхними концами диагональных линий, а нижняя – между нижними. Эта композиция заставляет верхнюю горизонтальную линию казаться длиннее, чем нижнюю, хотя на самом деле они равны.

Несмотря на то, что считалось, что данная иллюзия требует более сложной визуальной обработки, характерной для людей, результаты показали, что все

протестированные виды животных подавались этой иллюзии так же, как и люди. Это подтверждается и тем фактом, что у «ближайших родственников человека – человекообразных обезьян – в той или иной степени присутствуют элементы всех наиболее сложных когнитивных функций человека: обобщения, абстракции, усвоения символов, а также преднамеренности коммуникаций и самоузнавания» [6]. Причины, по которым те или иные виды живых существ подвластны восприятию иллюзий не устанавливаются в рамках приведённого обзора.

Заключение

Мы полагаем, что определение квалиа как иллюзии нецелесообразно, исходя из смысла самого понятия «иллюзия». При этом мы считаем, что содержание позиции иллюзионизма (феноменальное сознание и /или квалиа не существуют в общепринятом смысле, так как им ошибочно приписывается обладание некими феноменальными свойствами) требует отдельного обсуждения, мы же сосредоточились на соотношении термина «иллюзия» и «квалиа» (в значении феноменального опыта).

Мы исходим из того, что иллюзия и есть квалиа, причём именно квалиа её образуют, так как иллюзия существует как субъективный опыт вне категории истинности (как соотношения с реальностью). Мы обнаруживаем, что иллюзиям подвластны не только люди, но и животные, что говорит о том, что есть основания полагать о существовании феноменального опыта и у животных. Природа этого явления требует дополнительного исследования. Существуют гипотезы, допускающие как значимые в этом процессе различные факторы: от физиологии до научения (в случае с человеком, даже культурно контекста). Однако эти причины могут быть проигнорированы в условиях нашей работы, так как нас интересует наличие феноменального содержания опыта, а не его происхождение.

Литература

1. Abbott K. R., Sherratt Th. N. (2011). The evolution of superstition through optimal

use of incomplete information. *Animal Behavior*, Volume 82, pp. 85–92.

2. Dennett D. «Quining Qualia», *The Nature of Consciousness*, ed. by N. Block, O. Flanagan, G. Guzuldere. Cambridge, Mass.: MIT Press Publ., 1997, pp. 619–642.
3. Feng L.C., Chouinard P.A., Howell T.J. et al. Why do animals differ in their susceptibility to geometrical illusions? // *Psychon Bull Rev* 24, 262–276.
4. Haselton M.G., Nettle D. & Andrews P.W. (2005). The evolution of cognitive bias. In D.M. Buss (Ed.), *Handbook of Evolutionary Psychology*, (pp. 724–746). Hoboken: Wiley. (Эволюция когнитивных искажений)
5. Stubenberg L. *Consciousness and Qualia* // John Benjamins Publishing, 1998. – 367 p.
6. Зорина И. И., Полетаева З. А. Элементарное мышление животных. – 2-е изд. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 319 с. – URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/biologiya/268187/fulltext.htm?ysclid=lsrpmwmmnjx160495930
7. Канеман Д. Внимание и усилие / пер. с англ. И.С. Уточкина. – М.: Смысл, 2006. – 288 с.
8. Резникова Ж.И. Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии. – 1-е изд. – М.: Академкнига, 2005. – 518 с.
9. Франкиш К., Горбачев. М. – Иллюзионизм как теория сознания. Часть II // *Вопросы философии*. 2022. Т. № 4. С. 59–71.
10. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. – М.: Либликом, 2015. – 312 С.

THE REALITY OF PHENOMENAL EXPERIENCE AS A COMPONENT OF THE EMERGENCE OF GEOMETRIC ILLUSIONS: PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF EXPERIMENTAL DATA ON THE IMPACT ON THE CONSCIOUSNESS OF PEOPLE AND ANIMALS

Shcheglova M.I., Gabdullin I.R., Nedorezov V.G.
Orenburg State University

The authors of the article express doubts about the validity of illusionism and its ability

to solve problems related to qualia and consciousness.

To do this, we consider the internal contradiction of illusionism, which is contained in the very definition of the phenomenon of illusion. The key counterargument against illusionism seems to be the susceptibility of animals to the phenomenon of illusion. The authors concentrate on animals of various classes, and not on people, since there are enough studies in the scientific literature describing the process of formation and causes of illusions in humans.

The article presents data from experiments on the perception of illusions by Ebbinghaus and Ponzo. Describes how differences in assessment of these examples exist between humans, other animals, fish and birds. A conclusion is formulated about the consistency of the thesis about the formation of phenomenal experience as a necessary component of the emergence of even geometric illusions.

Keywords: qualia, consciousness, cognitive bias, illusionism, observation, phenomenology, Ebbinghaus, Ponzo.

References

1. Abbott K. R., Sherratt Th. N. (2011). The evolution of superstition through optimal use of incomplete information. *Animal Behavior*, Volume 82, pp. 85–92.
2. Dennett D. "Quining Qualia," *The Nature of Consciousness*, ed. by N. Block, O. Flanagan, G. Guzuldere. Cambridge, Mass.: MIT Press Publ., 1997, pp. 619–642.
3. Feng L.C., Chouinard P.A., Howell T.J. et al. Why do animals differ in their susceptibility to geometrical illusions? // *Psychon Bull Rev* 24, 262–276.
4. Haselton M.G., Nettle D. & Andrews P.W. (2005). The evolution of cognitive bias. In D.M. Buss (Ed.), *Handbook of Evolutionary Psychology*, (pp. 724–746). Hoboken: Wiley. (Evolution of cognitive distortions).
5. Stubenberg L. *Consciousness and Qualia* // John Benjamins Publishing, 1998. – 367 p.
6. Zorina I.I., Poletaeva Z.A. Elementary thinking of animals. – 2nd ed. – M.: Aspect-Press, 2002. – 319 p. – URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/biologiya/268187/fulltext.htm?ysclid=lsrpmwmnjx160495930
7. Kahneman D. *Attention and effort* / trans. from English I.S. Utochkina. – M.: Smysl, 2006. – 288 p.
8. Reznikova Zh.I. *Intelligence and language of animals and humans. Fundamentals of cognitive ethology*. – 1st ed. – M.: Akademkniga, 2005. – 518 p.
9. Frankish K., Gorbachev. M. *Illusionism as a theory of consciousness. Part II // Questions of Philosophy*. 2022. T. No. 4. P. 59–71.
10. Chalmers D. *The conscious mind. In search of a fundamental theory*. – M.: Librocom, 2015. – 312 p.

Социальный активизм россиян

Аносов Сергей Сергеевич,

к.ф.н., доцент кафедры истории и философии
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
E-mail: ssanosov@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы социальной активности россиян, выделяются механизмы, типы и виды социальной активности, обозначаются особенности мотив россиян для участия в данных мероприятиях. Также обозначаются особенности оффлайн и онлайн участия в социальной активности. Приводятся результаты общероссийского эмпирического исследования, основанного на сетевом и структуралистском подходах, объясняющих происходящие условия трансформации социальной активности россиян и раскрывающего особенности ее протекания среди представителей разных поколений.

Ключевые слова: социальная активность, социальный активизм, общественное участие, население, поколения.

Современное российское общество меняется. Изменяются как повседневные практики обывателей, так и осмысление этой повседневности учеными, наряду с глобальным анализом трансформаций условий жизни во всем мире. Социальная среда подвержена воздействию глобальных (виртуализация, пандемия COVID-19) и локальных (военная операция, экономические санкции) процессов. Виртуальность общества изменила формат понимания работы, учебы, досуга. Увеличение ее роли в период пандемии привело к тому, что многие жизненные сценарии стали кардинально меняться. А вместе с этим и понимание социальной активности, ее глобальных смыслов и локальных технологий.

Естественным является и то, что меняются мотивы, условия и формы социального активизма. Ранее социальная активность была результатом идеологической политики (в советское время), после перестройки 90-х годов XX века она стала личным выбором, осуществляемым в результате беды (негативных событий) или личных убеждений (веры и надежды на изменение). Сегодня, социальный активизм становится для одних четким расчетом на преумножение собственного социального капитала (П.А. Трескин [21, 22], П.А. Пружинин [17, 18], В.В. Петухов, Р.Э. Бараш, Н.Н. Седова, Р.В. Петухов [11]), развития просоциальной активности (О.А. Полюшкевич [12, 13], Л.А. Гуринович [8, 9]). Виртуализация мира привнесла много иррациональных основ в условия социализации современников (Р.Г. Ардашев [1–6], Е.В. Бродовская, Т. Хуанг [7], В.А. Скуденков [19, 20], Р.В. Парма [10]) и это все способствует тому, что не просто мир меняется, меняется характеристики социальной активности наших сограждан.

В результате обозначенных выше трансформаций появляются новые механизмы межсекторного партнерства и работы институтов гражданского общества (П.А. Трескин [23, 24]), появля-

ются альтернативные модели гражданского участия и отстаивания интересов гражданского общества. Вынужденная адаптация и социализация в условиях новых практик и норм приводит к новым формам социальных движений, социальной активности (О.А. Полюшкевич [14–16]). Это становится предметом исследования для ученых разных наук, так как социальная активность населения становится ресурсом консолидации и социальной идентичности обществ.

Под социальной активностью мы понимаем любые действия индивида или сообщества, направленные на решение возникающих в результате жизнедеятельности в социуме задач. Социальная активность может иметь значение (последствия) для политической и социальной, культурной и экономической, этнической и личностно-мотивационной сферы жизни человека или сообщества. Она не может не влиять на последующее социальное взаимодействие. Поэтому, ее смысл, контекст, технологии и последствия имеют принципиальное значение для всего общества.

Социальная активность в большинстве случаев напрямую не касается политики (затрагивает вопросы экологии, социальной защиты, уровня жизни, сохранения культурного наследия, обустройства инфраструктуры и проч.), но социально активные граждане в три раза чаще, чем не активные вовлечены в активную социально-политическую жизнь и имеют свои собственные политические убеждения (Р.В. Парма [10]). Социальная активность может пересекаться по смыслам с общественным участием, которое понимается как процесс установления социальных связей и взаимодействий между институтами гражданского общества, позволяющими реализовывать разнообразные практики, влияющие на качественные показатели изменения условий и качества жизни разных социальных групп. Гражданское участие усиливает вертикальные социальные связи своих участников и делает более точными процессы взаимодействия по управлению и принятию решений способных изменить качество

и условия жизни всех участников общественной жизни.

Особенности проведения исследования

В методологическом плане мы опирались на сетевой подход, который позволил выделить социальную активность как сеть взаимодействий: чем выше плотность и количество разнообразных интеракций, тем выше и значимее результаты социальной активности и наоборот, чем ниже количество контактов, и они более однотипные, тем уровень социальной активности не значителен. А также учитывали идеи структуралистского подхода, позволяющего выделить и понять векторы формирования новых форм социальной активности как социальной структуры.

В качестве эмпирических данных, в 2023–2024 годах нами был проведен опрос социальных активистов, участие которых зафиксировано на личных страницах в социальных сетях и официальных страницах общественных организаций (выборка строилась по квоте: пол, возраст, регион проживания, социальная активность (минимум четыре информационных повода о социальной активности за год), отраженная в публичном открытом пространстве).

Всего в исследовании приняло участие 1500 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, проживающих во всех федеральных округах России. Опрос проводился в виде онлайн-анкетирования.

Анализ результатов исследования

Ожидаемо, социальная активность выше среди молодежи, чем среди представителей других возрастов (18–35 лет – социально активных граждан, участвующих в гражданских инициативах и общественной жизни своих населенных пунктов – 48%, тогда как в 36–55 лет таких в два раза меньше – 23%, среди старшего поколения, 56 лет и старше – 25%). Социальная активность, мобильность, не безучастность помогает более молодым представителям получать новые навыки (soft skills), знания и опыт,

которые последующем они могут трансформировать в свой личный социальный и человеческий капитал (А.Н. Пружинин, А.Ю. Поджидаева [18]).

Хотели принять участие в большем количестве мероприятий или кому-то помочь, но в силу разных обстоятельств не смогли это сделать – 18–20% во всех рассматриваемых группах. Иными словами, есть потенциал увеличения социальной активности разных возрастных групп. При этом, стоит учитывать общую инертность сообществ. Чтобы в социальной активности принимало участие больше представителей разных социальных групп, об этом стоит более подробно рассказывать, приводить примеры изменений, произошедших благодаря социальной активности граждан.

Доля политически активных не велика, от 12% в младшей возрастной группе, 15% в средней и 18% в старшей. Т.е. более возрастные респонденты высказы-

вают более однозначную политическую позицию, чем более молодые. Представители оппозиционной власти населения присутствуют среди всех возрастов, но более выражены среди молодежи (8% – младшее поколение, 5% среднее и 4% старшее). Уровень лояльности к органам власти политическому режиму выше у женщин (62%), у мужчин – 45%. Оппозиционность выше у мужчин – 22%, у женщин 12%.

Интересным фокусом выступают мотивы участия в социальной активности граждан. В таблице 1 приведено сравнение значимости мотивов среди представителей разных возрастов. Для молодежи это социальное служение, формирование социальных связей и самореализация. Для представителей среднего и старшего возраста это социальное служение, сопричастность с общим делом и следование своим нравственным и морально-этическим убеждениям.

Таблица 1. Мотивы социальной активности (в %)

Мотивы	18–35 лет	36–55 лет	56 лет и старше
Социального служения (быть полезным обществу)	21	32	35
Следование собственным морально-этическим убеждениям	15	24	10
Сопричастность с социально-значимым общим делом	14	25	37
Самореализация (развитие личных качеств)	16	7	4
Формирование социальных связей и личной репутации	18	5	5
Возможность влиять на различные институты (власть, бизнес, СМИ, образование и проч.)	12	5	6
Способ заработка	4	2	3

При реализации социальной активности россияне предпочитают личное участие в режиме офф-лайн (от 65 до 70% среди представителей всех рассматриваемых возрастных групп). Но среди молодежи доля тех, кто участвует в различных формах социальной активности онлайн в два-три раза выше, чем среди других возрастов (18–35 лет – 55%, 36–55 лет – 33%, 56 лет и старше – 7%).

Молодые люди чаще проявляют социальную активность через профкомы учебных заведений, работу волонтерами в общественных организациях, где помимо реального участия в меро-

приятиях, они задействованы в онлайн обсуждениях подготовки мероприятий, организации того или иного формата работы. Представители среднего возраста лично участвуют в акциях социальных активистов чаще, чем в различных онлайн сообществах. Хотя их вовлеченность в обсуждения в различных мессенджерах способствует распространению информации, социальным оценкам и обеспечению массовости и масштабыности организуемых событий. Представители старшей возрастной группы самые пассивные в обеспечении онлайн активности и взаимодействия в соци-

альных сетях и других мессенджерах, они в большинстве случаев предпочитают реальное участие в организуемых мероприятиях.

При этом, более половины участников социальных акций оказывают пассивную поддержку социальным инициативам и участвуя формально. Большие усилия не вызывают воодушевления.

Хотя получение каких-то социальных выгод, реальных или мнимых индивидуальных бонусов и социальной престижности как человека (организатора активности), так и всего сообщества также имеет свое значение. В таблице 2 представлены наиболее распространенные формы социальной активности среди представителей разного возраста.

Таблица 2. Формы социальной активности (в %)

Формы	18–35 лет	36–55 лет	56 лет и старше
Участвуют в мероприятиях, направленных на актуализацию или решение социальной проблемы	18	27	25
Участвуют в мероприятии общественной организации, близкой к ценностям и мировоззренческим установкам активистов	20	15	17
Являются волонтерами или добровольцами	28	15	10
Социальная активность, организованная по личной инициативе	19	21	24
Ищут общественные организации, где могли бы помочь	5	12	9
Являются активными участниками движения, общественной организации, инициативной группы	7	8	10
Другое	3	2	5

Как видно в таблице 2, старшее поколение, как и среднее чаще участвует в мероприятиях, направленных на актуализацию или решение социальной проблемы, и организуют социальную активность по личной инициативе. Тогда как молодые люди являются волонтерами или добровольцами (в 2–2,5 раза чаще, чем представители других возрастов) и участвуют в мероприятии общественной организации, близкой к ценностям и мировоззренческим установкам активистов. Иными словами, молодые люди чаще вовлекаются в уже институционализированные структуры и реализуют там свою энергию и инициативность. Представители старших возрастов чаще готовы проявлять личную инициативу и, не опираясь на поддержку каких-то сообществ и институтов, пытаться ее решить, также находя единомышленников или представителей общественных организаций, работающих в нише той или иной проблемы.

Присутствуют отличия и по качественным критериям социальной активности россиян. Среди старших возра-

тов больше тех, кто участвует в благоустройстве придомовых территорий, сборе средств для нуждающихся граждан, помощи больным, организации поддержки животных и охраны природы. Среди молодежи больше общественных инициатив, касающихся просветительских, образовательных, культурно-досуговых мероприятий, социальных акций, проектов и работ. Это можно объяснить наличием жизненных приоритетов и того, что среди старших поколений больше зависимости у них самих и их близких от условий и качества жизни на местах, поэтому они ориентированы на конкретные социальные формы активности, позволяющие изменить повседневное бытовое пространство. Среди младших поколений меньше социальных, финансовых, личных обязательств, поэтому они чаще проявляют инициативу там, где есть их личные интересы и пристрастия. Они чаще выступают активистами в таких акциях как «спасти природу», «помочь животным», «очистить водоемы» и проч.

Также присутствуют такие оценки и условия участия, которые касаются

отдельных разовых акций (не всегда системных, чаще актуальных (на злобу дня), а не позволяющих на регулярной основе участвовать в том или ином виде или форме социальной активности. То есть, социальная активность как эмоциональный всплеск (стало жалко собак, детей, памятник культурного наследия) или как когнитивная необходимость (для отчетности на работе или учебе) чаще позволяют себя причислять к активистам, чем регулярная повседневная практика просоциальной активности индивидуального или группового характера.

Эти результаты показывают сложность и многослойность проявления социальной активности россиян. Каждое поколение несет свой отпечаток социальных рамок и возможностей их нарушения. Формы и механизмы социального активизма выступают показателем внутренних и индикатором внешних социальных условий жизни соотечественников.

Выводы

Проведенное исследование позволяет фиксировать условность организации и проявления социальной активности россиян. Социально активные граждане есть среди всех возрастов, но они далеко не всегда готовы организовываться в социально активное движение или инициативу. Могут скорее разово участвовать в акциях, а не на постоянной основе.

Более молодые люди чаще участвуют в онлайн активности, представители старших поколений участвуют в работе форумов в социальных сетях и других мессенджерах для обсуждения проблем и путей их решения, но не самого решения актуальных вопросов. Среди молодежи доля тех, кто реально готов и может решать актуальные социальные проблемы и противоречия через онлайн более половины. В любом случае, цифровые технологии расширяют возможности социальной активности для разных сообществ и групп и перспективы их развития могут показывать новые формы и механизмы социальной активности граждан.

Тех, кто реально вовлечен в практики социальной активности, объединяют вопросы социальной, исторической, культурной, экологической, этнической или какой-то еще несправедливости. Они помогают активистам регулировать жизнь сообщества и регулировать уровень социальной напряженности, солидарности, идентичности и т.д. Они выступают реальной силой социальных трансформаций через формирование сетевого взаимодействия между разными субъектами гражданского общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
2. Ардашев Р.Г. Девиантное поведение молодежи в условиях виртуального мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. Сост.: А.А. Жаворонкова, О.С. Кравченко. Санкт-Петербург, 2023. С. 100–103.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
4. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 141–144.
5. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуаль-

- ности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
6. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
  7. Гуринович Л.А. Взаимодействие общественных организаций со студентами // STUDIUM I. Материалы ежегодной научно-практической конференции студентов и соискателей. Печатается по решению редакционно-издательского Совета Иркутского государственного университета. 2000. С. 121–124.
  8. Гуринович Л.А. Измерение социальной значимости виртуальной реальности в жизненном пространстве молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 23–26.
  9. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Люберцев П.П. Жизненное пространство работающей молодежи // Социология. 2022. № 6. С. 48–65.
  10. Парма Р.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>.
  11. Петухов В. В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.
  12. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79–85.
  13. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132.
  14. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических изменений. Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2022. С. 675–678.
  15. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики как основа солидарности // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2023. С. 180–182.
  16. Полюшкевич О.А. Социальные угрозы при реализации просоциальных практик // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 84–87.
  17. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
  18. Пружинин А.Н., Поджидаева А.Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
  19. Скуденков В.А. Угрозы трансформации социально-экономических притязаний // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 152–155.
  20. Скуденков В.А. Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 168–173.
  21. Трескин П.А. Изменение работы некоммерческих организаций Сибири и Дальнего востока под влиянием виртуальности с 2019 по 2023 г // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Между-

- народной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 276–280.
22. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.
  23. Трескин П.А. Развитие человеческих ресурсов студенческих общественных организаций // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 362–365.
  24. Трескин П.А. Роль современных некоммерческих организаций в цифровом развитии институтов гражданского общества // Социология. 2023. № 3. С. 147–159.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 152–156.
  4. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among youth. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation: a thematic collection of articles. Irkutsk, 2021. pp. 141–144.
  5. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // Alma Mater (Bulletin of Higher School). 2021. No. 5. pp. 31–34.
  6. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2019. No. 5. P. 3–18. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
  7. Gurinovich L.A. Interaction of public organizations with students // STUDIUM I. Materials of the annual scientific and practical conference of students and applicants. Published by decision of the Editorial and Publishing Council of Irkutsk State University. 2000. pp. 121–124.
  8. Gurinovich L.A. Measuring the social significance of virtual reality in the living space of young people // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 23–26.
  9. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Lyubertsev P.P. Living space of working youth // Sociology. 2022. No. 6. pp. 48–65.
  10. Parma R.V. Social activism of Russian citizens in offline and online spaces // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2021. No. 6. pp. 145–170. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>.
  11. Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. Civil activism in Russia: motivation, values and forms of participation // Power. 2014. No. 9. pp. 11–19.
  12. Polyushkevich O.A. Morality and social identity in prosocial practices // Sociology. 2023. No. 1. pp. 79–85.

SOCIAL ACTIVISM OF RUSSIANS

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University

The article discusses issues of social activity of Russians, identifies mechanisms, types and types of social activity, and identifies the specific motives of Russians for participating in these events. The features of offline and online participation in social activity are also indicated. The results of an all-Russian empirical study based on network and structuralist approaches are presented, explaining the current conditions for the transformation of social activity of Russians and revealing the features of its course among representatives of different generations.

Keywords: social activity, social activism, public participation, population, generations.

References

1. Ardashev R.G. Personal security in conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 8–11.
2. Ardashev R.G. Deviant behavior of young people in the virtual world // Russian deviantological panorama: theory and practice. Materials of the international scientific and practical conference. Comp.: A.A. Zhavoronkova, O.S. Kravchenko. St. Petersburg, 2023. pp. 100–103.

13. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: prosocial practices and community solidarity // *Humanitarian vector*. 2023. T. 18. No. 2. pp. 124–132.
14. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of volunteers of public organizations // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions*. Materials of the VII international scientific and practical Internet conference. Vologda, 2022. pp. 675–678.
15. Polyushkevich O.A. Prosocial practices as the basis of solidarity // *Consolidation of Russian society in new geopolitical realities*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda, 2023. pp. 180–182.
16. Polyushkevich O.A. Social threats in the implementation of prosocial practices // *Methodology of preventing threats in the 21st century*. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. pp. 84–87.
17. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) // *Sociology*. 2021. No. 3. pp. 114–125.
18. Pruzhinin A.N., Podzhidaeva A. Yu. Models of legitimation of the development of human resources of non-profit organizations // *Sociology*. 2022. No. 1. pp. 144–153.
19. Skudencov V.A. Threats of transformation of socio-economic claims // *Methodology of preventing threats in the 21st century*. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. pp. 152–155.
20. Skudencov V.A. Economic and social claims in the context of virtualization of the lifestyle of young people // *Social reality of virtual space*. materials of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. pp. 168–173.
21. Treskin P.A. Changes in the work of non-profit organizations in Siberia and the Far East under the influence of virtuality from 2019 to 2023 // *Social reality of virtual space*. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 276–280.
22. Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social elevator // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). pp. 154–158.
23. Treskin P.A. Development of human resources of student public organizations // *Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development*. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 362–365.
24. Treskin P.A. The role of modern non-profit organizations in the digital development of civil society institutions // *Sociology*. 2023. No. 3. pp. 147–159.

Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет экономики и права
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье раскрываются экономические факторы, влияющие на социальные установки и притязания, на мировоззренческие условия жизни, способствующие экономическому благополучию молодежи. Выделяются внешние и внутренние векторы трансформации. На основе данных собственного исследования показываются особенности развития в разных молодежных сообществах, выявляются неодинаковые стратегии и смыслы экономического благополучия.

Ключевые слова: экономическое благополучие, экономические притязания, мировоззрение, установки, экономические факторы, жизненные шансы, молодежь.

Общество меняется и обновляются мировоззренческие установки россиян. Социальный контекст и условия социализации современной молодежи отличаются от любого другого поколения, они определяются новыми смыслами и формами коммуникаций, социально значимых символов и практических контекстов выстраивания траекторий жизненных сценариев. Наиболее наглядно мы можем это увидеть через трансформацию экономических ценностей и притязаний, моделирующих мировоззренческие устои целых поколений и социальных групп.

Так как экономические стороны жизни касаются всех: где и как жить, на что, откуда получать доходы и куда их тратить и так далее. Финансовый уровень влияет напрямую на качество жизни. Более того, он создает личные и общегрупповые притязания в материальном и социальном аспектах. Но общество потребления, максимально распространяющееся благодаря СМИ и сети Интернет, через трансляцию символов достатка и благополучия еще больше акцентирует важность именно экономических аспектов в социальной реализации человека, что изначально трансформирует мировоззренческий контекст развития личности.

Новые условия требуют новых решений и форматов социальных коммуникаций. Примером этого могут быть следующие положения изменения общества, с аспектом на ключевую роль экономического благополучия:

- взаимосвязь материальных благ и счастья, формирования оптимистических и пессимистических оценок настоящего и будущего (О. А. Полюшкевич [9–13], Н. Н. Седова [15]);
- влияние жизненного успеха на социально-экономическое положение и статус в обществе (Е. В. Зими́на, Д. С. Хаустов [7, 8, 21], Л. В. Сани́на, С. Н. Мозулев, В. В. Поляков [14]);

- важность обладания модными материальными символами и благами (симулякрами), а не реальными вещами, которые необходимы (Ж. Бодрийяр, Р.Г. Ардашев [1–4], П.А. Баев и Д.С. Хаустов [5–6], В.А. Скуденков [16–20]) и т.д.

Представленные работы позволяют выявить достаточно широкий круг для определения экономического благополучия современных молодых людей. Они с разных позиций фиксируют изменения в экономических реалиях, мотивах и формах заработка, особенностей потребительского поведения и социальных условий общественного позиционирования. И тем самым говорят о неоднозначности и сложности изучения рассматриваемого нами явления. Это и стало отправной точкой для нашего исследования.

Особенности исследования

Методологической основой исследования была концепция экономического благополучия, опирающаяся на формальные критерии показателей потребления и участия в социальной жизни (готовности говорить и быть услышанными или усиления уровня неравенства и разнообразных форм замалчивания и неравенства); а также учета уровня удовлетворения своей жизнью, ее качеством и содержанием или отсутствия данных категорий в осмыслении собственной жизни респондентами.

Исследование проводилось в 2023–2024 годах на территории Российской Федерации, в нем приняли участие 1250 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, 55% женщин и 45% мужчин. Исследование проводилось через онлайн анкетирование, квотами участия в котором были пол, возраст, регион проживания, социальный статус, уровень личного дохода респондента.

Вопросы анкеты содержали как закрытые, так и открытые вопросы, позволяющие нам увидеть не только рациональные, но и иррациональные формы восприятия экономического благополучия и зафиксировать мировоззренческие сдвиги в молодежном сознании.

Анализ результатов исследования

Экономическое благополучие – это категория неоднозначная. Респонденты смогли выделить несколько типов экономического благополучия, опирающегося на когнитивные, эмоциональные и поведенческие условия, определяющие поведение и жизнь в целом. Экономическое благополучие:

- как традиционная ценность, характеристика семьи или рода (обычно оно понимается как достаток, пришедший от родителей к детям (18%);
- как результат личных усилий и доказательство того, что ты делаешь в жизни все правильно, так как можешь предъявить внешние доказательства этого (25%);
- как удача (случай) которым вовремя воспользовались (это не кропотливый и длительный труд, а то, что можно получить быстро, в результате краткосрочных усилий в виде организации стартапа или успешного блога) (37%);
- как форма нарушения закона (своровал / придумал махинацию и получил достаток) (20%).

Как видно из приведенной выше типологии, деятельностью только на волне успеха с реальными символами достатка и готовности пользоваться случаем – являются наиболее распространёнными формами восприятия экономического благополучия. Настораживает практически полное совпадение (читай равенство) восприятия значимости родовых ресурсов и различных форм нарушения закона как критериев экономического благополучия. Уравниваются несоразмерные и несравнимые между собой категории, а это означает нивелирование семейных ценностей (в том числе и материальных притязаний и возможностей) и готовность любыми методами получать символы и статусы экономического благополучия.

На когнитивном уровне происходит формирование нового *знания* о том, что надо делать, чтобы добиться экономического благополучия и быть успешным и состоятельным человеком в жизни.

Я знаю, что моему ребенку надо получить образование, иначе он не сможет быть успешным человеком, не сможет жить не хуже других. (М.Н., бухгалтер, 35 лет). Экономическое благополучие приходит через навыки и поведенческие условия гибкости, так как мир меняется и, если не сможешь подстроиться под новые условия – ни о каком благополучии не может идти и речи. (Д.Д., системный администратор, 30 лет).

На эмоциональном уровне формируются чувственно-эмоциональные состояния, определяющие аффективный контекст экономического благополучия. Чем больше вовлечен душой и сердцем в свою работу – тем быстрее получаешь финансовый результат. Особенно если это положительные эмоции, которые вдохновляют на новые уровни реализации своего потенциала. (Л.А., архитектор, 25 лет). Эмоциональные выплески создают значимые приоритеты финансовых достижений. Я прямо чувствую, где мои деньги и иду в этот проект, к конкретным людям. (И.Т., предприниматель, 29 лет).

На поведенческом уровне формируются реальные стратегии получения экономического благополучия или вхождения в статус экономического благополучия. Я знаю, какое мне нужно получить образование и помимо него какие нужны навыки, чтобы реализовать свои идеи. Уже сейчас они приносят мне доход, а после обучения станут источником изобилия. (М.П., студент-экономист, 23 года). Я вовлечен в несколько интересных проектов, они поглотили мое время полностью, потому что выхлоп с них отличная прибыль, которую я не получу, работая специалистом в любой конторе по своей специальности. Мне нужен финансовый результат и я к нему иду. (В.Е., студент-политолог, 22 года).

Интересным выступает восприятие экономического благополучия как пути развития личности (постепенной эволюции) для 46% опрошенных; так и пути трансформации, иногда болезненной, но необходимой (часто резкой и неожиданной) – 54%. Это различие на субъективном уровне формирует дихотомию

достижений человека, его базовые установки и итоговые результаты своей деятельности.

Те, кто экономическое благополучие воспринимают как путь перемен – это в основном живущие с родителями, имеющие средний или высокий уровень достатка родительской семьи, подготовленную «подушку безопасности», если что-то пойдет не так. Конечно, я ищу себя, свой путь и место в этом мире. Мои родители меня поддерживают и морально, и финансово, пока не встану на ноги и не буду независим. (Г.Д., студент-социолог, 21 год). Невозможно сразу понять – что вот это мое дело, надо попробовать одно, второе, третье. Только потом понимаешь, а что же по-настоящему твое. Поэтому поддержка финансовая близких важна, также как и их вера в тебя. (М.С., социальный предприниматель, 30 лет).

Те, кто говорят об экономическом благополучии как о пути трансформаций – это те, кто чаще приехал из малых городов в крупные областные центры или столицу, из села в город, кто совмещает учебу и работу, кто готов больше рисковать, и они чаще испытывали провалы и откатывались по финансам назад, чем представители первой группы. Мне не на кого рассчитывать, кроме как на себя самого. Мои родители живут в деревне, сводят концы с концами. Мои финансовые возможности – это результат моих усилий, идей и удачи. (Н.Н., студент-маркетолог, 22 года). Я из провинции, не могу не работать, так как стипендии не хватает на жизнь. Но и работа у меня такая, что будет полезно при дальнейшей карьере. Для экономической стабильности надо пройти весь путь с низов. Я в этом уверен на все сто! (В.С., студент-рекламщик, 21 год).

Более позитивно воспринимают свое будущее те, кто видит его путем трансформации, так как они готовы к рискам, взлетам и падениям (64% оптимистично и 36% пессимистично). А пессимистов больше среди тех, кто на своем пути подстрахован собственными родителями (31% оптимистично и 69% пессимистично). Если не будешь верить, что

за очередным провалом будет победа, то руки опустятся и ничего толком не получишь в жизни, ни денег, ни статуса. (Г.О., дизайнер, 29 лет). Сложно верить в светлое завтра, когда нет уверенности в сегодня, когда все настолько быстро меняется, что экономические притязания на какие-то стабильные доходы, а тем более пассивные доходы становятся уделом избранных, а не простых людей. (О.Р., преподаватель, 33 года).

Экономическое благополучие должно совпадать с критериями и нормами цивилизованного западного общества – по мнению 24% молодых людей. Хороший принцип развития и формирования экономических установок сформировал еще Макс Вебер в своей протестантской этике ... трудись, достигай хороших результатов и тебя будет любить Бог и другие люди признают твой авторитет и ждет тебя признание и успех. Это западная модель лично мне близка и понятна, стараюсь ее применять в жизни. (С.С., социолог, 27 лет). Западное общество уже давно прошло те этапы социального становления, что проходит Россия, поэтому его опытом можно пользоваться хотя бы в аспектах понимания экономического благосостояния. (Ж.А., маркетолог, 29 лет).

Экономическое благополучие должно иметь социалистические установки советского прошлого, так как только оно создавало условия для стабильной жизни для всех – 18%. Наши родители, бабушки и дедушки жили в стабильном мире, где было все прогнозируемо. Для нас это идеальная модель выхода из кризиса – опираться на то, что уже проверено. Социалистические ценности социального служения и социальной реализации будут на автомате подкрепляться экономическим благосостоянием. (М.М., программист, 33 года). Работая модель социального развития – была предложена в советском обществе. Нам надо взять оттуда работающие технологии и применить в современном мире. Возможность социальной реализации и экономической успешности одна из них. (С.С., студент-политолог, 22 года).

Экономическое благополучие должно опираться на философию труда и вознаграждения близкую азиатским странам – 25%. Мне близок подход комплексного и всестороннего развития стран Азии, где без личностного осмысления нет финансового укрепления и наоборот. (А.К., предприниматель, 34 года). Я преклоняюсь перед восточной философией, там раскрыта все сложность человеческой души, социальных чаяний и ожиданий, используя ее как основу для общественного развития, мы сможем формы экономического благополучия адаптировать под все имеющиеся в России социальные группы. (Т.Т., преподаватель, 35 лет).

И 33% указывают на то, что экономическое благополучие в России должно обладать собственной философско-мировоззренческой основой. Оно может строиться на цивилизационных принципах или гуманистических идеалах, но соответствовать внутренним смыслам россиян. Экономическое благополучие это не просто про то, где ты деньги берешь и куда тратишь – это целая философия жизни, чем ты доволен, а чем нет, на что тратится твое личное время: на выживание (зарабатывание необходимого) или на проживание (получение удовольствия от того, что и как ты делаешь). (А.А., аспирант-социальный философ, 27 лет). Россиянин – это не штамп в паспорте, это дух России в одном человеке, поэтому этот дух также пропитан экономическим благополучием и стабильностью. Наша задача этот аспект вычленить и материализовать в жизни отдельных людей и целых сообществ. (С.С., руководитель национально-патриотического клуба, 34 года).

Также хотелось бы отметить, что только 15% молодых людей планируют работать по своей специальности и прийти через полученные знания и конкретный профиль деятельности к экономическому благополучию. 66% понимают, что их образование никак не пригодится им для формирования экономического благополучия и они уже сейчас начинают получать дополнительные навыки (через подработку или дополнительное об-

учение), чтобы в будущем использовать этот опыт, а не опыт основного профильного образования для формирования устойчивого положения на рынке. Более того, работающая молодежь также понимает, что их работа не даст им экономического благополучия в 74%, только 26% уверены в обратном. А это также указывает на отсутствие преемственности получаемых знаний и навыков в период обучения и их практической востребованности, позволяющей молодым людям со временем прийти к экономическому благополучию, а также формирует негативные установки в отношении собственной карьеры и профессиональной реализации. *Я учусь для родителей, а не для того, чтобы потом жить на копейки, работая по специальности. Я понимаю, что ни дня не проработаю по специальности, не потому что не хочу, а потому что мне нужны другие доходы для стабильной и счастливой жизни.* (Н.Ю., студент-социальный работник, 18 лет). *Без образования сложно формально устроиться, но это образование не дает гарантий экономической стабильности. Поэтому, я буду работать там, где есть деньги, а не там, на кого я учусь.* (И.А., студент-историк, 19 лет).

Таким образом, экономическое благополучие – сложная конструкция, которая строится на мировоззренческих трансформациях современного этапа общественного развития. Новые времена – диктуют новые решения. И наша задача к ним адаптироваться.

Выводы

Экономическое благополучие становится результатом адаптации и социализации к новым внешним условиям жизни, а также изменений мировоззренческих и ценностных установок молодежи. Оно зависит от места проживания и жизненных шансов (возможностей) молодых людей, наличия или отсутствия поддержки со стороны старших родственников. А также от личных мотивов и установок к финансовой самостоятельности, успешности и экономическому благополучию как итогу личного и социального развития.

Экономическое благополучие не всегда связано с профессией и тем более с полученным образованием молодых людей. Поэтому, можно говорить о разрыве преемственности навыков, получаемых во время обучения и тем знаниям, что реально могут помочь молодым людям получить финансовую стабильность и независимость. Эти разрывы стоит устранять на уровне государства, через изменение учебных планов и профилей и специальностей обучения молодежи.

Последующее изучение экономического благополучия позволит выявить не только возрастные, но и гендерные, стратификационные, географические и любые другие особенности представителей разных поколений. Эта тема станет одной из перспективных контекстов изучения в рамках экономической социологии, фискальной социологии, социологии денег, социологии потребления и иных предметных полей социологии в экономических процессах жизни общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 112–115.
3. Ардашев Р.Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке. Сборник материалов XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020». Москва, 2020. С. 13–15.
4. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной ис-

- тины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
5. Баев П. А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
  6. Баев П. А., Хаустов Д.С. Материальные притязания и финансовые идолы современных студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 352–355.
  7. Зимина Е. В., Хаустов Д.С. Соискание ренты и капитализм: инклюзия и справедливость в тени опыта разрешения социальных конфликтов // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. № 8 (65). С. 134–139.
  8. Зимина Е. В., Хаустов Д.С. Справедливость, наука и социология хозяйственных систем: трансформация откровения в догмат // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 4. С. 779–786.
  9. Полюшкевич О.А. Социальная антропология управления: тенденции изменения мировоззрения молодежи // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 575–578.
  10. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 41–44.
  11. Полюшкевич О.А. Оптимисты и пессимисты в современном мире // Социология. 2020. № 1. С. 328–340.
  12. Полюшкевич О.А. Социальное измерение счастья // Социология. 2022. № 2. С. 154–161.
  13. Полюшкевич О.А. Идеи альтруизма и эгоизма через призму счастья // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. 2020. С. 240–243.
  14. Санина Л.В. Исследование предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области / Л.В. Санина, С.Н. Мозулев, В.В. Поляков. DOI 10.17150/2411–6262.2022.13(3).39. EDN SJKXMC // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13, № 3.
  15. Седова Н.Н. Мировоззренческие установки россиян: опыт эмпирического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 402–415. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2361>.
  16. Скуденков В.А. Естественные и социальные показатели притязаний человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 256–262.
  17. Скуденков В.А. Медиаконструирование страхов в современном обществе // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 103–111.
  18. Скуденков В.А. Мифы о социальном и экономическом капитале в процессах формирования гражданского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 94–100.
  19. Скуденков В.А. Экономические статусы в виртуальном мире: взгляд студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 243–245.

20. Скуденков В.А. Экономические приращения в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
21. Хаустов Д.С. Социальное иждивенчество: ценности собирателей, промысловая логика и экономика дара / Д.С. Хаустов, Е.В. Зими́на. DOI 10.17150/2411–6262.2021.12(4).17 // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 4.

ECONOMIC WELL-BEING OF YOUTH WORLDVIEWS

Baev P.A.

Baikal State University of Economics and Law

The article reveals economic factors that influence the social attitudes and aspirations of young people, the ideological living conditions that contribute to the economic well-being of young people. External and internal vectors of transformation are distinguished. Based on data from our own research, we show the features of the development of unequal strategies and meanings of economic well-being in different youth communities.

Keywords: economic well-being, economic aspirations, worldview, attitudes, economic factors, life chances, youth.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. pp. 130–134.
2. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness: analysis of everyday practices // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. pp. 112–115.
3. Ardashev R.G. Conflict of irrationality of consciousness of modern man // Traditional and new social conflicts in the XXI century. Collection of materials XIV International Scientific Conference “Sorokin Readings – 2020”. Moscow, 2020. pp. 13–15.
4. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 152–156.

5. Baev P. A., Khaustov D.S. Living in debt: moral attitudes of Russians // Sociology. 2023. No. 6. pp. 94–100.
6. Baev P. A., Khaustov D.S. Material aspirations and financial idols of modern students // Science and higher education in the XXI century: space of possibilities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 352–355.
7. Zimina E. V., Khaustov D.S. Rent seeking and capitalism: inclusion and justice in the shadow of the experience of resolving social conflicts // Mission of Confessions. 2022. T. 11. No. 8 (65). pp. 134–139.
8. Zimina E. V., Khaustov D.S. Justice, science and sociology of economic systems: transformation of revelation into dogma // News of the Baikal State University. 2022. T. 32. No. 4. pp. 779–786.
9. Polyushkevich O.A. Social anthropology of management: trends in changing the worldview of young people // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. pp. 575–578.
10. Polyushkevich O.A. Social communications and prosocial practices in the digital world // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 41–44.
11. Polyushkevich O.A. Optimists and pessimists in the modern world // Sociology. 2020. No. 1. pp. 328–340.
12. Polyushkevich O.A. Social dimension of happiness // Sociology. 2022. No. 2. pp.154–161.
13. Polyushkevich O.A. Ideas of altruism and egoism through the prism of happiness // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the V international scientific and practical Internet conference. In 2 parts. 2020. pp. 240–243.
14. Sanina L.V. Study of entrepreneurial intentions of student youth in the Irkutsk region / L.V. Sanina, S.N. Mozulev, V.V. Polyakov. DOI 10.17150/2411–6262.2022.13(3).39. EDN SJKXMC // Baikal Research Journal. 2022. T. 13, No. 3.
15. Sedova N.N. Worldviews of Russians: experience of empirical analysis // Monitoring of public opinion: economic and social chang-

- es. 2022. No. 6. pp. 402–415. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2361>.
16. Skudencov V.A. Natural and social indicators of human claims // The problem of the relationship between natural and social in society and man. 2017. No. 8. pp. 256–262.
  17. Skudencov V.A. Media construction of fears in modern society // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 103–111.
  18. Skudencov V.A. Myths about social and economic capital in the processes of formation of civil society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. 2017. pp. 94–100.
  19. Skudencov V.A. Economic statuses in the virtual world: the view of students // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 243–245.
  20. Skudencov V.A. Economic claims in conditions of mobilization // Sociology. 2022. No. 5. pp. 80–87.
  21. Khaustov D.S. Social dependency: values of gatherers, commercial logic and economics of the gift / D.S. Khaustov, E.V. Zimina. DOI 10.17150/2411–6262.2021.12(4).17 // Baikal Research Journal. 2021. Vol. 12, No. 4.

Особенности и тенденции развития креативных индустрий в XX–XXI вв.

Грицких Надежда Викторовна,

к.с.н., доцент, зав. кафедрой культурологии
и управления социальными процессами ФГБОУ ВО
«Иркутский государственный университет»
E-mail: anris@list.ru

Рыбак Наталья Станиславовна,

магистрант ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет»
E-mail: nirk2k@gmail.com

Моторина Елизавета Геннадьевна,

старший преподаватель кафедры культурологии
и управления социальными процессами ФГБОУ ВО
«Иркутский государственный университет»
E-mail: moto_liza@mail.ru

В статье рассматривается влияние креативных индустрий на динамику социальных изменений и социокультурных процессов в общественном развитии. Становление теории креативных индустрий и формирование основных трендов развития в аспекте взаимодействия государства и гражданского общества в социологическом знании разделяется на три периода в течении XX–XXI вв. Первый период характеризуется становлением концепций социального мира и социальной турбулентности. Второй период определяется в рамках первых двух десятилетий XXI века до пандемии новой коронавирусной инфекции. На данном этапе происходит процесс популяризации социального творчества. Признается важность включения государственных и гражданских инициатив в структуру креативного сектора, закрепляется тенденция инновационности. На отечественной и международной аренах были определены цели на формирование условий реализации государственных и гражданских инициатив через креативные кластеры, цифровизацию новых партнерских отношений между властью и обществом. Результатами обсуждений стали выработка национальных стратегий развития и международные соглашения. Третий период определяется с 2020 года по настоящее время, поскольку происходят стремительное нарастание глобальной нестабильности, изменяются представления о гражданском обществе и важности инициатив. Вырабатываются новые представления о креативных индустриях наряду с государственными и гражданскими инициативами в условиях цифровизации. Креативные технологии продвижения государственных инициатив активно реализуются в рамках Национальных проектов России через

принятие Государственных программ, задача которых состоит в содействии реализации гражданских инициатив, ориентированных на сохранение культурных ценностей, экономики и социального развития страны и её субъектов. Общественный активизм, динамично развивающийся и реализующийся в среде студенческой молодежи, являются неотъемлемой частью креативных индустрий за счет инновационности и социальной ориентации.

Ключевые слова: креативные индустрии, культура, государственные и гражданские инициативы.

Опыт социального развития подтверждает, что институт культуры оказывает существенное влияние на динамику социальных изменений и социокультурных процессов. Существует несколько исследовательских подходов и определений культуры, понимаемых учеными в области гуманитарных и социальных наук. Философский подход рассматривает культуру как систему развития человека, уделяя особое внимание созидательной творческой функции (*creativefunction*). Исходя из данного подхода, можно сделать вывод о том, что активная интеллектуальная деятельность является уникальным фундаментом культурного воспроизводства. В антропологическом подходе культура рассматривается как система знаний, убеждений и артефактов, которые помогают людям адаптироваться к биологической и социальной среде, а также формировать комфортный образ жизни. Деятельность в рамках антропологического подхода реализует экономическую функцию культуры. Следующий подход – социологический – рассматривает культуру как систему ценностей и принципов взаимодействия людей, которые усваиваются в процессе социализации и социального взаимодействия. Интеграция выбранных подходов позволяет культуру рассматривать как совокупность навыков, умений и знаний, которые позволяют человеку конструировать модели собственного поведения и создавать комфортную среду обитания в обществе. Именно созидательный процесс основан на креативности, творчестве и гармонии.

Тенденции развития креативных индустрий в XX–XXI вв. можно условно разделить на три периода. Однако важно отметить, что имеется большой пласт научных исследований, так или иначе связанный с креативными индустриями, который корнями уходит в античность. Значительное внимание на этапе предистории уделялось предмету и методам формирования и расширения инициатив в творчестве, а также проблемам мотивации развития мышления изобретателя. Теоретический анализ показывает, что в традиционных обществах основ-

ным способом продвижения инициатив были объединения людей, которые были организованы в соответствии с потребностями и не имели определенной структурной организации. Для доиндустриально периода характерно, что основной фокус внимания исследователей направлен на решение вопросов, связанных с обеспечением необходимыми ресурсами для жизнедеятельности человека. Творчество и инициатива объектом исследований стали лишь в эпоху Возрождения под влиянием антропологических постулатов того периода.

В XX–XXI вв. происходит развитие производства и воспроизводства социального творчества, активно разрабатываются технологии их применения в условиях общества промышленного типа. Опираясь на характеристики этого времени, мы выделяем, что первым периодом научного интереса, выстраивания научной коммуникации и определения поля научного производства к технологиям социального творчества является 20-й век – это эпоха войны и революции: информации, технологии, науки и технологии, социальной политики и промышленности. Эпоха, ознаменованная возникновением концепций социального мира и социальной революции, характеризовалась появлением новых векторов развития человечества. В течение этих периодов будут сформированы не только новые промышленные и технологические структуры, но и такие социальные концепции, как марксизм, демократическое общество и постиндустриальное общество, будут внедрены в практику. Связь между социально-экономическими изменениями и экономической доктриной была признана только в 20 веке, когда она была подкреплена социально-политической и гражданской теорией. Мы признаем этот век как время творческих и инновационных возможностей, поскольку он выделяется своими творческими и инновационными мотивами, жизненно важными для дальнейшего прогресса современного общества. Индустриальное общество характеризуется искусством организованного движения. Промышленная ре-

волюция развила рабочий класс и сделала возможным создание профсоюзов. Профсоюзы представляли интересы работников до и за пределами руководства организации. Внедрение этой технологии оказалось успешным в современном постиндустриальном обществе. Помимо этого, гражданское общество также использует информационные технологии, развивает и использует их для инициирования и поддержки своих собственных инициатив. Государственные инициативы активно продвигаются через цифровые пространства, которые способствуют использованию цифровых пространств.

В первом десятилетии XXI века стало очевидно, что общество нуждается в инновационных изменениях и поиске новых направлений развития. Все это время, до наступления пандемии, технологии социального творчества шагали вперед. Большинство ученых и политиков считали государственные и гражданские инициативы ключевым фактором развития креативности и инноваций, необходимым для социально-экономического прогресса России и других стран. В это время возникло множество вопросов о развитии гражданского общества в эпоху цифровых технологий, установлении новых технологических партнерств между правительством и гражданским обществом, а также о более широком применении цифровых технологий в интернет-среде. Исследователи XX и XXI веков рассматривали креативные индустрии в социальных науках с экономической

и культурной перспективы, чему свидетельствуют соответствующие концепции. Все эти особенности указывают на различия второго периода.

Третий период распределения вызван резким ростом глобальной нестабильности, изменением представлений о гражданском обществе, значимости инициатив и изменением приоритетов на ближайшие несколько десятилетий, а также изменением отношения к инициативам и приоритетам, приводящим к распределению. Это связано, прежде всего, с резким усилением глобальной нестабильности. Социальное развитие внесло свой вклад в развитие нового подхода к креативным индустриям, в котором большое значение теперь придается цифровым преобразованиям как в креативных индустриях, так и в инициативах государства/граждан. Необходимо было изменить то, как мы думаем о креативности и открываем границы, в то же время устанавливая четкий порядок и рамки для ее существования в турбулентном контексте. Цифровизация способствовала не только научной и технологической революции, но и терапевтическому росту продуктов творческих отраслей, но также и к разработке механизмов их регулирования и управления. В будущем креативность будет подвержена «цифровизации» и участию граждан. В этом уникальность нашего времени в развитии научного творчества, во взаимосвязи процессов, связанных с развитием креативных индустрий и гражданского общества.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «В чем Вы видите отличие креативных индустрий от индустрий доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных обществ?», в %

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля человек, в %
1	Новые системы взаимозависимостей	125	11,7%	41,7%
2	Многовекторность развития	108	10,1%	36,0%
3	Цифровизация производства и управления	107	10,0%	35,7%
4	Рост публичности власти	96	9,0%	32,0%
5	Выход на новый уровень промышленного уклада	93	8,7%	31,0%
6	Рост индивидуализации	89	8,3%	29,7%

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля человек, в %
7	Доминирование инновации над традицией	89	8,3%	29,7%
8	Трансформация социальных и профессиональных структур	75	7,0%	25,0%
9	Определение прорывных направлений и рост их специализаций	71	6,6%	23,7%
10	Использование достижений научно-технического прогресса	66	6,2%	22,0%
11	Трансформация систем ценностей	64	6,0%	21,3%
12	Преобладание деятельностного развития	52	4,9%	17,3%
13	Все вышеперечисленное	22	2,1%	7,3%
14	Затрудняюсь ответить	9	0,8%	3,0%
15	Другое	2	0,2%	0,7%
	Всего	1068	100,0%	356,0%

В науке о творчестве обычно выделяют несколько разновидностей творческой деятельности: искусство, наука, техника, производство, социальное творчество. Интересно, что эти виды творчества не всегда совместимы между собой. Скорее всего, можно сказать, что они часто исключают друг друга. Вот простой пример: наша академическая наука часто подвергается критике на самом высоком уровне за то, что не удается применить научные достижения в производстве, что «корифеи» науки не в состоянии внедрить свои идеи в техническое и технологическое обновление нашей отечественной промышленности, они не умеют «продавать» результаты своих научных исследований. А также отмечается, что люди, занятые художественным творчеством, не всегда легко находят общий язык с другими людьми, не умеют продвигать себя и свои произведения. Современная история вопроса проблем становления и функционирования креативного класса содержит недостаточно информации о роли социального творчества. Несмотря на то, что значение отечественной школы социальных наук не распространяется на полное смысловое поле первой категории, понятие «социальная деятельность» рассматривалось как эквивалентное понятию «социальное творчество». При этом масса рассматривалась, прежде всего, как

предмет социального творчества. Место и функции социального творчества личности в жизни общества остаются без внимания, хотя, согласно обзору имеющихся данных, «маленькому человеку» принадлежит значительная роль в развитии общества. Анализ данных табл. 1 показал, что креативные индустрии от других технологических укладов отличает совокупность следующих факторов: «новые системы взаимозависимостей» – 11,7%; «многовекторность развития» – 10,1%; «цифровизация производства и управления» – 10%. В то же время отмечается рост публичности власти (9%).

Тренды XXI в. показали, что государственные и гражданские инициативы являются важным источником инновационных идей в развитии креативных индустрий в России и мире, способствуют распространению инновационных концепций внутри этих отраслей. Можно констатировать степень взаимосвязи выявленных инициатив и необходимость содействия их включению в социально-экономическое развитие. Использование цифровых технологий для раскрытия и развития творческого потенциала гражданского общества в государственном развитии стало решающим фактором развития как государственных, так и гражданских инициатив. Тем не менее, проблема заключается в том, как развивать способность предлагать и реали-

зовывать государственные и гражданские инициативы в их взаимосвязи перед лицом беспрецедентной глобальной не-

стабильности, которая является одной из причин появления современных цифровых креативных индустрий.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Кто, на Ваш взгляд, является основным лидером гражданских инициатив?», в %

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля человек, в %
1	Общественные советы при исполнительных органах власти	133	19,1%	44,3%
2	Инициативные группы	127	18,2%	42,3%
3	Лидеры общественного мнения	121	17,4%	40,3%
4	Общественные палаты России и ее регионов	118	17,0%	39,3%
5	Популярные личности (блогеры, политтехнологи и др.)	83	11,9%	27,7%
6	Некоммерческие организации	82	11,8%	27,3%
7	Все вышеперечисленное	16	2,3%	5,3%
8	Затрудняюсь ответить	15	2,2%	5,0%
9	Другое (а именно: никто – 1)	1	0,1%	0,3%
	Всего	696	100,0%	232,0%

Исходя из анализа данных табл. 2 ясно, что общественные советы при исполнительных органах власти являются основными источниками гражданских инициатив – 44,3%. Также активно в данном вопросе проявляют себя инициативные группы (42,3%), но зачастую они носят временный характер и специализируются лишь на конкретной сфере, затрагивающей интересы членов данных групп.

Источником гражданских инициатив является население, возможности которого, как правило, ограничены. Это

говорит о невозможности большого охвата аудитории. Основной целью социальных гражданских инициатив является купирование конфликтов на местах, без задела на применения разработанных рекомендаций для решения подобных проблем и масштабирования. Гражданская инициатива предполагает выдвижение инновационных социальных проектов через номинацию на соответствующие конкурсы. Как правило, эти проекты предназначены для достижения целей реализации «зеленых» инициатив и образовательных программ.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какие тенденции в становлении и развитии креативных индустрий прослеживаются в настоящее время в России?», в %

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля человек, в %
1	Тенденции к широкой реализации партнерских отношений власти, бизнеса и общества	144	14,5%	48,0%
2	Тенденции к расширению финансовых возможностей	122	12,3%	40,7%
3	Повышение эффективности реализации национальных проектов	106	10,7%	35,3%

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля человек, в %
4	Сдерживание развития креативных структур вследствие пандемических процессов	99	9,9%	33,0%
5	Расширение сферы гражданских инициатив	98	9,8%	32,7%
6	Создание условий для развития креативного производства и воспроизводства	94	9,4%	31,3%
7	Тенденции к разработке государственных стратегий	92	9,2%	30,7%
8	Трансформация образов креативности в условиях кризиса	63	6,3%	21,0%
9	Рост противоречивости в восприятии цифровизации как вызова креативности	49	4,9%	16,3%
10	Проявление сопротивления в становлении новых креативных индустрий	39	3,9%	13,0%
11	Тенденции к созданию креативного контента	29	2,9%	9,7%
12	Все вышеперечисленное	21	2,1%	7,0%
13	Тенденции к формированию креативной среды	21	2,1%	7,0%
14	Затрудняюсь ответить	17	1,7%	5,7%
15	Другое (а именно: сдерживание развития креативных индустрий)	1	0,1%	0,3%
	Всего	995	100,0%	331,7%

Анализ представленных в табл. 3 данных показал, что в развитии креативных индустрий в России большую роль играют партнерские отношения между властью, бизнесом и обществом (14,5%), в связи с этим повышается эффективность реализации национальных проектов (10,7%), что, в свою очередь, влияет на расширение сферы гражданских инициатив (9,8%).

В заключение резюмируем, что прослеживается прямая взаимосвязь между развитием креативных индустрий и развитием гражданского общества. Взаимодействие между властью и гражданским обществом актуализировало вопрос о выдвижении и продвижении государственных и гражданских инициатив, что не могло не отразиться на механизмах саморегулирования отношений, как в развитии гражданского общества, так и в функционировании креативных индустрий. Особенностью развития креативных индустрий в цифровую эпоху становится институционализация новых

гражданских институтов. Наряду с традиционными некоммерческими общественными объединениями и организациями, в этот период развития информационного общества приобретают большее значение неформальные образования, набирающие силу в сети Интернет. Несмотря на тот факт, что статус субъектов выдвижения государственных и гражданских инициатив может быть разным (формальный и неформальный), к каждому из них выдвигаются требования к повышению креативности и инновационности. Постановка вопроса о месте и роли государственных и гражданских инициатив в развитии креативных индустрий способствует расширению дисциплинарного поля в изучении креативных индустрий в современную эпоху. По итогам исследования были рассмотрены виды государственных инициатив, которые делятся на законодательские и проектные. В России широко развивается реализация государственных инициатив в рамках выполнения Националь-

ных проектов. Гражданские инициативы носят социальный характер и ориентированы на улучшение социальной, культурной, образовательной, экологической сред, что образует видовое разнообразие данных инициатив. Государственная и гражданская активность способствует развитию креативных индустрий, что свидетельствует об их тесной взаимосвязи. В условиях цифровизации выдвижение и продвижение государственных и гражданских инициатив становится фактором развития креативных индустрий. Тем не менее, общее отношение к креативным индустриям неоднозначное за счет разнообразия задействованных в них сфер. Гражданские инициативы, активно реализуемые среди студентов, имеют решающее значение для развития креативных индустрий благодаря своей инновационной и социальной направленности. Курсы обучения талантливых лидеров муниципальных и региональных некоммерческих организаций кажутся хорошей идеей. Региональные творческие отрасли Иркутской области получают выгоду от активной работы органов общественного контроля.

Литература

1. Грицких Н.В. Особенности развития гражданских инициатив в сфере креативных технологий / Н.В. Грицких, О.Н. Кононова, Н.С. Рыбак // Социология. 2022. № 5. С. 31–40. EDN FSLXMX.
2. Грицких Н.В. Развитие креативных индустрий в условиях цифровизации / Н.В. Грицких, О.Н. Кононова, Н.С. Рыбак // Социология. 2022. № 6. С. 39–47. EDN BEOHVL.
3. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р «О Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [Электронный ресурс] // Консорциум «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222> (дата обращения: 14.09.2023).

FEATURES AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE XX–XXI CENTURIES

Gritskikh N.V., Rybak N.S., Motorina E.G.
Irkutsk State University

The article examines the influence of creative industries on the dynamics of social changes and socio-cultural processes in social development. In the development of sociological thought on the formation and development of creative industries in the aspect of the relationship between the state and civil society, three periods in the XX–XXI centuries are clearly traced. The first period is characterized by the formation of concepts of social peace and social turbulence. The second period is defined within the first two decades of the XXI century before the pandemic of a new coronavirus infection. At this stage, the development of social creativity technologies was progressive. There was recognition of the importance of state and civil initiatives as a factor in the development of creativity and innovation. The issues of the need for the development of civil society in the digital era, the formation of new partner technologies of government and civil society, and the wide applicability of digital technologies were raised in the domestic and international arenas. The discussions resulted in the development of national development strategies and international agreements. The third period is defined from 2020 to the present, as there is a rapid increase in global instability, changing perceptions of civil society and the importance of initiatives. New ideas about creative industries are being developed along with state and civil initiatives in the context of digitalization. For the development of creative industries within the framework of the implementation of National Projects, State programs are being created aimed at supporting civil initiatives in the field of culture, economy and social development of the state and its regions. Civic initiatives that are actively developing and being implemented among students are an integral part of creative industries due to innovation and social orientation.

Keywords: creative industries, culture, state and civil initiatives.

References

1. Gritskikh N.V. Features of the development of civil initiatives in the field of creative technologies / N.V. Gritskikh, O.N. Kononova,

- N.S. Rybak // *Sociology*. 2022. No. 5. pp. 31–40. EDN FSLXMX.
2. Gritskikh N.V. Development of creative industries in the conditions of digitalization / N.V. Gritskikh, O.N. Kononova, N.S. Rybak // *Sociology*. 2022. No. 6. pp. 39–47. EDN BEOHVL.
  3. Order of the Government of the Russian Federation of September 20, 2021 No. 2613-r “On the Concept for the development of creative industries and mechanisms for the implementation of their state support in large and largest urban agglomerations until 2030” [Electronic resource] // Code Consortium. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222> (date of access: 09.14.2023).

Формирование этнической идентичности молодежи в процессе воспроизводства социального воспитания

Решетникова Екатерина Владимировна,

к.ф.н., доцент Института социальных наук
Иркутского государственного университета
E-mail: eresh80@mail.ru

Гуринович Людмила Анатольевна,

старший преподаватель Института социальных наук
Иркутского государственного университета
E-mail: milgur@mail.ru

Шарабрак Максим Алексеевич,

магистрант МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: saraburakmaksim@gmail.com

Статья подготовлена по материалам исследования, проведенного на территории Иркутской области по изучению процесса формирования этнической идентичности в молодежной аудитории. Наиболее интересными являются данные о современных тенденциях процесса и влиянии социальных институтов на процесс формирования этнической идентичности. Авторами даны предложения о построении взаимодействия между государственными и некоммерческими организациями с целью расширения числа агентов и институтов, участвующих в процессе социального воспитания.

Ключевые слова: этническая идентичность, молодежь, социальное воспитание, социальное взаимодействие.

Проблема формирования идентичности может анализироваться как в рамках проблематики существования самого человека, т.е. в глобальном масштабе, так и в рамках рассмотрения процессов социализации и социального воспитания как части этого процесса и усвоения социальных норм и шаблонов представителями разных возрастных групп. Идентичность – это сложный феномен, в основании которого находятся индивидуальные и коллективные уровни сознания. Важность изучения вопросов, связанных с проблемами становления идентичности как характеристики личности обусловлена не только тем, что, как отмечают многие исследователи, на современном историческом этапе прослеживается серьезный кризис самоидентификации человека, но и сами по себе эти вопросы с давних времен были предметом рассмотрения выдающихся исследователей своего времени.

Проблема межэтнических отношений наиболее остро проявляет себя в периоды социальной и политической нестабильности, когда экономические потрясения и рост социального неравенства нередко сопровождаются подъемом уровня ксенофобии и шовинизма. Россия сегодня как раз находится в зоне социальной турбулентности. На фоне разобщенности в обществе, уже имеющиеся противоречия закипают, приобретают новые грани и грозят непредсказуемыми последствиями. В связи с этим, также крайне важно в должной мере уделить внимание теме этноса и этнической идентичности в нашей суперэтнической стране.

Научное исследование идентичности производится на протяжении более двух сотен лет, социальную идентичность рассматривают социологи и социальные психологи, начиная с Э. Дюкгейма и Э. Эриксона, что сегодня внесено в большинство классических произведений. Весьма полный анализ был про-

веден Бугазовым А.Х. и Ивановым Н.А. [7]. Виды идентичности и связь между этнической и религиозной идентичности, например, исследовала Кузнецова Е.В. [14]. Автор продемонстрировала фактор формирования этнорелигиозных групп внутри общностей в зависимости от формы веры. Большое внимание этнокультурным аспектам идентификации личности уделяет в своих исследованиях Бобков А.И. [5]. Автор анализирует связь между влиянием социальных институтов на рост идентичности, в частности, этнической, изменением уровня самосознания в зависимости от включенности в социальные группы, важность этих процессов для целостности группы и динамики ее развития.

На первых порах важно обозначить место идентичности человека в структуре современного общества, именно это должно стать отправным пунктом нашего исследования. Так процессы, проявляющиеся в современном обществе, являются вполне созвучными постмодернистской картине мира, именно эта концепция дает наиболее удобный, на наш взгляд, способ понимания и трактовки преобладающих на сегодняшний день социальных процессов.

Проблемы идентичности и этнической идентичности, в частности, видятся вполне закономерными в рамках такого общества и требуют нашего особого внимания. Начинают стираться даже границы между представлениями о норме и девиации. Неопределенность и случайность становятся нашими постоянными спутниками по жизни. Возникают трудности в том, чтобы определить цели общественного развития, пути и средства для их достижения. В такой атмосфере теряется возможность содержательного обсуждения единых нравственных принципов, объективных представлений о правильном и неправильном, общепринятых взглядов на социальное благополучие общества – важных составляющих этнического мышления. Все эти особенности не могут не отражаться на нашей повседневной жизни в виде общей социальной аномии и дезориентации.

Нам видится необходимым сконцентрировать внимание общественности на рассмотрении общедоступного контента реальных и виртуальных средств массовой коммуникации, как платформ самоорганизации различных групп, которая ввиду отсутствия шаблонных алгоритмов (и более того, зачастую невозможности существования таковых) происходит бессистемно и интуитивно, как бы «на ощупь». Предполагается, что в процессе социализации человека окружающие акторы «приписывают» его к определенному этносу, и проблем с идентификацией у него не возникает. Но, беря во внимание специфику постмодернистского общества, с характерными для него нарушениями социальной целостности и размытыми представлениями об идентичности, у многих людей в процессе институционализации этнической идентификации, кроме критерия приписывания (то, кем другие их воспринимают), большую роль играет и критерий внутреннего выбора (то, кем они сами себя осознают). Особую важность критерий «внешнего приписывания» приобретает в случаях, когда этническое происхождение сопровождается явными физическими характеристиками, например, такими как цвет кожи или разрез глаз, но несмотря на это, отдельные индивиды даже в таком случае могут идентифицировать себя с другой, отличной от его собственной, расовой группой.

Таким образом, кризис социальной идентичности индивида в современной эпохе обусловлен, в немалой степени, постмодернистским стремлением к снижению зависимости человека от влияния внешних «авторитарных отношений», чтобы дать ему возможность реализовать себя и самостоятельно найти свое место в меняющемся мире. Это означает, в свою очередь, сужение роли социальных институтов в жизни индивида.

Современное общество находится под сильным влиянием западной культурной гегемонии. Посредством мягкой силы западный мир установил монополию на обладание своими ценностями и идеалами, как единственно верными, и предлагает принять их как универсаль-

ные, не учитывая специфику конкретных стран. Так, политико-правовая система сегодня утверждает примат индивидуальных прав над коллективными (этническими, трудовыми и т.д.) и запрещает навязывание общеобязательной государственной идеологии. Такое положение вещей создает почву для вытеснения этнической культуры глобалистской, общемировой культурой. Этот фактор вкпе с неимением фактуры и ясных очертаний национальной идеи РФ делает сложным выработку ясной концепции национальной политики в нашей стране. В современной национальной политике заметны метания от двух разных подходов к национальной политике, от концепции нации-культуры к концепции нации-государству [9].

Мы можем отметить два важных для темы нашего исследования документа: ныне утратившая свою силу Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. (этот документ важен нам для того, чтобы увидеть тенденцию развития национальной политики в нашей стране) [2] и Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 19 декабря 2012 г. № 1666 [3]. Как указывает И.В. Ботанцов, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации определила систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации данной политики. Исследователи отмечают, что ключевой для России документ в сфере национальной политики содержит глубинные противоречия в принципиальном вопросе. С одной стороны, Стратегия формально предполагает курс на построение нации – государства, с другой стороны, одно из центральных мест в риторике держателей нашей государственной власти имеют указания на важность сохранения этнического многообразия Российской Федерации – позиция, отражающая приверженность модели нации-культуры [3].

В целом, характеризуя положение вещей в национальной политике РФ можно провести показательные параллели с оной в СССР. В современной России можно проследить те же попытки, направленные на воспитание нового типа человека, что и в СССР: человек, который был оторван от своей естественной традиции для дальнейшего воспитания универсального типа человека. Подобная политика, как видится, может привести к двум закономерным итогам: полному стиранию этнокультурных различий и сопутствующей духовной деградацией; или же дроблению государства на унитарные, независимые республики, стремящиеся сохранить свою самобытность. Личностные характеристики такого типа граждан становятся универсальными, в них остается мало элементов идентичности. Становится важным проводить анализ социальный среды в процессе интенсификации социального образования и воспитания.

Главная сложность в социально-философском рассмотрении феномена этноса, заключается, в первую очередь, в гетерогенности рассматриваемой темы и в масштабности материалов по ней. Нашим исходным предположением будет то, что этнос представляет собой сложный биосоциальный феномен, анализ которого требует внимательного и глубинного рассмотрения природы человеческой социальности как таковой. Мысль может казаться тривиальной и самоочевидной, но почему-то часто специалисты, реализующие проекты практической направленности в области социальной работы с этническими группами, игнорируют эту данность и считают, что они освобождены от бремени всестороннего онтологического анализа факторов, лежащих в основе этноса.

Проведение массовых мероприятий в сельских территориях как аспект повышения качества жизни изучают Решетникова Е.В., Шантанов Р.В., Гуринович Л.А [11]. Авторы выявили, что социальные настроения жителей отличаются определенной ригидностью, и сделали вывод, что для повышения активности нужно комплексное взаимодействие

с общественными структурами, где будут представлены советы ветеранов, волонтерские организации, общественные представительства. Целью такого взаимодействия станет повышение социального оптимизма сельского населения, его сплоченность, расширение спектров идентификации каждого участника.

С целью выявления предметного поля для применения технологий социальной работы в сфере формирования этничности, нами было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 9 экспертов, занятых научным изучением проблем этноса или общественной работой этнокультурной и этносоциальной направленности в Иркутской области. Отвечая на вопрос о наиболее характерных для жителей нашего региона идентичностях, эксперты оказались единодушны, все они выделили как наиболее характерные возрастную и этническую идентичность. Отвечая на вопрос об остроте проблемы формирования этнической идентичности в нашем регионе, треть экспертов оценила ее как очень высокую. Это говорит о том, что ощущается пространство для осуществления работы с этничностью.

Напрямую отвечая на вопрос о формах взаимодействия, имеющих возможность позитивным образом сказаться на формировании этнической идентичности граждан, эксперты особо отметили этнокультурные инициативы: изучение актуальных форм взаимодействия представителей отдельных элементов общественной структуры выявило, что наиболее часто к таковым относят культурные формы (фестивали, концерты, кулинарные и вокальные конкурсы), воспитательные воздействия (патриотические акции и исторические ретроспективы в виде выставок, музейных экспозиций и пр.).

Сама специфика такого сложного явления как этничность, делает малоосуществимым, на наш взгляд, корректирующее и направляющее участие социальной работы в процессе формирования этнической идентичности ведомственным путем. Этничность – это самовос-

производящаяся система и нельзя умалять ту роль, которую в этом процессе играют деятели культуры – выразители национального этоса, закодированного в символическую форму и отражающего исторический опыт и метафизическую природу народа [14]. Достаточно вспомнить то значение, которое имело развитие «печатного капитализма» для формирования наций в странах Европы и для появления национально-освободительных движений в колониях, чтобы оценить важность креативного класса в деле формирования идентичности. Такие исследователи как Б. Андерсон, Э. Геллнер и Э. Хобсбаум, отмечали, что во всем обществе, независимо от социального слоя (будь то элиты или низшие сословия), развитие индустрии книгопечатания и широкого образования вызывало рост национального самосознания. Как отмечает Б. Андерсон, в большей части европейских держав, процесс «национального пробуждения» происходит на фоне развития национальной литературной традиции, именно в этот момент большое скопление ничем не связанных между собой (кроме языка) индивидов начинает «воображать» себя как нацию [4].

Для развития личности и ее социализации применение социокультурных технологий может иметь огромное значение. В практику социальной работы сегодня все активнее внедряются методики работы с творческим потенциалом клиентов и клиентских групп. Реализация социальных технологий в профессиональной практике социальной работы, также способна оказывать косвенное влияние на глубинные социокультурные процессы и менять социокультурный фон в том заданном направлении.

На личностном уровне социокультурные технологии способны изменять духовный облик человека в лучшую сторону, содействовать развитию его творческих навыков и личностных качеств. Посредством активной творческой жизни индивид приобретает мотивацию, повышает уровень своей культурной грамотности и приобщается его к миру ценностей.

Важное преимущество социокультурных технологий в том, что они способствуют формированию такой социокультурной среды, которая в равной степени способствует как индивидуализации индивида, так и его социализации. Их достоинство в том, что при достижении целей и задач социальной работы, индивид выступает как активный субъект творческой деятельности.

Как отмечают эксперты, комплекс социокультурных технологий основывается на взаимодействии ключевых элементов: репродуктивный, творческий, репродуктивно-творческий. Именно репродуктивные элементы в системе социокультурных технологий имеют потенциал для передачи ценностного и исторического содержания этнической идентичности. Это одна из самых важных сторон социокультурной деятельности – интеллектуальное проникновение в глубинный образ жизни общества; анализ принимаемых им ценностей и социальных норм, духовных и досуговых практик [15].

В числе методов социокультурных технологий, которые имеют большое значение для темы нашего исследования, мы подчеркиваем следующие:

- организация творческой деятельности (организация творческих соревнований, создание творческих групп и объединений, выдвижение творческих задач и т.д.);
- просвещение (организация лекций и семинаров, подготовка и изложение теоретического материала, упражнения на закрепление полученных знаний и т.д.);
- воспитание (организация образовательного процесса, приобщение к миру ценностей и т.д.);
- рекреация (организация досуговой деятельности, приобщение к игровым соревнованиям и т.д.) [16].

Социокультурные технологии способны оказывать эмоциональное и идейное влияние через посредство таких инструментов как устная речь, печатный текст, наглядное творчество (экспонаты, картины, скульптура, кино, театр) и др. В рамках социальной работы на микроуровне важное место отводится образователь-

ному процессу, на нем следует остановиться подробнее.

В рамках настоящего исследования нами был проведен вторичный анализ данных, с целью определить технологический инструментарий, подходящий для социальной работы с этнической идентичностью. Для этой цели мы обратились к 6 исследованиям отечественных авторов, выпущенных в период с 2017–2022 год. Ознакомившись с представленными статьями, нами были выделены общие положения, разделяемые их авторами. На основании этих общих точек зрения нами были сделаны предположения о наиболее эффективных технологиях работы с этнической идентичностью. В результате вторичного анализа данных, мы пришли к следующим выводам.

Большинство исследователей отмечают, что для формирования этнической идентичности огромное значение имеет этническая осведомленность. Она выражается в осведомленности о существовании этноса, знакомстве с его историей и этническом самосознании.

Многие специалисты сходятся во мнении, что залогом формирования позитивной этнической идентичности должны быть соблюдены следующие основные критерии:

- опора на авторитетные референтные группы;
- атмосфера благополучия и уверенности;
- активное участие самого индивида в построении своей личности.

Эксперты, к которым мы обратились в нашем исследовании, сходятся во мнении, что этническая идентичность формируется в процессе социализации человека, в это время происходит усвоение языка и знакомство с определенными сторонами духовной жизни этноса. Соблюдение обрядов и обычаев, общение на родном языке, беседы на исторические темы благоприятно сказываются на формировании позитивной этнической идентичности. Многие авторы особо выделяют комплекс этнокультурных технологий, хотя и делают акценты на разные аспекты.

Отмечается, что взаимодействие и взаимообогащение этнических культур в отдельных регионах будет способствовать тому, что люди, живущие в такой атмосфере, смогут лучше ощутить принадлежность к определенной общности, народу, культуре, характеризоваться сформированностью культурных потребностей, стремлением к нравственному, осмысленному поведению, будет способен к развитию культуры в себе и социуме [6, с. 34].

Нам видится, что этнохудожественное образование – один из инструментов, который может быть эффективно использован в рамках работы с подростками и молодежью. Оно представляет собой процесс освоения традиционной художественной культуры, самобытных этнокультурных и исторических традиций, сложившихся в различных регионах страны – как один из способов преодоления острых духовно-нравственных проблем общественного развития.

Специалисты отмечают наличие механизма идентификации, который запускается у каждого обучающегося при создании соответствующих педагогических и социальных условий и в результате действия которого у человека формируется этническая идентичность. Это динамический процесс, как отмечают педагоги и психологи, на который необходимо влиять. Этот процесс занимает достаточно длительный период, зарождаваясь в дошкольном возрасте обучающегося и заканчиваясь в период окончания формирования личности подростка [5].

Российское государство обязано заботиться о сохранении этнокультурной идентичности личности, давая ей возможность приобщения к родному языку и культуре. Этническая идентичность формируется на почве исторической памяти этноса, приобщении к традиционным для него ценностям и духовным ориентирам, развитию языка и, конечно же, культурной самобытности народа. Весь этот фундамент может и, вероятно, должен быть приобретен молодыми людьми в стенах образовательных учреждений [7, 17].

На сегодняшний день в Российской Федерации уделяется серьезное внимание вопросам развития традиционной культуры этносов, особенно в национальных регионах. Так, за последние несколько лет в ряде субъектов РФ были внедрены инициативы по возрождению традиционных художественных культур, что является хорошим шагом в сторону формирования жизненного пространства для национальных креативных индустрий в этих регионах. Подобного рода политика на региональном уровне всегда должна осуществляется с учетом этнического и конфессионального состава населения, его историей и культурным наследием.

Между тем, государство активно прорабатывает патриотическое направление воспитательной работы с молодежью. «Патриотизм означает принадлежность человека к чему-то общему, и в этом смысле он в чем-то противостоит социальному разнообразию, в том числе этническому и культурному» [10]. Патриотизм важен, но вопрос о соотношении «национальной», точнее, государственной, и «этнической» идентичностей неизбежен. На данный момент мы можем лишь констатировать, что на сегодняшний день в Российской Федерации работа в направлении патриотического воспитания ведется неэффективно из-за акцентирования внимания на гражданской идентичности, она не учитывает этнический компонент, в результате чего неэффективна также работа и в направлении этнокультурного воспитания [8].

По словам некоторых исследователей, реализация этнохудожественного просвещения населения в регионах часто сталкивается с некоторыми трудностями. Среди прочих, частое замечание о том, что выявлено низкое содержание компонентов этнической художественной традиции в образовательном процессе и работе культурно-досуговых учреждений.

В вопросе репрезентации этнокультурного наследия важно учитывать развитие современных глобальных социальных, культурных, экономических, информационных тенденции, все они вносят

свои коррективы и ставят под сомнение эффективность традиционных методов координации процессов формирования этнической идентичности [9]. Так, по мнению некоторых экспертов, перенос дискурса в виртуальное пространство создает такую тенденцию как «виртуализации идентичности». Идентичность молодежи, которая более чутко реагирует на современные тенденции в сфере информационных технологий, требует особого внимания. В этой связи ощущается потребность в повышении уровня и качества этнических культурных проектов в виртуальном пространстве.

На наш взгляд, эффективным средством трансляции этнических символических форм могут выступать каналы YouTube, подкасты на стриминговых сервисах и тематические каналы в Telegram. Важно обратить внимание на профессионализм создателей этих сообществ. Мы уже имеем примеры ведомственных подходов к работе с интернет-пространством в нашей стране и, на наш взгляд, они не могут считаться эффективными. Так, например, молодежное политическое движение «Молодая гвардия Единой России», которое считается «прокремлёвским проектом», в 2008 г. создало свой официальный YouTube-канал, который за 11 лет деятельности имеет всего 3378 подписчиков [19]. Такие показатели свидетельствуют не столько об отсутствии интереса у целевой аудитории к официальным проектам как таковым, сколько об отсутствии компетенций в работе с интернет-пространством у кураторов этого канала. Работа в интернете должна осуществляться заинтересованными и погруженными в вопрос людьми. Удачным решением видится дать возможность самим молодым авторам реализовать свой творческий потенциал, через участие в творческих конкурсах, фестивалях и грантах.

Социальная работа посредством комплекса социокультурных технологий имеет возможность содействовать индивиду в развитии его личностных качеств в русле традиционных ценностей, сохра-

нению и преобразованию их в творческие единицы [18]. Таким образом, речь идет о преумножении культурного наследия этноса и, косвенным образом, формировании нового социокультурного пространства.

В целом, как мы и говорили ранее, работа с этничностью должна осуществляться комплексно, с привлечением государственных ведомств, институтов и общественных организаций [17]. Важное место в процессе формирования этнической идентичности должны занимать социально-культурные технологии, именно они, как предполагается, могут серьезным образом помочь в воспитании истинно традиционных ценностей этноса и содействовать воспроизводству нового креативного класса – важного агента формирования этнической идентичности [16]. Благодаря тому, что в них соединяются элементы культурного, социального и педагогического подхода, их роль в процессе формирования личности очень высока.

Как правило, когда речь заходит об уровне развития или стабильности региона, говорят в первую очередь об его социально-экономических или социально-политических показателях. Это разумно, но, между тем, порядок и благополучие не могут существовать без сопутствующего им развитого социокультурного пространства [14]. Кроме того, духовная жизнь общества имеет особое, этно-консолидирующее значение, оно важно для обеспечения единства этноса и передачу будущим поколениям накопленного исторического опыта. Ключевую роль здесь играет искусство. Также искусство является важным инструментом консолидации и сплочения этноса, тем самым обеспечивая стабильность национальных регионов.

Кажется очевидным, что для социального и экономического благополучия регионов искусство малозначимо, но, в свою очередь, оно является крайне важным фактором передачи национальной памяти и сохранения традиций. Так, например, такие направления работы, как организация деятельности специализированных этнокультурных центров;

внедрение образовательных стратегии, делающих упор на изучение родного языка и культурной самобытности региона; инициативы по охране национальных памятников культуры и искусства, являются фактором консолидации [13].

Искусство всегда являлось важной частью духовной жизни народов, именно поэтому традиционные виды искусства лежат в основе этнической идентификации человека. Важной особенностью искусства, в сравнении с прочими сферами общественной жизни (политика, религия, наука, право), является то, что национальный этос и этническая форма имеет для искусства большое значение, в то время как политика или религия могут быть рассмотрены в отрыве от него. В искусстве как духовной практике, отражающей объективную реальность, запечатлены исторический опыт, этнос, его ценности и порядки [12].

Многие современные исследователи отмечают важность искусства в формировании этнической идентичности. Искусство как крупный пласт духовной жизни народа главным образом участвует в формировании его ценностного облика. Одна из главных функций искусства, позволяющая ему существовать – удовлетворение духовных и эстетических потребностей народа [11]. Демаркация между культурой своего и чужого этноса начинает просматриваться индивидом именно в процессе освоения национального искусства. Таким образом, знакомясь с национальным искусством, человек приобретает ощущение принадлежности, присущность к своей этнической группе, что в действительности является проявлением формирования этнической идентичности.

Образчики этнического искусства всегда отражают историко-социальный опыт народа. Зачастую мы сталкиваемся с тем, что на интуитивном уровне воспринимаем то или иное произведение искусства, как будто вся его телеологическая причина кроется в передаче историко-культурных кодов того или иного этноса. Это путь, на котором человек приобщается к истории и культуре своего народа, впитывает его традиции.

Для формирования этнической идентичности, сохранения и передачи исторического опыта, этническое искусство является наиважнейшим инструментом [21].

Различные морально-нравственные установки человека приобретаются им в тесном контакте с культурной средой его воспитавшей. Различные символические формы, идеи, смыслы, традиции и обычаи имеют одинаковое значение для представителей одной социальной общности и усваиваются ими в процессе формирования личности [22]. Именно поэтому перед лицом государства сегодня стоит задача формирования такого социокультурного пространства, особенно в национальных регионах нашей страны, которое могло бы способствовать воспитанию оригинальных деятелей креативного труда – выразителей этнического самосознания своего народа.

Мы уже говорили о том, что ценности не изобретаются, не являются плодом творческого воображения людей. Их не получится выдумать и насильно внедрить в общество, потому что они не удовлетворяют никакие потребности. Выдуманные ценности соответствуют выдуманным потребностям, в то время как органичные ценности должны составлять собой системообразующий стержень этноса [23]. Тем не менее, у нас остается возможность работать в направлении социокультурного образования. Это важно, так как для того чтобы иметь возможность опереться на этническую культуру в эпоху социальных беспокоев и перемен, необходимо знать ценностное содержание этноса и понимать основы этнического самосознания. Синтетическое смешивание элементов чужеродных традиций, с необходимостью встречает сопротивление и отторжение, о чем нам красноречиво свидетельствует история.

Попов Е.А. в своем исследовании делает вывод о том, что теоретическом плане этноконсолидирующая роль искусства определяется тремя важными обстоятельствами: 1) имеются ли возможности для использования явлений искусства в решении тех или иных актуальных социальных проблемы, на-

пример, проблемы социальной коммуникации, социальной справедливости и т.д.; 2) насколько региональное искусство сохраняет свою этническую оригинальность и в то же время какова доля заимствований из других культур и активных процессов глобализации и модернизации; 3) сохраняет ли искусство эффективный механизм этнической самоидентификации индивидов и каким образом этот механизм влияет на приверженность человека устойчивым традициям» [20]. Сюда следует добавить и вопрос институциональной поддержки искусства в деле воспитания новых поколений, приобщения их к традиционным ценностям и социализации в согласии с этическими нормами. Такая поддержка должна осуществляться перманентно.

Мы говорим о «размывании» этнической идентичности молодежи под влиянием индустрии культуры, набирающей обороты параллельно с развитием информационных технологий, теперь необходимо подробнее остановиться на этих процессах. Индустрия культуры – система организаций (включая и творческие), печатных органов, студий граммплаки, радио и телевидения (а шире – музеи, рекламные агентства и т.д.), создающая низкопробную, популярную (массовую) продукцию, и тем обеспечивающая капиталистическую гегемонию [17]. В сущности, современная массовая культура не несет ценностных ориентиров, она не апеллирует к традиционным смыслам и исторической памяти, единственное, чем озабочены торговцы культурой – извлечением прибыли из стандартизованного, типового товара, в этом плане современная массовая культура однозначно встроена в общую логику рыночных отношений.

Учитывая это, можно проследить истоки современных процессов, направленных на унификацию культуры, приведению ее к единообразию. Современные ремесленники от индустрии культуры точно так же, как и любые транснациональные корпорации, стремятся охватить своей сетью как можно большее количество уголков мира. Для реализации таких амбиций важно перевести искусство

на язык, понятный широкому потребителю из любой части света. Само искусство как явление при этом концептуально беднеет, лишается своего очарования и ставится на конвейер. Говорить об этноконсолидирующей функции такого типа искусства не приходится, в сущности, его устремления направлены на воспитание нового, «глобального» человека, именно этого требует логика рынка.

В настоящее время глобализация в области культуры в той форме, в которой она существует, включает в себе серьезную опасность. Она сводится к унификации национальных культур, на основе западных образцов [12]. Односторонний характер культурного взаимодействия ведет к подавлению национальных культур, и, в конечном счете, может привести к потере национально-культурной самобытности не только малочисленными народами, но и довольно многочисленными. Формирование у подрастающего поколения ответственности за судьбу Отечества через приобщение к народной культуре, знакомство с лучшими традициями народного творчества, интереса и уважения к истокам – одна из актуальных задач современного образования и воспитания. И совершенно точно нельзя игнорировать ту роль, которую играет семья в социализации личности, этническое искусство остается наиболее эффективным мостом передачи опыта и традиции новым поколениям.

Мы можем сделать следующие выводы: 1) национальное искусство является фактором консолидации представителей этнических меньшинств в регионах и может применяться как механизм воспитания этнической идентичности; 2) современные социокультурные процессы в лице глобализации и унификации ценностей и морально-этических норм, феномен мультикультурализма и политики открытых дверей, заметно снижают эффективность этноконсолидирующего влияния искусства на общество, но при этом они не умаляют ее роль при укреплении межпоколенческого диалога внутри этноса.

Искусство по своей природе не предполагает какого-то прямого социального влияния. Искусство является очень тонкой материей, вызывающей у человека те или иные эмоции и настроения, побуждающие к рефлексии и поиску своего места. Так или иначе, именно искусство представляет собой фактор культурного воспроизводства и межпоколенческого диалога. Несмотря на современные тенденции, такие как глобализации и унификация культур, затрудняющие этническую самоидентификацию индивида, язык национального искусства остается для него понятным на уровне духовного бытия, он не требует объяснений и расшифровки; потребность в консолидации и принятии запечатленных в языке ценностей ощущается личностью на метафизическом уровне.

В рамках нашего эмпирического исследования, отвечая на вопрос о формах взаимодействия, которые могли бы положительным образом сказаться на процессе формирования этнической идентичности граждан, большинство экспертов (восемь человек) посчитало, что такими формами являются: «проведение фестивалей детских национальных коллективов и детского народного творчества», а «также организация конкурсов, олимпиад по национальным культурам, языкам, истории и традициям национальных меньшинств». Таким образом, эксперты отдали предпочтение этнокультурным формам работы с этнической идентичностью.

В Иркутской области регулярно проводятся множество фестивалей и праздников. Международный фестиваль «Ёрдынские игры», неизменно проводимый в Ольхонском районе каждые два года, – концентрация всего разнообразия бурятской культуры, которая является неисчерпаемым ресурсом этнокультурного туризма. Ежегодно проводится областной и районные традиционный бурятский сезонный праздник Сурхарбан. Также увидеть и постичь всю уникальность бурятской культуры можно на международном фестивале «Алтаргана».

На муниципальном уровне, на территориях образований Иркутской об-

ласти формируются проекты создания этнодеревень и гостевых домов. Все контакты городской администрации с национально-культурными организациями, объединениями и сообществами, осуществляется в соответствии с федеральным законодательством. Так осуществляются следующие виды поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций.

1. Финансовая поддержка. Она осуществляется на конкурсной основе, через реализацию грантов. Первый конкурс по предоставлению финансовой помощи некоммерческой организации для содействия национально-культурного развития народов, проживающих на территории Иркутской области, был проведен в 2018 году.

В 2022 году в конкурсе приняло участие 5 национально-культурных объединений: Иркутская областная общественная организация «Азербайджанский конгресс Иркутской области» с проектом Фестиваль «Навруз Байрам зажигает в Прибайкалье!»; Общественная организация «Национально-культурная автономия Иркутской области «ЮЛТАШ» с проектом «Чувашия-край ста тысяч вышивок и песен»; Иркутская городская общественная организация «Этнокультурный центр народов Севера» с проектом «Сохраняя традиции предков»; Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я.Д. Черского с проектом «Беларусь приглашает друзей»; Иркутская областная общественная организация «Татари-башкирский культурный центр» с проектом «Областной конкурс фестиваль татарского творчества «Ангара таннары».

2. Имущественная. Она проявляется в предоставлении помещений под мероприятия и для создания офиса. В 2013 году в городе Иркутске, с целью содействия общественной инициативе и поддержки деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, был создан ресурсный центр – представлявший собой пространство, передаваемое некоммерческим организациям в безвозмездное пользование.

Сами ресурсные центры оборудованы всей необходимой аппаратурой (проекторы, персональные компьютеры и ноутбуки, музыкальное оборудование, выход в интернет) обеспечивающей возможность проведения семинаров, круглых столов, мастер-классов, презентации. Имеют конференц-зал, кабинеты для размещения сотрудников и пространство для проведения открытых мероприятий.

В рамках деятельности муниципальных казенных учреждений, были открыты национально-культурные центры, которые в свою очередь проводят консультационную работу с мигрантами, проводят открытые мероприятия и собрания.

В городе Иркутске на правах льготной аренды помещения предоставляются для трех национально-культурных объединений: ИГОО «Иркутское Армянское Культурное Общество»; ИОО «Азербайджанский конгресс Иркутской области» и ИОО «Литовский национально-культурный центр Иркутской области «ШВИТУРИС» («Маяк»).

Помимо прочего, у некоммерческих организаций существует возможность проведения публичных мероприятий национально-культурного плана в муниципальных культурных и образовательных учреждениях, таких как: школы, библиотеки, музеи и т.д. использование этих площадок осуществляется на безвозмездной основе.

3. Информационная. Проявляется в том, что жители города всегда проинформированы о деятельности национально-культурными организаций и о грядущих мероприятиях, организованных ими. Деятельность организаций постоянно сопровождается информационными материалами в местных газетах. Вся важная информация с актуальными новостями и анонсами размещается на официальном сайте администрации города Иркутска и ресурсе «Общественная жизнь города Иркутска». Публикации на этих сайтах включены в информационную рассылку для региональных новостных агентств и средств массовой информации. Впоследствии из них будут сделаны полноценные новостные статьи

и сюжеты, освещающие жизнь города Иркутска.

4. Организационная. Связана с организацией образовательных семинаров и лекций, в вовлечении граждан в деятельность национально-культурных объединений, в популяризации проектов национально-культурных объединений. В нашем городе реализуется проект движения «Некоммерческий клуб». Проект позволяет проводить мероприятия, конференции и круглые столы на различные актуальные темы.

Для области огромный потенциал имеет развитие этнотуризма. В современном мире просыпается большой интерес к этнической проблематике. Многие специалисты и активисты все чаще говорят о важности сохранения этнокультурной самобытности малых народов. Образы из этнических культур проникают в популярную культуру и хоть нередко они оплошляются в процессе, хоть они, чаще всего, и имеют сугубо декорационные функции и не несут глубокого концептуального наполнения, это все же свидетельствует о возрастающем интересе широких масс к традиционному культурному наследию разных народов.

Иркутская область – это уникальное место, сосредоточение такого огромного количества самобытных культур. Как отмечалось ранее, на территории нашей области проживает порядка 150 этносов и малых народов, все они обладают своей собственной, непохожей на прочие, традицией, культурой и историей. Этническое многообразие нашей земли, помимо прочего, делает его местом сильнейшего религиозного присутствия, здесь можно встретить как крупнейшие мировые религии, так и традиционные верования (бурятский шаманизм, старообрядческое православие). Учитывая это можно сказать, что Байкал – это по-настоящему привлекательное место для этнического туризма. Для Иркутской области перспективным направлением работы является развитие этнического туризма. Благодаря сосредоточению такого большого количества самобытных культур и удачному географическому положению, байкальский регион становится

ся популярным маршрутом для этнического туризма. Этнотуризм становится фактором консолидации и построения позитивного межнационального диалога. Он положительно образом сказывается на этнической идентичности туристов, так как человек по-новому смотрит на родную для себя культуру, знакомясь с этническими различиями.

Такое многообразие этнических праздников и мероприятий дает нашему региону преимущество перед другими направлениями для этнического туризма, а также дает предпосылки к созданию новых туристических объектов, например, реконструкции и воссозданию ранее утраченных, знаковых памятников культурного наследия.

Россия является домом для множества народов. Конституция РФ гласит, что народ России является многонациональным и хоть такой оборот и небесспорен, он дает понимание важности межнационального и межкультурного диалога в нашей стране. Этнотуризм – это фактор, который способствует тому, чтобы межнациональное взаимодействие происходило успешно, ведь не зря одно из условий позитивной этнической идентичности человека – это сформированные представления о способах поведения внутри своей группы и вне ее. Так, этнотуризм способствует формированию позитивной этнической идентичности самих туристов, так как человек переосмысливает свою этничность, знакомясь с различиями в обычаях, традициях и языке [15].

Выводы по исследованию

Важность интеграции деятельности социальных институтов по формированию всех видов идентичности, в особенности, этнической, видится авторам актуальной. Изменение социальных процессов в сторону консолидации и сплочения диктует такие условия.

Важной в этом вопросе является роль государственной социальной политики, призванной формировать основу социокультурной среды, в которой процесс приобретения этнической идентичности происходил бы благоприятно. Эта цель

может быть достигнута путем предоставления больших возможностей для самостоятельной этнокультурной деятельности этнических сообществ. Особое внимание важно уделить вопросу развития этнокультурной творческой среды и этнокультурного образования молодежи.

Литература

1. О национально-культурной автономии [Электронный ресурс] Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ // Консультант Плюс – надежная правовая поддержка. Сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 23.04.2023).
2. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации [КонсультантПлюс]: Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 // Консультант Плюс – надежная правовая поддержка. Сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98489/ (дата обращения: 23.04.2023).
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) // Консультант Плюс – надежная правовая поддержка. Сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 23.04.2023).
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
5. Бобков А.И. Отнологический ракурс этнокультурной идентичности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IX Меж-

- дународной научно-практической конференции. С. 19–23.
6. Богус М.Б. Формирование этнической идентичности в патриотическом воспитании подрастающего поколения // Современный ученый. 2020. № 6. С. 33–37.
  7. Бугазов А.Х., Иванов Н.А. Виды и формы социальной идентичности как предмет социального познания // Вестник КРСУ. 2021. Том 1. № 6. С. 33–39.
  8. Буянтуева С.Ц. Современная роль этнотуризма в Иркутской области // Байкальский государственный университет. 2016. № 12. С. 48–53.
  9. Гигаури Г.И. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодёжи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве / Г.И. Гигаури, В.А. Гуторов, А.А. Ширинянц // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 10. С. 51–58.
  10. Гуринович Л.А., Шарабурак М.А. Современные аспекты развития представлений о формировании этнической идентичности // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира // Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 444–447.
  11. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Шантанов Р.В. Социокультурные особенности развития сельских территорий как фактор изменения вектора взаимодействия населения в условиях смешанных этнопоселений // Социология. 2023. № 4. С. 77–85.
  12. Карнышев А.Д., Карнышева О.А. Общенациональные и этнические ориентации в современном обществе и их значимость для взаимодействия народов // Мир науки. Педагогика и психология. 2016. № 4. С. 1–6.
  13. Коломиец Г.Г. Национальное и транснациональное бытие искусства в пространстве глобализирующегося мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11. С. 231–237.
  14. Корнеева В.В., Лутошкина В.Н. Особенности формирования позитивной этнической идентичности обучающихся // Педагогический журнал. 2022. № 4. С. 33–41.
  15. Кузнецова Е.В. Идентичность субъекта: типология видов // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 123–126.
  16. Культуриндустрия Адорно и Хоркхаймера: всё не то, чем кажется [Электронный ресурс]. Сайт. – URL: <https://monocler.ru/kulturindustriya-adorno-i-horkkhaymera/> (дата обращения: 05.06.2023).
  17. Левин С.М. Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Сёрла // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 1(41) С. 161–170.
  18. Парменов А.А. О проблемах становления и развития личности в нестабильном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 12. С. 70–77.
  19. Полюшкевич О.А. Национально-этнические культуры в общественном сознании жителей Сибири // Траектории познания природы и взаимопонимания. Материалы французско-российской школы на Байкале. 2017. С. 103–110.
  20. Попов Е.А. Этноконсолидирующая роль искусства в устойчивом развитии трансграничных регионов // Социодинамика. 2021. № 1. С. 56–63.
  21. Принцовский Д.А. Создание социальных программ в парадигме постмодернизма // Столыпинский вестник. 2020. С. 434–439.
  22. Факторы и механизмы формирования этнической идентичности / П.А. Моторина [и др.] // Перспективы науки. 2022. № 10(157) С. 273–275.
  23. Холостова Е.И. Теория социальной работы: Учебник для магистров / Е.И. Холостова [и др.]; Под общ. ред. Е.И. Холостовой, Е.Г. Студёновой. –

М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко». 2018. – 474 с.

FORMATION OF ETHNIC IDENTITY OF YOUTH IN THE PROCESS OF REPRODUCTION OF SOCIAL EDUCATION

Reshetnikova E.V., Gurinovich L.A., Sharaburak M.A.

Irkutsk State University, Moscow State University

The article was prepared based on materials from a study conducted in the Irkutsk region to study the process of formation of ethnic identity in youth audiences. The most interesting is the data on modern trends in the process and the influence of social institutions on the process of formation of ethnic identity. The authors made proposals for building interaction between government and non-profit organizations in order to expand the number of agents and institutions participating in the process of social upbringing.

Keywords: ethnic identity, youth, social education, social interaction.

References

1. On national-cultural autonomy [Electronic resource] Federal Law of June 17, 1996 No. 74-FZ // Consultant Plus – reliable legal support. Website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (date of access: 04/23/2023).
2. On approval of the Concept of State National Policy of the Russian Federation [ConsultantPlus]: Decree of the President of the Russian Federation of June 15, 1996 No. 909 // Consultant Plus – reliable legal support. Website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98489/ (date of access: 04/23/2023).
3. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025 [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 No. 1666 (as amended on December 6, 2018) // Consultant Plus – reliable legal support. Website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (date of access: 04/23/2023).
4. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism / Trans. from English V. Nikolaeva; Entry Art. S. Bankovskaya. – M.: "KANONpress-C", "Kuchkovo Pole", 2001. – 288 p.
5. Bobkov A.I. Otnological perspective of ethnocultural identity // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects: materials of the IX International Scientific and Practical Conference. pp. 19–23.
6. Bogus M.B. Formation of ethnic identity in the patriotic education of the younger generation // Modern scientist. 2020. No. 6. pp. 33–37.
7. Bugazov A.Kh., Ivanov N.A. Types and forms of social identity as a subject of social cognition // Bulletin of the KRSU. 2021. Volume 1. No. 6. pp. 33–39.
8. Buyantueva S. Ts. The modern role of ethnotourism in the Irkutsk region // Baikal State University. 2016. No. 12. pp. 48–53.
9. Gigauri G.I. YouTube bloggers as youth public opinion leaders: new technologies for identity formation in virtual space / G.I. Gigauri, V.A. Gutorov, A.A. Shirinyants // Caspian region: politics, economics, culture. 2019. No. 10. pp. 51–58.
10. Gurinovich L.A., Sharaburak M.A. Modern aspects of the development of ideas about the formation of ethnic identity // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world // Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 444–447.
11. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Shantanov R.V. Sociocultural features of the development of rural areas as a factor in changing the vector of interaction of the population in the conditions of mixed ethnic settlements // Sociology. 2023. No. 4. pp. 77–85.
12. Karnyshev A.D., Karnysheva O.A. National and ethnic orientations in modern society and their significance for the interaction of peoples // World of Science. Pedagogy and psychology. 2016. No. 4. pp. 1–6.
13. Kolomiets G.G. National and transnational existence of art in the space of a globalizing world // Bulletin of the Orenburg State University. 2015. No. 11. pp. 231–237.
14. Korneeva V.V., Lutoshkina V.N. Features of the formation of positive ethnic identity of students // Pedagogical Journal. 2022. No. 4. pp. 33–41.
15. Kuznetsova E.V. Identity of the subject: typology of types // Omsk Scientific Bulletin. 2012. No. 4 (111). pp. 123–126.
16. Culture industry of Adorno and Horkheimer: everything is not what it seems [Electronic

- resource]. Website. – URL: <https://monocler.ru/kulturindustriya-adrno-i-horkhaymera/> (access date: 06/05/2023).
17. Levin S.M. Metaphysics and general theory of social reality by J. Searle // Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin. 2011. No. 1(41) pp. 161–170.
  18. Parmenov A.A. On the problems of formation and development of personality in an unstable society // News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences. 2010. No. 12. pp. 70–77.
  19. Polyushkevich O.A. National-ethnic cultures in the public consciousness of the inhabitants of Siberia // Trajectories of knowledge of nature and mutual understanding. Materials of the French-Russian school on Lake Baikal. 2017. pp. 103–110.
  20. Popov E.A. Ethnic consolidating role of art in the sustainable development of cross-border regions // Sociodynamics. 2021. No. 1. P. 56–63.
  21. Princeovsky D.A. Creation of social programs in the paradigm of postmodernism // Stolypin Bulletin. 2020. pp. 434–439.
  22. Factors and mechanisms of ethnic identity formation / P.A. Motorina [and others] // Perspectives of science. 2022. No. 10(157) pp. 273–275.
  23. Kholostova E.I. Theory of social work: Textbook for masters / E.I. Kholostova [etc.]; Under general ed. E.I. Kholostova, E.G. Studenova. – M.: Publishing and trading corporation "Dashkov and Co." 2018. – 474 p.

Особенности пропагандистского воздействия на современную российскую молодёжь в цифровой среде

Дорцева Елена Владимировна,

старший преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: edortseva@mail.ru

В настоящей статье автор рассматривает особенности пропагандистского воздействия на современную российскую молодёжь в цифровой среде. На базе тщательного анализа фундаментальных работ, посвященных анализу феномена пропаганды, дается операциональное определение пропаганды и выделены ее существенные черты. Большое внимание отводится разграничению таких важнейших коммуникативных процессов как пропаганда и манипулирование. Обозначены методы и средства как традиционной пропаганды, так и пропаганды в цифровой среде, которая в последнее время активно используется в борьбе за умы и сердца современной российской молодёжи.

Значительное место отводится анализу существенных отличий «цифровой» пропаганды от пропаганды традиционной, многие из которых обусловлены векторами трансформации коммуникационного процесса в условиях становления электронно-цифрового общества. Сквозь призму выделенных особенностей пропаганды в цифровой среде детально рассматриваются ее средства, методы и приемы.

Ключевые слова: информационное противоборство, пропаганда, манипулирование, пропаганда традиционная, «цифровая» пропаганда, молодёжь, новые медиа, цифровые технологии в пропаганде.

Как отмечают исследователи, «в первой половине XX века даже писатели-фантасты не могли предположить, что спустя несколько десятилетий научно-технический прогресс даст человечеству новые средства коммуникации, которые свяжут невидимыми нитями весь мир. К сожалению, и этот мир не обходится без войн – информационных»¹. В последнее время ряд авторов утверждают, что понятие «информационная война» по содержанию идентично таким феноменам как «информационная борьба», «информационное противодействие» и «информационное противоборство»², хотя и отражает «наиболее опасную его форму, осуществляемую насильственными средствами и способами воздействия на информационно-психологическую сферу противника с целью решения стратегических задач»³. Достаточно часто под информационной войной или информационным противоборством понимаются «любые формы социальной или политической конкуренции, в которых используются средства информационно-психологического воздействия»⁴.

По своему целевому назначению средства, задействованные в рамках политических, военных, экономических, дипломатических и собственно информационно-психологических кампаний, направлены на конкретные груп-

¹ Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80). С. 276.

² См., напр.: Соловьев А.В. Информационная война, понятие, содержание, перспективы // Пространство и время. 2010. № 2. С. 76.

³ См., напр.: Манойло А.В. Государственно-информационная политика в особых условиях. М., 2003. С. 223.

⁴ Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (дата обращения: 01.08.2023).

пы населения в целях внедрения им чуждых идеологических и социальных установок, формирования ложных стереотипов поведения, трансформации в нужном направлении их настроений, чувств, воли»⁵. Из данной посылки очевидно, что значимая роль в подобных операциях отводится пропаганде.

В широком, общепотребительном смысле пропаганда (от лат. от *propago* – распространяю) – систематическая деятельность, направленная на распространение идей, взглядов, систем норм и ценностей в интересах организованной группы, имеющая целью изменение установок и мнений ее целевой аудитории с помощью различных способов, методов и инструментов.

Один из пионеров исследования феномена пропаганды Э. Бернейс подчеркивал, что «пропаганда в своем начальном смысле была абсолютно законным видом деятельности. Любое объединение людей, будь оно социальное, религиозное или политическое, которое обладает определенными убеждениями заявляет о них в письменной устной форме, занимается пропагандой»⁶. «Механизм широкомасштабного распространения идей и есть пропаганда в широком смысле этого слова»⁷. Пропаганда – это война идей по поводу идей»⁸, также заключал первый видный теоретик пропаганды Г. Лассуэлл.

Следует отметить, что пропаганда существенным образом отличается от феномена манипулирования под которым понимается «деятельность организаций и отдельных лиц, целью которой является воздействие на людей, подчинение их

своим (экономическим, политическим и специфическим частным) интересам»⁹.

Пропаганда подразумевает под собой целенаправленный коммуникативный процесс передачи конкретной аудитории, с помощью специальных средств и методов, специальной информации, способной оказать воздействие на ее мнение, установки, в конечном счете – на мировоззрение и последующее поведение, но, как правило, далеко не всегда вопреки их интересам. Кроме того, в основе пропаганды часто лежит идеология, а основным методом является убеждение, поскольку именно убеждения, в том числе и социально приемлемые в определенном обществе) формируют основу мировоззрения, а «истинная вера»¹⁰ в правильность выбранного жизненного пути направляет дальнейшее поведение человека уже независимо от того, находится он под влиянием непосредственным пропаганды или нет. Манипулирование же, как правило, преследует кратковременные цели (привлечь, завлечь, получить желаемое, обмануть), соответственно манипулятивное воздействие имеет более кратковременный, хотя и весьма ощутимый социально отрицательный эффект.

Анализ фундаментальных трудов первых теоретиков пропаганды Г. Лассуэлла и Э. Бернейса, а затем Ж. Эллюля¹¹, а также ряда современных ученых¹²,

⁹ Осипова Н.Г. Механизмы социального манипулирования с помощью коммуникативных технологий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 2. М.: КДУ, Университетская книга, 2018. С. 36.

¹⁰ Смотри об этом: Хоффер Э. Истинноверущий / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

¹¹ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021; Бернейс Э. Пропаганда. СПб.: Питер, 2023; Эллюль Ж. Феномен пропаганды / пер. с франц. Г. Шариковой. СПб.: Алетейя, 2023.

¹² Войтасик Л. Психология политической пропаганды / Пер. с польск. В.Н. Поруса. М.: Прогресс, 1981;

Иванов В.Н. Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3; Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018;

⁵ Гуревич П.С. Пропаганда в идеологической борьбе: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1987. С. 50.

⁶ Бернейс Э. Пропаганда. СПб.: Питер, 2023. С. 24.

⁷ Бернейс Э. Пропаганда. СПб.: Питер, 2023. С. 21.

⁸ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С. 57.

выделить существенные характеристики пропаганды.

Пропаганда – это социально-политический феномен, и, одновременно, специфическая разновидность социального коммуникативного процесса, главной особенностью которой является «способность воздействовать». Так, следует согласиться с тем, что «задачей пропаганды является распространение и внушение взглядов, идей, мнений с целью позитивно или негативно настроить аудиторию (любого состава – от нескольких человек до масс и даже общества в целом) и стимулировать ее реакции в желательном направлении»¹³.

По своей сути пропаганда также является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений (сообщений), имеющих заданную интерпретацию¹⁴. Основным содержанием пропаганды является упорядоченный поток информации, передаваемый от коммуникатора к реципиенту. В ходе пропагандистской деятельности коммуникантам передаются определенные сообщения, которые могут быть для них новыми или представлять собой относительно новую интерпретацию уже известных фактов. Однако отличие пропаганды от других информационных процессов состоит в идеологически выдержанном, интерпретационном и эмоционально окрашенном характере сведений, содержащихся в пропагандистском сообщении. Таким образом, необходимым условием придания той или иной информации пропагандистского характера является ее соответствующая интерпретация¹⁵.

Именно сейчас, во время геополитического и социально-экономического противостояния России и Западных стран представляется возможным наблюдать различные техники пропаганды,

используемые государствами, политическими партиями и их лидерами, СМИ, ТНК и всеми заинтересованными акторами. При этом в пропагандистском процессе возрастает число техник, связанных с электронно-цифровыми технологиями. В начале XXI столетия возникла новая информационная среда, в которой информация передается, складывается и копируется практически мгновенно» и которая «меняет ценность и смысл многовековых устоев и понятий, трансформирует нормы общественной морали»¹⁶.

Сегодня Интернет и социальные сети являются не просто информационным полем, а своеобразными и удобными площадками для «воздействия на систему идейных, общественных и политических установок людей»¹⁷, прежде всего, молодого поколения. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, распространением и глубиной проникновения Интернета и социальных сетей во все сферы общественной жизни. Согласно исследованию «ДИЖИТАЛ. 2022»¹⁸, проведенному в начале 2022 г., с 2012 года количество пользователей Интернета увеличилось более чем в два раза, а численность интернет-аудитории в мире достигла 4,95 млрд пользователей и составила 62,5% от населения планеты. По данным того же исследования, за десятилетие количество пользователей социальных сетей росло в среднем на 12% в год; на начало 2022 г. аудитория социальных сетей составила 4,62 млрд человек, что в 3,1 раза больше аудитории 2012 г. Подобная глобализация сети Интернет породила новую форму социальной коммуникации, которая фактически доминирует

¹⁶ Макарова Ю.О. Особенности осуществления цифровых войн в Интернете // Вестник ЗабГ У. 2014. № 05 (008). С. 74.

¹⁷ Войтасик Л. Психология политической пропаганды // Пер. с польского Поруса В.Н. М., 1981. С. 128.

¹⁸ DIGITAL 2022: ANOTHER YEAR OF BUMPER GROWTH – We Are Social UK. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (дата обращения: 10.07.2023).

¹³ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. III. С. 366.

¹⁴ См. подробнее: Войтасик Л. Психология политической пропаганды / Пер. с польск. В.Н. Поруса. М.: Прогресс, 1981.

¹⁵ Войтасик Л. Психология политической пропаганды / Пер. с польск. В.Н. Поруса. М.: Прогресс, 1981. С. 98–99.

нирует в современном обществе»¹⁹. Как отмечают исследователи, «Всемирная паутина стала превращаться в виртуальное государство, размывающее национальные границы с развитой киберструктурой и целым арсеналом мощнейших средств»²⁰.

Во-вторых, ростом недоверия общества к традиционным СМИ и усилением популярности так называемых «новых медиа»», к которым, наряду с интернет-версиями традиционных СМИ, относят блогосферу; социальные сети; виртуальные сообщества; виртуальные игры; другие ресурсы Веб-ресурсы²¹.

Главная отличительная черта новых медиа – интерактивная связь с аудиторией и высокая динамичность. Важным свойством можно назвать демократизацию процесса создания, распространения и потребления информации, поскольку каждый человек имеет неограниченный доступ к информации и к площадкам, где эта информация создается²². При этом наблюдается влияние социальных сетей и блогов на медийную систему, что ведет к становлению новых источников получения информации, а, соответственно и к увеличению степени информационного воздействия на аудиторию²³. Непрерывно обновляясь на основе событийности в сознании личности, различных общностей, новые медиа оказывают неоднозначное, а порой

деструктивное воздействие на сознание и психику молодых людей²⁴, которое усиливают существенные информационные перегрузки. Огромные массивы неупорядоченной и недостоверной информации приводят к фрагментализации картины мира²⁵, когда «происходящие события выглядят как бессвязные, случайные и хаотичные»²⁶. В конечном счете, молодой человек оказывается в плену специально сконструированных образов и стереотипов.

В-третьих, постепенным вхождением в активную политическую и социальную жизнь поколений, выросших и сформировавшихся в новом социокультурном и технологическом контексте, под мощным влиянием виртуальных социальных сред²⁷.

Как отмечает исследователь С.В. Володенков, «в современных виртуальных социальных средах Интернета формируется коммуникационное пространство, имеющее собственную специфику и предоставляющее отличные от традиционного медиапространства возможности для осуществления воздействия на общественное сознание в рамках современного политического управления»²⁸.

К таким свойствам, в частности, относятся:

- 1) распространение информации в виртуальных социальных средах по сетевой (а не иерархической) модели;
- 2) массовость аудитории с активно развитыми горизонтальными коммуникационными связями;

¹⁹ Виртуальная реальность // Социология: энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. С. 175–176.

²⁰ Макарова Ю.О. Особенности осуществления цифровых войн в Интернете // Вестник ЗабГ У. 2014. № 05 (008). С. 74.

²¹ Корякина К.А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Электронный научный журнал «Медиа-скоп». 2010. Вып. № 1. // <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 02.08.2023).

²² Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиазация социальной сферы // Сборник PR и СМИ в Казахстане: Сб. научн. трудов. Вып. 9. Алматы: Казак Университеті Алматы, 2017. С. 31–40.

²³ Смеюха В.В. Медиазация общества: проблемы и последствия // НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18(215). Выпуск 27. С. 38–48.

²⁴ Шкондин М.В., Свитич Л.Г., Смирнова О.В. Роль журналистики в медиатизирующемся жизненном мире повседневности // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. № 4. С. 600.

²⁵ Володенков С.В. Медиазация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125–136.

²⁶ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., Радуга, 1992. С. 52.

²⁷ Соловей В.Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2018. № 1. С. 81–83.

²⁸ Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4.

3) сегментация пользователей виртуальных социальных сред по различным социальным параметрам;

4) равноправность участников горизонтальных коммуникаций в виртуальных социальных средах.

Сегодня виртуальные социальные среды служат масштабными площадками для высказывания мнений и проведения дискуссий по актуальным, в том числе и политическим вопросам. На них каждый может получить нужную ему информацию, задать вопрос и получить ответ в режиме реального времени, включиться в виртуальное сообщество по интересам, поделиться оригинальной информацией, стать важным элементом жизни политизированной части общества²⁹. Виртуальные средства уже являются эффективным средством информационно-пропагандистского воздействия, а, судя по прогнозам, со временем могут стать главной ареной «цифровой» информационно-пропагандистской борьбы за умы и сердца молодых людей.

Каковы характерные черты пропаганды в цифровой среде? Что отличает ее от классической пропаганды, а что объединяет с ней?

Цель пропаганды в цифровой среде аналогична целям традиционной пропагандистской деятельности – «распространение какой-либо точки зрения таким образом и с такой конечной целью, чтобы получатель данного обращения приходил к «добровольному» принятию этой позиции, как если бы она была его собственной»³⁰. Традиционная и цифровая пропаганда используют одни и те же когнитивные заблуждения (или ловушки) и социальные стереотипы с целью создания у людей впечатления, что те самостоятельно и без всякого внешнего воз-

действия пришли к нужным для пропагандистов умозаключениям и оценкам³¹.

Изначально преимущественными средствами традиционной пропаганды являлись печатные издания, в том числе брошюры, плакаты и листовки), организованные лекции и «всеобучи», затем – тематические радио и телепередачи. Затем получили развитие такие приемы как сенсационность и срочность, повторение, создание угрозы, «ядовитый сэндвич», фрейминг, умолчание, прикрытие авторитетом, метафоризация, каузальная связь, подмена понятий, утечка информации, спиндокторинг и многие другие, которые сегодня также активно используются в «цифровой» пропаганде. Однако в рамках Интернет-пространства сформировался мощный арсенал технологий и инструментов замещения реальных объектов, процессов и явлений их искаженными виртуальными моделями. Эти модели не имеют во многих случаях ничего общего с реальной действительностью, однако они способны существенным образом трансформировать общественные представления о политическом пространстве и составляющих его элементах в интересах субъектов информационно-коммуникационного воздействия³².

Следует отметить, что специфические особенности «цифровой» пропаганды определяются базовыми векторами трансформации коммуникационного процесса в электронно-цифровую эпоху.

Современные цифровые технологии расширили традиционную сферу социальной коммуникации, включив в число коммуникаторов нечеловеческих агентов (роботов, технологии искусственного интеллекта), а технологическая революция 4.0. обеспечила для этого соответствующую инфраструктуру. Одновременно эти технологии создают возможность для накопления, обобщения, структурирования и анализа различной

²⁹ Васенина И.В., Прончев Г.Б. Виртуальные социальные среды как инструмент мотивации молодежи к общественно-политической деятельности // Социодинамика. 2018, № 4. С. 1–11.

³⁰ Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 28.

³¹ Соловей Д.В. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Изд-во «Э», 2015.

³² Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125–136.

информации о поведении людей практически во всех сферах социальной жизни, путем анализа их покупок, кредитных историй и т.п., чем часто устраняют необходимость человеческого взаимодействия.

Серьезной трансформации подверглись такие взаимосвязанные элементы коммуникативного процесса как коммуникатор – аудитория. Так, каждый человек является одновременно и потребителем, и производителем контента, создавая блоги, индивидуальные колонки в социальных сетях, которые пользуются доверием у потребителей информации. Данная модель коммуникации, основанная на индивидуальном поведении, реализующая обсуждение того или иного факта, события, продукта или указание на него, является высокоэффективной: «разговор с друзьями», т.е., по сути, интерперсональные модели коммуникации способны оказывать гораздо большее влияние.

Источник информации (коммуникатор) в цифровую эпоху может быть неизвестен. Это может быть даже не человек, а информационная система на базе искусственного интеллекта. Полученную информацию необходимо проверять на достоверность, причем для этого нужно использовать другого коммуникатора. Формат классической коммуникации предполагает конкретный центр, откуда исходит сообщение, но в цифровую эпоху невозможно предсказать, где возникнет этот центр. Количество информационных источников для реципиента в цифровую эпоху значительно увеличивается (теоретически до бесконечности). Тем не менее, на практике получатель информации обращается к ограниченному числу источников, при этом полагая, что обладает полноценной свободой доступа к информации.

Посылаемое коммуникатором сообщение в цифровую эпоху очень часто подстраивается под реципиента. Например, разработанные алгоритмы современных браузеров персонализируют поиск в Интернете. Разными могут быть не только порядок выстраивания ссылок в результатах поиска, но и их количество. Таким образом, для каждого

реципиента создается уникальная виртуальная социальная среда, которая может входить в противоречие с виртуальной социальной средой другого реципиента, получающего то же сообщение.

Каналы связи в цифровую эпоху также могут подстраиваться под конкретного пользователя. Современные манипулятивные технологии создают подобное убеждение у индивида с целью формирования определенных системы ценностей и представлений о соответствующем поведении, когда человек стремится к постоянному и непрерывному общению с внешним миром, другими людьми, для чего требуется уверенность в необходимости наличия постоянного доступа к мобильной связи и сети «Интернет», обеспечивающих возможность такого взаимодействия. Важнейшей из особенностей эффекта коммуникации в цифровую эпоху является то, что в данных условиях реципиент сам может являться источником массовой информации и распространять сообщение по сетевой структуре.

В основе «цифровой» пропаганды лежат три характерные черты, которые отличают этот специфический коммуникационный процесс.

Первой чертой является популярность и одновременно безоговорочная авторитетность виртуальных социальных сред: большинство пользователей не пытаются верифицировать информацию, полученную от них, по другим источникам. Тем самым они не в состоянии отличить достоверную информацию от аутформаций. «Аутформация» – термин, введенный израильским ученым Я. Эзрахи, означает диффузную конфигурацию картин, кадров, звуков, нарративов и т.д., генерируемых электронными СМИ. Подобно ученым или мудрецам, производители и распространители «аутформаций» осуществляют действительную медиацию между «реальностью» и широкой публикой. Однако сама их способность порождать вымышленные миры, о чем осведомлены и зрители, побуждает их постоянно беспокоиться о том, чтобы эти зрители не утратили веру в то, что они видят на экране. Отсюда стремление

посредством технических приемов вызывать у зрителей ощущение «большей» реальности. Для современных людей, в силу своей доступности и широкой распространённости, «аутформации» становятся общими средствами понимания и воображения, а также основной для действий в политике и других социально-культурных сферах³³.

Второй чертой является массивность и скорость информационного потока или «информационного удара», в результате которого наблюдается мало контролируемое увеличение объема поступающей информации, которую пользователи не в состоянии даже осмыслить.

Третья черта – технологические манипуляции интернет-гигантов, создающими для каждого человека уникальное виртуальное социальное окружение³⁴. Некоторые ученые в данной связи активно пользуются термином «медиакратия», которым обозначают сложившуюся форму синтеза политической сферы и медиа.

«Медиакратия», по мнению журналиста К. Дж. Кина, представляет собой «новую форму политической олигархии, вертикальной власти, которая в существенной мере опирается на медиа, особенно прессу, радио и телевидение, то есть это новый метод правления за счет невидимых сетей теневых контактов и закрытых информационных каналов»³⁵. Медиакратия объединяет большое число сфер профессиональной коммуникационной деятельности: PR, рекламы, журналистики, пропаганды, информационного противоборства и других, а основными методами, с помощью которых осуществляется управление общественным мнением, являются

³³ Осипов Г.В., Климовицкий С.В. Виртуализация социальной реальности и фальшивые новости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 54–59.

³⁴ Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Шишарина Е.В. Социальное неравенство в виртуальных социальных средах (объективные ограничения) // Вопросы политологии. 2020, Т. 10, № 12(64). С. 3441–3452.

³⁵ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. С. 220.

«установление новостной повестки дня», «прайминг» и «фрейминг».

Так, установление новостной повестки дня осуществляется с целью привлечения внимания аудитории к содержанию определенных сообщений. Как писал исследователь Д. Лиллекер: «основная функция политической коммуникации состоит в том, чтобы заставить общественность думать об определенном вопросе так, как это выгодно отправителю сообщения»³⁶. Для достижения большей достоверности современные медиа могут пользоваться эффектом CNN (от англ. Cable News Network – Кабельная Новостная Сеть). Смысл данного эффекта «заключается в демонстрации по телевидению потрясающих психику аудитории актуальных событий в реальном масштабе времени»³⁷, в результате чего возникает другой эффект – присутствия телезрителя в гуще событий: например, во время бомбардировки городов. Так вырванный из общего контекста действия эпизод позволяет трактовать его журналистам в желательном для манипулятора свете.

Манипулятивные возможности Всемирной Сети являются неотъемлемой частью новейших политических технологий, которые представлены в многочисленных работах отечественных исследователей^{38,39}. Например, В.Д. Со-

³⁶ Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Х.: Гуманитарный центр, 2010. С. 40.

³⁷ Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. С. 124.

³⁸ Володенков С.В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13. № 3. С. 57–69; Ибрагимов Л.Х. Технологии интернет-манипуляции в сетевом пространстве политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8. № 2. С. 34–40; Соловей В.Д. Информационная война и медиаманипулирование: что, почему, кто // Российская школа связей с общественностью. 2015. № 6. С. 148–164.

³⁹ Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018, V. 6. P. 541–550.

ловей выделяет медиаманипуляции как отдельный вид манипуляций, исходя из масштабности данного феномена, который может охватить десятки миллионов людей во всем мире⁴⁰. С.В. Володенков, говоря об особенностях манипуляций в онлайн-пространстве, утверждает, что они на сегодняшний день являются общемировым новейшим оружием, которое используют власти для дискредитации недружественных стран с целью возвысить себя на политической общемировой арене⁴¹.

При этом, эффекты очевидности и непосредственности, присущие создаваемым электронными СМИ образам, утверждают их в глазах массовой аудитории в качестве фактов, что открывает широкие возможности для манипуляций общественным сознанием⁴². Объектом подобных манипуляций являются широкие массы молодого населения, не обладающие специальными аналитическими навыками, но подверженные при этом эмоциональным, психическим и информационным перегрузкам. Кроме того, в настоящее время на первый план вышло визуальное воздействие. Массы все более доверяют фото и видео, распространяемым в социальных сетях. При этом стоит отметить, что истинность данных материалов находится под сомнением. В ситуации информационной войны Западных стран и США против России в цифровой среде можно наблюдать огромное количество непроверенной информации, которая включает в себя даже сцены из компьютерных игр, выдаваемые за действительность.

Наиболее отличительной чертой «цифровой» пропаганды является – ее

демократизм⁴³. Если классической пропагандой занимаются государство, политические институты и организации, то пропагандой в социальных сетях активно занимаются частные лица, в том числе и работающие по специальному найму (так называемые «платные пользователи»). Очень часто их называют «платными троллями», а их деятельность – «троллингом», означая провокацию, подстрекательство, оскорбление и издевательство в сетевом общении. Смысл троллинга в том, чтобы нарушить коммуникацию и сформировать негативистское предубеждение в отношении личности (личностей), по отношению к которым троллинг используется. Платные пользователи, которые выступают важным элементом пропаганды в сети Интернет, достаточно часто используют три известные тактики – «фабрикация согласия», «вытеснения и критики нежелательных точек зрения» и «внедрения агентов влияния».

Особое значение в рамках «цифровой» пропаганды имеет техника «производства согласия», которая основана на склонности людей к конформизму, их стремлению «быть как все», не выбиваться из общего ряда. Из присущего роду человеческому массового конформизма вытекает принципиально важная следствие для политики и политической пропаганды. Для того чтобы сохранить политический статус-кво, надо создать у людей впечатление, будто подавляющее большинство их поддерживает статус-кво. Не важно, является это впечатление истинным или ложным, ведь люди ориентируются на социальный консенсус и редко решаются его оспаривать публично. Так, на некоторых цифровых платформах благодаря использованию ботов – специальных программ, копирующих людей, – можно без труда создавать впечатление преобладания определенной точки зрения, что и называется «производством согласия».

⁴⁰ Соловей В.Д. Информационная война и медиаманипулирование: что, почему, кто // Российская школа связей с общественностью. 2015, № 6. С. 148–164.

⁴¹ Володенков С.В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13. № 3. С. 57–69.

⁴² Осипов Г.В., Климовицкий С.В. Виртуализация социальной реальности и фальшивые новости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 54–59.

⁴³ Woolley S.S., Guilbeault D.R. Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online. Working Paper 2017. № 5. p. 28.

Итак, по сравнению с традиционной, пропаганда в цифровой среде имеет ряд важных преимуществ. Она гораздо оперативнее дает обратную связь, позволяет стремительно модифицировать послание и обеспечить его многовариантность, тем самым значительно повышая точность доставки. В целом цифровая пропаганда эффективнее традиционной и при этом дешевле нее, – «соотношение цена – эффективность» на несколько порядков превосходит все остальное»⁴⁴. Иными словами, речь идет о том, что объективная реальность, по сути, становится недоступной для понимания обществом, которое оперирует ее заменителем – моделями медиарельности, включая политическую, формируемыми посредством использования цифровых каналов массовой коммуникации⁴⁵.

В настоящее время сетевые сообщества становятся активными компонентами политических процессов, например, катализируя процесс мобилизации масс в «цветных революциях». Они, определяя характер и быстроту распространения идей, становятся основным инструментом создания общего информационного поля, донесения информации для широких пользовательских аудиторий. При этом формат объединения, способ мобилизации, простота входа и выхода являются не более чем ширмой, за которой скрывается хорошо инспирируемый, режиссируемый и управляемый процесс. Следовательно, общие принципы, стратегии и тактики политической пропаганды, выработанные около 100 лет тому назад, остаются неизменными. В данной связи, в условиях беспрецедентного совершенствования технологий информационно-психологического воздействия значимость социологического изучения пропаганды трудно переоценить. Новые цифровые технологии позволяют сделать ее характер все более скрытым и завуалированным, а не-

достаточная изученность особенностей применения пропагандистских приемов в условиях становления электронно-цифрового общества влечет за собой выраженные негативные социальные последствия.

Литература

1. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
2. Бернейс Э. Пропаганда. – СПб.: Питер, 2023.
3. Васенина И.В., Прончев Г.Б. Виртуальные социальные среды как инструмент мотивации молодежи к общественно-политической деятельности // Социодинамика. 2018. № 4. С. 1–11.
4. Виртуальная реальность // Социология: энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 175–176.
5. Войтасик Л. Психология политической пропаганды / Пер. с польск. В.Н. Поруса. – М.: Прогресс, 1981.
6. Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125–136.
7. Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4.
8. Володенков С.В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13. № 3. С. 57–69.
9. Гуревич П.С. Пропаганда в идеологической борьбе: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 50.
10. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы // Сборник PR и СМИ в Казахстане: Сб. научн. трудов.

⁴⁴ Макарова Ю.О. Особенности осуществления цифровых войн в Интернете // Вестник ЗабГ У. 2014. № 05 (008). С. 74.

⁴⁵ Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125–126.

- Вып. 9. – Алматы: Казак Университеті Алматы, 2017. – С. 31–40.
11. Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018.
  12. Ибрагимов Л.Х. Технологии интернет-манипуляции в сетевом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8. № 2. С. 34–40.
  13. Иванов В.Н. Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3.
  14. Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80). С. 276.
  15. Корякина К.А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Электронный научный журнал «Медиааскоп». 2010. Вып. № 1. // <http://www.mediascore.ru> (дата обращения: 02.08.2023).
  16. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021.
  17. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. – М., Радуга, 1992.
  18. Макарова Ю.О. Особенности осуществления цифровых войн в Интернете // Вестник ЗабГУ. 2014. № 05 (008).
  19. Манойло А.В. Государственно-информационная политика в особых условиях. – М., 2003.
  20. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (дата обращения: 01.08.2023).
  21. Муравьев В.И., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г. Современные Интернет-технологии как средство сглаживания социального неравенства в контексте взаимоотношений гражданского общества с государством // Образование и право. 2013, № 12(52). С. 77–85.
  22. Осипов Г.В., Климовицкий С.В. Виртуализация социальной реальности и фальшивые новости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 54–59.
  23. Порецкова А.А. Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 2.
  24. Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Шишарина Е.В. Социальное неравенство в виртуальных социальных средах (объективные ограничения) // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12(64). С. 3441–3452.
  25. Смеюха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18(215). Выпуск 27. С. 38–48.
  26. Соловей В.Д. Информационная война и медиаманипулирование: что, почему, кто // Российская школа связей с общественностью. 2015. № 6. С. 148–164.
  27. Соловей В.Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2018. № 1. С. 81–83.
  28. Соловей Д.В. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. – М.: Изд-во «Э», 2015.
  29. Соловьев А.В. Информационная война, понятие, содержание, перспективы // Пространство и время. 2010. № 2.
  30. Шкондин М.В., Свитич Л.Г., Смирнова О.В. Роль журналистики в медиатизирующемся жизненном мире повседневности // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. № 4.
  31. Эллюль Ж. Феномен пропаганды / пер. с франц. Г. Шариковой. – СПб.: Алетейя, 2023.
  32. Digital 2022: another year of bumper growth – We Are Social UK. [Электронный ресурс]. – Режим досту-

на: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (дата обращения: 10.07.2023).

33. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // *Astra Salvensis*. 2018, V. 6. P. 541–550.
34. Woolley S.S., Guilbeault D.R. Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online. Working Paper 2017. № 5.

FEATURES OF PROPAGANDA INFLUENCE ON MODERN RUSSIAN YOUTH IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Dortseva E.V.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In this article, the author examines the features of propaganda influence on modern Russian youth in the digital environment. Based on a thorough analysis of fundamental works devoted to the analysis of the phenomenon of propaganda, an operational definition of propaganda is given and its essential features are highlighted. Much attention is paid to the distinction between such important communication processes as propaganda and manipulation. The methods and means of both traditional propaganda and propaganda in the digital environment, which has recently been actively used in the struggle for the minds and hearts of modern Russian youth, are outlined. Considerable space is given to the analysis of the significant differences between “digital” propaganda and traditional propaganda, many of which are determined by the vectors of transformation of the communication process in the conditions of the emergence of an electronic-digital society. Through the prism of the highlighted features of propaganda in the digital environment, its means, methods and techniques are examined in detail.

Keywords: information warfare, propaganda, manipulation, traditional propaganda, “digital” propaganda, youth, new media, digital technologies in propaganda.

References

1. Aronson E., Pratkanis E.R. *The Age of Propaganda: Mechanisms of Persuasion*,

Everyday Use and Abuse. – SPb.: Prime-EVROZNAK, 2003.

2. Bernays E. *Propaganda*. – St. Petersburg: Peter, 2023.
3. Vasenina I.V., Pronchev G.B. Virtual social environments as a tool for motivating young people to engage in social and political activities // *Sociodynamics*. 2018. No. 4. pp. 1–11.
4. *Virtual reality // Sociology: encyclopedia / comp.*: A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. – Minsk: Book House, 2003. – P. 175–176.
5. Wojtasik L. *Psychology of political propaganda / Transl. from Polish V.N. Porusa*. – M.: Progress, 1981.
6. Volodenkov S.V. Mediatization and virtualization of the modern space of public policy // *Communicology*. 2016. No. 4. pp. 125–136.
7. Volodenkov S.V. Features of the Internet as a modern space of political communications // *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)*. 2017. No. 4.
8. Volodenkov S.V. Technologies for manipulating public consciousness in the Internet space as a tool of political management // *Political expertise: POLITEX*. 2017. T.13. No. 3. pp. 57–69.
9. Gurevich P.S. *Propaganda in the ideological struggle: textbook. manual for universities*. – M.: Higher. school, 1987. – P. 50.
10. Dzyaloshinsky I.M., Dzyaloshinskaya M.I. Mediatization of the social sphere // *Collection of PR and media in Kazakhstan: Collection. scientific works Vol. 9*. – Almaty: Kazak University of Almaty, 2017. – pp. 31–40.
11. Elishev S.O. *Policy. Basic concepts*. – M.: Kanon+ ROOI “Rehabilitation”, 2018.
12. Ibragimov L. Kh. Technologies of Internet manipulation in the network space of politics // *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2015. T. 8. No. 2. P. 34–40.
13. Ivanov V.N. Sociology of propaganda: some aspects of content // *Sociological Research*. 1983. No. 3.
14. Ivanov S.A. Information war: essence and main forms of manifestation // *News of Altai State University*. 2013. No. 4 (80). P. 276.
15. Koryakina K.A. Current forms and models of new media: from understanding the audience to creating content // *Electronic scientific journal “Mediascope”*. 2010. Issue.

- No. 1. // <http://www.mediascope.ru> (access date: 08/02/2023).
16. Lasswell G.D. Propaganda techniques in world war: translation from English. / comp. and lane V.G. Nikolaev; resp. ed. D.V. Efrementko. – M.: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2021.
  17. Lerner M. Development of civilization in America. – M., Raduga, 1992.
  18. Makarova Yu.O. Features of the implementation of digital wars on the Internet // Bulletin of ZabS U. 2014. No. 05 (008).
  19. Manoilo A.V. State information policy in special conditions. – M., 2003.
  20. Manoilo A.V. Information and psychological warfare: factors that determine the format of modern armed conflict // <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (date of access: 08/01/2023).
  21. Muravyov V.I., Pronchev G.B., Proncheva N.G. Modern Internet technologies as a means of smoothing social inequality in the context of the relationship between civil society and the state // Education and Law. 2013, No. 12(52). pp. 77–85.
  22. Osipov G.V., Klimovitsky S.V. Virtualization of social reality and fake news // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. No. 5. pp. 54–59.
  23. Poretskova A.A. Conceptualization of theoretical approaches to the study of political propaganda // Problem analysis and public management design. 2015. Issue. 2.
  24. Pronchev G.B., Proncheva N.G., Shisharina E.V. Social inequality in virtual social environments (objective restrictions) // Questions of political science. 2020. T. 10. No. 12(64). pp. 3441–3452.
  25. Smeyukha V.V. Mediatization of society: problems and consequences // Scientific bulletins. Series Humanities. 2015. No. 18(215). Issue 27. pp. 38–48.
  26. Solovey V.D. Information war and media manipulation: what, why, who // Russian School of Public Relations. 2015. No. 6. pp. 148–164.
  27. Solovey V.D. Features of political propaganda in the digital environment // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2018. No. 1. pp. 81–83.
  28. Solovey D.V. The ultimate weapon. Fundamentals of psychological warfare and media manipulation. – M.: Publishing house “E”, 2015.
  29. Soloviev A.V. Information war, concept, content, prospects // Space and Time. 2010. No. 2.
  30. Shkondin M.V., Svitch L.G., Smirnova O.V. The role of journalism in the mediatized life world of everyday life // Questions of theory and practice of journalism. 2020. No. 4.
  31. Ellul J. The phenomenon of propaganda / trans. from French G. Sharikova. – St. Petersburg: Aletheia, 2023.
  32. Digital 2022: another year of bumper growth – We Are Social UK. [Electronic resource]. – Access mode: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (access date: 07/10/2023).
  33. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018, V. 6. P. 541–550.
  34. Woolley S.S., Guilbeault D.R. Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online. Working Paper 2017. No. 5.

Благоустройство территории в оценках общественного мнения

Заварзина Юлия Владимировна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье анализируются особенности развития городской социологии через такие аспекты как благоустройство территории. Приводятся оценки общественного мнения о благоустройстве территории среди жителей Иркутска, рассматриваются как положительные, так и отрицательные стороны, возможности и риски реализации проектов благоустройства Иркутска.

Ключевые слова: благоустройство территории, общественное мнение, социология города, муниципальная социология, территориальное развитие.

Создание благоприятных условий проживания граждан в населенном пункте является актуальной и важной задачей публичных органов власти, решение которой осуществляется в ходе благоустройства территории. Оно предполагает проведение целого комплекса мероприятий, направленных на создание комфорта, безопасности и функциональности жизнедеятельности населения.

В современных условиях обеспечение комфортных условий проживания для всех слоев городского населения независимо от месторасположения города и численности его жителей является существенной проблемой в деятельности органов местного самоуправления. В настоящее время решение задачи по формированию благоустроенной городской среды сопровождается рядом таких существенных проблем, как недостаток бюджетных средств для финансирования данных мероприятий, трудности реализации крупных инфраструктурных проектов, недостаточное развитие отдельных инструментов финансирования и реализации проектов в области благоустройства, трудности разработки и внедрения «зеленых технологий» в условиях рыночной и экспортно-ориентированной экономики России и ее отдельных регионов и др.

В связи с активным процессом урбанизации и развития цивилизации правительства большинства мировых государств, в обществе большое значение стало уделяться вопросам благоустройства городской среды, а также ее комфортности и безопасности. Данные отрасли имеют прямую взаимосвязь между собой. Решение указанных вопросов как в мировой, так и российской практике, напрямую зависит от имеющего законодательства, воли руководящих органов, т.к. развитие благоустройства городских территорий имеет под собой в основе не только большие материальные вложения, но и принятие во внима-

ние общественное мнение, изменение экономических механизмов. В современных условиях в России наблюдаются трансформации, которые касаются повышения качества и комфортности городской среды.

При этом учитываются особенности сознания горожан (Р.Г. Арадшев [1, 2], О.А. Полюшкевич [12–16], В.А. Скуденков [18–22]), экономические и имиджевые характеристики конструирования города (Ю.В. Борисова [4], Ю.В. Заварзина [7–11]). Это позволяет сформировать общую картину социального моделирования территориального благоустройства.

В.Н. Семенов, один из основателей градостроительной деятельности в России, в своем издании «Благоустройство городов», которое было напечатано в 1912 г., изучает застройку городов

и их планирование с точки зрения благоустройства: удобные транспортные развязки, устройство районов и кварталов, деятельность различных инфраструктур [17].

Л.А. Велихов – специалист в сфере градостроительства и местного самоуправления – в 1920–30-х гг. городское благоустройство в своих научных трудах рассматривал с трех точек зрения: общее, в тесном и широком смысле (рис. 1). Базисное городское благоустройство, с точки зрения профессора, предполагает производство энергии, планировка города, строительство и обслуживание зданий, жилищные вопросы, зеленые насаждения. Благоустройство в узком смысле слова, по мнению Л.А. Велихова, предполагает уличное городское благоустройство, в широком смысле – удовлетворение социальных нужд [5].

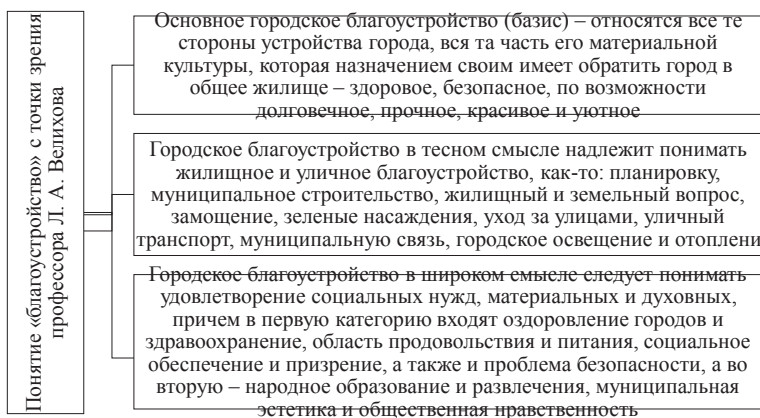

Рис. 1. Понятие «благоустройство» с точки зрения профессора Л.А. Велихова

В.Э. Бакутис – кандидат технических наук – в монографии «Инженерное благоустройство городских территорий» не дает точного определения понятию благоустройства, при этом к его элементам ученый относит инженерное устройство городской среды, проектирование подземных сооружений, озеленение территорий, сооружения малой архитектурной формы, включая спортивные, освещение и санитарная очистка городской среды [3].

В.С. Занадворнов считает, что цель благоустройства городских округов и ре-

гионов заключается в создании благоприятных условий для жизни населения. При достижении этой цели большое значение имеет внешнее благоустройство. Требуют решения проблемы, связанные с созданием экологически чистых территорий, охраной памятников [11].

В.В. Таболин, А.С. Емельянов, Н.Н. Черногор связывают благоустройство городских округов и регионов с градостроительством. Задачи благоустройства городских округов предусматривают создание удобных, культурных, здоровых условий жизни населения. Благо-

устройство городов способствует решению проблемы оздоровления городской среды путем озеленения территорий, а также санитарной очистки территорий. Объединяет эти определения позиция авторов относительно создания благоприятных условий для жизни населения за счет проведения благоустройства [23]. Отличает состав работ, включаемый в благоустройство, так В.В. Владимирова включает в благоустройство озеленение, у других авторов озеленение рассматривается в составе внешнего благоустройства [6].

В благоустройстве городов важно наличие и значимость внешнего благоустройства, включающего разнообразные объекты (освещение, зеленые насаждения). Зеленые насаждения играют важную социальную и гигиеническую роль, поэтому создавать отдельный термин внешнее благоустройство, по мнению ряда авторов, не обосновано.

В п. 36 ст. 1 Градостроительного Кодекса благоустройство территории опре-

деляется как деятельность по осуществлению комплекса мероприятий, которая направлена на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, а также поддержание и улучшение санитарного и эстетического состояния территории.

С точки зрения автора более полным определением можно считать следующее: благоустройство территории – деятельность по реализации комплекса мероприятий, направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, по содержанию территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов.

Для сущностной характеристики благоустройства территории необходимо выделить основные указанные в его определении вопросы, которое оно решает. Перечень данных вопросов приведен на рисунке 2.

Рис. 2. Основные вопросы благоустройства городской среды

В процессе благоустройства решается множество важных вопросов, которые обеспечивают формирование комфортной и развивающейся городской среды для обеспечения приемлемых условия жизни населения в современных условиях динамичного

развития деятельности экономических субъектов и экономической активности граждан.

В качестве важных принципов благоустройства как основ, на базе которых осуществляется его реализация, можно отразить на рисунке 3.

Приведенные принципы указывают, что главными и основополагающими особенностями благоустройства являются создание комфортных условий для жизнедеятельности населения. Одной из важнейших характеристик сущности рассматриваемого благоустройства является состав его элементов:

- покрытия;
- сопряжений поверхностей;
- пешеходные коммуникации;
- площадки;

- инженерная подготовка;
- малые архитектурные формы;
- наружная реклама;
- транспортные проезды;
- объекты спортивного и игрового характера;
- ограждения;
- оформление и оборудование зданий и сооружений;
- некапитальные стационарные сооружения.

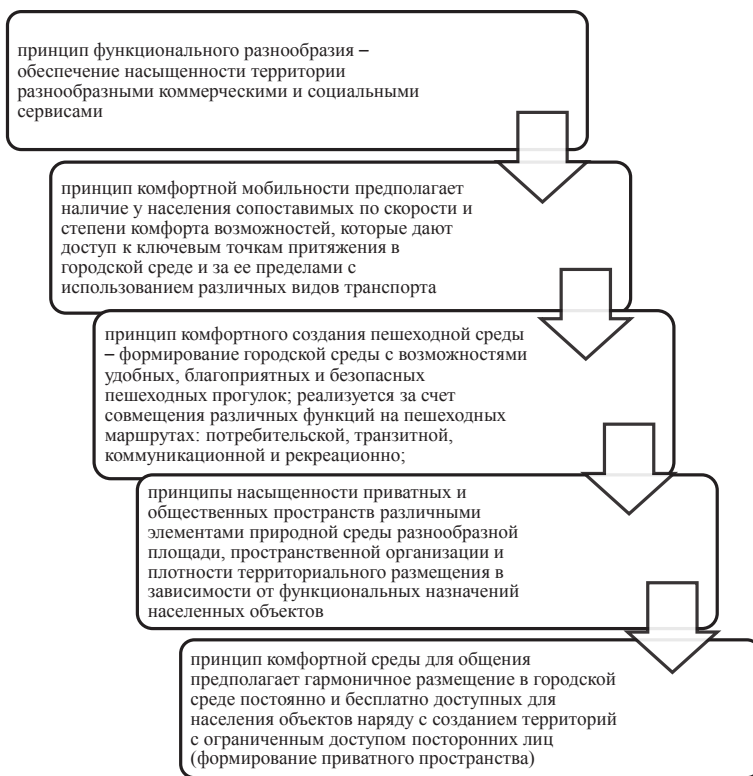

Рис. 3. Принципы благоустройства городской среды

Указанные элементы благоустройства территорий муниципальных образований позволяют сделать вывод, что данное направление деятельности многогранно и может содержать разные вопросы по улучшению качества жизни населения и создания комфортной городской среды.

В процессе формирования комфортной городской среды посредством бла-

гоустройства предусматривается реализация различных его видов.

К первому виду благоустройства можно отнести непосредственно внешнее благоустройство и озеленение. Данное направление является одним из самых основных и важных среди других видов. К разновидностям работ в данном аспекте можно отнести обогащение местного ландшафта за счет созда-

ния общей и индивидуальной объемно-пространственной композиции отдельных мест населенного пункта; транспортных и пешеходных коммуникаций; планировочных и объемных элементов благоустройства; садово-парковой мебели; малых архитектурных форм, а также игрового и спортивного оборудования и других элементов.

Элементы озеленения городской среды выступают важной частью экологической сферы города, а также являются источником чистого воздуха для населения, помогают регулировать тепловой режим в летний период, сдерживающим фактором при высоком ветре, создают неповторимые очертания современного города (рис. 4). Совокупность указанных элементов озеленения формирует систему зеленых насаждений городской среды.

Следующим видом благоустройства является инженерное благоустройство.

Данный вид благоустройства делится на два подтипа: инженерная подготовка и инженерное оборудование. Первый подтип включает в себя комплекс мероприятий, которые нацелены на непосредственное обеспечение территорий муниципального образования защитой от неблагоприятных погодных условий.

На инженерную подготовку как вида благоустройства оказывают значительное влияние природные условия и геолого-географическое расположение территории, на которой планируется проводить указанные виды работ.

Проектирование включает в себя разработку проекта, реализацию проекта, эксплуатацию и техническое содержание объектов благоустройства, ремонт и реконструкцию. Проект благоустройства является составной частью как градостроительной, так и архитектурно-строительной документации.

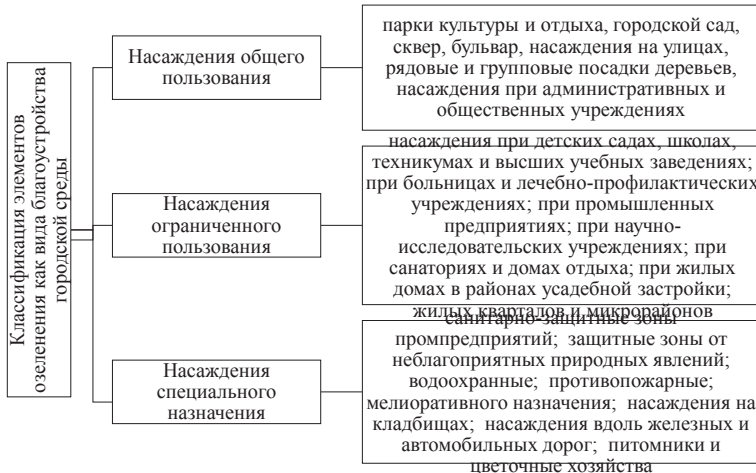

Рис. 4. Классификация элементов озеленения как вида благоустройства городской среды

Мероприятия по инженерной подготовке могут быть общими и специальными. Общая инженерная подготовка благоустройства объединяет в себе вертикальную планировку (работы, связанные с изменением рельефного состояния территории и его подготовки для дальнейшей деятельности) и организацию поверхностных вод. Специальная инженерная подготовка благоустройства

предполагает мероприятия, которые нацелены на предупреждение затопления, борьбу с заболоченными территориями, опасными для населения оврагами и селями, возможными последствиями после землетрясений.

Классификация инженерного оборудования в рамках благоустройства городской среды представлена на рисунке 5.

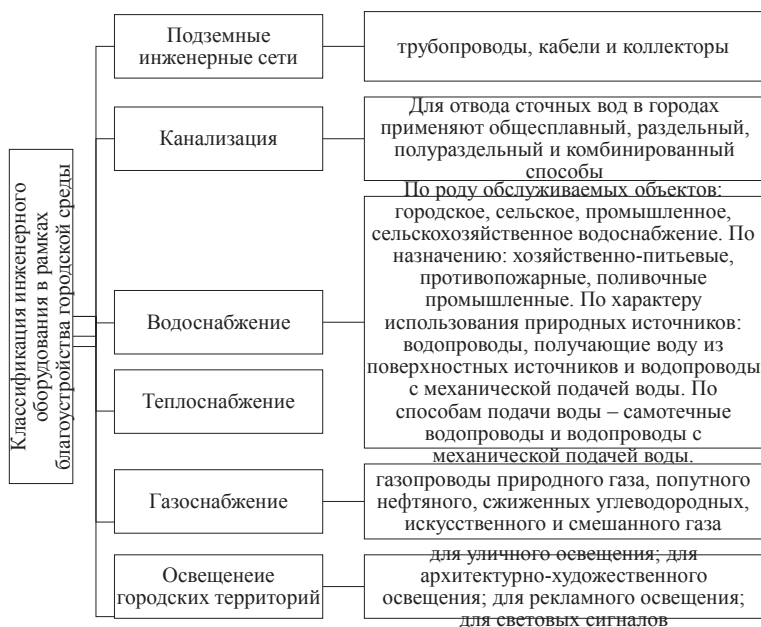

Рис. 5. Классификация инженерного оборудования в рамках благоустройства городской среды

Мероприятия в сфере дорожной деятельности включают строительство, реконструкцию, ремонт дорог общего пользования, а также работы по их содержанию и эксплуатации. Наряду с ремонтом и содержанием – работы по паспортизации и оформлению технической документации.

Третьим видом благоустройства городской среды является социально-бытовое благоустройство. Оно предполагает обеспечение жилых территорий социально значимыми объектами, которые обслуживают население и удовлетворяют его потребности в первичных и повседневных культурно-бытовых услугах. Данные мероприятия предполагают организацию вывоза мусора, вопросы обращения с отходами производств, мероприятия, направленные на повышение экологической культуры населения (информационно-профилактические мероприятия, конкурсы, смотры, привлечение населения к совместному решению вопросов благоустройства и пр.).

Объектами благоустройства территории по Приказу Минстроя России от 29.12.2021 № 1042-пр «Об утвержде-

нии Методических рекомендаций по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований» выступают «территории различного функционального назначения, на которых осуществляется деятельность по благоустройству». Перечень объектов благоустройства в данном Приказе является открытым. Комплексно указанные объекты можно сгруппировать по видам, которые представлены на рисунке 6.

Территории муниципального образования в пределах городской среды представляют из себя совокупность территориальных зон, виды которых закреплены в п. 1 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ:

- жилые зоны;
- общественно-деловые зоны;
- производственные зоны;
- зоны инженерной и транспортной инфраструктуры;
- зоны сельскохозяйственного использования;
- зоны рекреационного назначения;
- зоны особо охраняемых территорий;
- зоны специального назначения;

- зоны размещения военных объектов;
- иные виды территориальных зон.

Рис. 6. Объекты благоустройства городской среды

Жилые зоны при благоустройстве городской среды занимают значительное место в общей концепции развития комфортной городской среды и архитектуры города в целом. Повседневное нахождение населения в данных зонах значительно влияет на душевное состояние и эстетический комфорт, а также имеет важность функционал территории, что подчеркивает роль благоустройства жилых зон. Основная задача в формирова-

нии комфортной среды в жилых зонах – создание условий для быта, трудовой деятельности, отдыха, общественных взаимодействий. На благоустройство территорий различных образований влияние оказывает множество различных факторов: природно-климатические условия, социально-демографические процессы, архитектурная планировка в целом, состояние экологии, экономические возможности финансирования.

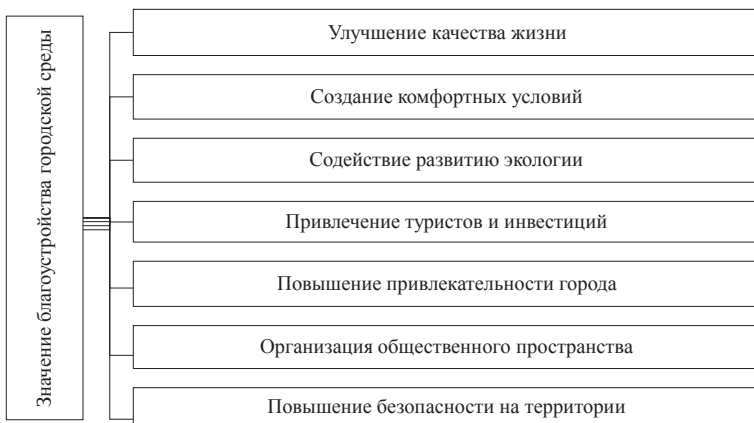

Рис. 7. Значение благоустройства городской среды

Помимо рассмотренных зон управления муниципалитетов могут устанавливаться и иные зоны.

Значение благоустройства городской среды состоит не только в улучшении внешнего облика города, но и в формировании гармоничной среды, способствующей росту и развитию различных областей жизни (рис. 7). Поэтому деятельность по благоустройству территории является важной и неотъемлемой частью градостроительства и экологической политики современного общества.

Таким образом, благоустройство территории можно определить, как совокупность мероприятий по планированию и озеленению новых и ранее созданных населенных пунктов, а также размещению и проектированию объектов, связанных с санитарно-гигиеническими, архитектурными, социально-экономическими и инженерными аспектами устройства населенных мест. В вопросах благоустройства территорий как в мире, так и в России в целом наиболее важным является ориентация на жителей и развитие социальных процессов, которые могут происходить в этом благоустройстве, т.е. это системный подход для стимуляции всех процессов на данной территории.

Особенности исследования и анализ его результатов

Несмотря на достигнутые успехи в сфере благоустройства территории муниципального образования г. Иркутск, его проведение остается актуальной задачей, решение которой сопровождается рядом проблем. С целью их наиболее полной характеристики, нами проведено исследование деятельности органов местного самоуправления в сфере благоустройства на территории муниципального образования г. Иркутск.

В опросе приняло участие 1200 жителей г. Иркутск в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, все они проживают в Иркутске от года до 65 лет.

По мнению иркутян, сильной стороной деятельности в рассматриваемой сфере является наличие специального подразделения в структуре Администра-

ции муниципального образования г. Иркутск – Комитета городского благоустройства, ответственного за обеспечение благоустройства (46%). Это позволяет четко делегировать полномочия органа власти по отдельным направлениям благоустройства за счет специализации обязанностей муниципальных служащих и прочего персонала Администрации. Кроме того, такой подход позволяет привлекать опытных профессионалов непосредственно в сфере благоустройства, которые имеют не только определенные и специальные знания, но и наличие опыта в сфере благоустройства. При этом 34% не считают присутствие данного комитета важным звеном в организации благоустройства Иркутска. 20% затруднились прокомментировать работу данного комитета или не знали о его существовании вовсе.

Важным моментом развития благоустройства выступает реализация муниципальной программы «Формирование комфортной и безопасной городской среды» с целью обеспечения комплексного развития городской среды г. Иркутска в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и региональной государственной программы. Об этом говорили 43% опрошенных, 37% не считают важным участие в данной программе, а 20% не знают о ее существовании.

Более молодые иркутяне (18–35 лет) ставят акцент на активном использовании бюджетных средств на проведение мероприятий в сфере благоустройства г. Иркутска, в т.ч. средств федерального и регионального бюджета. Тогда как представители более старших возрастов полагают этот факт менее важным (18–35 лет – 56%, 35–55 лет – 29%, 56 лет и старше – 15%).

Зато более старшие поколения делают приоритетным взаимодействие органа местного самоуправления с органами власти Иркутской области и федеральными органами по вопросам благоустройства (18–35 лет – 21%, 35–55 лет – 44%, 56 лет и старше – 35%).

Они же отмечают значительное повышение за 2020–2023 гг. объемов вы-

полненных работ в сфере благоустройства г. Иркутска (устройство газонов, посадка саженцев, уход за зелеными насаждениями и др. (18–35 лет – 17%, 35–55 лет – 43%, 56 лет и старше – 40%).

Молодые люди чаще высоко оценивали работу по повышению уровня вовлеченности населения г. Иркутска в проведение мероприятий по его благоустройству (18–35 лет – 30%, 35–55 лет – 44%, 56 лет и старше – 26%).

Представители среднего возраста особо отмечали наличие особо охраняемых природных территорий, регулирования их посещения, рост площади таких территорий (18–35 лет – 22%, 35–55 лет – 58%, 56 лет и старше – 20%).

Представители более младших возрастов более высоко оценивали участие в реализации федеральных и местных проектов в сфере благоустройства. Например, в реализации федерального проекта «Умный город» для обеспечения цифровизации городского хозяйства (18–35 лет – 38%, 35–55 лет – 37%, 56 лет и старше – 25%) или в реализации различных специальных местных проектов в сфере благоустройства г. Иркутска («Факт дня», «Человек труда» и др. (18–35 лет – 41%, 35–55 лет – 39%, 56 лет и старше – 10%).

Отдельно отмечалась активная информационная работа по раскрытию среди общественности результатов мероприятий по благоустройству города (18–35 лет – 35%, 35–55 лет – 39%, 56 лет и старше – 26%).

Представители среднего возраста особо отмечали использование механизмов муниципально-частного партнерства по реализации некоторых проектов в сфере благоустройства путем заключения концессионных соглашений (18–35 лет – 22%, 35–55 лет – 58%, 56 лет и старше – 20%).

Также респонденты выделили ряд слабых сторон, к которым в первую очередь отнесли недостаток бюджетных средств для финансирования крупных инвестиционных проектов в сфере благоустройства г. Иркутска приводит к замедлению их реализации (18–35 лет – 30%, 35–55 лет – 50%, 56 лет

и старше – 20%). Неполное использование всех доступных инструментов формирования финансовых ресурсов для благоустройства города, например, за счет муниципально-частного партнерства (18–35 лет – 37%, 35–55 лет – 43%, 56 лет и старше – 20%). Недостаточное внимание к объектам социальной инфраструктуры с инклюзивным уклоном (18–35 лет – 34%, 35–55 лет – 40%, 56 лет и старше – 26%). Низкий удельный вес площади жилищного фонда г. Иркутска, обеспеченного всеми видами благоустройства (66% в 2023 г.) – (18–35 лет – 28%, 35–55 лет – 50%, 56 лет и старше – 22%).

Представители всех возрастов и социальных групп отмечали существенный недостаток благоустройства большинства образовательных муниципальных учреждений г. Иркутска, нуждающихся в капитальном ремонте (18–35 лет – 35%, 35–55 лет – 35%, 56 лет и старше – 30%).

Молодые люди в два раза чаще указывали на отсутствие уникальности и новизны в вопросах организации городского пространства г. Иркутска – использование в большинстве случаев одних и тех же шаблонов создания элементов городской среды (18–35 лет – 60%, 35–55 лет – 30%, 56 лет и старше – 10%).

При этом иркутяне выделили ряд возможностей, которые могут изменить общую ситуацию.

Основной акцент был сделан на исследование и использование опыта других городов, регионов РФ и стран в организации благоустройства городского пространства, а также изучение мнения исследователей, экспертов, обучающихся и жителей г. Иркутска к совместному планированию городской среды (18–35 лет – 30%, 35–55 лет – 35%, 56 лет и старше – 30%).

Более молодые респонденты говорили о возможностях привлечения частных инвестиций в благоустройство городской территории за счет развития различных механизмов муниципально-частного партнерства и реализация на этой основе крупных инвестиционных проектов

в данной сфере (18–35 лет – 40%, 35–55 лет – 45%, 56 лет и старше – 15%).

Представители старшего возраста говорили об усилении работы за контролем деятельности обслуживающих организаций в области качества уборки дворовых территорий, включая организацию обратной связи с населением (18–35 лет – 18%, 35–55 лет – 32%, 56 лет и старше – 50%). Также как и совершенствование управления муниципальными предприятиями города за счет реализации коммерческих проектов в их деятельности, например, с использованием диверсификации направлений их деятельности (18–35 лет – 22%, 35–55 лет – 28%, 56 лет и старше – 50%).

Отдельно представители всех возрастов рассматривали расширение направлений благоустройства объектов социальной инфраструктуры с инклюзивным уклоном за счет создания новых или модернизации действующих парков для лиц с ограниченными возможностями здоровья (18–35 лет – 33%, 35–55 лет – 32%, 56 лет и старше – 35%).

Представители среднего возраста говорили о совершенствовании направлений реализации проекта «Умный город»: внедрение региональных образовательных программ подготовки в области цифровизации, стимулирования цифрового развития отраслей, цифровой инфраструктуры, прикладных исследований в учебных заведениях, стимулирования ИТ-компаний и др. (18–35 лет – 30%, 35–55 лет – 55%, 56 лет и старше – 15%), а также о стимулировании создания дополнительных экопунктов для повышения улучшения экологической обстановки в городе (18–35 лет – 35%, 35–55 лет – 55%, 56 лет и старше – 10%) и как следствие, расширение мероприятий по формированию экологической культуры среди всех слоев населения г. Иркутска (18–35 лет – 36%, 35–55 лет – 44%, 56 лет и старше – 20%).

Отдельно иркутяне указывали о необходимости проведения на местном уровне конкурсов «Лучший дом», «Лучший двор», «Лучшая детская площадка», «Лучшая спортивная площадка» для стимулирования населения в обла-

сти проведения мероприятий по благоустройству (18–35 лет – 30%, 35–55 лет – 30%, 56 лет и старше – 40%).

Также иркутяне обозначили возможные угрозы развития территории.

Представители всех возрастов отмечали, что дефицит бюджетных средств в условиях нестабильности и неопределенности создает значительные риски ухудшения достаточного объема финансирования мероприятий по благоустройству города (18–35 лет – 40%, 35–55 лет – 30%, 56 лет и старше – 30%).

Сейсмическая опасность и невозможность абсолютной защиты от ее негативных последствий создает значительные риски существенных повреждений результатов работ в сфере благоустройства г. Иркутска и росту расходов на его проведение также выделялась всеми возрастными группами (18–35 лет – 43%, 35–55 лет – 37%, 56 лет и старше – 20%).

Также рост загрязнений окружающей среды не позволяет воспользоваться возможностями повышения привлекательности города через улучшение экологии (18–35 лет – 38%, 35–55 лет – 32%, 56 лет и старше – 30%).

Снижение заинтересованности частного сектора в реализации проектов муниципально-частного партнерства в сфере благоустройства г. Иркутска может привести к резкому дефициту бюджетных финансовых средств (18–35 лет – 41%, 35–55 лет – 42%, 56 лет и старше – 17%).

Возрастающая популярность концепции городского развития «Зеленый город» с акцентом на энергосбережение, использование возобновляемых источников энергии, рециклинг (повторное использование отходов) и др. позволяет из категории риска переместить в категорию перспективного развития (возможностей) – (18–35 лет – 36%, 35–55 лет – 34%, 56 лет и старше – 30%).

Полагаем, что использование программно-целевого подхода в реализации муниципальной политики в области благоустройства г. Иркутска является сильной стороной деятельности органов местного самоуправления. Речь

идет о реализации муниципальной программы «Формирование комфортной и безопасной городской среды» с целью обеспечения комплексного развития городской среды г. Иркутска в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и региональной государственной программы. По направлению благоустройства реализуется, таким образом, три проекта разных уровней, которые предполагают проведение целого комплекса мероприятий.

Реализация данной программы позволяет обеспечить активное использование бюджетных средств на проведение мероприятий в сфере благоустройства г. Иркутска, в т.ч. федерального и регионального бюджета, а также взаимодействие органа местного самоуправления с органами власти Иркутской области и федеральными органами по вопросам благоустройства. Несмотря на это, необходимо отметить недостаток бюджетных средств для финансирования крупных инвестиционных проектов в сфере благоустройства г. Иркутска, который приводит к замедлению их реализации.

Таким образом, проведенное исследование среди иркутян позволяет фиксировать противоречивость и неоднозначность территориального благоустройства. Сами жители города видят как сильные, так и слабые стороны, возможности и риски реализации различных программ. Полагаем, что дальнейшее изучение данной темы позволит более глубоко погрузиться в вопросы территориального благоустройства и дополнить знание в области

Литература

1. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
2. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 125–128.
3. Бакутис В.Э., Бутягин В.А., Лунц Л.Б. Инженерное благоустройство городских территорий. – М.: Издательство литературы по строительству, 1971. – 224 с.
4. Борисова Ю.В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 81–92.
5. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. – М.: Наука, 2020. – 470 с.
6. Владимиров В.В. Управление градостроительством и территориальным развитием. – М.: РААСН, 2020. – 485 с.
7. Заварзина Ю.В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (на примере Иркутской области) // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 111–119.
8. Заварзина Ю.В. Имидж территории через призму социокультурных коммуникаций // Социология. 2021. № 4. С. 75–91.
9. Заварзина Ю.В. Социальное моделирование экономических процессов в целях развития социальной привлекательности территории // Социология. 2020. № 2. С. 241–252.
10. Заварзина Ю.В. Территориальное развитие: основные направления инвестиционной привлекательности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск, 2023. – С. 446–453.
11. Занадворов В.С. Экономика города. Вводный курс: учеб. пособие. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2023. – 435 с.
12. Полюшкевич О.А. Креативная среда городского пространства // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2022. – С. 230–238.

13. Полюшкевич О.А. Креативный потенциал городов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. – Иркутск, 2023. – С. 116–122.
14. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
15. Полюшкевич О.А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.
16. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. – Иркутск, 2022. – С. 227–232.
17. Семенов В.Н. Благоустройство городов [Электронный ресурс]. – URL: <https://elima.ru/books/?id=2971&ysclid=lfqz02q17p311922091> (дата обращения: 18.02.2024).
18. Скуденков В.А. Влияние городского пространства на экономические притязания (на примере Иркутской области) // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. Материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутский государственный университет; Институт социальных наук. 2017. С. 239–250.
19. Скуденков В.А. Психогеография в фокусе социальных притязаний горожан // DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 117–124.
20. Скуденков В.А. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самочувствию // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 69–79.
21. Скуденков В.А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 119–122.
22. Скуденков В.А. Улица в городе: социологический этюд // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 116–118.
23. Таболин В.В., Емельянов А.С., Черногор Н.Н. Экономика города: правовой аспект. – М.: Финансы и статистика, 2022. – 245 с.

LANDSCAPING IN PUBLIC OPINION

Zavarzina Y.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the features of the development of urban sociology through such aspects as landscaping. Assessments of public opinion about the improvement of the territory among residents of Irkutsk are given, both positive and negative aspects, opportunities and risks of implementing Irkutsk improvement projects are considered.

Keywords: landscaping, public opinion, city sociology, municipal sociology, territorial development.

References

1. Ardashev R.G. Features of the development of consciousness of citizens in a pandemic society // Sociology. 2022. No. 1. pp. 79–86.
2. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 125–128.

3. Bakutis V.E., Butyagin V.A., Lunts L.B. Engineering improvement of urban areas. – M.: Publishing House of Construction Literature, 1971. – 224 p.
4. Borisova Yu.V. The image of the city as a development strategy (on the example of Irkutsk) // *Urbanistics*. 2017. No. 3. pp. 81–92.
5. Velikhov L.A. Fundamentals of urban management. – M.: Nauka, 2020. – 470 p.
6. Vladimirov V.V. Management of urban planning and territorial development. – M.: RAASN, 2020. – 485 p.
7. Zavarzina Yu.V. Gender differences in the perception of territorial development (using the example of the Irkutsk region) // *Woman in Russian society*. 2018. No. 4 (89). pp. 111–119.
8. Zavarzina Yu.V. The image of the territory through the prism of sociocultural communications // *Sociology*. 2021. No. 4. pp. 75–91.
9. Zavarzina Yu.V. Social modeling of economic processes in order to develop the social attractiveness of the territory // *Sociology*. 2020. No. 2. pp. 241–252.
10. Zavarzina Yu.V. Territorial development: main directions of investment attractiveness // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk, 2023. – P. 446–453.
11. Zanadvorov V.S. Economy of the city. Introductory course: textbook. allowance. – M.: ICC “Akademkniga”, 2023. – 435 p.
12. Polyushkevich O.A. Creative environment of urban space // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Materials of the IV international scientific and practical conference. – Irkutsk, 2022. – pp. 230–238.
13. Polyushkevich O.A. Creative potential of cities // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of T. Yu. Falkovskaya. – Irkutsk, 2023. – pp. 116–122.
14. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in a provincial town: creativity and profaneness of public space // *Sociology*. 2021. No. 4. pp. 129–135.
15. Polyushkevich O.A. Psychogeographical dimension of the public space of the city // *City management: theory and practice*. 2022. No. 2 (44). pp. 31–35.
16. Polyushkevich O.A. Social modeling: post-virtuality of urban space // *Social reality of virtual space*. materials of the IV International Scientific Conference. – Irkutsk, 2022. – pp. 227–232.
17. Semenov V.N. Improvement of cities [Electronic resource]. – URL: <https://elima.ru/books/?id=2971&ysclid=lfqz02q17p311922091> (access date: 02/18/2024).
18. Skudencov V.A. The influence of urban space on economic claims (on the example of the Irkutsk region) // *Culture and explosion: social meanings in the era of change*. Materials of the IX All-Russian Scientific Internet Conference. Irkutsk State University; Institute of Social Sciences. 2017. pp. 239–250.
19. Skudencov V.A. Psychogeography in the focus of social claims of citizens // *DIXI – 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research*. Collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. pp. 117–124.
20. Skudencov V.A. Psychogeography of the city: from architecture to socio-psychological well-being // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2019. pp. 69–79.
21. Skudencov V.A. Psychogeography of urban space // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Collection of scientific papers. FSBEI HE “ISU”; under general ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2019. pp. 119–122.
22. Skudencov V.A. Street in the city: a sociological study // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 116–118.
23. Tabolin V.V., Emelyanov A.S., Chernogor N.N. City economy: legal aspect. – M.: Finance and Statistics, 2022. – 245 p.

Онлайн-знакомства как альтернативное поле потенциального брачного рынка

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье анализируются условия развития альтернативной модели формирования брачного рынка в виртуальном мире. Онлайн-знакомства становятся новой формой знакомства и последующего заключения брака для людей в возрасте от 18 до 65 лет. Результаты опроса, проведенного в двух федеральных округах, указывают на активное использование онлайн-знакомств для заключения браков для всех социальных групп, а также разный уровень удовлетворенности получаемым итогом складывающихся отношений в результате онлайн-знакомства; контент-анализ сайтов онлайн-знакомств показывает значимые отличия в виртуальном позиционировании мужчин и женщин.

Ключевые слова: онлайн-знакомства, брачный рынок, альтернативность знакомств, информационное общество, виртуальность, цифровизация.

Знакомство мужчины и женщины для создания семьи во все времена было актуальной темой для моделирования личного и группового поведения. В традиционных обществах созданием молодой семьи занимались родители, приходя к договоренности заранее. Современный мир дает больше свободы и самостоятельного выбора партнера. И если в XX веке этот выбор осуществлялся через личные знакомства в разнообразных местах, то с конца XX века и в начале XXI становится нормой онлайн-знакомство. Оно экономит время, позволяя изначально выбирать только «нужных» претендентов по возрасту, территории проживания (страна, город), доходу, фиксации изначальных намерений знакомства (общение, брак, интимные отношения и т.д.). Поэтому этот вид знакомства становится все более актуальным и востребованным во всех социальных группах.

Появление предпосылок для формирования нового брачного рынка путем онлайн-знакомств является одной из проблем современного общества, поскольку создание, стабильность и долговечность брака напрямую зависят от функционирования брачного рынка. Его деятельность значительно влияет на качество отношений между супругами, ведь выбирая партнера «по своей цене» человек может удовлетворить не только собственные, но и общечеловеческие потребности с помощью производства совместных благ.

В семейном кодексе Российской Федерации прописано, что брак является основой для появления семьи. Она в свою очередь обеспечивает демографический рост в стране и выполняет ряд функций, которые необходимы обществу для его стабильности и развития. Поэтому новое потенциальное поле для брачного рынка требует детального изучения, поскольку от его работы зависит не только индивидуальное счастье граждан, но и будущее страны.

Оно формируется на основе информационного пространства, готовности использовать возможности виртуального мира для реализации личных задач используют представители разных возрастов и социальных групп. Как результат – новые формы коммуникации и виртуального взаимодействия меняют личностные установки и социальные ожидания людей, желающих найти партнера.

В литературе информационное поле изучается с разных сторон. Вопросы безопасности виртуальности и возможных угроз психологическому здоровью и девиантному поведению посвящены работы Р.Г. Ардашева [2–5]; условия социализации, формирования истинных и ложных образов в виртуальном мире рассмотрены в исследованиях Р.В. Иванова [6–9]; вопросы идентичности личности в условиях виртуального мира анализируются в исследованиях О.А. Полюшкевич [17–20]; в работах автора и О.И. Титовой [10–15] анализируются разнообразные условия изменения информационной картин мира, в гендерных, территориальных, статусных и иных аспектах; вопросы брачного выбора молодежи в интернет-знакомствах рассматриваются в исследовании Н.Л. Антоновой [1], Ю.Г. Мироновой и Н.А. Тырновой [16].

Особенности организации исследования

Цель данного исследования заключается в изучении явления онлайн-знакомств как альтернативного поля потенциального брачного рынка и его влияния на формирование отношений и брачных союзов.

Гипотеза исследования. Изучение онлайн-знакомств как альтернативного поля потенциального брачного рынка представляет собой важную область исследований в текущих реалиях. С развитием технологий и изменением образа жизни социальные сети и приложения стали широко распространенным способом поиска партнера для отношений, брака и создания семьи. В данной гипотезе предполагается, что знакомства в интернете представляют собой новую парадигму формирования брачного рын-

ка, ведущую к изменениям в паттернах брачности, предпочтениях в выборе, а также воздействующую на структуру и динамику отношений.

В ходе исследования было проведено анкетирование среди 1500 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет с целью выявления их отношения к онлайн-знакомствам и оценки влияния онлайн-платформ на формирование нового брачного рынка. Возрастная категория большинства опрошенных составила: 18–30 лет (25%), 31–45 лет – 25%, 46–55 лет – 25% и старше 56 лет – 25%; 55% женщин и 45% мужчин. Респонденты проживают на территории Сибирского федерального и Дальневосточного федерального округов.

Анализ результатов исследования

Для подведения первичных итогов анкетирования была проведена выборка только тех людей, которые когда-либо пользовались приложениями для онлайн-знакомств, таких участников получилось 51. В результате опроса выяснилось, что мужчины гораздо чаще знакомятся в интернете, чем женщины (87% против 67%). Данное явление можно объяснить исходя из социокультурных и психологических аспектов, где важную роль играют общественные ожидания и стереотипы. На вопрос «Какие отношения вы искали долгосрочные или краткосрочные?» 50% лиц мужского пола ответили «краткосрочные», что также является объяснением вышеуказанных результатов, поскольку онлайн-платформы являются площадками, где можно быстро и удобно познакомиться с огромным количеством партнеров. Среди самых популярных приложений, которые используют или использовали люди для знакомств стали Мамба, Badoo, Tinder и социальная сеть Вконтакте.

Большая часть респондентов отметили, что их отношения с партнерами, с которыми они познакомились в интернете длились в несколько раз меньше, чем те отношения, где знакомство происходило традиционным образом. Такая закономерность объясняется ответами самих участников на вопрос о преиму-

ществах и недостатках данного способа. Они отмечали, что к минусам относятся следующие.

1. Ограниченная коммуникация и виртуальное восприятие. При знакомстве в интернете в общении используются только текстовые сообщения, фотографии и видеозвонки, что значительно ограничивает восприятие партнерами друг друга. В реальной жизни же человек имеет возможность воспринимать огромное количество невербальной информации, такой как жесты, интонации, запахи и т.д., что создает более глубокое впечатление. Невербальные сигналы играют большую роль при установлении связей между людьми.
2. Романтический идеализм. Когда человек начинает строить отношения в интернете, у него появляется больше возможности и времени идеализировать своего партнера. Это может порождать нереалистичные ожидания, которые вскоре могут не оправдаться.

К преимуществам опрашиваемые отнесли следующее.

1. Большой выбор. Онлайн-знакомства открывают доступ к огромному количеству потенциальных партнеров, что дает возможность выбирать из более разнообразных кандидатов.
2. Раскрепощенность. Онлайн общение может устранить некоторые барьеры, с которыми человек сталкивается в реальном мире, такие как стеснение или социальная тревожность. Виртуальная анонимность дает людям больше уверенности для раскрытия своих мыслей, чувств и желаний.
3. Понимание интересов. Часто в описании профилей в приложениях для знакомств люди указывают свои хобби, увлечения и ценности, с помощью которых можно получить представление о человеке еще до начала общения.

Несмотря на то, что 73% респондентов отнесли «большой выбор» к преимуществам, на подсознательном уровне они считают это недостатком, поскольку на вопросы «Как вы оцениваете влия-

ние социальных сетей и приложений для знакомств на ваше восприятие собственной привлекательности и ценности как потенциального партнера?» и «Меняется ли ваш подход к выбору партнера из-за опыта знакомства через онлайн-платформы?» 43% ответили, что их самооценка снижается, когда они понимают, что в интернете у их потенциального партнера существует множество альтернатив среди кандидатов, ту же самую причину отметили и 64% респондентов, у которых изменился подход к выбору «второй половинки» из-за опыта онлайн-знакомств. То есть теперь их желания и ожидания в отношении партнера стали на порядок выше, чем были до этого. Этот же фактор повышает и риск измены, это указали 63% опрошенных, что в дальнейшем может привести к разрушению отношений или брака.

Далее участникам анкетирования было предложено оценить влияние онлайн-знакомств на институт брака и формирование нового брачного рынка. 73% опрошенных ответили, что в интернете можно найти человека для создания семьи. Основываясь на возрастной категории и половой принадлежности среди положительных ответов, можно выявить некую закономерность. Большинство респондентов, которые допустили данную возможность стали женщины в возрасте от 18 до 29 лет. Отрицательно же отвечали чаще всего молодые мужчины и участники в возрасте от 41 года и старше.

Такое явление в первую очередь можно объяснить общественными стереотипами, где женщина «хранительница очага», а мужчина «охотник», ценящий свободу. Также здесь можно отметить социальное воспитание и нормы, поскольку мальчикам и девочкам в детстве зачастую прививают разные ценности. У женского пола ставится акцент на эмоциональной близости, важности семьи, а мужской пол зачастую фокусируют на самостоятельности и реализации. К тому же женщины намного чаще нуждаются в постоянной психологической поддержке и опоре в отличие от мужчин. Если говорить про возраст-

ную категорию, то согласно переписи населения 2021 года, чаще всего люди заключают брак в возрасте от 18 до 39 лет, далее уже к 40–50 годам 15–20% начинают разводиться, разочаровавшись в семейной жизни.

Также 60% респондентов отметили, что онлайн-платформы в значительной степени снизили важность таких социальных институтов как семья и брак. Участники отвечали, что в данный момент долгосрочные отношения перестали иметь высокую ценность. Ранее считалось, что именно семья помогает удовлетворить потребности человека в заботе, любви, внимании и близости. Однако с появлением приложений для знакомств у людей увеличилась возможность закрывать вышеперечисленные нужды с помощью краткосрочных отношений, которые не требуют обязательств и сильной ответственности, они никогда не перерастут в «бытовую рутину» и в них редко будут возникать какие-либо проблемы.

Далее перейдем к контент-анализу приложения для онлайн-знакомств «Мамба». С уходом «Tinder» и других площадок для поиска партнера в интернете, «Мамба» обрела новую жизнь.

Всего для изучения было взято 100 мужских и 100 женских анкет. В своем профиле в приложении можно указать несколько целей для знакомства, такие как отношения, свидание, флирт, создание семьи и заключение брака. Также там есть спорт, дружба, путешествия и другие. Для исследования были взяты лишь цели из первого блока, поскольку именно они связаны с созданием романтических отношений, которые в свою очередь в будущем могут перерасти в брак.

Флирт и свидания – одни из самых часто указываемых причин для знакомства во всех возрастах. Но чаще всего эту цель преследуют мужчины от 18 до 29 лет (48%). Женщины в этом возрасте ищут кратковременные встречи в 24% случаев. Начиная с 30 лет, показатели у оба пола снижаются (22% женщины и 24% мужчины). К 50 годам к «от-

ношениям без обязательств» прибегают 41% женщин и 43% мужчин.

Отношения также являются распространенной причиной для знакомства как среди мужчин, так и среди женщин любых лет. Однако в возрасте от 18 до 29 такую цель чаще всего указывают женщины нежели мужчины (41% против 30%). В возрасте от 30 до 40 мужские и женские показатели почти приравниваются (41% мужчины и 46% женщины). В 50 и более лет 39% женского пола ищут отношения, в то время как мужчины указывают эту цель в 35% случаев. Единственный минус заключается в том, что в Мамб-е невозможно указать какие именно отношения ты ищешь, краткосрочные или долгосрочные, поэтому делать какие-либо выводы о намерениях пользователей представляется сложным.

О создании семьи и заключении брака в своих анкетах пишут 35% женщин в возрасте от 18 до 29 лет. От 31 до 45 такую причину указывают 32% женского пола. К 50 годам о семье и браке упоминает лишь 20% женщин. Мужчины же в возрасте от 18 до 29 лет ищут семью и брак в 22% случаев, но начиная с 30 лет и до 40 этот показатель вырастает до 35%. Но к 50 годам снижается до 22%.

Контент-анализ «Мамб-ы» позволяет сделать следующие выводы.

1. Более молодые женщины чаще хотят построить долгосрочные отношения и вступить в брак в отличие от молодых мужчин.
2. Возраст 30–40 лет является пиком для обоих полов для создания семьи.
3. К 50 годам как мужчины, так и женщины чаще отдают предпочтение коротким встречам, чем поиску постоянного партнера.

Данные результаты коррелируются с выводами проведенного опроса. Причины указаны выше. Однако среди найденной информации есть и абсолютно новая. Благодаря анализу выяснилось, что пользователи по большей части не воспринимают «Мамб-у» (могу предположить, что и другие аналогичные приложения) как сервис для поиска

партнера «на всю жизнь». Самыми частыми причинами для знакомства стали флирт, свидания и отношения. Как уже упоминалось ранее из-за недостаточного функционала на онлайн-площадке нельзя указать какие именно отношения ты ищешь. Но перебрав около двухсот мужских и женских анкет можно отметить, что около половины профилей, где в описании указывались отношения, имели вдобавок такие цели как флирт, свидание и другие. Это указывает на то, что человек, скорее всего, имеет ввиду краткосрочные отношения.

Таким образом, выдвинутая ранее гипотеза частично подтвердилась, поскольку в данном исследовании прослеживаются скорее негативные изменения паттернов брачности и предпочтений в выборе партнера. То есть люди стали меньше нуждаться в заключении браков, поскольку появилась возможность на постоянной основе удовлетворять все психологические, эмоциональные и физические потребности с помощью краткосрочных отношений, которые легко можно найти в приложениях для знакомств. Что касается предпочтений в выборе партнера, то благодаря интернет-площадкам они стали в несколько раз выше. В какой-то степени это улучшает брачный рынок, позволяя найти партнера «по своей цене», однако в данном случае люди пытаются гнаться за «идеальным идеалом», которого не существует.

Также стоит отметить, что онлайн-знакомства в значительной степени оказывают негативное влияние на создание крепких долгосрочных отношений. Это в первую очередь связано с ограниченной коммуникацией в начале знакомства и в последующем уже в самих отношениях с возрастанием риска измены.

Люди в той или иной степени не воспринимают интернет как ресурс для создания семьи. Поскольку большинство пользователей, регистрируясь в приложениях для знакомств, чаще всего указывают краткосрочные цели. Также по итогам опроса, можно увидеть, что большая часть респондентов в той или иной степени осуждающе относятся

к интернет-знакомствам и предпочитают традиционный способ. Поэтому на данный момент нельзя сказать, что онлайн-платформы сформировали новый брачный рынок. Возможно, в дальнейшем с развитием общества и информационных технологий тенденция изменится, однако для изучения этого потребуются дополнительные более масштабные исследования.

Литература

1. Антонова Н.Л. Брачный выбор молодежи: социологическое измерение // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 3. С. 122–127.
2. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
3. Ардашев Р.Г. Девиантное поведение молодежи в условиях виртуального мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. Сост.: А.А. Жаворонкова, О.С. Кравченко. Санкт-Петербург, 2023. С. 100–103.
4. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 141–144.
5. Ардашев Р.Г. Социальные связи молодежи в виртуальных сообществах смерти // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 67–73.

6. Иванов Р.В. Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 36–41.
7. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
8. Иванов Р.В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 44–46.
9. Иванов Р.В. Социальные факторы виртуализации общества // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2019. С. 15–18.
10. Маслодудова Н.В. Влияние информационного общества на социальные отношения // Социология. 2022. № 6. С. 74–82.
11. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
12. Маслодудова Н.В. Отношение современной молодежи к традиционным ценностям (на примере студентов г. Красноярска) // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 73–80.
13. Маслодудова Н.В. Самопрезентация визуальной идентичности в социальных сетях // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 233–237.
14. Маслодудова Н.В. Социальная активность молодежи в условиях неопределенности // Социология. 2023. № 3. С. 110–119.
15. Маслодудова Н.В., Титова О.И. Гендерные особенности коммуникаций в виртуальной среде // Социология. 2023. № 1. С. 71–78.
16. Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А. Интернет-знакомства как форма брачного выбора современной молодежи: социологический анализ // Социология. 2017. № 4. С. 32–35
17. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.
18. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 10–25.
19. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
20. Полюшкевич О.А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 121–123.

ONLINE DATING AS AN ALTERNATIVE FIELD FOR THE POTENTIAL MARRIAGE MARKET

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the conditions for the development of an alternative model of the formation of the marriage market in the virtual world. Online dating is becoming a new form of dating and

subsequent marriage for people aged 18 to 65 years. The results of a survey conducted in two federal districts indicate the active use of online dating for marriage for all social groups, as well as different levels of satisfaction with the resulting relationship as a result of online dating; Content analysis of online dating sites shows significant differences in the virtual positioning of men and women.

Keywords: online dating, marriage market, alternative dating, information society, virtuality, digitalization.

References

1. Antonova N.L. Marriage choice of young people: a sociological dimension // *News of the Ural Federal University*. 2015. No. 3. pp. 122–127.
2. Ardashev R.G. Personal security in conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 8–11.
3. Ardashev R.G. Deviant behavior of young people in the virtual world // *Russian deviantological panorama: theory and practice*. Materials of the international scientific and practical conference. Comp.: A.A. Zhavoronkova, O.S. Kravchenko. St. Petersburg, 2023. pp. 100–103.
4. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // *Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among youth*. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation: a thematic collection of articles. Irkutsk, 2021. pp. 141–144.
5. Ardashev R.G. Social connections of youth in virtual communities of death // *Solidarity society as an ideal and project: history and modernity*. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rep. editors R.H. Lukmanova, I.V. Frolova. Ufa, 2023. pp. 67–73.
6. Ivanov R.V. Virtual socialization of youth: socio-philosophical analysis // *Social reality of virtual space*. Materials of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. pp. 36–41.
7. Ivanov R.V. Virtual interaction: truth and falsity // *Humanitarian knowledge and spiritual security*. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. pp. 161–165.
8. Ivanov R.V. Quality of life in the virtual world // *The influence of quality of life on the formation of the value structure of the Russian population*. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University named after. M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. pp. 44–46.
9. Ivanov R.V. Social factors of virtualization of society // *Social reality of virtual space*. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2019. pp. 15–18.
10. Maslodudova N.V. The influence of the information society on social relations // *Sociology*. 2022. No. 6. pp. 74–82.
11. Maslodudova N.V. Information space of the modern world // *Sociology*. 2023. No. 6. pp. 27–34.
12. Maslodudova N.V. The attitude of modern youth to traditional values (on the example of students in Krasnoyarsk) // *Scientific component*. 2022. No. 1 (13). pp. 73–80.
13. Maslodudova N.V. Self-presentation of visual identity in social networks // *Solidarity society as an ideal and project: history and modernity*. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rep. editors R.H. Lukmanova, I.V. Frolova. Ufa, 2023. pp. 233–237.
14. Maslodudova N.V. Social activity of youth in conditions of uncertainty // *Sociology*. 2023. No. 3. pp. 110–119.
15. Maslodudova N.V., Titova O.I. Gender characteristics of communications in a virtual environment // *Sociology*. 2023. No. 1. pp. 71–78.
16. Mironova Yu.G., Tyrnova N.A. Internet dating as a form of marriage choice for modern youth: sociological analysis // *Sociology*. 2017. No. 4. pp. 32–35.
17. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // *Humanitarian knowledge and spiritual security*. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. pp. 303–307.
18. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // *Social reality of virtual space*. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020. pp. 10–25.

19. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // Sociology. 2020. No. 5. pp. 163–176.
20. Polyushkevich O.A. Forms of prosocial practices in the virtual world // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. pp. 121–123.

Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире

Полушкевич Оксана Александровна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры государственного
и муниципального управления Института
социальных наук Иркутского государственного
университета
E-mail: okwook@mail.ru

В статье раскрываются особенности развития формальности в аспектах доверия и солидарности сообществ в условиях нестабильного мира. Доказывается проникновение формальности в обозначенные сферы жизни сообществ и их негативное воздействие на личные стратегии поведения и ощущений, связанные с одиночеством людей и дезинтеграцией в социальном воспроизводстве. Приводятся результаты собственного исследования о процессах трансформации доверия и изменения условий социальной солидарности в современном российском обществе.

Ключевые слова: формальность, доверие, солидарность, нестабильность мира, одиночество, одиночество в толпе, социальные нормы, культура доверия, социология доверия.

Мы живем в обществе нестабильности. Традиционные институты если не полностью разрушаются, то становятся достаточно лояльными и гибкими к тем, кто нарушает их нормы. Ранее территория и родовые связи давали защиту, то сегодня институты наследования и традиции разрушаются, люди добровольно отказываются от того, как жили предки в угоду современным веяниям неограниченности развития, в результате теряя безопасность и поддержку друг друга.

Сегодня появляется возможность выбора собственных жизненных ориентиров, начиная от места жительства, социальной и политической активности, включенности в социум. Привычное теряет устойчивость, на его место приходит многовариантность. Одновременно с этим, воздействие общества массового потребления, благодаря СМИ и сети Интернет ограничивает многих сограждан, создавая рамки того самого выбора, определяя, что можно желать (через образы киногероев, звезд и блогеров). Поэтому, разнонаправленные тенденции социального развития лишь усиливают ситуацию нестабильности и общественной разорванности социальных связей, формируют общество риска (У. Бек), развивают одиночество, в том числе одиночество в толпе.

Формальности, приводящей к нестабильности, в современном мире в разы больше, чем когда-либо ранее. Это выражается в том, что:

- выбор есть всегда, но его осуществить могут далеко не все (не хватает рефлексии, осознанности, ответственности и проч.);
- человек вовлечен во множество сообществ, но он все больше себя чувствует одиноким;
- людей связывают общие цели и задачи на поверхностном уровне, в глубине они не столь фундаментальны;

– социальное устройство и социальный порядок все чаще вызывает разочарование и дефицит доверия (не только к институтам власти, бизнеса, но любым другим социальным сообществам, включённым в социальное взаимодействие; более того – уменьшается доверие и к близким людям, соседям, коллегам, согражданам) – результатом этого становится формальность солидарности.

Проникновение формальности во все социально значимые форматы взаимодействия человека и различных социальных групп приводит к коллапсу социального развития. Все, что сближает людей, приводит к их интеграции становится формально выверенным институтом, не наполненным живыми переживаниями, эмоциями, поведенческими стратегиями.

Чем больше каждого из нас касаются внешние перемены в сфере экономики и политики, культуры и религии, повседневных практик и значимых ритуалов, тем больше включается недоверие, дезинтеграция с любым сообществом. Это результат социальной реакции на сложности быстрой адаптации к переменам. Чем больше свободы у человека, тем меньше доверия. И наоборот, меньше свободы создает больше доверия всем социальным институтам.

Доверие – это уверенность в человеке, компании, обществе (уверенность в их искренности, правильности, честности и т.д.). Доверие в социальном аспекте – это понимание того, как будут вести себя другие. Если это понимание совпадает с собственным поведением, знанием, чувством, то это рождает солидарность, если не совпадает, то порождает дезинтеграцию. В восприятии доверия всегда важны действия и смыслы, которые порождают социальный капитал (своего рода прибыль). Это будет справедливо как отдельному человеку, так и всему сообществу.

В современных исследованиях доверие учеными рассматривается с разных сторон: как концептуальная система и система безопасности общества (Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыден-

ко, Ю.В. Ушакова [15]; М.И. Черепанова, С.Г. Максимова [16]); как изменение культуры доверия (Ю.В. Веселов, Н.Г. Скворцов [6]; А.В. Иванов, С.А. Данилов [11]; О.А. Полюшкевич [13, 14]); как форма цифровой трансформации (Ю.В. Веселов, Н.Г. Скворцов [5]). Также ученые рассматривают разные стороны жизни, где доверие выступает связующим элементом и формой развития социальных институтов и процессов: воздействие СМИ на восприятие агрессии и преступности в мире как факторы понижения доверия и безопасности (Р.Г. Ардашев [1, 2]); доверие в условиях развития и изменения жизненного пространства и жизненных ориентиров молодежи (Л.А. Гуринович, Е.В. Решетникова [7], П.П. Люберцев [8]; И.А. Журавлева, Р.В. Иванов [12], В.В. Тетерин [9, 10]; экономические условия социализации в новых условиях жизни (П.А. Баев [3], Д.С. Хаустов [4]) и другие.

Особенности исследования

Методологической основой нашего исследования стала концепция креативных индустрий, встроенная в рамки системной теории. Эти теоретические подходы объясняют логику социальной мобильности и гибкости различных социальных сообществ в меняющемся мире, где доверие и солидарность выступают цементирующими условиями социального развития.

Исследование проводилось в два этапа. Первый – массовый опрос ($n = 1200$), 55% женщин и 45% мужчин, в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных регионах России. Исследование проводилось в онлайн формате.

Второй – фокус-групповое интервью ($n = 54$), было проведено 6 фоку групп, 55% женщин и 45% мужчин, в возрасте от 18 до 65 лет. Участники фокус-групп были представителями тех социальных сообществ, что участвовали в массовом опросе. Благодаря их оценкам, мы смогли проверить и объяснить полученные ранее ответы массового исследования.

Результаты исследования

Доверие социальным институтам присутствует не одинаково в разных сообще-

ствах, но там, где его больше, участники проявляют больше творчества (33%), социальной активности (29%), инновационной деятельности (25%), предпринимательской активности (13%). Коммуникации с другими людьми строятся по принципу расширения выделенных сфер и форм активности. Риски становятся возможностями, а неопределённость – реальным шансом быть креативным.

Быть всегда на волне перемен, чутко реагировать на новые потребности – сама эта мысль меня бодрит и вдохновляет, и заставляет каждый день идти на работу. Сегодня быть не таким, каким ты был вчера, а завтра, не таким как сегодня. Это постоянный рост и развитие, которое делает нас счастливыми. (М.Ю., предприниматель в сфере креативных индустрий, 40 лет). *Я вовлечен в публичное пространство своего города, активно участвую во многих социальных проектах, потому что этим живу, моя работа и мое хобби – это одно. Наверное поэтому, могу сказать, что я счастливый человек.* (А.П., общественный деятель, 47 лет).

Смыслы доверия у участников исследования не одинаковые. Для одних доверие – это стиль жизни (философия) – 47%, для других – отношение (инструмент) – 35%, для третьих – цель (продукт) – 18%.

Доверие – это не технический акт или процесс, а стиль жизни, который позволяет довериться другим, быть с ними солидарным и тем самым измениться и изменить свою жизнь и жизнь других. Доверие состоит из эмоционального соучастия (35%), нормативного согласия (31%) и социокультурного опыта (традиции) – 44%. Соединяя эти три начала, формируется солидарность сообществ.

С теми, с кем я испытываю солидарность, солидарность во взглядах на жизнь, в качестве проживания жизни я всегда ощущаю схожие эмоции и чувства, мы совпадаем по эмоциональным окликам и оценкам. Возможно, это связано со схожим жизненным опытом, условиями жизни в детстве и молодости, единстве понимания норм права и зако-

на, по которому мы живем. (С.С., предприниматель, 45 лет). *Без совместно проживаемых эмоций, прошлого схожего опыта и схожих задач, которые стоят перед разными людьми не возникнет никогда единства и солидарности. Людей сближают чувства и традиции, возможно формальные условия и рамки, но без первого и второго они не будут работать.* (А.Б., преподаватель, 39 лет).

Доверие – это отношение. А отношения можно выстроить, испортить или наладить. Доверие порождает доверие. Трудности, проблемы – порождают недоверие.

Я как руководитель компании заинтересован в том, чтобы мои клиенты доверяли нашим услугам, моя задача создать все условия для их доверия. (И.Т., предприниматель, 48 лет). *Мне важно выстроить доверие внутри коллектива, иначе мы не сможем быть эффективными и конкурентоспособными на рынке. Отношения доверия рождают корпоративную культуру и это укрепляет силу и солидарности нашего сообщества всей компании, вне зависимости от должности и статуса.* (Н.Н., предприниматель, 56 лет).

Доверие – это цель (продукт), который позволяет занимать свое место и самим фактом своего существования реализовывать свои услуги и товары, личные отношения и установки.

Доверие позволяет понимать других и осуществлять задуманное, без каких-то ограничений или рамок. Это форма реализации приобретенных навыков, реализуемая через манипуляции и системное регулирование отношений. (А.В., преподаватель, 33 года). *Доверие – это продукт, который дорого стоит. И реализуя его на рынке становишься самым интересным и притягательным партнёром в любой нише.* (Г.О., маркетолог, 36 лет).

Отвечая на вопрос о том, в вашем окружении люди доверяют друг другу? Мы получили следующие ответы. Да, доверяют – 28%, частично доверяют – 42%, не доверяют – 30%. И далее мы уточнили, – лично вы доверяете другим? Мы получили следующие ответы: да, доверяю – 42%, частично доверяю – 38%,

не доверяю – 20%. Мужчины доверяют окружающим в три раза чаще, чем женщины.

Во время обсуждения данных результатов, эксперты с ними согласились и смогли более развернуто объяснить, показывая тем самым разные смыслы интерпретации доверия.

Человек себя сам видит более позитивно и ему хотелось бы, чтобы в его жизни было больше доверия, поэтому лично себя он воспринимает более позитивно – как доверяющего другим больше, чем другие между собой, потому что доверие – это отношение к себе и к миру. (А.Б., психолог, 40 лет). Доверие становится маркером видения и изучения реальности. Это фильтр, позволяющий видеть все взаимоотношения под определенным углом. И поэтому наличие или отсутствие доверия является социальным условием реализации человека в жизни. (В.В., общественный деятель, 36 лет).

Ф. Фукуяма говорил о «радиусе доверия» – чем ближе круг взаимодействия, тем выше уровень доверия, чем меньше взаимодействует, тем меньше доверяет (этот тип восприятия доверия был характерен для традиционных обществ). Сегодня же мы констатируем высокий уровень разорванных близких связей, увеличение взаимодействия в виртуальном мире, где участники коммуникации могут никогда не встречаться в реальности. Поэтому, данное утверждение классика стоит расширять и применять не только к реальному взаимодействию родственников и друзей, но и виртуальных партнеров, так как они зачастую знают больше о человеке, лучше его понимают и чувствуют, чем те, кто входит непосредственно в близкий круг лиц.

Также мы исследовали уровень доверия к цифровым изменениям современного общества. Поэтому задали такой вопрос: вы доверяете возможностям виртуального общества, по улучшению качества вашей жизни? И получили следующие ответы: да, доверяю – 25%, частично доверяю – 56%, не доверяю – 19%. Мужчины доверяют больше, чем женщины в 2 два раза.

Участники фокус-группового исследования проиллюстрировали данные результаты своими комментариями.

Возможность использования мобильного банка облегчает жизнь, но и приносит риски мошенничества и разного рода обмана. Доверие в удобстве есть, доверия в безопасности – нет. (М.П., военный в отставке, 64 года). Быстро заказать доставку еды или любых товаров из магазина через онлайн приложение – экономит время. Это необходимость современного этапа развития мира. И доверие не всегда уместно использовать, скорее – необходимость. А если какие-то проблемы в виде некачественной еды или товаров – так к этому поставщику в будущем просто не обращаешься, так как он потерял твое доверие и доверие твоих друзей. Вот так его теряют или приобретают другие компании. (В.М., студент-химик, 20 лет).

Формальность цифрового доверия является чертой современности. Нет уверенности во взаимодействии в данной сфере, но при этом, это не становится поводом не вовлечения в данные формы интеракций. Риски становятся опытом, который делает осторожными и внимательными, но не позволяет прекратить это взаимодействие, так как оно уже является частью повседневного мира на личном, профессиональном и социальном уровне.

Доверие как лозунг и как форма личного взаимодействия утрачивают свое значение и смысл. Оно подменяется частотой взаимодействия с человеком (чаще в социальных сетях, чем лично), количеством обращений в тот или иной плейсмаркет или службу доставки. Общие процессы мнимости включенности в активную социальную жизнь со множеством контактов (развитие симулякров Ж. Бодрийяра), приводят к одиночеству людей, одиночеству в толпе и внутреннему опустошению. Формальность доверия разрушает человека изнутри, не давая ему ни веры, ни надежды на то, что он не один во многомиллионном мире.

Таким образом, проведенное нами исследование показало формальность проявления доверия во многих сферах

и сообществах, что с течением времени приводит к его утрате и дезинтеграции сообществ. Без изменений в уровне и формах доверия – нет шансов на формирование социальной солидарности и общественного воспроизводства.

На сегодняшний день, формальность доверия – страшный диагноз социального бытия. Говорить о солидарности сообществ на его основе не приходится. Поэтому без реальных резких изменений мы утратим связующие нити социальных коммуникаций и не сможем их наполнить новым содержанием уже никогда. А это становится перспективой социального самоуничтожения.

Социальный прогресс, цифровизация и виртуализация, СМИ и сеть Интернет изменили качество и условия жизни всех людей. Без доверия себе и окружающим, без доверия миру не будет будущего у нас как граждан нашей страны. На доверии строится мировоззрение, базовые установки социальной эволюции личности в условиях изменчивости. Социальные риски подтачивают традиционный контекст доверия, но предлагают ориентиры нового понимания доверия – доверия неопределенности. Кто сможет этот вариант доверия принять и освоить, тот сможет выжить в условиях нового мира, а кто нет – увы, останется примером убеждений прошлого опыта и будет доживать свои дни в уже не актуальной картине мира, а не быть творцом нового опыта, нового мира, новой жизни.

Выводы

Сегодня важно говорить не просто о доверии (как об элементе традиционного устойчивого мира, где прошлое определяет будущее, поэтому и существует доверие), а о мире неопределенности и многовариантности, где важно говорить о доверии новому, непроверенному, инновационному, креативному. И соответственно, новый тип доверия будет подталкивать к новым методам и формам решения старых вопросов, конструировать новые модели социального моделирования инновационными технологиями.

Неопределенность будущего приводит к новым акцентам и смыслам понимания доверия. В неопределенном будущем нужно доверие новому, а этого сложно придерживаться. Но не значит, что невозможно, так как доверие усиливает инновационность, креативность, нестандартность, гибкость любой личной реакции или новой продукции компании, или альтернативного варианта решения любой социальной проблемы разными общественными институтами.

В доверии имеется социокультурный ресурс межличностных или межгрупповых взаимодействий, которые используют по привычке, но нет уже старого безусловного восприятия отражения стабильного результата предшествующего развития. Есть новые условия и формы реализации доверия как социальной интеракции выводящей человека на новый социальный уровень, где он живет и взаимодействует на новом качественном уровне. Также как и целые сообщества, включаясь в культуру доверия выходят на новый общественный этап развития.

Формальность все больше будет менять содержание и форму доверия, что станет точкой отсчета для новых условий солидарности и изменения повседневных практик и ритуалов социального взаимодействия. Новые условия мира – новая культура доверия. Это неизбежный итог социального моделирования разорванности социальных связей и одиночества в толпе.

Полагаем, что культура доверия будет меняться и в будущем, так как все новые и новые варианты неопределенности и непредсказуемости выходят на авансцену социального развития, где личная и коллективная ответственность за себя и за все общества будут приоритетной формой моделирования будущего. И как следствие, доверие станет безусловным личным и социальным ресурсом человека нового времени.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности // Социология. 2023. № 5. С. 90–97.

2. Ардашев Р.Г. Идеология страха: анализ криминальных сообщений в СМИ и сети интернет за 2019–2022 гг. // Социология. 2023. № 6. С. 86–93.
3. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
4. Баев П.А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
5. Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57–68. – URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>.
6. Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157–179. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>
7. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В. Экспертная оценка социального пространства жизнедеятельности работающей молодежи // Социология. 2022. № 5. С. 41–54.
8. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Люберцев П.П. Жизненное пространство работающей молодежи // Социология. 2022. № 6. С. 48–65.
9. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
10. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
11. Иванов А.В., Данилов С.А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 1852–1859.
12. Иванов Р.В. Трансформация идентичности в процессе социализации молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 8. С. 38–42.
13. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
14. Полюшкевич О.А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
15. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // Вестник СанктПетербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 4. С. 464–486. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>
16. Черепанова М.И., Максимова С.Г. Доверие и безопасность // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 4. С. 34–39.

FORMALITY OF TRUST AND SOLIDARITY IN AN UNSTABLE WORLD

Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

The article reveals the features of the development of formality in the aspects of trust and solidarity of communities in an unstable world. The penetration of formality into the designated spheres of life of communities and their negative impact on personal strategies of behavior and feelings associated with loneliness of people and disintegration in social reproduction are proven. The results of our own research on the processes of transformation of trust and changes in the conditions of social solidarity in modern Russian society are presented.

Keywords: formality, trust, solidarity, instability of the world, loneliness, loneliness in a crowd, social norms, culture of trust, sociology of trust.

References

1. Ardashev R.G. The influence of the media on the formation of public opinion about crime // Sociology. 2023. No. 5. pp. 90–97.
2. Ardashev R.G. Ideology of fear: analysis of criminal reports in the media and the Internet for 2019–2022. // Sociology. 2023. No. 6. pp. 86–93.
3. Baev P.A. Civil and national identity of Russians // Sociology. 2023. No. 4. pp. 69–76.

4. Baev P.A., Khaustov D.S. Living in debt: moral attitudes of Russians // *Sociology*. 2023. No. 6. pp. 94–100.
5. Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. Trust in the era of digital transformations: experience of sociological research // *Sociological Research*. 2021. No. 6. pp. 57–68. – URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>.
6. Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. Transformation of the culture of trust in Russia // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2023. No. 1. pp. 157–179. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>
7. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V. Expert assessment of the social space of life of working youth // *Sociology*. 2022. No. 5. pp. 41–54.
8. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Lyubertsev P.P. Living space of working youth // *Sociology*. 2022. No. 6. pp. 48–65.
9. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life guidelines and strategies of provincial youth // *Sociology*. 2020. No. 2. pp. 117–127.
10. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Studying the life priorities of regional youth: qualitative analysis // *Alma mater (Bulletin of Higher School)*. 2020. No. 4. pp. 52–59.
11. Ivanov A.V., Danilov S.A. Social trust and the institutional order of society in the socio-cultural context of Western and Eastern cultures: a comparative analysis // *Fundamental Research*. 2014. No. 11. S. 1852–1859.
12. Ivanov R.V. Transformation of identity in the process of socialization of youth // *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*. 2022. No. 8. P. 38–42.
13. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // *Sociology*. 2021. No. 2. pp. 87–92.
14. Polyushkevich O.A. Threats and risks of loss of social trust in modern society // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2023. No. 14. pp. 101–106.
15. Romashkina G.F., Davydenko V.A., Ushakova Yu.V. Generalized trust: conceptualization and measurement // *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2018. Vol. 11. No. 4. pp. 464–486. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>
16. Cherepanova M.I., Maksimova S.G. Trust and security // *Society and Security Insights*. 2019. Vol. 2. No. 4. pp. 34–39.

Карьерные ориентации студентов вузов: опыт социологических исследований

Заякина Ольга Александровна,

к.с.н., доцент кафедры гуманитарных наук АНО ВО
«Московский международный университет»
E-mail: zayakinaolga@mail.ru

В статье проанализированы мнения студентов по поводу профессиональной карьеры. Автор отмечает, что в условиях экономических санкций, изменения структуры рынка труда и политической нестабильности актуальным представляется анализ карьерных ориентаций студентов. В статье приводится обзор результатов социологических исследований и статистических данных, посвященных карьере и профессиональным ориентациям. Выявлено, что пессимистично настроенных россиян по поводу трудоустройства выпускников не так уж много, большинство опрошенных считают трудоустройство выпускников реальным. В статье отмечается, что зарплатные ожидания у выпускников ВУЗов завышены относительно реальных зарплат у молодых специалистов. Автор делает вывод, что на современном этапе необходимо совершенствовать профориентационную работу с молодежью, а также увеличить доступность для студентов старших курсов стажировок на предприятиях.

Ключевые слова: карьера, профессиональная карьера, карьерные ориентации, студенты, молодежь.

Введение

В условиях экономических санкций, изменения структуры рынка труда и политической нестабильности особенно актуальным представляется анализ карьерных ориентаций студентов. Современный этап характеризуется развитием новых технологий, появлением новых профессий и исчезновением старых. Поэтому сегодня молодым людям особенно важно не только выбрать востребованную профессию, но и продумать свои карьерные цели. В процессе получения образования у студентов формируются ценностные ориентации, жизненные цели и профессиональные ожидания, на основании которых формируется стратегия продвижения на рынке труда.

Понятие «карьера» используется в различных науках и представителями различных научных направлений. В литературе встречается большое количество определений понятия «карьера». Среди всех определений мы можем выделить понимание карьеры как последовательности «профессиональных ролей, статусов и видов деятельности в жизни человека», а также успешного продвижения «по ступеням профессиональной, социальной должностной, имущественной или иной иерархии» [1, с. 119].

Степень научной разработанности темы

В постсоветский период вопросы, связанные с анализом термина «карьера», являлись актуальными для отечественной науки. Проблемы карьеры, карьерного роста анализировались социологами (В.И. Добренчиков, Т.И. Заславская, А.И. Кравченко, Г.Б. Кораблева, О.Г. Лукашова, Р.В. Рывкина, Г.Н. Соколова, В.В. Щербин и др.), психологами (Е.А. Могилевкин, И.Д. Ладанов, И.П. Лотова, О.В. Москаленко, Р.Л. Кричевский и др.), а также экономистами (И.А. Поленц, С.А. Сотникова, А.В. Маевская)

и специалистами в теории управления персоналом (Е.В. Маслов, Е.Г. Молл) [4].

Большинство исследователей определяют карьеру как поступательное движение «вверх по карьерной лестнице, в ходе которого совершенствуются навыки, улучшаются способности и возможности, а также благосостояние сотрудника» [3, с. 32].

Особое место при анализе карьеры занимает рассмотрение карьерных ориентаций молодежи. Различные аспекты карьерных ориентаций молодежи изучались в работах таких отечественных авторов как Е.Я. Варшавская, Л.И. Почебут, Т.Н. Харланова, О. Цариценцева, В.А. Чикер и др. В этих исследованиях анализируется понятие и содержание карьерных ориентаций, а также основные тенденции развития в различных профессиональных группах.

Т.Н. Харланова обозначила такие критерии сформированности карьерных ориентаций студентов, как «сформированность представлений о своей профессиональной жизни», «отношение к будущей профессиональной деятельности», «направленность на реализацию карьерных решений» [10].

О.П. Терновская справедливо отмечает, что карьерные ориентации «выражают направленность личности на определенные нормы и ценности в области карьеры». Карьерные ориентации выступают внутренним источником карьерных целей человека, «выражая соответственно то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом в профессиональной деятельности». Система карьерных ориентаций, по мнению ученого, определяют пути для саморазвития и личностного роста. [8, с. 8–9].

От построения карьеры зависит реализации человеком его способностей и возможностей. На старших курсах института сознательные студенты уже ставят перед собой карьерные цели и пытаются планировать свое продвижение по карьерной лестнице.

Методология исследования

Выявление направлений карьерного продвижения и анализ карьерных ожиданий

студентов осуществлялись на основании системного изучения текстов ответственных социологов и психологов, анализа статистических данных и результатов социологических опросов студентов (проведенных, в том числе, и автором статьи). В 2022 году мы провели анкетирование 157 студентов московских ВУЗов. Опрос включал в себя несколько основных аспектов: удовлетворенность организацией учебного процесса в ВУЗе, карьерные ожидания студентов, их отношение к семейной жизни и др.

Особенности карьерных ориентаций студентов

Рассмотрение особенностей карьерных ожиданий студентов является особенно актуальным сегодня, а полученные результаты могут быть использованы для организации профориентационной работы с молодежью, а также для планирования политики в области образования. В опросе студентов, проведенном нами, мы получили следующие результаты. Большинство студентов (62%) считают, что смогут найти хорошо оплачиваемую работу после окончания ВУЗа. Двадцать девять процентов респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

В своем исследовании мы задавали вопрос о том, какие у студентов планы после окончания ВУЗа. Наиболее популярные ответы были связаны с желанием работать по специальности, продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре, открыть свое собственное дело. Около 15% респондентов собираются работать не по специальности. Собираются после окончания ВУЗа стать домохозяйками, взять отпуск по уходу за ребенком лишь 3% опрошенных.

Остановимся на зарплатных ожиданиях выпускников ВУЗов. Как показывают результаты исследований, проведенных социологами Высшей школы экономики, зарплатные ожидания у выпускников ВУЗов завышены относительно реальных зарплат у молодых специалистов. Данное исследование также показало, что у студентов мужского пола более высокие зарплатные требования, нежели у девушек. Большее количество

девушек по сравнению с юношами хотели бы работать в бюджетной организации, а у юношей есть больше предпочтений стать предпринимателями [6, с. 27].

В социологическом опросе, проведенном ВЦИОМом в начале 2024 года, задавался вопрос о том, насколько сложно выпускникам российских вузов найти работу после окончания учебы. Ответы россиян распределились следующим образом. Работу выпускнику удастся найти только с большим трудом – такой ответ выбрали 40% опрошенных (это на 10% меньше, чем 15 лет назад). Каждый третий респондент ответил, что для получения работы выпускникам нужно приложить определенные усилия. Уменьшилось по сравнению с 2009 годом число тех респондентов, которые считают, что найти работу выпускникам ВУЗов практически невозможно: 2009 г. таких респондентов было 24%, а в 2024–10% [9].

В данном исследовании также задавался вопрос по поводу того, что для студентов является самым важным во время учебы. Лишь каждый четвертый ответил, что во время учебы важно «установить контакты с потенциальными работодателями». Самыми важными факторами для респондентов являются хорошая учеба – 58%, а также приобретение опыта самостоятельной жизни – 30%. Таким образом, по результатам исследований мы видим, что пессимистично настроенных россиян по поводу трудоустройства выпускников не так уж много, большинство опрошенных считают трудоустройство выпускников реальным [9].

Остановимся на трудностях, которые испытывали выпускники при устройстве на работе. Сервис по поиску высокооплачиваемой работы SuperJob провел в 2023 году социологический опрос по этому поводу. Главная трудность, с которой столкнулись выпускники – это отсутствие опыта работы (69%) [3]. Очевидно, требуется увеличение доступности для студентов старших курсов стажировок на предприятиях. Таким образом, они смогут получить недостающий опыт работы.

Каждый десятый опрошенный также отмечал низкие зарплатные предложения. Около 8% выделили отсутствие или небольшое количество подходящих вакансий. Один процент респондентов указал в качестве трудностей «гендерные стереотипы», а также «отсутствие практических навыков» [3].

Согласно опросу АНО «Россия – страна возможностей», главным качеством соискателя, которого работодатели с удовольствием примут на работу, является ответственность (75% работодателей). Коммуникабельность отметили 44% работодателей, ответственность – 43%, целеустремленность – 40%. Такое качество как амбициозность выделили только 10% работодателей. Отметим, что опыт работы находится на втором месте среди тех характеристик работника, которые заинтересуют работодателя (44%). На первом же месте находится качественное выполнение тестового задания (57% работодателей) [1].

Е.Я. Варшавская в своей статье «Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность» называет следующие наиболее эффективные пути поиска выпускниками ВУЗов работы. На первом месте по эффективности – обращение к друзьям и родственникам. На втором месте – непосредственное обращение на предприятие, на котором хотят работать выпускники. На третьем месте по эффективности находится помощь образовательной организации. Очевидно, что ВУЗам необходимо активизировать работу, связанную с помощью в трудоустройстве своих выпускников. Отметим, что почти в два раза менее эффективными по сравнению с описанными выше путями являются просмотр объявлений о вакансиях и использование Интернета [2].

Выводы

В целом, результаты исследований показали, что большинство современных выпускников ВУЗов уверено, что смогут найти хорошую работу по специальности. Однако, зарплатные ожидания у выпускников ВУЗов завышены отно-

сительно реальных зарплат у молодых специалистов. Главная трудность, с которой сталкиваются выпускники при поиске работы – отсутствие опыта. Требуемый опыт работы выпускники смогут приобрести, если стажировки на ведущих предприятиях страны станут более доступны, и о данных стажировках будет больше информации.

Литература

1. Агранович М. Работодатели рассказали, каких выпускников вузов ждут на работу. – URL: <https://rg.ru/2020/07/14/rabotodateli-rasskazali-kakih-vpusknikov-vuzov-zhdut-na-rabotu.html?ysclid=lsxnkthjtm609068743> (дата обращения: 25.02.2024).
2. Варшавская Е.Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 56–66.
3. Выпускники вузов стали реже жаловаться на сложности трудоустройства. – URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114233/vpuskniki-vuzov-stali-rezhe-zhalovatsya-na-slozhnosti-trudoustrojstva/> (дата обращения: 25.02.2024).
4. Грибановский С.П. Понятие карьеры в отечественных гуманитарных исследованиях: опыт контент-анализа // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2014. – № 2. – С. 86–87.
5. Исаков Е.М. Подготовка студентов магистратуры военного ВУЗа к развитию профессиональной карьеры: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Омск, 2021. – 24 с.
6. Карьерные ожидания студентов российских вузов / Е.Ю. Шибанова, С.С. Малиновский, М.М. Тойлуг-оол, А.И. Дудина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 36 с.
7. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – ака-

демик РАН Г, В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА-М; Норма, 1998. – 488 с.

8. Терновская О.П. Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе вузовского обучения: автореферат дис. ... кандидата психологических наук. – Москва, 2006. – 19 с.
9. Учеба в вузе и перспективы трудоустройства: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ucheba-v-vuze-i-perspektivy-trudoustrojstva-monitoring> (дата обращения: 25.02.2024).
10. Харланова Т.Н. Развитие карьерных ориентаций студенческой молодежи в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. канд. психол.н. – Москва, 2015. – 37 с.

CAREER ORIENTATIONS OF UNIVERSITY STUDENTS: EXPERIENCE FROM SOCIOLOGICAL RESEARCH

Zayakina O.A.

Moscow International University

The article analyzes the opinions of students about their professional careers. The author notes that in the context of economic sanctions, changes in the structure of the labor market and political instability, the analysis of students' career orientations is relevant. The article provides an overview of the results of sociological research and statistical data on career and professional orientations. It was revealed that there are not so many pessimistic Russians about the employment of graduates, most of the respondents consider the employment of graduates to be real. The article notes that the salary expectations of university graduates are overestimated relative to the real salaries of young professionals. The author concludes that at the present stage it is necessary to improve career guidance work with young people, as well as to increase the availability of internships at enterprises for senior students.

Keywords: career, professional career, career orientations, students, young people.

References

1. Agranovich M. Employers told which university graduates they are looking for to hire. – URL: <https://rg.ru/2020/07/14/>

- rabotodateli-rasskazali-kakih-vypusnikov-vuzov-zhdut-na-rabotu.html?ysclid=lsxnkth-jtm609068743 (access date: 02.25.2024).
2. Varshavskaya E. Ya. Job search strategies for university graduates: prevalence and effectiveness // Sociological Research. 2019. No. 7. pp. 56–66.
  3. University graduates began to complain less frequently about difficulties in finding employment. – URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114233/vypuskniki-vuzov-stali-rezhe-zhalovatsyana-slozhnosti-trudoustrojstva/> (date of access: 02.25.2024).
  4. Gribovsky S.P. The concept of a career in domestic humanities research: the experience of content analysis // Trud. Unions. Society. – 2014. – No. 2. – P. 86–87.
  5. Isakov E.M. Preparation of master's students of a military university for the development of a professional career: abstract of a dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Omsk, 2021. – 24 p.
  6. Career expectations of students of Russian universities / E. Yu. Shibanova, S.S. Malinovsky, M.M. Toilug-ool, A.I. Dudina; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. – M.: National Research University Higher School of Economics, 2021. – 36 p.
  7. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-coordinator – Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. – M.: Publishing group INFRA-M; Norma, 1998. – 488 p.
  8. Ternovskaya O.P. Features of career orientations of students at the final stage of university education: abstract of thesis. ... candidate of psychological sciences. – Moscow, 2006. – 19 p.
  9. Studying at a university and employment prospects: monitoring. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ucheba-v-vuze-i-perspektivy-trudoustrojstva-monitoring> (date of access: 02.25.2024).
  10. Kharlanova T.N. Development of career orientations of student youth in the process of professional training: abstract. dis. Ph.D. psychol.n. – Moscow, 2015. – 37 p.

Профессиональная мотивация студентов технических вузов: опыт эмпирического исследования в ИРНИТУ

Сидорова Наталья Васильевна,

к.соц.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета
E-mail: S509771@yandex.ru

Струк Елена Николаевна,

д.ф.н., доцент, зав. кафедрой социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета
E-mail: struken@rambler.ru

Ван Хао,

аспирант кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета
E-mail: soc_sor@ex.istu.edu

Для молодых людей выбор профессиональной карьеры является необходимым условием качественного развития той деятельности, которую они предполагают осуществлять. При этом он представляет собой один из важных факторов, имеющих наибольший вес в процессах адаптации и закрепления в высшем образовании. Цель настоящего исследования – выявить особенности профессиональной мотивации студентов ИРНИТУ. Проведенное анкетирование позволило констатировать, что для молодого поколения важны не только материальные ценности, но и возможность реализации собственных интересов и способностей, а критериями привлекательности профессии являются интересный процесс трудовой деятельности, стабильность, высокая заработная плата и условия труда. Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты ИРНИТУ имеют высокий уровень профессионального самоопределения и ответственно подошли к выбору своей специальности.

Ключевые слова: студенческая молодежь, мотивация, профессиональная мотивация.

Введение

Выбор профессии в современном обществе представляет собой сложное занятие, так как только в России приходится выбирать из 251 271 профессии [7]. Основу выбора составляет мотивация, являющаяся необходимым условием существования человека, и движущей силой его деятельности [1, 3, 4, 5, 6, 8]. Профессиональная мотивация формирует цель, которая непосредственно «запускает» механизм практической деятельности человека, направляет её к достижению планируемого результата [2, с. 32]. При этом для успешной карьеры, по Парсонсу Т., необходимо знание собственных особенностей, достоинств и недостатков, их соответствие требованиям и возможностям потенциального места работы [Цит. по 9, р. 3–4]. В связи с этим исследования связанные с анализом профессиональной мотивации студентов, становятся все более важным, так как обучение в вузе напрямую влияет на предрасположенность обучающихся к усвоению профессиональных знаний. Известно, что высокая позитивная мотивация к профессиональной деятельности во время обучения может компенсировать недостаток способностей к той или иной профессии, но обратная зависимость не наблюдается: высокий уровень развития способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или низкую его выраженность, не может привести к значительным успехам в учебе [10]. Т.е., когда профессия выбирается ответственно, и является результатом принятия личной позиции в этом процессе, это дает возможность успеха в учебе и обеспечивает в дальнейшем лучшее выполнение профессиональных обязанностей. Именно поэтому особое внимание необходимо уделять исследованию профессиональной мотивации студентов направленной на выявление позиции, которую занимают студенты в профессиональном выборе. Целью настоящего

исследования является анализ особенностей профессиональной мотивации студентов ИРНИТУ.

Материалы и методы исследования

Методом получения первичных эмпирических данных исследования выступает анкетирование. Опрос проводился в Иркутском национальном исследовательском техническом университете в ноябре-декабре 2023 года.

Расчет объема выборки производился с учетом доверительного интервала 95%, и предельной ошибкой выборки, то есть отклонение по контрольным признакам составляет 5%, стандартное для нормального распределения. Выборочная совокупность при данных условиях для нашей генеральной совокупности студентов составила 385 человек (Ядов В.Я.). Общая численность студентов 8 институтов ИРНИТУ составляла на 1 декабря 2023 года 8978 человек.

Результаты

В начале исследования были рассмотрены факторы мотивации, которые влияют на достижение поставленных целей. Большинство студентов выбрали вариант саморазвитие (51,6%). 39,7% утверждают, что стремление к достижению цели определяется повышением социального статуса. При этом получение образования является главной мотивацией для 33,7%, профессиональное развитие выбрали 32,4%, 18,4% – потребность в общении, творчество – 18,5%.

Доминирующим мотивом выбора профессии у 41,5% обучающихся является востребованность профессии на рынке труда и высокая зарплата. Так же при выборе профессии студенты руководствовались следующими факторами: интерес и способности к профессии – 18,3%, совет родителей и родственников – 19,5%. При этом 1,2% продолжают семейную традицию. 13,4% выбрали вариант ответа: «подходили экзамены, которые я сдавал в школе», а 2,4% доверились мнению друзей или рекламы в СМИ – 2,4%. Ответы на данный вопрос демонстрируют, что, с одной стороны, для молодого поколения важны материальные ценности,

с другой стороны, реализация собственных интересов и способностей. Поэтому в своей будущей профессии студенты видят как возможность получать достойную оплату своего труда, так и возможность реализовать свой профессиональный и личный потенциал.

Отвечая на вопрос о выборе критериев привлекательности профессии, обучающиеся в качестве приоритетного выбрали стабильность – 64,6%, то есть выбранная профессия стойко ассоциируется у респондентов с постоянством в оплате труда и занятостью. Так же важны для респондентов: высокая заработная плата – 57,3% и сам процесс трудовой деятельности – 56,1%.

Далее участникам опроса было предложено оценить по 5-и балльной шкале удовлетворенность своей специальностью, где 1 балл – это не удовлетворен, а 5 баллов – полностью удовлетворен. Удовлетворены своей специальностью 67% студентов, не удовлетворены 24%, из них не удовлетворены полностью – 2,3% опрошенных.

Ожидание от выбранной специальности влияет на формирование у студентов желания или не желания по ней работать. 54,4% участвовавших в опросе отметили соответствие выбранной специальности их ожиданиям. Ответ «нет, не соответствуют» отметили 24,9% студентов.

При этом на вопрос о соответствии личным интересам избранной специальности 60,4% респондентов уверенно заявили о таком соответствии, а 13,5% высказались о несогласованности личных интересов и выбранной профессии. Для достижения жизненного успеха к определенному виду деятельности необходимо учитывать собственные интересы, так, как только тогда работа будет приносить удовольствие.

96% студентов, принимавших участие в опросе, считают, что выбранная ими профессия актуальна на рынке труда. Из них 40,1% указали вариант ответа, согласно которому востребованность связана с получением дополнительного образования по смежной специальности. Таким образом, ответившие счита-

ют, что эффективная профессиональная деятельность в современном обществе требует, помимо конкретных профессиональных знаний, так же знаний, которые выражены в других профессиях (управленческих, психологических и т.д.).

Далее были рассмотрены навыки и качества, которые, по мнению студентов, помогут реализоваться в жизни. 75% студентов отметили, что личные качества и способности играют наиболее важную роль и могут помочь в реализации в жизни. 44,9% выбрали вариант знания, полученные по профессии. Здоровье и внешние данные отметили 18%. Моральная поддержка родителей важна для 13%. 25,1% в данном вопросе выбрали вариант: «способность расставлять приоритеты». Такое качество как инициативность указали 31,3%. Умение анализировать свои действия указали 29%. 19% из всех респондентов ответили, что знакомства и связи могут помочь им реализовать себя в жизни и профессии.

Мы спросили мнение респондентов, о том какие личностные качества они считают важными для своей будущей специальности. 74% ответивших выбрали трудолюбие и активность в профессиональной деятельности. Следующим по популярности вариантом ответа является целеустремленность – 46%. Спокойствие и стрессоустойчивость отметили 34%, умение работать в команде – 25%, настойчивость – 17%. Честность и порядочность важны в выбранной профессии для 17%. Отзывчивость и требовательность выбрали по 11% опрошенных.

В следующем вопросе были рассмотрены аспекты, которые привлекают опрошенных студентов в выбранной профессии. Процесс трудовой деятельности является важным показателем для 47,8%, высокая заработная плата – 44,6%, условия труда – 27,3%, стабильность – 24,1%, самостоятельное принятие решений – 13,7%. Возможность раскрытия своих творческих способностей в выбранной профессиональной деятельности привлекает 18,7%; 10,1% человек выбрали вариант спокойная работа.

Из всего массива обследованных 87,8% опрошенных планируют работать

по специальности, по которой они обучаются в ИРНИТУ. И только 12,2% не видят себя в будущей профессии.

При выборе места трудоустройства большинство респондентов основным критерием считают высокий уровень оплаты труда – 72%, а также стабильность/устойчивость компании – 61%. Весомым критерием при подборе места работы 68,3% опрошенных назвали перспективы карьерного роста (продвижение по карьерной лестнице, увеличение зарплаты), перспективы личностного роста (профессиональное развитие, возможность корпоративного обучения) – 19,5%. Гарантии сохранения жизненного баланса (отсутствие помех для личной/семейной жизни) отметили как значимый критерий 7,3% респондентов. При этом организационно-управленческие критерии выбора не очень интересуют студентов. Так, возможность участия в планировании работы и управлении не отметил ни один респондент. Интересные задачи выбрали 8,5% участников опроса, а 13,4% студентов отметили важность комфортной психологической атмосферы и 9,8% – важность имиджа/репутации компании, её корпоративной культуры.

В профессиональной деятельности обучающиеся считают важным: возможность карьерного роста – 85% и интересную работу – 57,5%, социально-психологическую комфортность атмосферы в трудовом коллективе – 38,8%, размер заработной платы – 32,5%.

Заключение

Рассматривая причины выбора специальности студентами, можно сделать вывод о том, что они в основном поступили на выбранную специальность по собственному желанию, также на некоторых студентов оказали влияние родители, многие поступили из-за наличия бюджетного места, и востребованности профессии на рынке труда. Выбранные ответы демонстрируют, что, с одной стороны, для молодого поколения важны материальные ценности, но с другой стороны, востребована реализация собственных интересов и способностей. Поэтому в своей будущей профессии студенты

видят возможность получать достойную оплату своего труда и возможность реализовать свой профессиональный и личностный потенциал.

Вуз оказывает активное влияние на формирование профессионального самоопределения студентов, через уровень преподавания дисциплин, организацию учебного процесса, эффективную организацию производственной практики, материально-техническая среда вуза также имеет значение для профессиональной мотивации.

У половины опрошенных студентов ожидания от выбранной специальности оправдались, треть студентов все же затрудняются с ответом на данный вопрос. Больше половины студентов удовлетворены своей специальностью и считают, что получают для этого в вузе достаточно знаний. Наиболее важными качествами для профессиональной деятельности опрошенные выделяют трудолюбие, аккуратность, целеустремленность, спокойность и стрессоустойчивость.

В выбранной профессии студенты выделили критерии ее привлекательности. К ним относятся: процесс трудовой деятельности, стабильность, высокая заработная плата, условия труда.

Большинство студентов считают выбранную профессию востребованной на рынке труда и планируют в дальнейшем работать по выбранной специальности.

Часть студентов осведомлена о том, какой уровень подготовки должен быть у них при трудоустройстве. Это говорит о том, что у студентов ИРНИТУ довольно высокий уровень профессионального самоопределения. Все полученные данные свидетельствуют о том, что студенты подошли ответственно к выбору своей специальности, но хотели бы внести свои коррективы в организацию учебного процесса.

Литература

1. Астахова В.И. Студент XXI века: его сущностные черты и характерные особенности // *Alma mater*. 2010. № 8. С. 60–63.
2. Гендин А.М., Дроздов Н.И., Валяева Е.В. Образовательные ценности старшеклассников и социокуль-

турный контекст их формирования и реализации: монография / отв. ред. М.И. Сергеев; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2012. – 288 с.

3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: Социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2011. – 592 с.
4. Дидковская Я.В. Динамика профессионального самоопределения студентов // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 132–135.
5. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Холушкина Ф.А. Образовательные и жизненные траектории молодежи. – М.: ЦСПиМ. 2011. – 296 с.
6. Кузьмина Н.В. Проблемы профессиональной подготовки специалистов в вузах / Проблемы отбора и профессиональной подготовки специалистов в вузах. – СПб.: Питер, 2005. – 304 с.
7. Сколько всего профессий на сегодня? Сайт Центра научных исследований в сфере профориентации и психологии труда [электронный ресурс]. – URL: <https://crcg.ru/skolko-vsego-professiy-v-mire/> (дата обращения: 07.12.2023).
8. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). – М.: Мысль, 2008. – 276 с.
9. Brown D. and assoc. Career choice and development / 4th ed. San Francisco. – CA: Jossey-Bass, 2002. – 556 p.
10. Ryan A.M.; Gheen M.H.; Midgley C. Why some students avoid asking for help: an examination of the interplay among students' academic efficacy, teachers' socialemotional role, and the classroom goal structure // *Journal of educational psychology* (Washington, DC). 1998. V 90. № 3. P. 528–535.

PROFESSIONAL MOTIVATION OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES: THE EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH AT IRNTU

Sidorova N.V., Struk E.N., Wang Hao
Irkutsk National Research Technical University

For young people, choosing a professional career is a necessary condition for the qualitative development of the activities they intend to carry out. At the same time, it is one of the important factors that have the greatest weight in the processes of adaptation and consolidation in higher education. The purpose of this study is to identify the features of the professional motivation of IRNTU students. The conducted survey allowed us to state that not only material values are important for the younger generation, but also the possibility of realizing their own interests and abilities, and the criteria for the attractiveness of the profession are an interesting work process, stability, high wages and working conditions. The data obtained indicate that IRNTU students have a high level of professional self-determination and responsibly approached the choice of their specialty.

Keywords: student youth, motivation, professional motivation.

References

1. Astakhova V.I. Student of the XXI century: his essential features and characteristic features // *Alma mater*. 2010. No. 8. P. 60–63.
2. Gendin A.M., Drozdov N.I., Valyaeva E.V. Educational values of high school students and the sociocultural context of their formation and implementation: monograph / rep. ed. M.I. Sergeev; Krasnoyarsk state ped. University named after V.P. Astafieva. – Krasnoyarsk, 2012. – 288 p.
3. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia: Sociological portrait. – M.: TsSPi M. 2011. – 592 p.
4. Didkovskaya Y.V. Dynamics of professional self-determination of students // *Sociological studies*. 2001. No. 7. P. 132–135.
5. Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A., Khokhlushkina F.A. Educational and life trajectories of young people. – M.: TsSPiM, 2011. – 296 p.
6. Kuzmina N.V. Problems of professional training of specialists in universities / Problems of selection and professional training of specialists in universities. – St. Petersburg: Peter, 2005. – 304 p.
7. How many professions are there today? Website of the Center for Scientific Research in the Field of Career Guidance and Occupational Psychology [electronic resource]. – URL: <https://crog.ru/skolko-vsego-professiy-v-mire/> (Date of access: 12/07/2023).
8. Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. Youth enters life (sociological studies of the problems of choosing a profession and employment). – M.: Thought, 2008. – 276 p.
9. Brown D. and associates. Career choice and development / 4th ed. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2002. – 556 p.
10. Ryan A.M.; Gheen M.H.; Midgley C. Why some students avoid asking for help: an examination of the interplay among students' academic efficacy, teachers' socialemotional role, and the classroom goal structure // *Journal of educational psychology* (Washington, DC). 1998. V 90. No. 3. P. 528–535.

Механизмы государственного влияния на формирование среднего класса

Сушко Валентина Афанасьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии
государственного управления МГУ
им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В данной статье рассматриваются государственные механизмы, способствующие формированию среднего класса. Среди наиболее важных выделяются такие как возможности для ведения предпринимательской деятельности, национальные проекты и государственные программы. Для реализации поставленной цели были проанализированы существующие способы воздействия государства на формирование среднего класса и показано стратегическое планирование государства на формирование среднего класса. В статье проанализированы государственные официальные документы, направленные на достижение национальной цели развития России до 2030 года.

Ключевые слова: средний класс, государственное управление, предпринимательство, национальные проекты, государственные программы.

Многие ученые, определяя понятие «качества жизни населения», дают совокупную оценку ряда факторов. Это и уровень дохода, и культурная составляющая, и возможности для покупки недвижимости, отдыха, занятия спортом, медицина, образование для детей и прочие характеристики [1].

Но остается вопрос, как при определении понятия «средний класс» допустимо определять качество жизни населения только через соответствие совокупности присущих характеристик жизнедеятельности определенным требованиям? Кто будет определять, какая частота посещения, например, театра соответствует «качеству жизни»? Какой уровень дохода можно считать достаточным? Нужна ли здесь какая-то объективность или необходимо руководствоваться потребностями, заявленными самими гражданами? В периоды перетурбаций, турбулентности, кризиса в обществе также значительно повышается роль социального капитала, который включает в себя не только горизонтальные связи, но и доверие, отношения внутри сообщества, нормы взаимодействия. Социальный капитал помогает обществу пережить тяжелые периоды более спокойно, самоорганизоваться, минимизировать социальные последствия кризиса [2].

Как и само определение «средний класс» трактуется по-разному в рамках различных социологических направлений, так и «качество жизни» не всегда находит однозначное понимание среди ученых. Однако большинство их них сходятся во мнении, что наиболее существенным является уровень дохода, поскольку именно он определяет, что и сколько гражданин может себе позволить, т.е. выступает определенным гарантом качества жизни.

Сравнивая различные подходы к анализу факторов, повышающих качество жизни населения, следует выделить мо-

дель факторных доходов (рис. 1), которая позволяет объяснить многие вопро-

сы периода глубоких институциональных преобразований в России.

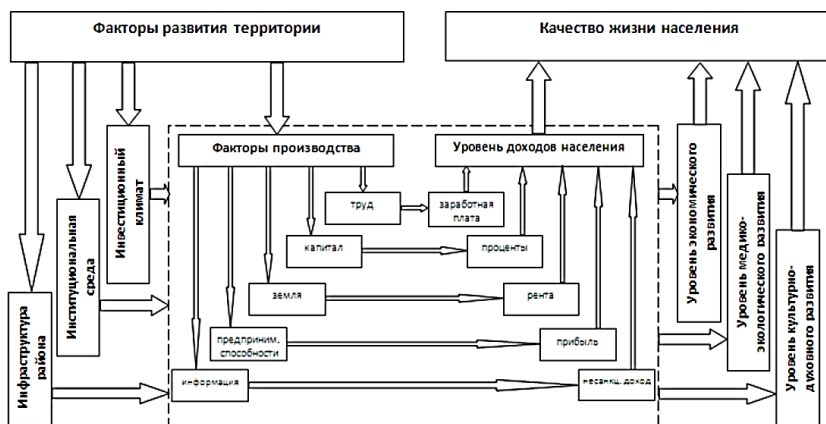

Рис. 1. Факторная модель доходов населения [3]

Модель предусматривает цикличность дохода, а также взаимозависимость дохода, качества жизни и уровня культурно-духовного развития.

Важными способами формирования среднего класса в социальном государстве, в том числе в нашей стране, является расширение для граждан возможностей повышения своего уровня жизни. И повышение уровня дохода является только одним из них. Поскольку предпринимателей, представителей среднего и малого бизнеса также многие исследователи относят к среднему классу, большое значение для них имеют возможности для осуществления своей деятельности. Законодательство должно создавать условия для получения доходов за вложенные капиталы в виде дивидендов, процентов, доходы от собственности и широкие возможности использования предпринимательских способностей [4].

Кроме непосредственно предпринимательской деятельности необходимо создание возможностей для использования своих ресурсов. Причем данные ресурсы авторы трактуют предельно широко: это и недвижимость, которую можно сдавать в аренду, и собственные способности, навыки и умения, которые можно также применять, получая за их реализацию финансовое возна-

граждение. У человека, предлагающего свои услуги за деньги, больше свободы, больше мотивации для роста своего профессионализма. Однако назвать его предпринимателем можно с натяжкой. Сегодня в России для таких лиц сформировано понятие «самозанятый», предполагающее определенное налогообложение и необходимость заявлять о своих доходах. Такие лица и юридически оказываются не тождественны бизнесменам, индивидуальным предпринимателям и управленцам.

Формирование доходов населения и, как следствие, принадлежность к тому или иному классу зависит от экономической отдачи использования соответствующего ресурса в качестве фактора производства. На способность граждан получать более высокий доход оказывают влияние разные факторы. Это и уровень образования, и уровень дохода семьи, и уровень культуры, который также способствует установлению более прочных коммуникаций, способствующих карьерному росту, а также наличие определенной собственности, навыков и умений. Формируются данные характеристики под влиянием экономической, медико-экологической и культурно-духовной среды, а также управляющей институциональной системы [3].

Однако существуют и противники связи среды и личности человека, который из нее выходит. Так, Попов М.Ю., Капишин А.Е. говорят о том, что идеи о таком культурном предопределении человека, напротив, снижают социальную мобильность и препятствуют формированию среднего класса [5].

Также есть и альтернативная точка зрения на разнообразие и гибкость товарно-денежных отношений в XXI веке. Так, Анисимов Р.И. полагает, что это снижает стабильность трудовых отношений и приводит к «турбулентности» в обществе. По его мнению, значительная часть трудовых отношений в современном российском обществе не подконтрольна государству. Это приводит к тому, что ряд работников оказывается лишены социальных гарантий, что понижает качество жизни. И, соответственно, препятствуют формированию среднего класса. Автор причисляет к таким лицам, в первую очередь мигрантов [6].

Социальные гарантии гражданам России предоставляются даже, если они не состоят в трудовых отношениях. Проблема же предоставления прав мигрантам и социальных гарантий, на субъективный взгляд, не связана напрямую с подконтрольностью и не подконтрольностью трудовых отношений, а лежит в культурной сфере, возможности данных лиц адаптироваться к российской действительности и легализовать свой статус.

Влияние института предпринимательства на формирование среднего класса

Условия для инвестирования и предпринимательской деятельности действительно способствует формированию и развитию среднего класса. При этом наиболее существенен в этом вопросе малый бизнес.

Так же, как можно увидеть из схемы на рис. 1 и что подтверждают исследования [7], формированию среднего класса способствует развитие малого бизнеса. Эти процессы оказываются взаимосвязанными, они поддерживают друг друга,

стимулируют и способствуют экономическому развитию страны.

Развитие и поддержка малого бизнеса является одной из важнейших задач государства. Именно поэтому в современной России создана правовая база по его регулированию. Например, приняты следующие законы и постановления: Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» с изменениями от 14.06.2022 [8], Федеральный закон от 28 декабря 2022 г. № 554-ФЗ «О внесении изменения в статью 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 24.1 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [9].

В нашей стране сложилась система материальной поддержки малого бизнеса и субсидирования. Особенно ярко она проявила себя во время пандемии COVID-19.

В качестве примера можно привести финансирование туристической области и другие меры правительственной поддержки во время пандемии. Она очень серьезно затронула данную сферу, ограничения нанесли существенный урон туристической отрасли. По предварительным данным, российский турбизнес недополучил 1,5 трлн рублей только в первом полугодии 2020 года (в масштабе страны). За первое полугодие 2020 года, например, Московская область потеряла порядка 6 млн туристов или около 55% совокупного турпотока. Потери туристического потребления для Московской области только по итогам первого полугодия оцениваются в 270 млрд рублей, из которых бюджет города недополучит порядка 37 млрд рублей. Для поддержания сферы туризма во время пандемии были предприняты ряд мер.

Правительство РФ и Правительство Москвы разработали и реализовали различные меры – помощь с выплатой заработной платы, с кредитованием, отсрочки по налогам и страховым взносам, отсрочки по оплате аренды, создание новых каналов продвижения туристиче-

ских услуг. Московский Комитет по туризму предоставил гранты на сумму 1,6 млрд рублей организациям, которые обеспечивали размещение медицинского персонала.

В 2020 году был создан сервис Russpass, который помогает принять решение о путешествии, сформировать план поездки, забронировать гостиницы, приобретать билеты на транспорт и в музеи, выбирать рестораны. В течение двух лет Russpass превратился в крупнейшую национальную экосистему туристических сервисов и предложений, которая объединяет 85 регионов.

Еще одной программой, которая подерживала сферу туризма, оказался туристический кэшбек. Туристы, путешествующие по России, смогли получить 20% потраченных на путевку средств при условии оплаты картой Мир. В Ростуризме отметили, что в условиях кризиса и низкого осеннего спроса туризм и сфера гостеприимства в регионах получили существенную поддержку, а сотни тысяч рабочих мест оказались востребованы.

Во время действия программы для туристов круглосуточно работал контактный центр «Мир путешествий», организованный Ростуризмом, и горячая линия Общероссийского народного фронта [10].

Данные меры позволили «удержать» ряд частных агентств, гостиниц, кафе и пр. в столице и регионах, сохранить рабочие места и предотвратить сокращение среднего класса. Однако далеко не все авторы положительно оценивают государственную поддержку бизнеса как долговременную или постоянную стратегию. Более того, в частности Виленский А.В. отмечает [7], что наиболее интенсивно предпринимательство развивается на тех территориях, в которых плохая экономическая ситуация, сложности с заработком, что стимулирует их на поиски источников дохода, активизирует их на новые, инновационные и нестандартные решения, что в итоге становится двигателем прогресса.

Сравнивая российскую действительность с западными странами, он отмечает, что в последних доля налогов от ве-

дения бизнеса доходит до 35–40% всех налоговых поступлений. В России данный показатель значительно ниже – в доходах местных бюджетов составляет 15–20%, а в доходах бюджетов регионов – менее 10%.

Исключения составляет два региона России: Московская и Ленинградская области. В 2020 году доля МСП в Москве составила 23,7% в общем объеме налоговых и неналоговых поступлений в бюджет Москвы. При этом за десять лет эта доля увеличилась в два раза. По вкладу МСП в бюджет к Москве близок Санкт-Петербург. И это несмотря на ожидаемое снижение доходов во время пандемии.

Именно в этих областях существуют все условия для развития малого и среднего бизнеса, что является, по мнению Виленского, вторым важным фактором его стимулирования. В них сосредоточено большое количество населения, а также уровень доходов выше среднего по стране, а также по сравнению с другими регионами. В Ленинградской и Московской областях хорошо развита система транспорта, сообщения, инфраструктура. Это определяет возможности для предоставления различных услуг, а также спрос на них [7].

Рис. 2. Динамика предприятий среднего бизнеса [11]

По данным Федеральной службы государственной статистики [11], в России в 2018 году насчитывалось 2 659 943 малых предприятий. В 2017 году их было 2 754 577. Таким образом, несмотря на то, что эти годы предшествовали пандемии, на лицо незначительное, но снижение. В выпуске сборника «Малое и среднее предпринимательство в России» в 2022 году [11], соответственно, он выделил 2019–2021 гг. В 2019 году

число предприятий составило 1 841 933, в 2020 году – 1 903 276, в 2021 году – 1 882 040. Здесь мы видим, наоборот – положительную динамику до 2020 года, которая свидетельствует о более благоприятных условиях для ведения бизнеса, возможно, об эффективности мер го-

сударственной поддержки. В 2021 году наблюдается незначительный спад, хотя ожидаемо – наоборот, увеличение количество предприятий (рис. 2).

Также важным является рассмотрение таких показателей как прибыль и численность сотрудников [11] (табл. 1).

Таблица 1. Прибыль и численность сотрудников

Год	Среднесписочная численность работников (без внештатных), тыс. человек	Прибыль, млн рублей	Отношение в % прибыли к предыдущему году
2017	10 854,7	2 200 179	119,7
2018	10 719,9	3 257 334	132,4
2019	11 340,5	3 117 000	95,7
2020	11 074,3	3 943 000	126,5
2021	10 652,4	5 242 400	133

Как можно увидеть из приведенных данных, несмотря на пандемию, прибыль предприятий малого бизнеса неуклонно растет. Вероятно, это указывает на то, что позиция Виленского в чем-то справедлива, чем больше сложности возникают на определенной территории, тем больше эти стимулирует те предприятия, которые остаются. Тревожным знаком, является снижение численности сотрудников с 2019 года. Ведь именно этот показатель демонстрирует насколько малый бизнес участвует в формировании среднего класса. С одной стороны, он может давать импульс для развития среднего класса при помощи непосредственно возможностей для ведения собственной предпринимательской деятельности. Но, с другой стороны, его роль заключается и в создании рабочих мест для тех, кого мы можем включить в группу представителей среднего класса. Однако снижение не очень значительное, фактически количество сотрудников в 2021 году практически сравнялось с уровнем на 2017, что не слишком значительно с учетом сокращения населения. Доля лиц, задействованных в качестве сотрудников в малом бизнесе, не изменилась. Можно предположить, что с учётом тех испытаний, которые выпали на долю предпринимателей, это можно расценить как положительную тенденцию.

ВЦИОМ провел в 2019 году опрос, который показал, что большинство респондентов относятся к предпринимателям и предпринимательству положительно. Доля негативных отзывов составило всего 6%. Например, в 2009 году таких респондентов было 13%, более чем в два раза больше.

Некоторые опасение представляет тот факт, что подавляющее большинство опрошенных отказываются признавать возможность частного ведения бизнеса в нашей стране. Таких лиц оказалось 62%. Однако ВЦИОМ все же отмечают и тут положительную динамику, хотя и не очень значительную. В 2007 году данный показатель составлял 69%.

Также довольно низким является уровень желающих заняться предпринимательской деятельностью. Он составил 25%. При этом 63% опрошенных заявили о своем категорическом нежелании открыть собственный бизнес. Среди основных причин опрошенные назвали следующие: высокие налоги, бюрократические сложности, большие финансовые затраты и коррупцию. Также были отмечены следующие тенденции: в большей степени в предпринимательстве заинтересованы мужчины, а максимальный интерес проявляют жители Московской и Ленинградской областей [12].

Сложно сказать, что именно является причиной негативного отношения

к предпринимателям со стороны населения. Возможно, это отголоски эпохи 90-х, когда ведение бизнеса было тесно сопряжено с контактами с криминальными структурами. Другой причиной может быть использование малого бизнеса как социального лифта, в результате чего его представители воспринимаются другими представителями среднего класса как «выходцы из низов».

Это позволяет также людям, которым он позволяет войти в средний класс, повысить свой интеллектуальный и духовный уровень, а не только уровень дохода. Малый бизнес не предполагает больших инвестиций и доходов, а следовательно, требует от предпринимателей умения вести бухгалтерию, сдавать отчетности, начислять зарплату, общаться с людьми, договариваться. Также то дело, в котором человек планирует начать бизнес, требует от него высокой профессиональной компетенции. В противном случае его дело может оказаться убыточным. Ведение предпринимательской деятельности требует высокой жизнестойкости, умения справляться со стрессом, контролировать свои чувства и эмоции.

Часто предпринимателю приходится менять круг своего окружения, менять социальную среду. Некоторые его контакты с другими представителями среднего класса могут позволить ему ближе и глубже понять национальные ценности, выразителем которых во многом и является средний класс.

Открытым и спорным можно назвать вопрос, является ли ведение собственного бизнеса фактором, повышающим качество жизни? С одной стороны, он предполагает определенную нестабильность, лишение некоторых социальных гарантий. Часто предприниматели вынуждены работать больше положенных 40 часов в неделю, не иметь возможность уйти в отпуск или на больничный. Но, с другой стороны, ведение собственного бизнеса дает возможность заниматься своим любимым делом, иметь относительную свободу и не зависеть от начальства.

Национальные цели и проекты как форма воздействия государства на формирование среднего класса

Национальные цели развития России до 2030 года определены Указом Президента № 474 от 14.07.2020 [13]. Поставленные цели и индикаторы национальных проектов корреспондируются с Повесткой дня ООН до 2030 г. и индексами человеческого развития. Так, например, в области образования целью является перемещение с 36 на 10 место названного индекса, а продолжительность предстоящей жизни увеличить до 78 лет, продвигаясь по лестнице рангов раздела долголетия [14].

Среди целей можно отметить следующие, имеющие непосредственное отношение к среднему классу.

- Повышение здоровья нации. Это планируется достичь, в частности, за счет пропаганды здорового образа жизни, доступности спорта, повышения продолжительности жизни.
- Повышения уровня дохода граждан. В национальных целях развития России заявлено, что к 2030 году необходимо достичь сокращение бедности вдвое. Также запланировано улучшение городской среды, жилищных условий, снижение уровня отходов и вредных выбросов.
- Рост инвестиций, а также доли лиц, занятых в предпринимательской деятельности. К 2030 году предполагается, что их число достигнет 25 миллионов человек.
- Повышение качества образования за счет системы выявления талантов среди детей и молодежи и их поддержки. А также увеличение объема научных разработок.
- Повышение общего уровня культуры населения за счет увеличения доли лиц, посещающих культурные мероприятия.

В качестве инструмента реализации национальных целей заявлены национальные проекты.

Национальные проекты охватывают несколько направлений:

- демография;

- здравоохранение;
- туризм и индустрия гостеприимства;
- образование;
- малое и среднее предпринимательство;
- жилье и городская среда;
- культура;
- безопасные и качественные дороги;
- экология;
- наука и университеты;
- цифровая экономика;
- производительность труда;
- международная кооперация и экспорт;
- комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры [15].

Все данные сферы и цели выглядят крайне перспективными для развития среднего класса в нашей стране. Однако многие исследователи относятся к данным проектам весьма скептически. Одной из причин, которую они указывают, является не достижение целей, заявленных ранее.

Также исследователи видят потенциально большое количество проблем при реализации данных проектов на местах. Д.Ю. Козачинская предлагает следующую схему иерархии национальных, федеральных и региональных проектов (рис. 3.)

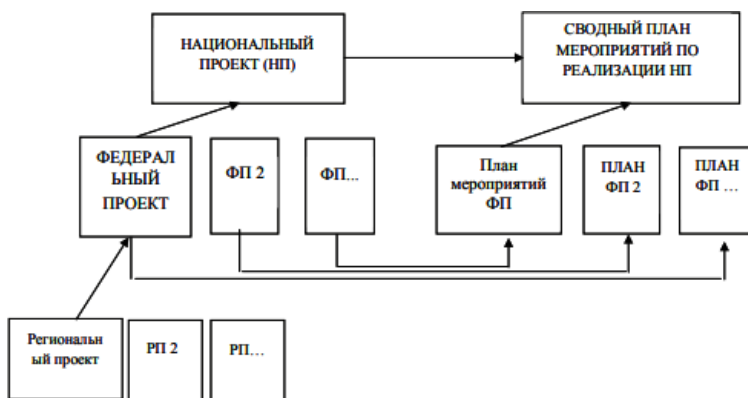

Рис. 3. Иерархия проектов при реализации национальных проектов [16]

По ее мнению, такая схема требует высокой степени координации от всех ее участников. Каждый проект на данный момент довольно абстрактен, тогда как для его выполнения требуется предельная конкретизация и детализация [16]. В качестве примера приводятся ключевые цели национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография», которые размещены на сайте министерства здравоохранения РФ: снижение младенческой смертности, смертности населения трудоспособного возраста, смертности населения от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, больничной летальности от инфаркта и инсульта, рост числа рентгенэндоваскулярных операций, достижение практически полной укомплектованности врачами и мед-

сестрами подразделений, оказывающих амбулаторную помощь, внедрение «бережливых технологий» в медицинских организациях, обеспечение охвата граждан профилактическими медосмотрами не реже одного раза в год, рост объема экспорта медицинских услуг [17].

В данных целях нет единого численного показателя. Например, не указано, насколько процентов планируется снизить младенческую смертность, каких результатов планируется достичь при борьбе с больничной летальностью от сердечно-сосудистых заболеваний. Не совсем ясно, что имеется в виду под «практически» полной укомплектованности медицинских учреждений персоналом. Не вносят конкретики и представленные на том же сайте федеральные

проекты. В частности, проект по обеспечению кадрами содержит довольно размытые требования о решении проблемы кадрового дефицита и организации непрерывного образования медицинских сотрудников. Однако не указаны конкретные действия, инструменты для реализации данных целей [17].

Продолжая рассуждения на примере сферы здравоохранения, можно предположить, что снижение кадрового дефицита возможно двумя путями: путем привлечения новых квалифицированных сотрудников или путем оптимизации, т.е. фактического сокращения числа рабочих мест.

И если первый вариант, безусловно, служит целям развития среднего класса в нашей стране, поскольку предполагает повышение качества медицинского обслуживания, то второй вариант, напротив, вредит. При сокращении числа должностей в каждой конкретной медицинской организации возрастает нагрузка на медицинский персонал, сокращается время приема, сокращаются возможности пациентов для обращения к узким специалистам, повышается время ожидания в очередях, что способствует взаимному заражению больных.

С другой стороны, многие меры разработки специалистами и существуют в качестве предложений для правительственных решений на разных уровнях властных структур. Так обстоит дело и с решением проблем медицинских организаций муниципальных образований.

Так выглядит список рекомендаций, который может быть применен для системы здравоохранения в целом.

1. Финансирование медучреждений в зависимости от качества предоставляемых услуг. Это может быть система грантов, надбавок, премирование.
2. Стимулирование медицинского персонала к повышению квалификации. Это может выражаться в заработной плате, удобном графике работы и пр., в зависимости от приоритетов каждого конкретного работника.
3. Разработка системы оценки качества работы каждого сотрудника меди-

цинского учреждения. Однако этот пункт нельзя сводить к формальным показателям, таких как процент выздоровевших от общего числа обратившихся, количество принятых пациентов и пр. Некоторые сложные случаи требуют повышенного внимания врача, затраты времени, обращение к специальной литературе, коллегам за консультацией, собрание консилиума.

4. Разработка адекватной и работоспособной кадровой политики, которая должна предотвратить «течку» кадров, а также обеспечить приток ценных и востребованных специалистов в медицинское учреждение [18].

В качестве примера комплексного решения проблемы кадров можно привести рекомендации специалистов Приморского края, которые, возможно, могут быть экстраполированы на любые муниципальные образования:

- региональные доплаты трудовым ресурсам данного муниципального образования;
- решение жилищных проблем молодых медицинских кадров;
- ревизия порядков оказания помощи в части штатных нормативов;
- введение новых стандартов образования и штатного расписания;
- разработка целевой программы социальной поддержки медработников;
- создание условий для профессионального роста специалистов, в том числе через информатизацию и обучение;
- мероприятия по созданию позитивного образа медицинского работника [19].

Более детальную разработку мероприятий, основанных на эффективном межведомственном взаимодействии по решению проблем кадрового дефицита предлагает Созарукова Ф.М.:

- установить обязательное распределение выпускников медицинских вузов, которые обучались на бюджетной основе;
- обеспечить разработку перспективного плана развития кадровых ресурсов; недостатки планирования

в России во многом определяются ограниченными ресурсами для проведения детальной плановой работы, чрезмерной централизацией планирования;

- развивать и внедрять механизмы государственно-частного партнерства в здравоохранении; внедрение механизмов ГЧП на национальном уровне позволит ускорить развитие рынка медицинских услуг, а также будет способствовать формированию эффективной конкурентной среды, оптимизации управления финансовыми ресурсами, повышению качества и увеличению числа оказываемых услуг, что повлияет на понижение дефицита специалистов в здравоохранении [20].

Можно отметить, что данные рекомендации тоже нуждаются в большей конкретизации и детализации, но все же

они предполагают конкретные шаги и методы решение насущных проблем.

Гораздо более значительной сложностью, по замечанию Виленского, является тот факт, что предложения и рекомендации, разрабатываемые специалистами, находят не всегда значительный отклик у правительства при разработке ими конкретных законодательных актов [7].

Также, по мнению К.Я. Серковой, проект для своей успешной реализации должен быть тесно связан с государственными программами, которые имеют конкретные показатели своей эффективности, как социальные, так и экономические. При этом проект может реализовываться и в рамках одной программы, и в рамках нескольких. На практике это может иметь следующий вид (рис. 4).

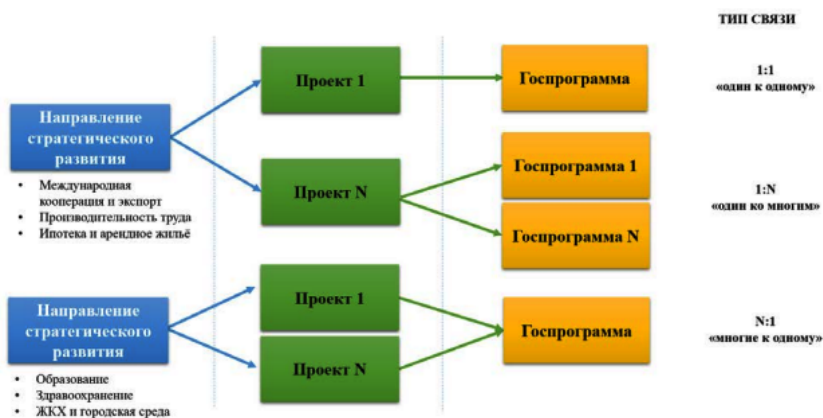

Рис. 4. Типы взаимосвязей проектов и программ [21]

Также автор предлагает решения и для реализации данной системы связей. Это цифровизация системы коммуникаций и прозрачность проекта на всех сроках его существования для облегчения контроля достижения качества и освоения бюджета. Для этого необходимо предложить конкретные виды программного обеспечения, доступные для внедрения в государственном секторе, а именно: ООО «Кейсистемс», НПО «Криста» и ООО «Бюджетные и Финансовые Технологии» [21]. Таким образом

можно сказать, что проблемы планирования и координации в принципе решаемы, специалистами предлагаются вполне конкретные решения.

В качестве другой сложности можно назвать мотивационные проблемы. Успешность реализации проектов национального масштаба напрямую определяется тем, как их воспринимают основные группы акторов: национальная элита, население, представители бизнеса. По сути, исполнителями проектов становятся работники или управленцы низшего зве-

на, предприниматели на местах, те группы лиц, которые и причисляются к среднему классу.

Д.Ю. Козачинская полагает, что решением этой проблемы может стать национальная идея [16]. Эта позиция не кажется прогрессивной и работоспособной. Во-первых, поиск и попытки актуализировать национальную идею представляется довольно искусственным в современном обществе. Во-вторых, сама по себе национальная идея не решит существующих проблем.

В этом отношении ближе позиция К.Я. Серковой, которая предлагает завоевывать данное доверие путем организации участия среднего класса в местном самоуправлении, открытости и прозрачности деятельности властных структур разного уровня [21]. Это позволит представителям среднего класса ощущать себя полноценными участниками национальных проектов. Они смогут видеть, как их конкретные действия улучшают жизнь в их населенном пункте, в их регионе. Это, с одной стороны, добавит мотивацию, а с другой – создаст базу для сплочения представителей среднего класса и поспособствует целям его формирования.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что эффективность реализации национальных проектов на территории России в полной мере зависит как от системы сотрудничества разных уровней государственной власти и местного самоуправления, так и от принципов взаимодействия государства, граждан и общества в целом.

Влияние же национальных проектов на формирование среднего класса возможно в нескольких направлениях. Во-первых, путем увеличения количества людей, чей уровень жизни может за счет достижения национальных целей «вырасти» до условного уровня, необходимого для его отнесения к среднему классу. Так, национальная цель о сокращении бедности вдвое может предполагать увеличение доходов населения, в результате чего половина тех, кто находился на уровне ниже среднего, теперь может считаться представителем средне-

го класса. Во-вторых, вклад в реализацию национальных проектов на местах позволяет членам общества ощущать себя более социально и политически активными. Это изменение самосознания, определение себя как граждан государства, важнее, чем рост количественных показателей для формирования среднего класса.

Литература

1. Садыков Р.М. Уровень и качество жизни населения как фактор обеспечения социальной безопасности территориальных образований // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. Ч. 1. С. 201–205.
2. Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холденко Ю.А. Социальный капитал как фактор формирования качества жизни // Социология. Акад. проект (М.). 2023. № 1. С. 86–96.
3. Захарова С.Г., Борисов С.А. Оценка условий формирования среднего класса в России с позиции факторной модели управления качеством жизни населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 14–24.
4. Захарова С.Г. Факторный подход к управлению качеством жизни населения: социологический аспект // Экономические исследования и разработки. 2017. № 1. С. 70–77.
5. Попов М.Ю., Капишин А.Е. Низший социальный класс в традиционных и модернистских обществах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 19. С. 94–107.
6. Анисимов Р.И. Прекариат – как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. 2021. № 1. С. 10–27.
7. Виленский А.В. К вопросу о влиянии малого и среднего предпринимательства на развитие российских регионов: реалии и возможности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 4. С. 24–30.

8. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 16.01.2024).
9. Федеральный закон от 28.12.2022 № 554-ФЗ «О внесении изменения в статью 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 24.1 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»». – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1593423/> (дата обращения: 16.01.2024).
10. Ростуризм – Стратегия развития гостиничной индустрии на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://tourism.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2024).
11. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019. Стат.сб. / Росстат. – М., 2019. – 87 с.
12. Предпринимательство в России: отношение россиян, барьеры // Аналитический обзор ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-otnoshenie-rossiyan-barery> (дата обращения: 10.01.2024).
13. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 14.01.2024).
14. Васильев В.П., Сушко В.А. Качество жизни как показатель эффективности государственного управления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.). 2021. № 4. С. 235–257.
15. Национальные проекты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--80aарррррррррррр7а3с9ehj.xn--p1ai/projects> (дата обращения: 10.01.2024).
16. Козачинская Д.Ю. Специфика и основные проблемы реализации национальных проектов РФ / Д.Ю. Козачинская // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 13 апреля 2021 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 165–170.
17. Национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография» [Электронный ресурс]. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie> (дата посещения: 10.01.2024).
18. Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2019. – 80 с.
19. Савинкина Л.А., Шепелова Т.С. Проблема дефицита медицинских кадров и пути ее решения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
20. Созарукова Ф.М. Кадровый дефицит специалистов здравоохранения: причины возникновения и пути решения // Вестник экспертного совета. 2018. № 4 (15). С. 104–110.
21. Серкова К.Я. Система оценки качества реализации государственных программ. – Санкт-Петербург: Редакционно-издательский центр «Культ-Информ-Пресс», 2019. – 206 с.

MECHANISMS OF STATE INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE MIDDLE CLASS

Sushko V.A.

Moscow State University

This article examines government mechanisms that contribute to the formation of the middle class. Among the most important are business opportunities, national projects and government programs. To achieve this goal, existing ways of influencing the state on the formation of the middle class were analyzed and the state's strategic planning for the formation of the middle class was shown. The article analyzes government official documents aimed at achieving the national development goal of Russia until 2030.

Keywords: middle class, public administration, entrepreneurship, national projects, government programs.

References

1. Sadykov R.M. Level and quality of life of the population as a factor in ensuring social security of territorial entities // *Fundamental Research*. 2014. No. 11. Part 1. pp. 201–205.
2. Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko Yu.A. Social capital as a factor in shaping the quality of life // *Sociology. Academician project (M.)*. 2023. No. 1. pp. 86–96.
3. Zakharova S.G., Borisov S.A. Assessment of the conditions for the formation of the middle class in Russia from the position of a factor model for managing the quality of life of the population // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2018. No. 1 (49). pp. 14–24.
4. Zakharova S.G. Factorial approach to managing the quality of life of the population: sociological aspect // *Economic research and development*. 2017. No. 1. P. 70–77.
5. Popov M.Yu., Kapishin A.E. Lowest social class in traditional and modernist societies // *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology*. 2019. No. 19. pp. 94–107.
6. Anisimov R.I. Precariat – as a new social class in the context of Marxist theory // *Sociological Journal*. 2021. No. 1. P. 10–27.
7. Vilensky A.V. On the issue of the influence of small and medium-sized businesses on the development of Russian regions: realities and opportunities // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 4. pp. 24–30.
8. Federal Law of July 24, 2007 No. 209-FZ “On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation” (latest edition). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (date of access: 01/16/2024).
9. Federal Law No. 554-FZ dated December 28, 2022 “On amendments to Article 2 of the Federal Law “On amendments to Article 24.1 of the Federal Law “On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation.” – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1593423/> (access date: 01/16/2024).
10. Rostourism – Strategy for the development of the hotel industry for the period until 2035 [Electronic resource]. – URL: <https://tourism.gov.ru/> (access date: 01/18/2024).
11. Small and medium-sized businesses in Russia. 2019. Statistical collection. / Rosstat. – M., 2019. – 87 p.
12. Entrepreneurship in Russia: the attitude of Russians, barriers // Analytical review of VTsIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-otnosheniye-rossiyan-barery> (access date: 01/10/2024).
13. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (access date: January 14, 2024).
14. Vasilyev V.P., Sushko V.A. Quality of life as an indicator of the effectiveness of public administration // *Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science, publishing house Mosk. University (M.)*. 2021. No. 4. pp. 235–257.
15. National projects of the Russian Federation. [Electronic resource]. – URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/projects> (access date: 01/10/2024).
16. Kozachinskaya D. Yu. Specifics and main problems of implementing national projects of the Russian Federation / D. Yu. Kozachinskaya // *State youth policy: challenges and modern technologies of working with youth: materials of the International Youth Research Conference (Ekaterinburg, April 13, 2021)*. – Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2021. – pp. 165–170.
17. National projects “Healthcare” and “Demography” [Electronic resource]. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohraneniye> (date of visit: 01/10/2024).
18. Current trends in the healthcare system of the Russian Federation. – M.: Publication of the State Duma, 2019. – 80 p.
19. Savinkina L.A., Shepelova T.S. The problem of shortage of medical personnel and ways to solve it // *Modern problems of science and education*. 2014. No. 6.
20. Sozarukova F.M. Personnel shortage of healthcare specialists: causes and solutions // *Bulletin of the Expert Council*. 2018. No. 4 (15). pp. 104–110.
21. Serkova K. Ya. System for assessing the quality of implementation of government programs. – St. Petersburg: Editorial and Publishing Center “Kult-Inform-Press”, 2019. – 206 p.

Трансформация общественного договора в современном российском обществе (по итогам социологических исследований)

Худякова Мария Александровна,

аналитик, Фонд развития социального маркетинга
INCOMAP

E-mail: parxomenkom@mail.ru

Настоящая статья представляет собой аналитический обзор результатов социологического исследования, посвященного изучению феномена общественного договора, влиянию на его содержание структуры современного российского общества. В статье представлено видение экспертов из различных гуманитарных сфер относительно структурных особенностей современного российского общества, детальное описание компонентов, принципов и мотивов, лежащих в основе озвученного ими деления. Для лучшего погружения в тему дано определение самого понятия «общественный договор», краткая история изучения феномена. В основном содержании статьи обозначена проблема реформирования структуры российского общества в настоящий момент. Выявлены представления экспертов о возникших и формирующихся в структуре российского общества новых социальных группах, их отношении к власти и государству, особенностях их вовлечения в общественно-политическую коммуникацию.

Ключевые слова: общественный договор, структура российского общества, общественно-политическая система России, взаимодействие российского общества и власти.

Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 123091200074–5 «Новый общественный договор в России в условиях нарастающей глобальной турбулентности: возможности и ограничения». Реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Введение

В данной статье исследуются особенности современной структуры российского общества с акцентом на понятие «общественного договора». Авторы рассматривают общественный договор как неформальные взаимоотношения между обществом и государственными властями, выражающиеся в абстрактном социальном договоре. Они предполагают, что общественный договор может быть использован в качестве методологической рамки для описания и структурирования взаимоотношений между различными группами граждан России и обобщенной властью, а также для моделирования и прогнозирования развития этих взаимоотношений в будущем.

В статье формулируется ключевая задача: выделение ключевых групп российского общества, мнение которых может лечь в основу нового общественного договора.

Статья отмечает, что концепция общественного договора широко используется исследователями по всему миру. Она уходит своими корнями к Жан-Жаку Руссо, который предложил идею о создании общества и подчинении правилам ради общего благосостояния. Другие мыслители, такие как Джон Локк и Филип Петтит, также развивали концепцию общественного договора, выделяя роль

естественных прав, свободы и справедливости.

В отечественной науке также проводятся исследования, связанные с общественным договором. Некоторые авторы отмечают необходимость пересмотра общественного договора в свете изменения геополитических реалий и настроений в российском обществе. Другие исследователи рассматривают общественный договор в контексте Конституции России, выявляют разрывы между реальными отношениями общества и государства и прописанными нормами.

В целом статья предлагает аналитический взгляд на современную структуру российского общества через призму понятия «общественного договора» и исследует его изменения, риски и перспективы взаимоотношений между гражданами и властью в России.

Методы

Исследовательская группа провела девять глубоких интервью с ведущими экспертами из различных сфер общества, чтобы проанализировать и понять тему общественного договора в современной России: как он воспринимается, что из себя представляет, нуждается ли в пересмотре и что служит основанием для его пересмотра. В нашем исследовании участвовали политические консультанты, представители академического сообщества, которые изучают политическую сферу России, а также представители общественных и представительных органов власти. Мы выбрали такой набор экспертов и использовали качественный метод глубинных интервью с целью получения осмысленных и глубоких тезисов относительно общественного договора между российским обществом и властью.

Результаты

Сейчас в экспертной и научной среде распространено мнение о высокой атомизации в российском обществе. Однако здесь следует сделать оговорку о том, что речь идет исключительно об общественно-политической активности: распаде социальных связей между

индивидуумами, их неспособности к коллективному действию.

«Наше общество атомизировано. Сплоченность – такая же иллюзия. Насколько сплочен песок на берегу моря? Он там сплочен или нет? Или каждая песчинка сама по себе? Когда все песчинки лежат вместе, вроде похоже, что сплочен. По нему можно даже ходить босыми ногами. А на самом деле все-таки каждая песчинка существует отдельно» (экспертное интервью).

«Атомизировано – красивое слово. На самом деле оно затрагивает один аспект и в очень узком сегменте. Атомизировано – с точки зрения создания каких-то сообществ, которые могут заниматься политикой. С этой точки зрения оно атомизировано. Вернее, власть пытается сделать все, чтобы атомизировать. А что касается всех остальных аспектов существования общества, оно не атомизировано. Если бы оно было атомизировано, мы бы на улице не могли выйти. Нас бы убили ради куска хлеба» (экспертное интервью).

Экспертное сообщество в ходе данного исследования предложило три основных подхода для структурирования современного российского общества: на основании отношения к государству (его политике): государственники и либералы; через деление на словесные и кастовые группы; социальную стратификацию.

По оценкам тех, кто предлагает структурировать российское общество на основании его отношения к государству, получается, что большая часть населения, от половины до двух третей, является государственниками. Под этим понимается, что их система ценностей основывается на том, что они всю свою жизнь строят с помощью государства. Типичные представители этой группы – работники бюджетной сферы. Вторая часть населения (примерно 20%) называются либералами, которые строят свою социальную и экономическую жизнь с минимальной привязкой к государству.

«Безусловно, либералы, так же, как и государственники, зависят от государ-

ства. В первом случае государственники считают это совершенно естественным. У них не возникает противоречий между их системой ценностей и системой ценностей государства. У либералов она возникает» (экспертное интервью).

В последние годы появилось еще одно определение, синонимичное государственным, – лояльное большинство. Эксперты отмечают, что до 2010–2011 гг. государство перед собой задачу по его формированию не ставило. Страна достойно пережила мировой финансовый кризис 2008 года с последующим выходом на заметный экономический рост. В ответ страны Запада приняли меры, чтобы развитие России притормозить, введя первые санкции еще до событий «Крымской весны». Дополнительно извне поддерживался общественный протест внутри России.

Когда российская власть окончательно осознала, что Запад взял курс на стратегическое сдерживание нашей страны, было принято решение о поиске инструмента, с помощью которого можно укреплять государство и общество – формирование лояльного большинства.

«У нас падение было один год, и потом сразу резкий рост, от которого на Западе все удивились и начали нам ставить палки в колеса. Санкции, акт Магнитского, все вместе, было еще до Крыма. Они захотели нас задержать» (экспертное интервью).

«Пришло понимание, что мы столкнемся с Западом. Наличие Навальных, Немцовых и прочих давило на государство. Потому что часть претензий были абсолютно обоснованы. И отвечать на них приходилось. При этом власть понимала, что цель «борьбы с коррупцией» в дискредитации власти. Поскольку власть дискредитируют, необходимо убирать пространство, где эту власть можно дискредитировать, и это сделали» (экспертное интервью).

«Необходимо общество, которое трудно просто так раскачать. Когда стало понятно, что нас будут тем или иным способом дробить и колоть, возник запрос на абсолютно лояльное и тотальное большинство, которое осознанно бу-

дет выбирать государство. Мы к этому не дошли, но движемся медленно» (экспертное интервью).

Эксперты полагают, что возрастная структура нашего общества способствует решению задачи формирования лояльного большинства. Действительно, средний возраст населения России выше 40 лет. Ядро этой группы взрослые, сформировавшиеся мужчины и женщины со средним образованием и достатком.

«У нас средний возраст россиянина – сорок один год. То есть большинство – мужчины и женщины среднего и старшего возраста, со средним образованием, доходом. Собственно говоря, они являются опорой всего. Мы не Казахстан и Узбекистан, где двадцать восемь лет – средний возраст» (экспертное интервью).

В ходе экспертных интервью участниками подчеркивается, что в рамках задачи формирования лояльного большинства государство стремится удерживать коалицию макрообразований (женщины, пенсионеры, дети) под зонтиком патерналистской политики. Для системы важно конвертировать голоса своих сторонников в результаты «правильного» голосования, чтобы удерживать политическую стабильность.

«Групп много, они не все представлены самостоятельно, некоторые осознанно отказываются от выражения и представительства. Поэтому формально есть ощущение, что все, кто являются опорой социальной и политической, они исходят примерно из одинаковых установок. У каждого есть свои причины и мотивы» (экспертное интервью).

Эксперты замечают, что в среде государственных формировается радикальное крыло из сторонников авторитарных методов управления, требующих увеличения репрессивных мер в общественно-политических отношениях.

«Мы сейчас видим людей довольно образованных, выступающих за усиление дикости и варварства. Они борются, они недовольны, что государство недостаточно варварское, что оно не рубит голов налево и направо. Наше обще-

ство еще не прошло той стадии, которую прошла в свое время Германия, а потом Югославия» (экспертное интервью).

Либеральное меньшинство выступает за сменяемость власти, более сильную роль ее представительной ветви, снижение роли государства.

«Я раньше ждал, что все-таки представительная часть государства потихонечку начнет отвоевывать свои права, возникнет новый баланс, который потом будет меняться в сторону представительной власти. Мы видим, этого не получилось, а получилось наоборот – гипертрофированная роль государства. Эта самая позорная поправка из двух частей (Конституции), большая часть из которых не стоит гроша ломаного, а стоит только одна, что Путин имеет право править вечно, сколько хочет, пока будет жить» (экспертное интервью).

Часть экспертов характеризует структуру российского общества в терминах, описывающих Средневековье, делая вывод о том, что страна постепенно вступает в период становления кастового, сословного общества, в котором существует элита и остальное население. Участники исследования отмечают, что постепенно сокращаются возможности для перехода из одной социальной группы в другую.

«Мы живем в сословном обществе. Те же холопы, смерды, бояре. Есть у человека погоны, какого цвета погоны, какие, какого именно ведомства. У него больше прав. Нет у него погон, у него меньше прав. Все эти поиски современной терминологии и попытки подогнать наше общество под какие-то европейские стандарты я лично не приветствую, потому что мне кажется, что наше общество, оно с шестнадцатого века как застыло, так и живет» (экспертное интервью).

«Есть население как масса, есть элита. Этих двух слов вполне достаточно, чтобы охарактеризовать наше общество. Элиту ту же самую можно классифицировать и разбить по категориям и население тоже. Я бы даже сказал, может быть, условно, что у нас касто-

вое общество, в принципе» (экспертное интервью).

В подтверждение своего подхода к построению структуры общества эксперты напоминают о том, что в системе управления страной складывается практика предоставления государственных должностей на основе родственной принадлежности к высокопоставленной семье.

«Если покопаться в биографиях современных чиновников, то они, так или иначе, завязаны на родственные связи и возможности отцов. Посмотрите последних губернаторов. К примеру, чтоб далеко не ходить, губернатор Московской области – отец тренировался с Путиным, сам работал с Шойгу, вот такие связи. Воробьев, Шойгу, Путин, отцы, это все» (экспертное интервью).

Данная тенденция также становится осязаемой в политической сфере (в политических партиях) и в бизнесе. Эксперты отмечают, что система пытается легитимизировать подобные назначения через публичные институты («Школа губернаторов», конкурс «Лидеры России»). Тем не менее, по оценкам участников исследования, такая практика легитимации не меняет сути происходящих процессов. Информантов настораживает, что для талантливых и квалифицированных управленцев осталось мало социальных лифтов для того, чтобы занять позицию во властной вертикали, соответствующую их компетенциям.

«Копни сейчас любого высокопоставленного чиновника. Конечно, с улицы они не приходят. Их легитимизируют через придуманный инструмент передачи власти. Например, разного рода «Лидеры России», «Школы губернаторов». Для того чтобы можно было объяснить, что парень не с улицы пришел, а лидер и учился» (экспертное интервью).

«Будет вполне разумеющимся, что губернатором стал сын губернатора. Не обязательно этого региона, другого. По наследству такие вещи будут передаваться. Тем более мы видим, что в крупном бизнесе так происходит» (экспертное интервью).

«У нас министр сельского хозяйства сын известного человека. С сельским хозяйством у нас вроде бы все неплохо. О чем это говорит? Это потому, что его папа, или потому что он сам толковый?» (экспертное интервью).

В состав формирующегося сословного общества также входят следующие группы: силовики; бизнесмены; бюджетники; интеллигенция, работники культуры и медиа.

Участники исследования отмечают, что если силовики выделяют сами себя в отдельную группу, то у бизнесменов есть собственное политическое представительство в виде партии «Новые люди».

Отличительной чертой бюджетников является внутреннее понимание, что их «хозяином» является государство. По мнению экспертов, главной задачей интеллигенции стала пропаганда, для обеспечения национального согласия.

В ходе исследования участники приходят к выводу, что привычная структура общества сильно изменилась не только в нашей стране, но и в мире. Привычные деления на социальные классы выглядят совершенно иначе, чем 30 лет тому назад. Произошло очень большое дробление социальных групп. Они стали мельче, и их стало сложнее изучать. Люди стали легко менять работу. Одним из достоинств любого сотрудника некоторое время назад был длительный стаж работы в одном учреждении, организации. Сейчас этот длительный опыт является скорее недостатком, чем достоинством. Оформилось сильное имущественное расслоение, что отмечает большинство экономистов и социологов. Люди, которые относятся к богатым пяти процентам, во много раз богаче тех, кто находится внизу этой лестницы. Также стали заметны демографические диспропорции. В стране мало молодежи и заметна тенденция уменьшения численности населения. И, наконец, региональные диспропорции, которые наиболее заметно проявляются по доступу к возможностям получить образование, культурным объектам, богатству и т.д. Такие ресурсы россиянам могут предо-

ставить несколько крупных городов. Вся остальная страна, по оценкам экспертов, «оголена», возможности развития человека сильно отличаются от региона к региону.

В ходе исследования каждый эксперт структурировал население России, исходя из своего видения социальной стратификации: по типам населенных пунктов, где проживают граждане, по возрастным и профессиональным характеристикам, группам по уровням дохода, доступа к ресурсам, источникам и содержанию получаемой информации и т.д.

«Можно делить на городских жителей, на не городских жителей, жителей мегаполисов и жителей остальной России. Использовать теорию Зубаревич или теорию Омельченко, можно брать любую. Но в целом итог один. Все исследователи, все авторы объяснительных моделей утверждают одну и ту же мысль: российское общество стратифицировано. Эта социальная стратификация будет только усиливаться» (экспертное интервью).

Эксперты представили характеристики следующих групп российского общества: сельские жители, жители малых городов (моногородов) и городов-миллионников.

К сельским жителям относятся фермеры и латифундисты, которые близки друг другу по доходам и владению собственностью. Вторая группа – обычные крестьяне, которые работают по найму. Среди наемных крестьян эксперты выделяют подгруппы хорошо зарабатывающих и тех, у кого материальный достаток низкий. Их объединяет коллективистское мышление. Источниками информации о мире остается телевидение и информация из Интернета, которая звучна тому, что транслируется на ТВ.

Эксперты признают, что социально-экономическая ситуация в небольших населенных пунктах остается малоперспективной для развития. Моногорода создавались под иные экономические реалии, которые остались в прошлом. В современной ситуации у населения только небольшой доли отдельных городов есть шанс на достойное существо-

вание. Жителей крупных городов экспортеры делят на три основные группы: элита, которая контролирует основные финансовые потоки; рабочие действующих предприятий; офисные сотрудники и менеджеры.

Участники исследования делают вывод о том, что в обществе постепенно формируется несколько новых социальных групп.

1. Участники СВО, члены их семей, волонтеры.

«Сейчас особая категория появляется последние полтора года. Мобилизованные, добровольцы, все участники СВО и их семьи. Это сейчас особая группа в фокусе внимания. Из всех остальных она сейчас приоритетная» (экспертное интервью).

2. Жители присоединенных регионов.

«Они сейчас выделяются в отдельную группу людей и обладают своими привилегиями на территории Российской Федерации» (фокус-группа).

3. Курьеры, доставщики, работники ЖКХ.

«Они необходимы, потому что это рабочий труд. Это люди, которые внедрились в нашу экономику и составляют очень важную шестерню. Если сейчас, особенно в зимнее время, убрать всех мигрантов, которые занимаются уборкой снега, то города встанут» (экспертные интервью).

4. Специалисты IT-отрасли.

«Какие-то профессии, которые раньше были не особо популярные, сейчас на пике популярности, например IT. Это стало популярным, может быть, десять лет назад. Сейчас очень многие идут в эту сферу» (фокус-группа).

Общее мнение экспертов сводится к тому, что нельзя идентифицировать какую-либо общественную группу как полностью лояльную или не лояльную по отношению к государству. Скорее можно говорить, что внутри каждой есть категории, в которых то или иное отношение к власти выражено в большей или меньшей степени.

Работники сельского хозяйства, фермеры, руководители и владельцы предприятий могут быть лояльными по отно-

шению к власти, так как являются получателями мер государственной поддержки. В этой среде сильно распространены патриотические убеждения.

«Аграриев мы сразу делим. Есть группы, завязанные на связях с "Россельхозбанком". У них очень специфические отношения с государством» (экспертное интервью).

«Есть крестьяне, которые работают в поле. У них большой патриотизм при высоком уровне недоверия к государству» (экспертное интервью).

Офисные сотрудники неоднородны. На его верхнем уровне много антинационально настроенных граждан. При этом их значительная часть уехала из страны. Оставшиеся руководители и высокооплачиваемые специалисты более лояльны, так как отдают себе отчет в том, что государство не мешает им зарабатывать.

«Офисный планктон, значительная часть его наверху абсолютно антинационально настроена, антигосударственно» (экспертное интервью).

«Верхний слой либо свалил, либо очень хорошо понимает, где его, как говорится, кормят» (экспертное интервью).

Большая часть городского населения, по мнению экспертов, достаточно лояльна по отношению к государству. Самые недовольные горожане покинули страну после начала СВО. Оставшиеся вынуждены пересматривать свои взгляды.

Также отметим, что общий антироссийский вектор политики западных государств, с точки зрения экспертов, оказывает не меньшее консолидирующее воздействие. Даже группы граждан, относящиеся к специальной военной операции критично, в случае если они остались в России, фактически консолидированы с другой частью общества в неприятии политики других стран по отношению к России. В отличие от фактора СВО, он объединяет все группы российских граждан, независимо от их отношения к решениям российских властей.

«Очень много этому способствовал Запад, когда они запустили кампанию Cancel Russia. Собственно, это и про-

изошло. Вот эта идея коллективной ответственности всех русских за преступления кремлевского режима, оно, собственно, заставило каждого от жителя, не знаю, какой-то деревни глухой сибирской до олигарха, который в Лондоне до последнего сидел (кто там, Авен еще), сейчас экстренно эвакуировались в Россию. Они вдруг поняли, что, честно говоря, мир-то не особо готов, мир агрессивен. Единственной защитой от этого агрессивного мира является российское государство» (экспертное интервью).

Но при этом мы не можем говорить о том, что у граждан, как у индивидов, пропала способность к коллективным действиям. Как упоминалось выше, характеристика российского общества как более сплоченного остается, люди объединяются в группы для решения общих проблем, будь то ситуации, связанные со специальной военной операцией, или бытовые проблемы, или просто командные задания. Более того, респонденты не говорили о каких-то трудностях при таком ситуативном объединении.

Выводы

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что определенный распад привычных социальных групп в обществе произошел, поэтому вопрос необходимости заключения нового общественного договора напрашивается сам собой, текущий формат отношений между российским обществом и властью теряет свою актуальность. На фоне фиксируемого экспертами тренда к атомизации российского общества отмечается, что в целом российские граждане не потеряли способность к самоорганизации и, наоборот, склонны к формированию ситуативных сообществ, что можно отнести к определенным рискам и вызовам на сегодня. Некоторые эксперты обращали внимание, что таким стихийным образом могут формировать протесты.

Литература

1. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.:

КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. – 416 с.

2. Локк Джон. Два трактата о правлении / Перевод: Лагутин Е.С., Семенов Ю.В. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 496 с.
3. Роулз Джон. Теория справедливости / Перевод: Целищев Виталий Валентинович. – Издательство: «Ленанд», 2017. – 536 с.
4. Филип Петтит. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.
5. Чертков А.Н. Конституция как особый вид правового акта и как форма «общественного договора» // Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики. Материалы XV Международной научно-практической конференции. Под редакцией В.Н. Власенко. – Москва, 2021. – С. 73–77.
6. Яник А.А. История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). – Москва, 2012. Сер. «История современной России».

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL CONTRACT IN MODERN RUSSIAN SOCIETY (BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Khudyakova M.A.

Fund INSOMAR

This article presents an analytical review of the results of a sociological study dedicated to exploring the phenomenon of the social contract and its influence on the content of the structure of modern Russian society. The article provides insights from experts in various humanities fields regarding the structural characteristics of contemporary Russian society, detailed description of the components, principles, and motives underlying the mentioned divisions. To delve deeper into the topic, the article provides a definition of the concept of 'social contract' and a brief history of the study of this phenomenon. The main content of the article highlights the problem of restructuring the structure of Russian society at the present moment. The experts' views on the emergence and formation of new social groups

within the structure of Russian society, their relationship with power and the state, as well as their involvement in socio-political communication, are identified.

Keywords: social contract, structure of Russian society, socio-political system of Russia, interaction between Russian society and power.

References

1. Rousseau J.J. About the social contract. Treatises / Transl. from fr. – M.: KANONpress, Kuchkovo Pole, 1998. – 416 p.
2. Locke John. Two treatises on government / Translation: Lagutin E.S., Semenov Yu.V. – Moscow; Chelyabinsk: Publishing house: "Socium", 2020. – 496 p.
3. Rawls John. Theory of justice / Translation: Vitaly Valentinovich Tselishchev. – Publishing house: "Lenand", 2017. – 536 p.
4. Philip Pettit. Republicanism. Theory of freedom and government / Transl. from English A. Yakovleva; preface A. Pavlova. – M.: Gaidar Institute Publishing House, 2016. – 488 p.
5. Chertkov A.N. The Constitution as a special type of legal act and as a form of "social contract" // Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference. Edited by V.N. Vlasenko. – Moscow, 2021. – pp. 73–77.
6. Yanik A.A. History of modern Russia: origins and lessons of the latest Russian modernization (1985–1999). – Moscow, 2012. Ser. "History of modern Russia".

Институциональное влияние образования на социальную мобильность молодежи в российском обществе

Каймаразова Алина Каймаразовна,

аспирант кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: kajmarazova@yandex.ru

В условиях современного информационного общества, в котором уровень развития науки и технологий становится определяющим фактором социально-экономического развития, а информация и знания выступают ключевыми социальными ресурсами, институт образования обретает особую роль в обеспечении социальной мобильности, в частности, учащейся молодежи, как особой социально-демографической группы, не имеющей профессионального опыта, достаточного уровня компетенций и высокого статуса, позволяющих осуществить вертикальное перемещение по стратификационной пирамиде. Однако, в контексте несогласованности системы профессионального образования актуальным запросам общества в современной России, можно отметить ослабевание регулирующего потенциала данного института. Для выработки новых действенных управленческих механизмов, необходимо подробно рассмотреть влияние инновационных образовательных подходов на социальную мобильность молодежи. В данной работе приводятся результаты исследования оценки уровня влияния инновационного образования на социальную мобильность молодежи в современном российском обществе, который может стать основой формирования управленческого инструментария регулирования социальной мобильности.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, социальная мобильность, инновационное образование, институт образования, «социальный лифт».

Значительная трансформация российского общества, происходящая на протяжении последних десятилетий на фоне перехода от системы общественных ценностей социалистического типа к западной системе [3], перехода к индустриальному типу общества (обществу знаний) и затронувшая буквально все его аспекты – политические, экономические и ценностно-ориентировочные, стала причиной коренных изменений в его стратификационной структуре, внося значительные изменения в характер и направленность социальной мобильности. Происходящие коренные изменения создали как дополнительные возможности, так и трудности в реализации перехода между слоями стратификационной пирамиды.

Сильнее других влияние происходящих изменений отражается на молодежи, как особой социально-демографической группе, характеризующейся состоянием духовного и социального становления и адаптации, находящейся в наиболее уязвимой позиции в контексте трудовой мобильности, как одной из ключевых составляющих социальной мобильности в современном обществе.

Сложившаяся ситуация требует регулирования процессов социальной, в частности, трудовой мобильности молодежи со стороны социальных институтов. В условиях современного информационного общества, в котором уровень развития науки и технологий становится определяющим фактором социально-экономического развития, а информация и знания выступают ключевыми социальными ресурсами [9], «усиливается роль института высшего образования, который является технологически необходимым инструментом регуляции и управления процессами трудовой мобильности» [5].

Однако, в ситуации необходимости усиления влияния социальных ин-

ституты на процессы социальной мобильности молодежи, можно отметить, что, наоборот, «регулирующий потенциал в силу ряда обстоятельств оказался существенно ослаблен» [9]. В частности, в значительной мере ослабевает уровень институционального влияния высшего образования на социальную мобильность молодежи. Так, ряд отечественных исследователей отмечают, что высшее образование сегодня более не способно автоматически перенести индивида на вершину социальной иерархии [4], выделяя среди причин тому его излишнюю доступность и массовость [7], коммерциализацию и противоречие деятельности института высшего образования по подготовке специалистов реальным потребностям рыночной экономики [5]. Так, М.К. Горшков отмечает неадекватность развития системы образования реальным потребностям экономики в последние десятилетия. «Как следствие, в стране возник колоссальный и постоянно увеличивающийся разрыв между тем, кем люди хотят быть, тем, кто, по прогнозам государственных органов, нужен экономике, и теми, кто в итоге оказывается на рынке труда» [6]. В условиях информационного общества еще одной причиной снижения влияния института высшего образования на социальную мобильность молодежи можно выделить отставание образовательных программ и преподаваемого в их рамках материала развитию новейших технологий.

Приведенные выше тезисы позволяют сделать вывод о том, что усиление институционального влияния на социальную мобильность молодежи сегодня требует трансформации самого института высшего образования в сторону соответствия запросам реального рынка труда, возможной в реализации через механизмы инновационного образования.

Существует множество трактовок термина «инновации» в научной литературе. Самое общее понятие инновации можно определить как «внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком» [8].

При этом важно понимать, что инновацией нельзя назвать любое нововведение, так она должна обеспечивать серьезное изменение в действующей системе.

В экономике и научно-технической сфере существует возможность определить устоявшееся значение инновации, тогда как в контексте образования термин обретает множество подходов к его трактовке. Проводя аналогию между трактовкой термина инновации в классическом понимании в экономике и научно-технической сфере, где критерием отнесения той или иной технологии, нововведения или новшества может служить его позитивный эффект, можно прийти к выводу, что критерием отнесения деятельности в образовании к инновационной должны служить значительные изменения образовательного процесса, результатами которого является получение качественных актуальных знаний и компетенций, обеспечивающих повышение востребованности выпускников среди работодателей и, соответственно, высоко уровня социальной мобильности. При этом, анализируя формы реализации инновационного образования, важно рассматривать их в контексте социально-экономической обстановки конкретного общества, его актуальных задач и запросов.

Рассматривая ключевые формы реализации инновационного образования в стране, необходимо обратиться к анализу нормативно-правовой базы Российской Федерации. В основном нормативном правовом акте Российской Федерации, регулирующем систему образования – Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ термин «инновационное образование» не закреплен. Однако, в статье 20 «Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования» отмечается, что «экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования осуществляется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов

научно-технологического развития Российской Федерации» [1].

Проведя анализ проектов, реализуемых в 130 инновационных площадках, закрепленных в Приказе Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11.01.2023 № 29 «Об утверждении перечня федеральных инновационных площадок на 2023 год» [2], можно выделить наиболее распространенные формы реализации инновационного образования в Российской Федерации, среди которых: использование в процессе образования цифровых инструментов; взаимодействие образовательных организаций разного уровня или взаимодействие образовательной организации с индустриальными партнерами (представителями бизнеса) в целях реализации образовательного процесса; реализация сетевых образовательных программ; реализация программ переподготовки и/или программ по развитию надпрофессиональных компетенций с целью подготовки востребованных высококвалифицированных кадров для рынка труда; реализация программ непрерывного образования (детский сад – школа – СПО/вуз); реализация инновационных образовательных программ, в том числе с использованием новых педагогических и образовательных методик.

Для формирования новых механизмов институционального регулирования социальной мобильности молодежи через инновационную деятельность высшей школы, необходимо провести исследование уровня восприятия молодежью инновационного образования и, в частности, форм его реализации, на их социальную мобильность.

В 2023 году автором было проведено социологическое исследование студентов и выпускников вузов в возрасте 18–30 лет «Влияние инновационного образования на социальную мобильность молодежи». Проведен анкетный онлайн-опрос 1064 респондентов, среди которых 62,5% – обучающиеся различных курсов и уровней подготовки и 37,5% – выпускники образовательных организаций высшего образования из 43 субъектов Российской Федерации.

Проведенное исследование позволяет оценить уровень восприятия молодежью высшего образования как фактора социальной мобильности в современном российском обществе. 85,5% респондентов отметили высшее образование важным фактором реализации социальной мобильности, однако, куда меньшее количество респондентов (48,7%, большинство из которых согласны частично) признают высшее образование гарантом продвижения вверх по стратификационной пирамиде. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных (80,3%) указывают на то, что сегодня осуществить вертикальную социальную мобильность можно без наличия высшего образования. Результаты опроса свидетельствуют о том, что высшее образование продолжает восприниматься молодежью как важный фактор социальной мобильности, однако прослеживается тенденция снижения его восприятия как гарантированного «социального лифта». Исследование также показало реальное влияние высшего образования на социальную мобильность российской молодежи. 62,5% опрошенных отмечают, что получение высшего образования уже повлияло на их социальную мобильность. При этом важно отметить, что большинство респондентов, не отметивших данного влияния, на данный момент являются студентами бакалавриата (рис. 1).

Рис. 1. Восприятие высшего образования как фактора социальной мобильности

Исследование также позволяет оценить уровень соответствия высшего образования в России современным запросам общества в глазах российской молодежи. Так, 42,8% процентов молодежи отмечают несоответствие высшего

образования запросам современности. Сразу 87,5% опрошенных указывают на необходимость модернизации и внедрение инноваций в российское высшее образование, еще большее число респондентов (88,2%) при этом согласны с утверждением, что модернизация и использование инновационных технологий в современном российском образовании позволит повысить привлекательность выпускников вузов перед работодателями. На основе результатов можно сделать вывод о том, что молодежь высоко оценивает потенциал инноваций и модернизации образования в качестве фактора влияния на вертикальную социальную мобильность (рис. 2).

Рис. 2. Соответствие высшего образования в России современным запросам общества

Для анализа оценки молодежью влияния отдельных форм реализации инновационного образования на вертикальную социальную мобильность, автор определил перечень данных форм, среди которых: использование современных образовательных методик; реализация инновационных/эксклюзивных образовательных программ; взаимодействие образовательной организации с работодателями; развитие собственного научного центра/технопарка; реализация программ переподготовки/дополнительного образования для студентов; использование образовательной организацией цифровых и дистанционных технологий в обучении; реализация сетевых образовательных программ.

В рамках исследования были определены формы инновационного образования, чаще других реализуемые в образовательных организациях высшего образования. Так, наиболее популярной

формой является использование образовательной организацией цифровых и дистанционных технологий в обучении (95,4%), что можно объяснить произошедшими цифровыми трансформациями в образовании, продиктованными, в том числе, пандемией COVID-19. Следующими по частоте реализации формами инновационного образования являются реализация программ переподготовки/дополнительного образования для студентов (85,5%) и взаимодействие образовательной организации с работодателями (81,6%) (рис. 3).

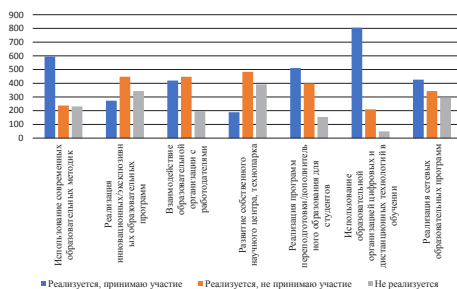

Рис. 3. Реализация форм инновационного образования в российских образовательных организациях высшего образования

При этом рис. 4 показывает, что более половины представителей молодежи (51,6%), в образовательных организациях которых реализуется взаимодействие с работодателями, не принимают в нем участие.

Реже всего (63,2%) образовательными инновационное образование реализуется через деятельность собственных научных центров и технопарков, что, по мнению автора исследования, представляет проблему в современном информационном обществе, развитие которого напрямую зависит от уровня развития науки и технологий. Кроме того, участие в их деятельности принимают менее трети обучающихся (28,1%).

Результаты исследования подтверждают, что российская молодежь отмечает значительное влияние форм инновационного образования на вертикальную социальную мобильность. Так, 65,1% респондентов отметили, что взаимодействие с работодателями уже значительно

повлияло или повлияет в будущем на их вертикальную социальную мобильность, следующие по популярности ответы – использование современных образовательных методик (63,2%) и реализация инновационных/эксклюзивных образовательных программ (59,9%). Примечательно, что при высокой оценке сотрудничества с работодателями в качестве «социального лифта», меньшая часть студенческой молодежи может реализовать данное взаимодействие (рис. 4).

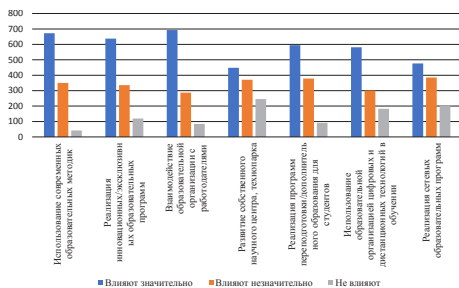

Рис. 4. Оценка влияния инновационного образования на вертикальную мобильность российской молодежью

Наименьшее влияние на вертикальную социальную мобильность, по мнению респондентов, оказывает развитие научных центров и технопарков, что может быть связано с выявленной сравнительно низкой реализацией данной формы инновационного образования в российских образовательных организациях на современном этапе.

Итак, современная российская молодежь рассматривает высшее образование как важный фактор вертикальной социальной мобильности, однако, восприятие его как гарантированного «социального лифта» постепенно снижается. Молодые люди отмечают необходимость внедрения инноваций в образовательный процесс для роста востребованности выпускников вузов на современном рынке труда. Молодежь отмечает высокую значимость инновационного образования и отдельных его форм как фактора социальной мобильности, отводя главную роль взаимодействию образовательных организаций с работодателями.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что формирование механизмов регулирования социальной мобильности молодежи в современном российском обществе через институт высшего образования требует использования инновационной образовательной деятельности, при этом рост потенциала влияния инновационного образования на социальную мобильность молодежи возможен через расширение использования его отдельных форм, а также вовлечение большего числа обучающихся в процессы их реализации.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11.01.2023 № 29 «Об утверждении перечня федеральных инновационных площадок на 2023 год».
3. Беккер И.Л. Проблема социализации студенческой молодежи в современных условиях / И.Л. Беккер, В.Н. Журавчик. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2009. – №№ 12 (16). – С. 141–151.
4. Бурлуцкая М.Г. Высшее образование как лифт социальной мобильности: ожидания выпускников и реалии современного общества // Социология образования. М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2012. № 9. С. 93.
5. Воденко К.В., Черных С.С., Пепанян Л.С. Управление процессами трудовой мобильности в условиях трансформации системы высшего образования // Социально-гуманитарные знания. 2015. С. 26–33.
6. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М., 2011. – С. 59.
7. Моисеенко В.В. Влияние института высшего образования на социальную мобильность населения в условиях современной России / В.В. Моисеенко // Вестник АГУ. – 2015. – № Выпуск 2 (158). – С. 182–187.

8. Поляков В.Л. Инновации стратегический ресурс развития предпринимательских организаций // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. № 12. С. 61–65.
9. Реутова М.Н. Механизмы регулирования социальной мобильности молодежи в условиях трансформации российского общества: специальность 22.00.08 «Социология управления»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Реутова Марина Николаевна; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2004. – 200 с.

THE INSTITUTIONAL IMPACT OF EDUCATION ON THE SOCIAL MOBILITY OF YOUNG PEOPLE IN RUSSIAN SOCIETY

Каймаразова А.К.

Moscow Pedagogical State University

In the conditions of the modern information society, in which the level of development of science and technology becomes a determining factor of socio-economic development, and information and knowledge act as key social resources, the institute of education acquires a special role in ensuring social mobility, in particular, for students, as a special socio-demographic group that does not have professional experience, a sufficient level of competencies and high status that allow for vertical movement along the stratification pyramid. However, in the context of the inconsistency of the vocational education system with the current needs of society in modern Russia, one can note the weakening of the regulatory potential of this institution. In order to develop new effective management mechanisms, it is necessary to consider in detail the impact of innovative educational approaches on the social mobility of young people. This paper presents the results of a study assessing the level of influence of innovative education on the social mobility of young people in modern Russian society, which can become the basis for the formation of management tools for regulating social mobility.

Keywords: student youth, social mobility, innovative education, institute of education, social elevator.

References

1. Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated December 29, 2012 № 273-FZ.
2. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated January 11, 2023 No. 29 “On approval of the list of federal innovation sites for 2023”.
3. Bekker I.L. The problem of socialization of student youth in modern conditions / I.L. Bekker, V.N. Zhuravchik. // News of the Penza State Pedagogical University named after. V.G. Belinsky. – 2009. – №№ 12 (16). – P. 141–151.
4. Burlutskaya M.G. Higher education as an elevator of social mobility: expectations of graduates and the realities of modern society // *Sociology of Education*. – M.: Publishing House of Modern Humanities. Univ., 2012. No. 9. – P. 93.
5. Vodenko K.V., Chernykh S.S., Pepanyan L.S. Management of labor mobility processes in the context of transformation of the higher education system // *Social and humanitarian knowledge*. 2015. pp. 26–33.
6. Gorshkov M.K. Russian society as it is (experience of sociological diagnostics). – M., 2011. – P. 59.
7. Moiseenko, V.V. The influence of the institute of higher education on the social mobility of the population in the conditions of modern Russia / V.V. Moiseenko // *Bulletin of ASU*. – 2015. – No. Issue 2 (158). – pp. 182–187.
8. Polyakov V.L. Innovation is a strategic resource for the development of entrepreneurial organizations // *MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2012. No. 12. pp. 61–65
9. Reutova M.N. Mechanisms for regulating the social mobility of youth in the conditions of transformation of Russian society: specialty 22.00.08 “Sociology of Management”: abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Marina Nikolaevna Reutova; Belgorod State University. – Belgorod, 2004. – 200 p.

Современные представления о роли медиации при синдроме отчуждения родителя в общественном дискурсе и практиках специалистов (на материалах социологического исследования)

Грачева Ольга Евгеньевна,

канд. экон. наук, доцент, рук. Центра медиации и социально правовой помощи филиала ГБУ Ресурсный центр по вопросам опеки и попечительства «Содействие» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы
E-mail: 9686438@mail.ru

Имкртумова Ирина Владимировна,

д-р социол. наук, проф., ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», проф. каф. полит. анализа и соц.-псих. Процессов, эксперт Центра медиации и социально правовой помощи ГБУ «Содействие» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы
E-mail: imkrtumova@yandex.ru

Статья посвящена анализу современных представлений о синдроме отчуждения родителя в общественном дискурсе и практиках специалистов, а также о роли медиации при отчуждении родителя. Исследование проведено по итогам двух социологических опросов экспертного сообщества вовлеченных специалистов ($N = 450$). Анкетный опрос проводился с участниками Круглого стола на тему: «Синдром отчуждения родителя: мифы и практика» (12.12.2023) до и после мероприятия в онлайн режиме. Экспертное сообщество представляли заинтересованные профессионалы в решении проблемы из 32 регионов страны: психологи, медиаторы, специалисты служб опеки и попечительства, исполнительного производства, семейных центров, представители судейского сообщества, судебных приставов, адвокатуры, общественных организаций и др. Острую актуальность проблемы подтвердило мнение о широкой распространенности проблемы отчуждения родителя и иных членов семьи ребенка после развода, высказанное 99,5% специалистов. Только 0,5% профессионалов считают, что такой проблемы не существуют. Эксперты поддержали необходимость внедрения в практику при спорах разводящихся родителей о воспитании детей обязательного проведения информационно-разъяснительной встречи (далее – ИРВ) по семейной медиации, эффективность которой доказана и составляет свыше 98%. Это может быть использовано в качестве обоснования для законодательных инициатив, а также развития в регионах

сервисов поддержки семей, переживающих кризис и снижению числа разводов. Также экспертами высказана необходимость использования диагностических инструментов выявления признаков родительского отчуждения и включения полученных результатов в качестве дополнений в заключение органа опеки и попечительства, направляемого в суд при разрешении спора об определении порядка проживания ребенка/детей при расторжении брака родителей и т.д. Это новый управленческий подход к организации междисциплинарной работы специалистов по недопущению и минимизации влияния последствий отчуждения родителя на судьбы их несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: Синдром отчуждения родителя, семейная медиация, информационно-разъяснительная встреча по семейной медиации, дополнение к заключению органа опеки и попечительства по спору о воспитании детей, Центр медиации и социально-правовой поддержки ГБУ Центр «Содействие».

Актуальность

В России проживает приблизительно 18 млн семей с детьми, среди которых около 6,6 млн представляют собой неполные, моно родительские семьи. По статистике, около одной трети детей в стране, что составляет приблизительно 11 млн, воспитывается в неполных семьях, при этом в 96% таких случаев – это мать. За последние 15 лет число моно родительских семей значительно увеличилось.

Год от года фиксируется увеличение числа детей, чьи родители официально прекратили брачные отношения. В России ежегодно от 350 до 600 тыс. детей сталкиваются с последствиями развода своих родителей – цифры, свидетельствующие об актуальности этой проблемы. После развода один из родителей часто остается главной фигурой в воспитании ребенка, тогда как второй родитель может стать для ребенка лишь эпизодическим гостем или же полностью исчезнуть из его жизни. Этот процесс отчуждения одного из родителей становится все более проявленным и порождает серьезные опасения. В нашей стране в среднем на 1000 браков приходится свыше 4,3 разводов. Так, в 2020 году на 1000 человек в России пришлось 3,9 развода и 5,3 зарегистрированных браков. Наибольшие показатели разводов зарегистрированы в Сахалинской (5,1 на 1000 человек), Магаданской области (5,1) и Калининградской (5) областях. Меньше всего – в Ингушетии и Чечне (по 1)¹. Резкий рост разводов в России, который в некоторые периоды 2022 года превысил количество официально зарегистрированных браков за год на 130%, указывает на глубокую социальную проблему.

Дети, испытавшие шок от развода родителей, нередко подвергаются вторичному стрессу – потере связи с одним из родителей и другими членами семьи. Такое положение вещей ведет к появлению нового феномена социального

сиротства, когда в жизни ребенка при живом отце или матери отсутствует контакт с одним из них, хотя отчужденный родитель желает и способен принимать активное участие в воспитании.

Дискуссия

Исследование медиации² до недавнего времени осуществлялось в основном в фокусе психологического и конфликтологического знания³. Из зарубежных исследований, посвященных теоретическим и прикладным аспектам медиации, известны работы: Р. Фишера и У. Юри, Х. Бесемера, Д. Кэнни, Л. Фуллер, Дж. Монка и Дж. Уинслэйда и др.⁴.

Среди отечественных исследователей медиативным методам разрешения и урегулирования семейных конфликтов посвящены труды многих ученых и практиков [1; 2; 3; 5; 8; 9; 11; 12; 13; 14]. В последнее десятилетие в России был защищен ряд диссертаций по различным аспектам медиации⁵ (Е.А. Алексеева, У.А. Удавихина, Г.А. Юнгус, К.Е. Гафнер, С.В. Абдуллина и др.).

Системное освещение проблем медиации для специалистов осуществляет

² Иванова Е.Н. Современная медиация – единство и многообразие // Психотерапия: научно-практический журнал. 2013. № 11. С. 50–57; Гордийчук Н.В. Трансформативная медиация: основные понятия и установки // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 41–48.

³ Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса – конфликта: Цивилизац. пробл. теории и практики. Рос. Акад. управления, Фонд нац. и междунар. безопасности. – М.: Луч, 1992. – 184 с.; Милецкий В.П. Введение в историю и теорию институтов конфликто разрешения (опыт сравнительного анализа). – СПб, 2002. – 100 с.

⁴ Гафнер К.Е. Медиация как социокommunikативная технология конфликто разрешения // автореф. Дисс. 22.00.06 – Нижний Новгород. 2019. С 4–5.

⁵ Алексеева Е.А. Формирование готовности к онлайн-медиации магистрантов психолого-педагогического направления // Автореф. дисс... к.п.н. 2023; Удавихина У.А. Социально-психологические особенности профессиональной деятельности медиатора // Автореф. дисс... к.п.н. 2022; Гафнер К.Е. Медиация как социокommunikативная технология конфликто разрешения // автореф. Дисс. 22.00.06 – Нижний Новгород. 2019.; 2013.; Абдуллина С.В. Социальный феномен посредничества: дис. ... канд. соц. наук. Уфа, 2011, и др.

¹ Население России. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Браки_и_разводы_в_России 2024/01/27 23:52:47 (дата обращения: 30.01.2024).

специализированный журнал «Медиа-тор.РФ»⁶. Координирующую роль играют такие профессиональные объединения, как Общероссийский профсоюз медиаторов⁷, Союз профессиональных медиаторов М2В⁸, «Национальная палата медиаторов»⁹ и др.

С середины 2000-х гг. тема отчужденного родителя проявляется в социологических исследованиях гендерной проблематики в фокусе изучения феноменов отцовства и маскулинности. Проблемы роли отца в семье изучали такие видные социологи, как: И.С. Кон, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина и др. Тема отцовства как важной части мужской жизни подробно исследована в трудах И.С. Кона¹⁰ «Мальчик-отец мужчины», «Гендер и маскулинность, сыновья и отцы» и др. Ученый рассматривал проблемы отцовства в трех аспектах: как общественный институт; как различные группы мужчин-родителей; как межличностные отношения отцов и детей.

В своих работах Е.А. Здравомыслова¹¹, А.А. Темкина, Ж.В. Чернова также рассматривали социологические модели отцовства, их бытование и трансформации.

⁶ Медиатор.РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://медиатор.рф/news/> (дата обращения: 02.02.2024).

⁷ Общероссийский профсоюз медиаторов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://профсоюзмедиаторов.рф/about/> (дата обращения: 02.02.2024).

⁸ Союз профессиональных медиаторов М2В [Электронный ресурс]. – URL: <https://unionm2b.ru/>

⁹ Национальная палата медиаторов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fpmrf.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁰ Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009. Мальчик – отец мужчины. М., 2009. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 48–64.

¹¹ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О мужественности. М., 2002. С. 432–451; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. СПб., 2015.; Чернова Ж.В. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный рядок / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007. С. 138–168; Чернова Ж.В. Отцовство и модели семейной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 4 (24).

цию. Так, авторы фиксировали кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе, который отразился и на «отцовских практиках», и на самом «образе отцовства». Советские отцы характеризовались в дискурсе социума начала 2000 гг. как играющие роль отчужденного родителя, который ситуативно заботится о ребенке лишь «с санкции» матери. Проблема отчужденного родителя и пути ее решения занимает все более видное место в современном общественном дискурсе и практиках специалистов.

Результаты исследования

Актуальность и острая социальная значимость проблемы отчуждения родителя стали побудительным мотивом организации и проведения Центром медиации и социально-правовой помощи 12.12.2023 Круглого стола на тему: «Синдром отчуждения родителя: мифы и практика». Организаторами явились Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы (далее – ДТСЗН), Центр медиации и социально-правовой помощи ГБУ Ресурсный центр «Содействие» ДТСЗН, ГАУ ИДПО ДТСЗН и АНО «Национальная ассоциация исследователей синдрома отчуждения родителя». В работе Круглого стола, который проводился в очном и онлайн формате, приняли участие 364 специалиста из 32 регионов 7 Федеральных Округов. Накануне мероприятия было проведено анкетирование по обсуждаемой тематике, в котором приняли участие 356 специалистов из разных регионов нашей страны (N = 356), а также 95 экспертов заполнили итоговую анкету по завершении Круглого стола. Полученные ответы стали основой исследования в области распространенности родительского отчуждения, результаты которого представлены в данной статье.

Исследование выявило единодушное мнение специалистов о широкой распространенности проблемы отчуждения родителя и иных членов семьи ребенка после развода родителей (и начала раздельного проживания). Анализ итогов опроса показал, что практически все

опрошенные специалисты (99,5%) признают существование проблемы отчуждения родителя и других родственников у детей после того, как родители начали жить раздельно после развода. В то же время, единицы из числа экспертов (0,5%) считают, что подобной проблемы не существует. Среди респондентов, признавших проблему, каждый девятый эксперт (11% из 99,5%) согласен с тем, что, хотя проблема отчуждения действительно имеет место быть, она затрагивает лишь ограниченное количество семей и не является широко распространенной.

Таблица 1. Наиболее частые семейные проблемы, наблюдаемые в случаях отчуждения родителя (несколько вариантов ответа)*

Ранг	Признак	Значение, %
1.	Конфликтный характер развода	64,7%
2.	Препятствие общению с ребенком вызвано прошлыми обидами родителя	66,0%
3.	Клевета на второго родителя	58,3%
4.	Бабушки, дедушки «подливают масла в огонь»	57,0%
5.	Неуважение супругов друг друга	41,5%
6.	Неуважение супругов к родственникам друг друга	41,5%
7.	Проблемы, связанные с повторным браком (общение с отчимом/мачехой)	38,5%
8.	Насилие в семье до развода со стороны отвергаемого родителя	24,3%
9.	Не сталкивался	14,0%

Примечание. * Значения признаков авторами не сводились к 100% в целях выявления распространенности мнений среди экспертов.

Отчуждение одного из родителей может оказывать негативное влияние на детей разных возрастных групп. Младшие школьники и подростки, согласно данным опроса, могут оказаться более уязвимыми, потому что они активно социализируются, формируют свою идентичность, социальные связи и миропонимание, они «учат» свои социаль-

ные роли и включаются в поведенческий репертуар своей семьи.

Эксперты назвали следующие наиболее частые семейные проблемы, наблюдаемые в случаях отчуждения родителя (табл. 1).

Важно обратить внимание на случаи семейного насилия (п. 8 табл. 1), с которыми так или иначе сталкивались четверть участников Круглого стола. «Насилие в семье до развода со стороны отвергаемого родителя» характерно для четверти ситуаций (24,3%), по мнению экспертов. Эти сведения могут помочь специалистам служб семейной медиации, семейным психологам, а также специалистам органов опеки и попечительства понимать, какие семейные проблемы чаще всего встречаются в ситуациях, когда один из родителей испытывает затруднения при общении с ребенком после развода.

Изучены мнения экспертов о распространенности ситуаций при родительских спорах о воспитании детей явления, когда ребенок не желает общаться-встречаться с одним из родителей (блокирует в соцсетях, телефоне, обесценивает родителя и(или) родственников с его стороны). Так, полученные ответы экспертов говорят о том, что в случаях родительских конфликтов явление отчуждения детей от одного из родителей может проявляться через: явный отказ ребёнка от общения с одним из родителей, включая игнорирование и блокировку в социальных сетях и в телефоне; через обесценивание личности этого родителя и его родственников. Среди участников Круглого стола 39% экспертов сталкиваются с отказом ребенка от общения с одним из родителей постоянно, 29,5% встречают подобные ситуации часто. Остальные эксперты реже встречаются с проблемой, или вовсе не замечают её.

Кроме того, результаты опроса указывают на важность разработки эффективных механизмов решения семейных конфликтов, таких как семейная медиация, первая информационно-разъяснительная встреча по медиации разводящихся супругов [1], которые

могли бы способствовать восстановлению и сохранению здоровых отношений между ребенком и обоими родителями, а также предотвращению дальнейшего ухудшения ситуации. Эксперты выразили мнение об обязательности Первой информационно-разъяснительной встречи по медиации для разводящихся супругов, имеющих детей.

По итогам опроса выявлены прогнозы участников Круглого стола о *вероятности будущих ситуаций, при которых ребенок, столкнувшийся с отчуждением родителя, повторит сценарий отчуждения в своей семейной жизни* (разведется, начнет препятствовать общению детей со вторым родителем). Большая часть респондентов (82%) признает, что существует вероятность того, что такой ребенок в будущем сможет повторить сценарий отчуждения в своей семейной жизни. Определенная часть экспертов (8%) не видит связи между переживаниями ребенка в детстве и его поведением во взрослой жизни на уровне отношений в семье. Это может отображать оптимистичный взгляд экспертов на будущие семейные отношения, несмотря на негативный опыт в детстве. Каждый десятый из числа опрошенных (10%) уверен, что ребенок «безусловно повторит» отрицательный сценарий родителей и «передает эстафету» следующему поколению. Это мнение может быть основано на наблюдении экспертами цикличности стереотипов «токсичных» семейных взаимоотношений, которые передаются из поколения в поколение.

Оценка представителями экспертного сообщества вопроса о понимании судами серьезности влияния психологического синдрома отчуждения родителя на будущее ребенка во время разбирательства семейных споров, была следующей: 19% экспертов уверены, что суды полностью осознают последствия, 32% специалистов склонны думать, что суды скорее осознают, чем не осознают серьезность ситуации, в то время как 23% экспертов думают иначе, и только 3% экспертов считают, что суды не осознают серьезности подобных случаев. Из анализа высказанных мнений следу-

ет, что больше половины специалистов (51%) подтверждают мнение о том, что суды признают важность рассматриваемого психологического синдрома, или склонны к такому мнению.

Большинство участников опроса подтвердили, что проблема отчуждённого родителя так или иначе вовлечена в семейные споры о воспитании детей после развода. Эти данные подчеркивают необходимость уделять серьезное внимание профилактике родительского отчуждения в семейных спорах, поскольку она может иметь значительные отрицательные последствия для психоэмоционального благополучия ребенка, его физического развития и семейных отношений во взрослой жизни.

Заключение

Практически все эксперты (99,5%) из числа участников Круглого стола «Синдром отчуждения родителя: мифы и практика» признают существование проблемы отчуждения родителя и близких родственников у детей после того, как их родители начали жить раздельно вследствие развода. Результаты исследования подчеркивают значимость проблемы семейного воспитания и необходимости медиации на всех стадиях семейных конфликтов. Важна работа с семьями и формирование осознанного родительства, чтобы предотвратить повторение негативных семейных сценариев ребенком в будущем. Так, большинство экспертов уверены (82%), что существует вероятность того, что ребенок, который столкнулся с отчуждением одного из родителей, в будущем сможет повторить сценарий своих родителей в своей собственной семейной жизни. Итоги исследования могут помочь специалистам служб семейной медиации, семейным психологам, а также специалистам семейных центров, органов опеки и попечительства понимать, какие именно конфликтные проявления семейных проблем чаще всего встречаются в ситуациях синдрома отчужденного родителя. Это знание может быть использовано для разработки стратегий экологичного развода и применения семейной медиации,

для преодоления проблем отчуждения родителя и поддержки семей в сложных ситуациях.

Особенно важно то, что эксперты поддержали необходимость **обязательной информационно-разъяснительной встречи** с разводящимися родителями о преимуществах медиации, что может быть использовано в качестве обоснования для законодательных инициатив, а также развития в регионах сервисов поддержки семей, переживающих кризис, и снижению числа разводов. Также экспертами высказана необходимость использования диагностических инструментов выявления признаков родительского отчуждения и **включения полученных результатов в качестве дополнений в заключение** органа опеки и попечительства, направляемого в суд при разрешении спора об определении порядка проживания ребенка/детей при расторжении брака родителей, или иного спора о воспитании детей (например, определение порядка общения, взыскания алиментов и др.). Это новый управленческий подход к организации междисциплинарной работы специалистов по недопущению и минимизации влияния последствий отчуждения родителя на судьбы их несовершеннолетних детей.

Литература

1. Методические рекомендации по информированию о процедуре медиации. Центр медиации и социально-правовой помощи ГБУ «Содействие» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы / Авторы-составители О.Е. Грачева, А.И. Оржеховская, Н.Ф. Ригина, Е.Н. Сенина. – Москва: Вариант, 2021. – 76 с.
2. Грачева О.Е. Мкртумова И.В. Семейные споры и междисциплинарный подход. Аналитическая записка по итогам социологических исследований. Рукопись. Центр медиации и социально-правовой помощи. – Москва: Ресурсный центр по вопросам опеки и попечительства «Содействие», 2023. – 81 с. (рукопись).
3. Модельное описание программы «Семейная конференция» для специальных учебно-воспитательных учреждений: Методическое пособие / Под ред. А.Ю. Коновалова, Е.В. Белоговой. – Москва: Общественный Центр «Судебно-правовая реформа»; Калтан: Калтанское СУВУ, 2017. – 203 с.
4. Романов А.Е. (автор-составитель). Создание служб медиации в учреждениях социальной сферы. – Москва: Константа, при участии ПОМАРУР, 2019. – 100 с.
5. Иванова М.С. Медиация как способ защиты прав и интересов супругов при расторжении брака. Автореф. дис. ... канд.ю.н. Тверь: ТвГУ. 2014. 27 с.
6. Развитие медиации в России: теория, практика, образование // Под редакцией: Е.И. Носыревой и Д.Г. Фильченко. – Москва: Инфотропик, совместно с Центром медиации УрГЮА, 2012.
7. Иванова Е.Н. Медиация как переговоры. Рабочий сценарий. Первая серия. – Москва: Институт Мира, 2022. – 226 с. ISBN 978-5-60-448867-6
8. Пантелеева И.А. Семейная медиация как альтернативная процедура разрешения споров // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социология. Психология. 2014. № 1 (2). С. 452–457.
9. Карабанова О.А. Стратегия и тактика профессиональной деятельности психолога-консультанта в решении судебных споров о месте проживания и участии родителей в воспитании ребенка при разводе // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 214–221.
10. Айрапетян В.С. О медиации с любовью. – Москва, 2023. – 192 с.
11. Здрок О.Н. Медиация: пособие. – Минск: Четыре четверти, 2018. – 540 с. ISBN 978-985-581-171-9
12. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие. – Москва: Международный центр управленче-

- ского и политического консультирования, 2013. – 128 с.
13. Кузнецов В. А. Проблемы медиации в 2022 году // Медиатор. РФ. № 4. 2022. [Электронный ресурс]. – URL. <https://медиатор.рф/archive/mediatsiya-v-biznese/problemymediatsii-2022-goda/> (дата обращения: 02.02.2024).
  14. Усманова Е.Ф. Стратегия и тактика семейной медиации // Юридическая наука. № 3. Мордовский Госуниверситет. 2019. С. 4–8.

MODERN IDEAS ABOUT THE ROLE OF MEDIATION IN PARENTAL ALIENATION SYNDROME IN PUBLIC DISCOURSE AND THE PRACTICES OF SPECIALISTS (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH MATERIALS)

Gracheva O.E., Mkrtumova I.V.

Center of Mediation and Social and Legal Assistance, Resource Center for guardianship and trusteeship issues "Sodezidostvo", G.V. Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the analysis of current perceptions of parental alienation syndrome in the public discourse and practices of professionals, as well as the role of mediation in parental alienation. The research is based on the results of two sociological surveys of the expert community of involved specialists (N = 450). The questionnaire survey was conducted with the participants of the Round Table "Parental Alienation Syndrome: Myths and Practice" (12.12.2023) before and after the event in online mode. The expert community was represented by professionals interested in solving the problem from 32 regions of the country: psychologists, mediators, specialists of guardianship and custody services, enforcement proceedings, family centres, representatives of the judicial community, bailiffs, the Bar, NGOs, etc. The acute urgency of the problem was confirmed by the opinion that the problem of alienation of the parent and other family members of the child after divorce is widespread, expressed by 99.5 per cent of professionals. Only 0.5 per cent of professionals believe that such a problem does not exist. The experts supported the need to introduce into practice in disputes between divorcing parents about the upbringing of their children a mandatory Family Mediation Information and Advocacy

Meeting (hereinafter referred to as FIM), the effectiveness of which has been proven to be over 98%. This can be used as a justification for legislative initiatives, as well as the development of regional services to support families in crisis and reduce the number of divorces. The experts also expressed the need to use diagnostic tools to identify signs of parental alienation and to include the results obtained as additions to the opinion of the guardianship and custody agency sent to the court when resolving a dispute on determining the order of residence of a child/children in the event of dissolution of the parents' marriage, etc. This is a new management approach to the organisation of interdisciplinary work of specialists to prevent and minimise the impact of the consequences of parental alienation on the fate of their minor children.

Keywords: Parental alienation syndrome, family mediation, informational and explanatory meeting on family mediation, supplement to the conclusion of the guardianship and custody authority on the dispute about child rearing, Mediation and Social and Legal Support Centre of the State Budgetary Institution Centre "Sodeistvie" (Support).

Reference

1. Methodological recommendations for informing about the mediation procedure. Center for Mediation and Social and Legal Assistance of the State Budgetary Institution "Assistance" of the Department of Labor and Social Protection of the Population of Moscow / Compiled by O.E. Gracheva, A.I. Orzhekhovskaya, N.F. Rigma, E.N. Senina. – Moscow: Variant, 2021. – 76 p.
2. Gracheva O.E. Mkrtumova I.V. Family disputes and interdisciplinary approach. Analytical note based on the results of sociological research. Manuscript. Center for Mediation and Social and Legal Assistance. – Moscow: Resource Center for Guardianship and Trusteeship "Assistance", 2023. – 81 p. (manuscript).
3. Model description of the "Family Conference" program for special educational institutions: Methodological manual / Ed.A. Yu. Konovalova, E.V. Belonogova. – Moscow: Public Center "Judicial and Legal Reform"; Kaltan: Kaltan SUVU, 2017. – 203 p.
4. Romanov A.E. (author-compiler). Creation of mediation services in social institutions. – Moscow: Constanta, with the participation of POMARUR, 2019. – 100 p.

5. Ivanova M.S. Mediation as a way to protect the rights and interests of spouses during divorce. Author's abstract. dis. ...candidate of legal sciences. Tver: TvG U. 2014. 27 p.
6. Development of mediation in Russia: theory, practice, education // Edited by: E.I. Nosyreva and D.G. Filchenko. – Moscow: Infotropik, together with the Mediation Center of the Ural State Law Academy, 2012.
7. Ivanova E.N. Mediation as negotiations. Working scenario. First episode. – Moscow: Institute of Peace, 2022. – 226 p. ISBN 978-5-60-448867-6
8. Panteleeva I.A. Family mediation as an alternative dispute resolution procedure // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Sociology. Psychology. 2014. No. 1 (2). pp. 452–457.
9. Karabanova O.A. Strategy and tactics of professional activity of a consulting psychologist in resolving legal disputes about the place of residence and the participation of parents in raising a child during divorce // World of Psychology. 2016. No. 4 (88). pp. 214–221.
10. Airapetyan V.S. About mediation with love. – Moscow, 2023. – 192 p.
11. Zdrok O.N. Mediation: manual. – Minsk: Four Quarters, 2018. – 540 p. ISBN 978-985-581-171-9
12. Shamlikashvili T.A. Fundamentals of mediation as a dispute resolution procedure. Tutorial. – Moscow: International Center for Management and Political Consulting, 2013. – 128 p.
13. Kuznetsov V.A. Problems of mediation in 2022 // Mediator.RF. No. 4. 2022. Electronic resource. – URL. <https://mediator.rf/archive/mediatsiya-v-biznese/problemy-mediatsii-2022-goda/> (date of access: 02.02.2024).
14. Usmanova E.F. Strategy and tactics of family mediation // Legal science. No. 3. Mordovian State University. 2019. pp. 4–8.

Методологические аспекты формирования корпоративной культуры и практика их применения в организации

Гильдингерш Марина Григорьевна,

д.э.н., проф., проф. кафедры бизнес-информатики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: mgild@mail.ru

Давыдов Сергей Анатольевич,

д.с.н., доцент, проф. кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: licurg@inbox.ru

Петров Максим Александрович,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: petrov_maxim@rambler.ru

В статье рассматриваются методологические подходы к формированию корпоративной культуры, её роль в эффективности деятельности организации. Авторами проведен анализ состояния корпоративной культуры на примере конкретной организации. На основе данных собственного эмпирического исследования делается вывод о том, что подходы к формированию корпоративной культуры детерминированы особенностями функционирования, спецификой деятельности организации, факторами внутренней и внешней среды. Оценка корпоративной культуры проводится по определенным метрикам и субметрикам, характеризующим параметры организационной культуры и отражающим её специфические особенности для конкретной организации. Прикладной характер исследования отражает возможности использования и апробации методологических подходов формирования корпоративной культуры в практике управления организацией с учётом её специфических особенностей в целях получения максимального социально-экономического эффекта. В статье обосновывается тезис о возрастании роли корпоративной культуры в целях повышения эффективности деятельности организаций и формирования положительного имиджа на рынке.

Ключевые слова: корпоративная культура, метрики корпоративной культуры, корпоративные ценности, мотивация персонала, вовлечённость сотрудников, удовлетворённость сотрудников.

Введение

Формирование корпоративной культуры – длительный и сложный процесс, который включает определение миссии и базовых ценностей организации, формулирование стандартов поведения, создание традиций и разработку символики [1; 2]. Развитие организационной культуры, как непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и совершенствования с целью эффективного управления персоналом, является важнейшей на сегодняшний день проблемой в практике управления. Актуальность данной темы обусловлена, прежде всего, тем, что знание основных элементов и особенностей корпоративной культуры предприятия позволяет оценить степень стабильности организации, её конкурентоспособность, предложить вероятные направления управленческих решений, а также возможность достижения запланированных результатов [9, с. 79–80]. Целью настоящей работы является анализ методологических аспектов формирования корпоративной культуры, а также состояния корпоративной культуры конкретной организации и определение необходимых условий её развития в контексте повышения эффективности деятельности организаций и формирования положительного имиджа на рынке.

Методология и теоретические рамки исследования

Теоретическую и информационную базу исследования составили труды Дэйва Логана, а также Джона Кинга о методах формирования корпоративной культуры [4; 7], а также локальные нормативные акты компании ООО «Ракурс-Инжиниринг» в части формирования корпоративной культуры, выступающей в данном исследовании в качестве объекта [10]. Эмпирическую базу составили данные социологического исследования,

респондентами которого выступили сотрудники ООО «Ракурс-Инжиниринг». Общее количество респондентов составило 144 человека. Тип выборки – квотная. Доверительный интервал – 3,83%.

Результаты и их обсуждение

Выделяют два основных направления методики формирования корпоративной культуры.

1. Поиск ценностей успешной организационной культуры, максимально соответствующей следующим факторам:

организационной технологии, возможностям и ограничениям внешней среды организации, уровню профессионализма персонала и особенностям национальной ментальности.

2. Закрепление выявленных ценностей организационной культуры на уровне персонала организации.

Для более подробного анализа методов формирования корпоративной культуры, целесообразно объединить их в группы (табл. 1.)

Таблица 1. Группы методов формирования корпоративной культуры в организации [4; 6]

Наименование группы методов формирования корпоративной культуры организации	Методы формирования корпоративной культуры организации
Методы, связанные с осуществлением лидерства в организации	Стиль руководства, существующий в организации; внимание к аспектам деятельности сотрудников; реакция и поведение руководства в критических ситуациях; характер решения вопросов руководством; последовательность действий руководства организации
Организационные (управленческие) методы	Миссия и стратегия развития предприятия; наличие кодекса поведения, профессионального кодекса, корпоративного кодекса деловой этики, устава предприятия, правил трудового распорядка, приказов, штатного расписания, положений; получение товаров или услуг организации со скидкой; предоставление льгот сотрудникам; широкий социальный пакет; система поощрения и наказания; принципы продвижения по карьерной лестнице; налаженные системы коммуникации; принципы подбора и увольнения персонала
Методы социально-психологического воздействия на поведение сотрудников	Артефакты: создание призывов и лозунгов, мифов и легенд, традиций и праздников; организация музея в организации; корпоративные семинары, тимбилдинги; введение дресс-кода. Создание местных СМИ: газеты, сайт, буклеты, журналы. Непосредственное взаимодействие с руководителем, наставником, консультантом, психологом

Включение «человеческого фактора в систему управления» проявляется в использовании корпоративной культуры в качестве инструмента управления, что соответствует мировым тенденциям [8]. Знание теоретических механизмов, обеспечивающих формирование корпоративной культуры, позволяет применять на практике наиболее подходящие из них в соответствии с особенностями функционирования предприятия и разрабатывать новые методы её создания. Каждый раз использование этих методов будет индивидуальным и зависит от особенностей функционирования предприятия, его специфики.

Корпоративная культура ориентирована на внутреннюю среду и проявля-

ется, прежде всего, в организационном поведении сотрудников. Сюда следует отнести устойчивость, эффективность и надёжность внутрисистемных организационных связей; дисциплину и культуру их исполнения; динамизм и адаптивность к нововведениям в организации; общепринятый (на всех уровнях) стиль управления, основанный на сотрудничестве; психологически безопасную среду; активные процессы позитивной самоорганизации и многое другое, что проявляется в корпоративном поведении работников в соответствии с принятыми нормами и признанными ценностями, объединяющими интересы отдельных людей, групп и организации в целом.

Для начала процесса разработки рекомендаций по формированию корпоративной культуры необходимо провести диагностику имеющейся корпоративной культуры или же её отсутствия [12]. Диагностика представляет собой сбор данных, описывающих состояние изучаемого предприятия, а именно: перечень ценностей, целей, миссии, задач, которые в свою очередь составляют основу внутрифирменных и внефирменных отношений, изучение сложившихся в организации правил и традиций, практики управления. На этом этапе оцениваются также: культура управления, национальная культура, структура и размер организации, отрасль предприятия [11]. Основными мероприятиями по формированию эффективной корпоративной культуры являются:

- 1) разработка системы ценностей, целей и конкретных задач по их достижению для всех сотрудников предприятия;
- 2) корректировка организационно-экономической документации, обеспечивающей профессиональный, доброжелательный стиль общения;
- 3) информационное обеспечение сотрудников предприятия;
- 4) организация исполнения принятых мероприятий;
- 5) разработка программы взаимодействия с местным населением, обществом в целом, городом, государством.

Немаловажно разработать документы, которые чётко обозначают особенности правил взаимоотношений. Одними из базовых документов являются Положение о корпоративной культуре и Кодекс деловой этики, благодаря которым на предприятии будет:

- 1) развернутое описание норм, базирующихся в организации;
- 2) соблюдение установленных в организации принципов поведения, общения и документооборота;
- 3) повышение уровня профессионализма и этичности в деятельности компании.

Опираясь на базовые ценности, начнём анализ корпоративной культуры

ООО «Ракурс-Инжиниринг» с определения типа управления [10]. Одной из ценностей организации является партнёрство и команда: «Мы команда соратников, уважающих вклад друг друга в общее дело», – это говорит о том, что главной составляющей стиля управления является интерес к мнению сотрудников. В ходе общения сотрудники и руководство постоянно находятся в своевременном информировании друг друга, что позволяет компании эффективно функционировать. Таким образом, стилем управления ООО «Ракурс-Инжиниринг» является демократический.

Стратегия: «Максимальное удовлетворение потребностей заказчиков посредством предложения наиболее эффективных и комплексных инновационных решений в области промышленной автоматизации, направленных на ресурсосбережение, повышение надёжности эксплуатации оборудования и безопасность производственных процессов. Создание собственной технологической цепочки, направленной на импортозамещение и создание специальных приборов, используемых в программно-технических комплексах АСУ ТП для объектов энергетики. Сотрудничество с крупнейшими зарубежными и российскими партнёрами в целях привлечения западных технологий и компетенций в российскую энергетику, реализации новейших технических решений в создании АСУ ТП» [1; 10]. Ценности:

- 1) открытость: «Мы открыты с коллегами, заказчиками, поставщиками и субподрядчиками»;
- 2) здоровье и благополучие: «Мы пропагандируем и поддерживаем здоровый образ жизни работников и их семей. Мы стремимся к достойному уровню жизни и реализуем творческий потенциал»;
- 3) эффективность: «Эффективность наших решений – залог успешности нашей работы»;
- 4) партнёрство и команда: «Мы команда соратников, уважающих вклад друг друга в общее дело»;
- 5) профессионализм: «Мы уверены, что знания, компетенции, высокие

моральные качества, вовлечённость в цели и задачи компании – залог качественных, эффективных и безопасных решений»;

- 6) качество и ответственность: «Мы делаем то, что по-настоящему умеем и всегда отвечаем за результат. Мы понимаем уровень важности объектов наших заказчиков»;
- 7) новаторство: «Новаторство – наш стиль. Мы всегда ищем эффективные и оптимальные решения, развивая продукты и услуги компании, совершенствуя бизнес-процессы и корпоративное управление».

Миссия компании: «Мы делаем электроэнергию эффективной, безопасной, надёжной». Социально-психологический климат в ООО «Ракурс-Инжиниринг» определяет характер межличностных отношений между сотрудниками. Тип межличностных отношений можно назвать партнёрским – непринужденные отношения, при котором присутствует дух сплочённости среди коллег, благодаря которому цели компании достигаются эффективнее за счёт налаженной коммуникации между отделами и сотрудниками. В такой атмосфере работа становится более продуктивной и приятной, что в свою очередь повышает мотивацию и уровень удовлетворённости персонала. В целом же, наличие хорошего социально-психологического климата является одним из ключевых факторов успеха ООО «Ракурс-Инжиниринг» как единого организма.

Используя классификацию Кима Камерона и Роберта Куинна [3], определим тип корпоративной культуры в ООО «Ракурс-Инжиниринг». Основными характеристиками данной культуры являются коллективная работа, дружный и поддерживающий коллектив, забота о развитии других и удовлетворении потребностей клиентов. В отличие от иерархической культуры, клановая культура сосредоточена на межличностных взаимоотношениях по социальным причинам. Она ценит командную работу, адаптацию, солидарность, поддержку других членов команды и готовность делегировать полномочия без конфликтов

или агрессии. Для клановой культуры характерно комплексное моральное стимулирование, регулярный мониторинг удовлетворённости трудом, планируемый рост карьеры, развитие творческих способностей сотрудников.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что корпоративная культура ООО «Ракурс-Инжиниринг» обладает значительными внутренними преимуществами и имеет достаточное количество перспективных возможностей на внешнем рынке. Основное преимущество корпоративной культуры организации заключается в высоком уровне удовлетворённости сотрудников, который обеспечивает эффективную работу и достижение результатов. Кроме того, гибкость организации при изменении рыночных условий или требований клиентов позволяет быстро адаптироваться к новым условиям и сохранять конкурентоспособность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ООО «Ракурс-Инжиниринг» уделяет внимание и ресурсы на формирование благоприятных условий труда, а также обладает социально-психологической культурой, направленной на создание партнёрских межличностных отношений между сотрудниками, однако для того чтобы наиболее полно удовлетворить потребности сотрудников в пределах разумного, компания должна осуществить качественный прорыв в ориентации на свою внутреннюю и внешнюю среду. Достижение этой цели возможно благодаря разработке актуализированной корпоративной культуры, которая соответствует требованиям рынка.

Для того чтобы анализ корпоративной культуры ООО «Ракурс-Инжиниринг» был более полным, необходимо оценить её эффективность внутри организации. Для этой цели мы провели опрос среди сотрудников (выборочная совокупность составила 144 человека) на тему удовлетворённости, вовлечённости и лояльности [5]. В 2022 году индекс вовлечённости сотрудников составил 79,6% – слабая вовлечённость, то есть сотрудники заинтересованы в рабочем процессе, не

которые аспекты жизни компании мешают продуктивности. Опрос проводился

на основе 10 метрик, представленных в таблице 2.

Таблица 2. Метрики вовлечённости

Метрика	Характеристика	Метрика	Характеристика
Руководитель	Чёткие цели, эффективные совещания и ориентация на результат определяют качества руководителя	Изменения	Метрика оценивает возможность внедрения изменений (новых технологий и процессов) в компании с помощью проектного менеджмента
Стратегия	Компании, которые знакомят сотрудников со стратегией и оценивают достижения, получают лучшие финансовые результаты в отрасли	Коллеги	Хорошие отношения, взаимопонимание и эффективные коммуникации в коллективе – важнейшая составляющая вовлечённости
Признание	Признание занимает важное место среди драйверов мотивации. Большинство сотрудников работали бы усерднее, если бы их правильнее и чаще хвалили	Баланс	Когда сотрудники здоровы, счастливы, когда соблюдается баланс жизнь/работа, они более дружелюбны с клиентами, коллегами и максимально продуктивны – минимум на 40%
Обратная связь	Более 75% сотрудников заявили, что они хотели больше обратной связи от руководителей, призванной не обижать, а вдохновлять на улучшение результатов	Карьера	45% сотрудников покидают компании или работают не в полную силу по причине отсутствия перспектив карьерного роста
Процессы	Понятность процессов, требований и границ своей ответственности влияет на интеллектуальную вовлечённость любого человека	Условия и оплата	Оплата труда является одним из главных драйверов вовлечённости и мотивации к труду, но всегда не основным. Условия – совокупность факторов производственной среды, оказывающих влияние на работоспособность сотрудника

На рисунке 1 видно, что большинство сотрудников относятся к группе слабо вовлечённых – 72,6%, а также число не вовлечённых сотрудников (20,4%) превосходит вовлечённых, что свидетельствует о том, что сотрудники не хотят или просто не могут отдаваться рабочему процессу полностью. Всего 7% мотивированы и работают в оптимальных для продуктивной работы условиях.

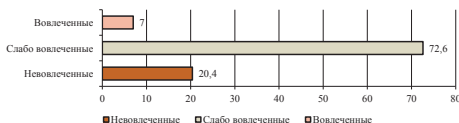

Рис. 1. Соотношение вовлечённости групп сотрудников, в %

Рассмотрим значения метрик шире, учитывая субметрики, представленные в таблице 3.

Таблица 3. Показатели метрик и субметрик

Метрики	Субметрики				
Руководитель 8,1	7,0 честность	9,0 доверие	9,4 лидерство	9,1 продуктивность	5,8 совещания
Стратегия 7,7	6,5 знание	8,4 достижимость	6,8 актуализация	7,6 оценка	9,4 инициативность
Признание 8,0	6,6 частота	9,4 обоснование	7,6 своевременность	7,9 культура	8,5 искренность
Обратная связь 7,9	7,8 частота	6,2 структура	7,3 результат	9, диалог	8,6 конструктив
Процессы 7,8	7,3 ресурсы	8,3 клиенты	6,7 интерес	9,1 диалог	7,5 инициативность

Метрики	Субметрики				
Изменения 7,9	8,0 информация	8,3 барьеры	8,1 планирование	7,1 ресурсы	8,0 оценка
Коллеги 8,1	8,3 отношения	7,8 взаимопони- мание	8,4 коммуникации	8,7 правила	7,5 взаимоотношения
Баланс 6,8	5,7 питание	7,4 счастье	6,4 стресс	7,4 фитнес	7,1 баланс
Карьера 7,0	5,8 понятность	8,7 автономность	6,8 обучение	7,6 реализация	6,1 наставничество
Условия и оплата 8,3	7,2 оплата	7,3 льготы	8,6 условия труда	9,3 безопасность	8,9 комфорт

Низкая вовлечённость 1..... 5, 6, 7, 8, 9, 10 Высокая вовлечённость

Из таблицы 3 мы видим, что самый большой балл наблюдается у условий труда и его оплаты, выделяется при этом безопасность и комфорт как ключевые показатели вовлечённости. Что же касается самого низкого среднего балла, им выступает баланс, когда сотрудникам удаётся соблюдать баланс работа/дом. Показатель 6,8 является низким, сотрудников не устраивает питание – 5,7, а также уровень стресса – 6,4. Следовательно, это то, на что руководители должны обратить внимание в первую очередь при формировании мероприятий по улучшению корпоративной культуры.

Далее проанализируем лояльность сотрудников. В 2022 году индекс лояльности сотрудников (eNPS) составил 67,2% – слабая лояльность, то есть не критикуют, но и не рекомендуют организацию и также могут сменить место работы. Показатель является ниже среднего на 3,3% по отрасли «Производство». Показатель складывается из процента слабо вовлечённой и вовлечённой групп проголосовавших. Опрос проводился на основе 5 метрик: гордость за компанию – 8,4 баллов, желание остаться в будущем – 8,2; рекомендация компании – 7,2; отсутствие желания сменить работу сейчас – 7,1; стремление делать больше, чем требуется – 6,9.

На рисунке 2 видно, что большинство сотрудников относится к группе слабо лояльных – 48,2%, 19,3% сотрудников

действуют в интересах компании и не собираются менять место работы, а 32,5% сотрудников конфликтуют с интересами организации, не удовлетворены работой и, скорее всего, имеют планы о её смене.

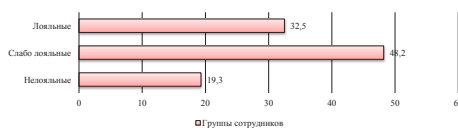

Рис. 2. Соотношение лояльности групп сотрудников, в %

На основе данных, полученных из опроса, встала задача оценить степень удовлетворённости по различным метрикам корпоративной культуры. Для этого был разработан ещё один опрос (выборочная совокупность та же), который направлен на более подробный анализ 5 метрик предыдущего опроса. Каждый вопрос имеет балльную систему оценивания от 1 до 10 баллов соответственно. Чем выше средний балл, тем выше удовлетворённость по этой метрике (табл. 4).

Таблица 4. Результаты анкетирования сотрудников ООО «Ракурс-Инжиниринг»

Метрика	Средний балл по шкале от 1 до 10	% удовлетворённых, ответивших «позитивно» с баллом от 7 до 10
Оплата труда	7,2	54%

Окончание

Метрика	Средний балл по шкале от 1 до 10	% удовлетворённых, ответивших «позитивно» с баллом от 7 до 10
Условия труда	8,6	94%
Интерес к работе	6,7	81%
Безопасность	9,3	95%
Комфорт	8,9	90%

Исходя из данных таблицы 4, можно сказать, что сотрудники организации

оценивают свой интерес к рабочим задачам и процессам ниже среднего и связывают это с непониманием поставленных задач, целей проектов, а также вероятностью задержки после рабочего дня. Лидером выступает метрика «Безопасность» – 9,3 балла, что говорит об ощущении защищённости и уверенности сотрудников в своей безопасности на рабочем месте, которое, в свою очередь, может способствовать повышению их производительности и работоспособности (табл. 5).

Таблица 5. Показатели производительности труда персонала ООО «Ракурс-Инжиниринг» за период 2020–2022 гг., тыс. руб.

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение	
				2021 / 2020 гг.	2022 / 2021 гг.
Объём реализации на одного сотрудника	9816,3	7569,3	8596,4	-2247	1027,1
Объём прибыли на одного сотрудника	823,4	658,4	797,6	-165	139,2

По данным таблицы 5 можно сказать, что уровень производительности труда в организации в исследуемом периоде претерпел небольшой спад в связи с внешнеэкономическими событиями в 2021 году, но смог подняться в 2022 году, поэтому отметим, что присутствует рост эффективности использования кадрового потенциала. Можно сказать, что корпоративная культура эффективна, но не настолько, чтобы оставить все так, как есть. Она требует вмешательства в целях повышения производительности труда, сокращения процента желающих уволиться и роста финансовых показателей.

Заключение

Из результатов исследования можно сделать вывод, что корпоративная культура оказывает значительное влияние на эффективность работы организации. Высокий уровень удовлетворённости сотрудников свидетельствует о том, что компания обеспечивает базовые гигиенические факторы и комфортные условия труда. Однако низкие показатели лояль-

ности и вовлечённости сотрудников указывают на то, что многие из них не чувствуют достаточной поддержки со стороны руководства и не видят перспектив для своего развития. Также следует отметить высокий уровень стресса на рабочем месте для более чем трети опрошенных сотрудников. Это может привести к негативным последствиям и ухудшению социально-психологического климата в компании.

Формирование и управление корпоративной культурой является механизмом влияния на лояльность. Грамотно выстроенная организационная культура способна оказать крайне благоприятное воздействие на лояльность сотрудников, повысить уровень вовлечённости персонала. Руководители и служба персонала должны чётко осознавать, какая корпоративная культура присуща данной организации, верно распознавать её специфику. Это даёт возможность точнее понимать специфику и тип лояльности в данной компании, а также делает более ясными пути влияния на приверженность и вовлечённость сотрудников,

специфику управления корпоративной культурой, позволяет эффективно осуществлять необходимые корректирующие и предупреждающие воздействия.

Литература

1. Официальный сайт ООО «Ракурс-Инжиниринг». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rakurs.com/company/mission/> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Ахвледиани З.Д. Единая типология деловой культуры и процесс формирования культуры фирмы / З.Д. Ахвледиани, В.В. Зябриков // Креативная экономика. – 2016. – Т. 10, № 8. – С. 883–904. – DOI 10.18334/се.10.8.35808. – EDN WKPQID
3. Диагностика и изменение организационной культуры / Ким С. Камерон, Роберт Э. Куинн; [Пер. с англ. А. Токарева под науч. ред. И.В. Андреевой]. – СПб.: Питер, 2001. – 310 с.
4. Киган Р. Культура для каждого. Как стать организацией осознанного развития / пер. с англ. М. Попова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 318 с.
5. Клочков А.К. Вовлечённость и лояльность персонала от А до Я. – М.: Эксмо-Пресс, 2021. – 240 с.
6. Кожевникова Т.Ю. Корпоративная культура как она есть. – М.: Бомбора, 2022. – 240 с.
7. Логан Д. Лидер и племя. Пять уровней корпоративной культуры / пер. с англ. С. Кировой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 300 с.
8. Морозов В.А. Культура организаций – источник их совместимости и взаимодействия // Креативная экономика. – 2016. – Т. 10. – № 7. – С. 849–868.
9. Петров М.А. Организационная культура как фактор лояльности персонала организации / М.А. Петров, М.М. Старовойтова // Современные проблемы теории и практики управления персоналом: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 13–15 мая 2016 года / под редакцией В.К. Потемкина, О.А. Попазовой. –

Санкт-Петербург: Инфо-да, 2016. – С. 79–85. – EDN VIGXFA

10. Устав Общества с ограниченной ответственностью «Ракурс-инжиниринг» / Горохов С.Г. – Санкт-Петербург, 2017 г.
11. Хоровиц Бен. Мы – то, что мы делаем. Как строить культуру в компании. – пер. с англ. М. Чомахидзе-Доронина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 240 с.
12. Шейн Э. Организационная культура и лидерство [Текст]: учеб. пособие / Э. Шейн. – М.: Дашков и К, 2012. – 328 с.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF CORPORATE CULTURE AND THE PRACTICE OF THEIR APPLICATION IN THE ORGANIZATION

Gildingersh M.G., Davydov S.A., Petrov M.A.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg State Economic University

The article discusses methodological approaches to the formation of corporate culture, its role in the effectiveness of the organization. The authors analyzed the state of corporate culture using the example of a specific organization. Based on data from our own empirical research, it is concluded that approaches to the formation of corporate culture are determined by the peculiarities of functioning, the specifics of the organization's activities, and factors of the internal and external environment. The assessment of corporate culture is carried out according to certain metrics and submetrics that characterize the parameters of organizational culture and reflect its specific features for a particular organization. The applied nature of the research reflects the possibilities of using and testing methodological approaches to the formation of corporate culture in the practice of managing an organization, taking into account its specific features in order to obtain maximum socio-economic effect. The article substantiates the thesis about the increasing role of corporate culture in order to increase the efficiency of organizations and create a positive image in the market.

Keywords: corporate culture, corporate culture metrics, corporate values, staff motivation, employee engagement, employee satisfaction.

References

1. Official website of Rakurs-Engineering LLC. [Electronic resource]. – URL: <https://www.rakurs.com/company/mission/> (access date: 01/29/2024).
2. Akhvlediani Z.D. Unified typology of business culture and the process of forming a company culture / Z.D. Akhvlediani, V.V. Zyabrikov // *Creative Economy*. – 2016. – T. 10. No. 8. – P. 883–904. – DOI 10.18334/ce.10.8.35808. – EDN WKPQID
3. Diagnosis and change of organizational culture / Kim S. Cameron, Robert E. Quinn; [Transl. from English A. Tokarev under scientific. ed. I.V. Andreeva]. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 310 p.
4. Keegan R. Culture for everyone. How to become an organization of conscious development / trans. from English M. Popova. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. – 318 p.
5. Klochkov A.K. Personnel involvement and loyalty from A to Z. – M.: Eksmo-Press, 2021. – 240 p.
6. Kozhevnikova T. Yu. Corporate culture as it is. – M.: Bombora, 2022. – 240 p.
7. Logan D. Leader and tribe. Five levels of corporate culture / trans. from English S. Kirova. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2018. – 300 p.
8. Morozov V.A. The culture of organizations is a source of their compatibility and interaction // *Creative Economy*. – 2016. – T. 10. – No. 7. – pp. 849–868.
9. Petrov M.A. Organizational culture as a factor of loyalty of the organization's personnel / M.A. Petrov, M.M. Starovoitova // *Modern problems of the theory and practice of personnel management: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, May 13–15, 2016* / Edited by V.K. Potemkina, O.A. Popazovoy. – St. Petersburg: Info-da, 2016. – P. 79–85. – EDN VIGXFA
10. Charter of the Limited Liability Company "Rakurs-Engineering" / Gorokhov S.G. – St. Petersburg, 2017.
11. Horowitz Ben. We are what we do. How to build culture in a company? – per. from English M. Chomakhidze-Doronina. – M.: Mann, Ivanov and Feber, 2021. – 240 p.
12. Shane E. Organizational culture and leadership [Text]: textbook. allowance / E. Shane. – M.: Dashkov and K, 2012. – 328 p.

Организация мониторинга корпоративной культуры образовательного комплекса

Рычихина Элина Николаевна,

д.соц.н., доцент, Московский городской педагогический университет
E-mail: richihinaen@mgu.ru

Щеткина Мария Александровна,

аспирант, Московский городской педагогический университет
E-mail: veolet7@mail.ru

Актуальность. В настоящее время существует дефицит научных разработок и практических рекомендаций по совершенствованию и развитию корпоративной культуры образовательных организаций. Важность проведения исследований в данной области обусловлена созданием и развитием образовательных комплексов, направленных на реализацию системы непрерывного образования, корпоративная культура которых находится в стадии формирования. В этой связи возникает необходимость отслеживания состояния формирующейся корпоративной культуры организации и возможных направлений ее развития с помощью мониторинга. *Цель работы* заключена в разработке теоретической модели организации мониторинга корпоративной культуры образовательного комплекса. *Задачи:* определить функции корпоративной культуры в образовательном комплексе, выделить область влияния корпоративной культуры в образовательном комплексе, составить алгоритм процесса организации мониторинга корпоративной культуры. *Методы:* системный, аксиологический и структурно-функциональный методологические подходы. *Результаты.* По результатам анализа научной литературы определены: необходимость организации мониторинга корпоративной культуры в образовательном комплексе с целью формирования оснований для принятия управленческих решений; необходимость определения по результатам мониторинга направлений корректировки и совершенствования корпоративной культуры в соответствии со стратегическими целями развития образовательного комплекса.

Вывод. Предлагаемая модель организации мониторинга обеспечивает целостный подход к формированию наиболее адекватной сложившимся условиям корпоративной культуры образовательного комплекса и определяет требования для определения направлений по ее совершенствованию. *Конфликт интересов.* В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок

на автора и (или) источник заимствования; нет результатов научных работ, выполненных автором (авторами) публикации, лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор (ы) декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Ключевые слова: корпоративная культура, образовательный комплекс, управленческий мониторинг, система мониторинга, методы мониторинга.

Введение

Корпоративная культура в образовательной организации обладает некоторыми универсальными характеристиками, но при этом имеет место и специфика в ее проявлении. Именно специфика определяет необходимость обращения к исследованиям корпоративной культуры и формирования ее мониторинга с целью выявления особенностей и тенденций. Корпоративная культура становится объектом исследований экономистов, социологов, антропологов, культурологов, психологов со второй половины XX века. Для проектирования системы мониторинга корпоративной культуры принципиально значимым становится выявление ее структуры, которая представлена в трудах И.И. Бугеовой [4], В.Г. Зазыкина и И.А. Смирновой [5], А.А. Раренко [13], Э. Шейна [19] и др. Интерес к вопросам, связанным с корпоративной культурой в нашей стране, возрастает. Общим аспектам данной проблемы посвящена работа Л.М. Батталова, С.В. Дадыкин и Э.А. Устьян [1].

При этом в отечественной литературе исследование корпоративной культуры в образовательной организации начинается только в XXI веке. Среди авторов, исследующих данное явление, можно назвать Калинину Е.А. [7], О.О. Киселеву [8], Н.И. Трубникову и Е.Б. Мазурину [16], Г.А. Уланову [17], О.Д. Федорова и Н.А. Калдузову [18], А.А. Ярулова [21] и др. В работах данных авторов рассматривается сущность, специфика, значение, формирование и направления изучения корпоративной культуры образовательной организации. Важное значение в современных условиях приобретают различные аспекты формирования корпоративной культуры образовательной организации. В работе Н.М. Николаевой предложена структурно-функциональная модель формирования корпоративной культуры общеобразовательной школы [11].

В научной литературе понятие «корпоративная культура» часто используется многозначно, как синоним понятия «организационная культура» и как один

из элементов управленческой культуры [20]. Авторский подход к соотношению данных понятий заключается в том, что второе понятие шире и включает в себя первое. Для образовательного комплекса целесообразно использовать понятие «корпоративная культура», так как она включает в себя совокупность отдельных образовательных учреждений, имеющих свои особенности в организационной культуре. Именно общая корпоративная культура объединяет совокупность разнородных и многофункциональных организаций, создавая единый комплекс.

Корпоративную культуру образовательного комплекса можно определить как систему ценностей и коммуникаций, норм и правил общения, традиций и отношений, мифологию организации и т.п., которые разделяются большинством участников образовательной среды, в том числе администрацией, учителями, сотрудниками, обучающимися и их родителями, обеспечивающих эффективное взаимодействие всех сторон и успешное решение образовательных задач. По мнению авторов «Словаря корпоративных смыслов московской системы образования» корпоративная культура любой образовательной организации «должна включать в себя не только корпоративный дух и внешние корпоративные атрибуты, но прежде всего взаимное уважение друг к другу, уважение к окружающим»¹.

При наличии значительного внимания к разным аспектам корпоративной культуры в образовательных организациях проблема формирования и организации мониторинга корпоративной культуры практически отсутствует. Мониторинг в образовании рассматривается в большей мере с точки зрения качества обучения, чем с позиций управления². Понятие «управленческого монито-

¹ Словарь корпоративных смыслов московской системы образования / М.Н. Русецкая, А.И. Рытов, Осадчий, М.Н. Лазутова, Т.Г. Новикова и др. – М., 2018. – 57 с. – С. 21.

² Постановление Правительства РФ от 05.08.2013 № 662 (ред. от 24.03.2022) «Об осуществлении мониторинга системы образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

ринга» как особой функции управления и подходы к нему в системе образования исследуются Э.Н. Рычижиной [14], [15].

Постановка проблемы

Проблема исследования обусловлена наличием противоречия между, с одной стороны, необходимостью формирования и поддержания корпоративной культуры и потребностью в определении основных направлений на основе системы управленческого мониторинга, а, с другой, отсутствием модели такого мониторинга.

Методология и методы исследования

В основе исследования проблемы организации мониторинга корпоративной культуры образовательного комплекса лежат системный, аксиологический и структурно-функциональный методологический подходы. Опираясь на разработанные теоретические и методологические подходы к пониманию корпоративной культуры, особенностей ее в образовательных комплексах [3], авторами предпринята попытка построения теоретической модели мониторинга в исследуемой области.

Результаты и дискуссия

Корпоративная культура, являясь объединяющей характеристикой педагогической системы, носит двойственный характер: она и продукт, и условие функционирования и развития данной системы [2]. При этом, с одной стороны, приоритетом образовательных организаций становится задача формирования у педагогического коллектива комплекса социокультурных компетенций, основанных на ценностях культуры организации. С другой, в качестве основного результата подготовки обучающихся должно стать формирование целостной личности, способной креативно мыслить, принимать самостоятельные решения и обладающей набором навыков и умений, являющихся элементами общей организационной культуры

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150568/e880e1694b71d1c4af747b32e-fea1a6648c5e994/

образовательной организации³. С точки зрения структуры образовательного комплекса, формирование корпоративной культуры основывается на принципах иерархии и унификации, то есть система управления образовательными комплексами является единой и целостной как для школ, так и для детских садов, при этом функционирование образовательных комплексов должно рассматриваться в рамках единого образовательного подхода [6]. Именно корпоративная культура выполняет прежде всего роль придания целостности объединенных образовательных организаций, которые осуществляют взаимосвязанные образовательные программы на различных уровнях. Эффективная корпоративная культура способствует регулированию потребностей, интересов, ценностей, как групп отдельных учреждений, так и индивидуумов, что позволяет разрешить противоречия, возникающие между группами внешних и внутренних отношений. Также важной функцией развитой корпоративной культуры является позитивное отношение к инновациям и готовность принятия новшеств.

Корпоративная культура выступает важным фактором управленческого воздействия, влияющего на многие стороны функционирования образовательного комплекса, в том числе:

- сохранение и развитие преподавательского состава, объединение его для реализации главных целей и задач образования;
- адаптацию новых сотрудников в образовательной организации;
- внедрение и освоение инноваций в образовательной деятельности;
- сохранение положительных свойств внутренней среды образовательной организации и предохранение ее от негативных внешних воздействий;
- регулирование взаимодействия внутри организации и с внешней средой;

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

– способствует согласованности и предсказуемости поведения в рамках образовательной среды организации, а также создает основания для налаживания эффективных коммуникаций.

Обобщая значимые функции корпоративной культуры, О.А. Пестерева и Э.В. Будаева пишут о том, что она «помогает организации динамично развиваться, формировать позитивный имидж, быть конкурентоспособной и успешно решать неизбежно возникающие внешние и внутренние проблемы» [12].

Отмечая значимую роль корпоративной культуры образовательного комплекса, важно подчеркнуть необходимость организации ее мониторинга с целью формирования оснований для принятия управленческих решений по направлениям ее корректировки и совершенствования в соответствии со стратегическими целями развития образования. Управленческий мониторинг в понимании авторов представляет собой «систематическое отслеживание и сбор данных об объекте управленческой деятельности как системе, обработку, сохранение, использование и распространение полученных результатов с целью эффективного воздействия субъекта управления на управляемый объект» [14]. Данное определение может быть применимо к мониторингу корпоративной культуры образовательного комплекса, процесс организации которого представлен на рис. 1.

Рис. 1. Алгоритм организации процесса проведения управленческого мониторинга корпоративной культуры образовательного комплекса

В основе предложенного алгоритма процесса мониторинга лежит управленческий подход, опирающийся на реализацию общих функций управления. Управленческое решение с позиции теории управления, можно представить как результат осуществления различных видов деятельности, отражающих содержание цикла комплексной реализации управленческих функций [9].

Организация проведения мониторинга может быть представлена в виде теоретической модели, состоящей из трех блоков, отраженных на рис. 2.

Рис. 2. Модель организации мониторинга корпоративной культуры образовательного комплекса

Каждый из трех блоков модели характеризуется определенным этапом его организации. Первый блок представлен определением основных источников информации из внешней и внутренней среды организации. Второй блок включает основные направления, связанные с ценностями организации, в том числе ее миссией, целями и стратегией развития. Отношения определяются не только характером коммуникаций между всеми участниками образовательной среды, но и проявлениями конфликтов, их функциональностью. Совокупность полученной информации должна быть обработана, проанализирована, а также распространена в соответствии с интересами участников образовательной среды комплекса. Все это создает важную информационную базу для разработки

и принятия оптимальных управленческих решений.

Формируя систему организации мониторинга корпоративной культуры образовательного комплекса, требуется выделить его направления, периодичность сбора, основных респондентов

и определить методы, которые позволят собрать наиболее релевантные данные о состоянии отдельных элементов корпоративной культуры. Подобная система управленческого мониторинга для образовательного комплекса представлена в табл. 1.

Таблица 1. Система мониторинга корпоративной культуры образовательного комплекса

Элементы корпоративной культуры	Выборка	Периодичность	Методы сбора данных
Миссия и стратегия	Руководство, учителя	Раз в год	Анкетирование, анализ документов, тестирование по методике Д.Р. Дэнисона
Ценности	Руководство, учителя, обучающиеся, родители	2 раза в год	Пульс-опросы, тестирование, деловые игры, тестирование по опроснику OCAI К. Камерона и Р Куинна
Традиции, ритуалы	Руководство, учителя, обучающиеся, родители	Раз в квартал	Кейс-тесты, наблюдение, глубинное интервью, тестирование
Внешние атрибуты	Руководство, учителя, обучающиеся, родители	1–2 раза в год	Анкетирование, контент-анализ, наблюдение, фокус-группы
Нормы поведения	Руководство, учителя, обучающиеся	2 раза в год	Анализ документов, текучесть кадров, интервью, кейс-тесты, наблюдение, деловые игры, тестирование на определение маркеров этичности поведения сотрудника в организации
Стиль управления и лидерство	Руководство, учителя	Раз в год	Анализ документов, наблюдение, экспертный опрос, тестирование на определение типа корпоративной культуры

Представленные в таблице методы сбора мониторинговых данных носят примерный характер. Как пишет М.В. Митрофанова, «существуют две группы методов исследований корпоративной культуры: клинические методы и экспресс-методы» [10].

На основе обобщения и анализа полученных результатов для принятия управленческих решений руководство образовательного комплекса решает вопрос об уровнях распространения полученной информации. Выявленные в результате проведения мониторинга проблемы становятся основанием для выяснения их причин и нацеливает организацию на построение наиболее эффективной организационной культуры, создающей комфортные условия для развития образования, педагогического состава и для обучающихся.

Выводы

Во-первых, корпоративная культура в образовательном комплексе выполняет

следующие функции: объединяющую – создание единого социокультурного вектора развития, в рамках которого реализуются взаимосвязанные образовательные программы на различных уровнях комплекса; регулирующую – выявление и удовлетворение групповых и индивидуальных потребностей, интересов, ценностей, что позволяет разрешить противоречия, возникающие между группами внешних и внутренних отношений; инновационная – позитивное отношение к инновациям и готовность принятия новшеств.

Во-вторых, корпоративная культура выступает важным фактором управленческого воздействия, влияющего на сохранение, развитие и объединение преподавательского состава для реализации целей и задач образования; влияет на успешность адаптации новых сотрудников; способствует внедрению и освоению инноваций в образовательной деятельности; сохраняет положительные свойства внутренней среды образова-

тельной организации и выступает защитным барьером от негативных внешних воздействий; способствует согласованности и предсказуемости поведения в рамках образовательной среды организации.

В-третьих, для успешной реализации мониторинга корпоративной культуры в образовательном комплексе необходимо действовать согласно алгоритму и модели организации мониторинга корпоративной культуры в рамках разработанной системы ценностей, сроков и методов сбора данных.

Таким образом, предлагаемая система организации мониторинга обеспечивает целостный подход к формированию наиболее адекватной сложившимся условиям корпоративной культуры образовательного комплекса, создание требований для ее поддержания или определение направлений по ее совершенствованию.

Литература

1. Батталова Л.М., Дадыкин С.В., Устьян Э.А. Корпоративная культура в России: проблемы формирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 6. С. 228–232.
2. Белухина Н.Н., Белоногова Л.Н., Шубович М.М., Петрищев И.О. Управление совершенствованием корпоративной культуры образовательной организации как фактора гуманизации воспитательного процесса // Вестник Мининского университета. 2017. № 3 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-sovershenstvovaniem-korporativnoy-kultury-obrazovatelnoy-organizatsii-kak-faktora-gumanizatsii-vospitatelnogo-protsessa> (дата обращения: 25.12.2023).
3. Богуславский М.В., Кармаев А.А., Ким С.В. Московская модель создания образовательных комплексов: достижения и риски // Проблемы современного образования. 2021. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskaya-model-sozdaniya-obrazovatelnyh-kompleksov>
4. Буева И.И., Кирьякова А.В. Формирование корпоративной культуры образовательных сообществ: теория и методология: монография. – Москва: Дом педагогики, 2009. – 238 с.
5. Зазыкин В.Г., Смирнова И.А. Корпоративная культура организации: психолого – акмеологический подход. – Москва: Независимый ин-т гражд. о-ва, 2005. – 127 с.
6. Имангулова А.Ш., Шишкин А.Н. Особенности управления образовательных комплексов РФ // Экономика и социум. 2016. № 3 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-obrazovatelnyh-kompleksov-rf> (дата обращения: 25.12.2023).
7. Калинина Е.А. Корпоративная культура школы как инструмент управления образовательной организацией / В сб.: Современные образовательные технологии: новые вызовы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Редактор-составитель И.А. Романовская. – Астрахань: ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», 2019. – С. 39–42.
8. Киселёва О.О. Корпоративная культура инновационной образовательной площадки // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-innovatsionnoy-obrazovatelnoy-ploschadki> (дата обращения: 25.12.2023).
9. Костюченко Н.И. Проблемы теории управления и общих функций управления на примере определения понятия «Управленческое решение» как общей функции управления // Общество и право. 2015. № 4 (54). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-teorii-upravleniya-i-obschih-funktsiy-upravleniya-na-primere-opredeleniya-ponyatiya-upravlencheskoe-reshenie-kak-obschey-funktsii-upravleniya> (дата обращения: 27.12.2023).
10. Митрофанова М.В. Мониторинг корпоративной культуры университета

- в транзитивной экономике // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311. № 6. – С. 96–100.
11. Николаева Н.М. Структурно-функциональная модель процесса формирования корпоративной культуры общеобразовательной школы // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 6 (55). – С. 216–218.
  12. Пестерева О.А., Будаева Э.В. Функции и особенности корпоративной культуры образовательной организации // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2019. – Вып. 4. – С. 72–76.
  13. Раренко А.А. Корпоративные ценности в системе ценностей персонала российских организаций. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023;13(1):199–214. – URL: <https://doi.org/10.21869/2223–1552–2023–13–1–199–214>
  14. Автор. Модель управленческого мониторинга инновационного образовательного учреждения // Социология образования. 2009. № 9. – С. 57–64.
  15. Автор. Мониторинг в системе муниципального управления: монография; Современная гуманитарная акад. – Москва, 2009. – 149 с.
  16. Трубникова Н.И., Мазурина Е.Б. Оптимизация организационной культуры как ресурс управления образовательной организацией // Научно-практический журнал «Вестник Университета Российской академии образования». 2022. № 4. – С. 89–100.
  17. Уланова Г.А. Организационная культура образовательной организации как фактор психологического благополучия учащихся // Образование личности. – 2017. – № 4. – С. 53–58.
  18. Федоров О.Д., Калдузова Н.А. Корпоративная культура российских школ: в поисках закономерностей // Ценности и смыслы. 2021. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-rossijskih-shkol>
  19. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. – СПб: Питер, 2002. – 336 с.
  20. Автор. Конфликтологическая компетентность в структуре управленческой культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2020. – № 3. – С. 101–108.
  21. Ярулов А.А. Технология формирования организационной культуры образовательной организации // Школьные технологии. 2018. № 4. – С. 18–33.

ORGANIZATION OF MONITORING OF THE CORPORATE CULTURE OF THE EDUCATIONAL COMPLEX

Rychikhina E.N., Shchetkina M.A.

Moscow City Pedagogical University

The relevance of the research. Currently, there is a shortage of scientific developments and practical recommendations for improving and developing the corporate culture of educational organizations. The importance of conducting research in this area is due to the creation and development of educational complexes aimed at implementing a system of lifelong education, the corporate culture of which is in the process of formation. In this regard, there is a need to monitor the state of the organization's emerging corporate culture and possible directions for its development through monitoring. *The main aim* is to develop a theoretical model for organizing monitoring of the corporate culture of the educational complex. *Objects:* determine the functions of corporate culture in the educational complex, highlight the area of influence of corporate culture in the educational complex, create an algorithm for organizing corporate culture monitoring. *Methods:* systemic, axiological, and structural-functional methodological approaches. *Results.* Based on the results of the analysis of scientific literature, the following was determined: the need to organize monitoring of corporate culture in the educational complex in order to form the basis for making management decisions; the need to determine, based on the results of monitoring, areas for adjusting and improving corporate culture in accordance with the strategic goals of the development of the educational complex.

Conclusion. The proposed model for organizing monitoring provides a holistic approach to the formation of the most appropriate corporate culture of the educational complex to the current conditions and creates requirements for determining directions for its improvement. *Conflict of interest.* The presented publication does not contain borrowed material without reference to the author and (or) source of borrowing; there are no results of scientific work performed by the author (authors) of the publication, personally and (or) in collaboration, without appropriate references. The author(s) declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Keywords: corporate culture, educational complex, management monitoring, monitoring system, monitoring methods.

References

1. Battalova L.M., Dadykin S.V., Ustyan E.A. Corporate culture in Russia: problems of formation // Problems of economics and legal practice. 2020. Vol. 16. No. 6. pp. 228–232.
2. Belukhina N.N., Belonogova L.N., Shubovich M.M., Petrishchev I.O. Managing the improvement of the corporate culture of an educational organization as a factor in the humanization of the educational process // Bulletin of Minin University. 2017. No. 3 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-sovershenstvovaniem-korporativnoy-kultury-obrazovatelnoy-organizatsii-kak-faktora-gumanizatsii-vospitatelnogo-protssessa> (date of access: 12/25/2023).
3. Boguslavsky M.V., Karmaev A.A., Kim S.V. Moscow model of creating educational complexes: achievements and risks // Problems of modern education. 2021. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskaya-model-sozdaniya-obrazovatelnyh-kompleksov-dostizheniya-i-riski> (access date: 12/25/2023).
4. Bueva I.I., Kiryakova A.V. Formation of corporate culture of educational communities: theory and methodology: monograph. – Moscow: House of Pedagogy, 2009. – 238 p.
5. Zazykin V.G., Smirnova I.A. Corporate culture of an organization: psychological-acmeological approach. – Moscow: Independent Institute of Civil. islands, 2005. – 127 p.
6. Imangulova A.Sh., Shishkin A.N. Features of management of educational complexes of the Russian Federation // Economy and society. 2016. No. 3 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-obrazovatelnyh-kompleksov-rf> (access date: 12/25/2023).
7. Kalinina E.A. Corporate culture of a school as a tool for managing an educational organization / In: Modern educational technologies: new challenges and prospects: Materials of the III All-Russian scientific and practical conference. Editor-compiler I.A. Romanovskaya. – Astrakhan: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Astrakhan State University”, 2019. – pp. 39–42.
8. Kiseleva O.O. Corporate culture of an innovative educational platform // Siberian Pedagogical Journal. 2018. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-innovatsionnoy-obrazovatelnoy-ploschadki> (access date: 12/25/2023).
9. Kostyuchenko N.I. Problems of management theory and general management functions using the example of defining the concept of “Management decision” as a general management function // Society and Law. 2015. No. 4 (54). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-teorii-upravleniya-i-obshchih-funktsiy-upravleniya-na-primere-opredeleniya-ponyatiya-upravlencheskoe-reshenie-kak-obschey> (date of access: 27.12.2023).
10. Mitrofanova M.V. Monitoring the corporate culture of a university in a transitive economy // News of Tomsk Polytechnic University. – 2007. – T. 311. No. 6. – P. 96–100.
11. Nikolaeva N.M. Structural-functional model of the process of formation of corporate culture of a comprehensive school // World of science, culture, education. – 2015. – No. 6 (55). – pp. 216–218.
12. Pestereva O.A., Budaeva E.V. Functions and features of the corporate culture of an educational organization // Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society. – 2019. – Issue. 4. – pp. 72–76.
13. Rarenko A.A. Corporate values in the value system of personnel of Russian organizations. News of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2023;13(1):199–214. – URL: <https://doi.org/10.21869/2223–1552–2023–13–1–199–214>
14. Author. Model of managerial monitoring of an innovative educational institution // Sociology of Education. 2009. No. 9. – pp. 57–64.

15. Author. Monitoring in the system of municipal government: monograph; Modern humanitarian acad. – Moscow, 2009. – 149 p.
16. Trubnikova N.I., Mazurina E.B. Optimization of organizational culture as a resource for managing an educational organization // Scientific and practical journal “Bulletin of the University of the Russian Academy of Education”. 2022. No. 4. – P. 89–100.
17. Ulanova G.A. Organizational culture of an educational organization as a factor in the psychological well-being of students // Personal education. – 2017. – No. 4. – P. 53–58.
18. Fedorov O.D., Kalduzova N.A. Corporate culture of Russian schools: in search of patterns // Values and meanings. 2021. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-rossiyskih-shkol-v-poiskah-zakonornostey> (access date: 12/25/2023).
19. Shane E.X. Organizational culture and leadership / Transl. from English edited by V.A. Spivak. – St. Petersburg: Peter, 2002. – 336 p.
20. Author. Conflictological competence in the structure of management culture // Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management. – 2020. – No. 3. – P. 101–108.
21. Yarulov A.A. Technology of formation of organizational culture of an educational organization // School technologies. 2018. No. 4. – P. 18–33.

О принципе деления культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского

Ван Цян,

постдокторант, Столичный педагогический университет

E-mail: 1156661243@qq.com

В статье рассматриваются критические подходы к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, а также к описанию языка, как основанию для выделения десяти культурно-исторических типов. Особенное внимание уделяется взглядам Н.И. Кареева и Вл. Соловьёва, отмеченных наиболее радикальным подходом к рассмотрению концепции Данилевского и характеристике принципов его классификации. Автор подробно останавливается на описании оснований «естественной систематизации» культурно-исторических типов, требованиях к принципу научной классификации и законах культурно-исторического развития, сформулированных Данилевским и критикуемых Соловьёвым и Кареевым.

Выводами из этого исследования стали умозаключения: 1) принципом деления культурно-исторических типов служит не только язык, но внутренняя творческая идея этих типов; 2) в качестве методологии для получения объективных знаний о различных культурно-исторических типах можно использовать подход, основанный на всестороннем изучении периодов цивилизации в историческом развитии каждого из них.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, цивилизация, культурно-исторический тип, «естественная система», язык, внутренняя творческая идея.

Введение

Известный русский мыслитель XIX века Н.Я. Данилевский в контексте распространённых в русском обществе того времени философско-политических споров о взаимодействии России и Европы, о прогрессе человеческой цивилизации и отдельных народов формулирует собственную концепцию культурно-исторических типов, периодизации и направленности исторического процесса. Основные идеи учёного были изложены им в книге «Россия и Европа», которая впервые вышла в 1871 году [1]. Локально-цивилизационная парадигма Данилевского выглядела в определённой степени оригинальной, поскольку оспаривала принципы философско-исторической системы Г. Гегеля, основанной на реализации принципа абсолютной диалектики и получившей поддержку в тогдашней Европе и России. Для немецкого философа история представляла собой единый процесс, который захватывал все народы и государства и был направлен на достижение духовного прогресса [2]. Гегель утверждал, что на разных исторических этапах выделялся какой-либо один народ, представлявший собой действующую силу, способную максимально реализовать свободу, как цель истории.

Н.Я. Данилевский же высказался о плюралистическом понимании истории – он «отвергает единство человечества и абсолютизирует его многообразие» [3, с. 169], заявляя, что «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания её делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться. Отыскание и перечисление этих типов не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны» [3, с. 109]. Этими «общеизвестными» типами были: 1) египетский; 2) китайский;

3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитический, или арабийский и 10) германороманский, или европейский. Данилевский расположил эти типы именно так, в хронологическом порядке. Реальными субъектами истории у Данилевского, так же, как и у Гегеля, выступают отдельные, самобытные народы, что видно по данной типизации (далее обоснования позиции у философов расходятся), но вопрос о том, какой же «морфологический принцип» (по словам Р. Мак-Мастера. Цит. по: [4]) лежит в основе моделирования именно эти десять типов, остается открытым. Что составляет основу этого «морфологического принципа», т.е. «образовательного начала», по Данилевскому: языковое своеобразие или уникальные положительные достижения цивилизации в религиозной, политической, общественно-экономической и культурной деятельности?

Эту проблему исследует и В. Соловьёв в своей статье «Россия и Европа» (1888). Соловьёва смущает «крайняя произвольность» классификации исторических типов, и он обрушивается с сурьезной критикой на концепцию Данилевского [5]. Однако, несмотря на авторитет философа, не всё в позиции Соловьёва выглядит последовательным и аргументированным, что заставляет и сегодня возвращаться к поставленной проблематике.

Критика принципов деления культурно-исторических типов Данилевского

Философы и представители других научных областей (О. Шпенглер, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир и Б. Уорф, К. Леви-Строс, Г.О. Винокур) выдвигают язык в качестве определяющего, движущего начала и главного условия, обеспечивающего единство конкретного культурного пространства. Другие исследователи утверждают, что «образовательным началом», или «морфологическим принципом», культурно-исторического типа является так называемая «общеизвест-

ность» (некая исторически-культурно-пространственно-региональная совокупная соотнесённость). Хотя первый, «лингвистический», подход является более распространённым, в книге Данилевского нашли свои аргументы оба подхода. При этом Данилевский чётко указывает на априорность критерия «общеизвестности» в выделении десяти типов культур, ограничиваясь лишь их перечислением, что не могло не вызвать сомнения у тех, кто «видит в человечестве единое живое целое» [5, с. 360], в том числе и у В. Соловьёва.

По мнению Соловьёва, классификация Данилевским культурных типов на основании «общеизвестности» является чрезвычайно произвольной: «Единственное основание, на которое ссылается сам автор, есть общеизвестность, как будто он не знал, сколько раз в истории знаний общеизвестное оказывалось только общим заблуждением» [5, с. 361]. На самом деле, принцип «общеизвестности» входит в противоречие с «требованиями здравой логики», которые сам же Данилевский предлагает в качестве научного обоснования любой классификации [1, с. 98]. По мнению Соловьёва, часто то, что находится на поверхности и кажется большинству несомненным, можно опровергнуть открытием внутренних связей и признаков. И как, например, можно разграничить между собой греков и римлян, если существует масса очевидных фактов того, что в реальной жизни эти два культурно-исторических типа были «тесно и всесторонне связаны» [5, с. 362]. Также сомнительным Соловьёву кажется и вывод Данилевского о том, что «мексиканский и перуанский типы насильственно погибли, не успевши совершить своего развития», лишь на основании того, что они были завоеваны испанцами. Возможно, они были завоеваны как раз по причине того, что их культура изжила себя, «достигла крайних пределов своего развития, дошла, так сказать, до абсурда» [5, с. 362].

Более аргументированным для Соловьёва выглядит «лингвистический» подход к философии истории и выделение Данилевским десяти культурно-

исторических типов по признаку языковой специфики и принадлежности языка народа к какой-либо языковой группе. Эта же позиция остаётся убедительной и для последующих поколений исследователей из России и Китая – Дина Хайли [6], М.А. Шабуровой [7], А.В. Смирнова [8] и др.

В соответствии с первым законом исторического развития, сформулированным Данилевским, племя, народ или объединение народов на определённом этапе развития, обладая языком или группой близких между собой языков, способно составить самобытный культурно-исторический тип [1, с. 113]. Поясняя этот закон, Данилевский, например, халдейский, еврейский и арабийский типы, сложившиеся на основе племён семитической группы, обладают соответственно одним из трёх языков этой группы – халдейским, еврейским и арабским. Соответствующие племенам арийской породы индийский, иранский, греческий, римский, германский типы характеризуются собственным из семи языков этой группы – индийским, иранским, греческим, римским или германским. Египетское и китайское племена, обладающие собственными языками, также образовали своеобразные культурно-исторические типы. Однако Соловьёву кажется неправомерным «совмещение Данилевским в один культурно-исторический тип всех романских и германских народов» [5, с. 366]. Причину неубедительности, неясности идей Данилевского Соловьёв видит в том, что тот изначально не дал чёткого определения культурно-историческому типу. Лишь при описании «мнимых законов» исторического развития, Данилевским конкретизируется самое понятие культурно-исторического типа: становится понятно, что главным «морфологическим признаком» культурно-исторического типа у Данилевского является язык. Поняв это, далее Соловьёв начинает резко критиковать этот принцип.

Если семитический язык подразделяется на три диалекта: северный (арамейский), средний (хананейский), и юж-

ный (арабский), а на самом деле, эти три отдела довольно близки между собою, и сродство их всегда непосредственно ощущалось, то тогда почему Данилевский не объединяет все семитические народы в единый культурно-исторический тип, но разделяет их на три типа? К тому же, финикийское наречие принадлежало не к северному диалекту, оно вместе с еврейским входило в средний диалект. Эти аргументы подводят В. Соловьёва к выводу об ошибочности классификации Данилевского.

Для более подробного и объективного рассмотрения недостатков самой концепции культурно-исторических типов Данилевского и её критики, к позиции В. Соловьёва подключим также взгляды его современника – Н.И. Кареева. Русский историк и философ, основоположник «Ecole Russe» («Русской школы») Н.И. Кареев в своей статье «Теория культурно-исторических типов» (1889), написанной сразу после выхода книги Данилевского, также задавался этим вопросом: «с одной стороны, очень близкие между собою в лингвистическом отношении племена, каковы индусские арийцы и иранцы, например, образовали два различные типа, а, с другой стороны, к одному типу отнесены романские и германские нации, сродство между языками которых непосредственно не ощущается, и опять-таки к одному типу отнесены вообще все православные народы?» [9]. Если язык действительно служит основанием для деления десяти культурно-исторических типов, то как избежать возникших непонятных моментов? Однако сам Данилевский не видел этих сомнительных и требующих дополнительных пояснений сторон своей концепции.

Итак, критике подвергаются оба «образовательных начала» культурно-исторических типов, описанных Н.Я. Данилевским, и такие высказывания выглядят последовательными и доказательными – как «общеизвестность», так и язык не могут служить единственно обоснованным принципом представленности культурных типов. Однако, на наш взгляд, сам критический подход также

требует тщательного разъяснения. Во-первых, может ли высказанная критика полностью дискредитировать теорию культурно-исторических типов Данилевского? Во-вторых, почему только язык в первом законе рассматривается как основание для классификации культурно-исторических типов? Формулировка этого закона также содержит важное уточнение о том, что племя, народ или объединение народов для включения в культурно-исторический тип должно быть «по своим духовным задачам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества». В-третьих, почему именно первый закон предопределяет понимание культурно-исторического типа, а другие – нет? В-четвёртых, правомерно ли изначально вычленение толкования термина «культурно-исторический тип» лишь из законов его развития?

Относительно поиска ответа на первый вопрос вновь обратимся к В. Соловьёву и Н.И. Карееву, как наиболее серьёзных критиков теории культурно-исторических типов Данилевского. Отметим, что их критика не выходит на полное отрицание плюралистического понимания истории Данилевским (даже Соловьёв не может до конца отрицать автономные культурно-исторические типы вне христианской идеи [5, с. 374]), она лишь фиксирует отсутствие прямой взаимосвязи между классификацией языков и классификацией историко-культурных типов, которую пытается узаконить Данилевский. Вл. Соловьёв доказывает, что классификация семитических диалектов не соответствует делению Данилевским десяти типов. Н.И. Кареев высказывает сомнение по поводу выделения близких по языку индийцев и иранцев в разные культурно-исторические типы, а не близких по языку римлян и германцев объединение в один культурно-исторический тип. Высказанные критические мысли Соловьёва и Кареева не мешают сделать объективные выводы о концепции Данилевского: 1) между классификацией языков и выделением культурно-исторических типов определённно существует связь;

2) эта связь конкретизируется в виде соответствия классификаций языков и культурно-исторических типов, т.е. каждый из десяти типов характеризуется одним языком. И именно второе положение вызывает критику В. Соловьёва и Н.И. Кареева. Таким образом, несмотря на несоответствие классификаций языков и десяти культурно-исторических типов, у нас всё равно остаётся возможность задаваться вопросом о том, каким образом связаны классификации языков и культурно-исторических типов.

По второму вопросу стоит вернуться к моменту о том, что у Данилевского важными «морфологическими признаками» самобытного культурно-исторического типа, помимо языка и принадлежности к конкретной языковой семье, являются также в духовном плане «способность к историческому развитию» и к «выходу из младенчества». И эти моменты уже не встают в жёсткое противоречие с историологией того же Кареева, по утверждениям которого каждый народ в силу своих прирождённых свойств и собственной культуры под воздействием особенностей внешней среды проживает собственную историю [9].

Третий вопрос касается критики В. Соловьёвым и Н.И. Кареевым выделения и описания Данилевским именно десяти культурно-исторических типов с опорой только на первый закон, без учёта остальных четырёх законов. Соответственно второму закону, цивилизационно развитие того или иного культурно-исторического типа возможно при наличии политической независимости народа/народов, в него входящих. По третьему закону, цивилизационное начало никак не может быть заимствовано народом одного типа у народа другого типа; каждый народ самостоятельно вырабатывает это начало под влиянием предшествовавших или современных цивилизаций. В соответствии с четвёртым законом, составляющие один культурно-исторический тип этнографические элементы должны сохранять свои свойства и независимость, которые и обеспечивают полноту, богатство и разнообразие цивилизации.

Последний, пятый закон исторического развития закрепляет представления Данилевского о том, что каждый культурно-исторический тип только один раз проходит периоды роста, цветения и плодоношения, после чего его жизненная сила истощается навсегда [1, с. 113–114]. Совершенно очевидно, что Данилевский в своих пяти закономерностях уделяет внимание не только языку, но также политической независимости народов (второй закон), непередаваемости цивилизационных начал между народами (третий закон), условиям полного расцвета цивилизаций (четвертый закон) и единичности процесса цивилизационного развития культурно-исторического типа (пятый закон). Однако все эти моменты не учитывались критиками при рассмотрении оснований выделения культурно-исторических типов. Причины такой позиции критиков остаются невыясненными, что заставляет задуматься над тем, содержится ли принцип выделения культурно-исторических типов в законах их развития? На видится в этом методологическое упущение со стороны и В. Соловьёва, и Н.И. Кареева.

Принцип деление культурно-исторических типов и его соотношение с пятью законами исторического развития по Данилевскому

В четвёртой главе своей книги Данилевский рассуждает о принципе научной классификации исторических типов, который должен соответствовать трём требованиям: «1. Принцип деления должен обнимать собой всю сферу делимого, входя в неё как наисущественнейший признак. 2. Все предметы или явления одной группы должны иметь между собой большую степень сходства или сродства, чем с явлениями или с предметами, отнесенными к другой группе. 3. Группы должны быть однородны, то есть степень сродства, соединяющая их членов, должна быть одинакова в одноименных группах» [1, с. 98]. Но это скорее описание требуемых условий без подробного разъяснения содержания самого

принципа. Поэтому при обсуждении этого вопроса следует обратить внимание не столько на эти три требования, сколько на понятие «естественной системы», которое обсуждается далее Данилевским. Дефиниция «естественная система» перенесена им из ботаники и зоологии. Для Данилевского, окончившего физико-математический факультет и защитившего магистерскую диссертацию по ботанике, был близким и понятным подход к классификации культурно-исторических типов как к «естественной систематизации», включающей в себя элементы, по закономерностям своего существования схожие с биологическими или зоологическими организмами. Потому как сами «растения и животные представляют собой не хаос разнообразных случайных форм», а имеют признаки сходства и особенности для деления в соответствии с «сутью выражения глубокого внутреннего плана» [1, с. 96]. План этот, или внутренняя идея, реализуется под воздействием внешних условий и в соответствии с её сущностью для каждого организма. Так и культурно-исторические типы можно «группировать» или разделять тем или иным образом – на основе признаков сходства и особенностей деления. Рассуждения Данилевского о «естественной системе» основаны на утверждении, что определяющим принципом научной классификации может быть только внутреннее устройство или план предмета, или явления. С онтологической точки зрения, внутреннее устройство или внутренний план является именно творческой идеей, которая может воплощаться во всём разнообразии, какое только допускается как внешними условиями, так и внутренней сущностью самой идеи, а воплотившаяся идея и есть предметы или явления, которые подлежат классификации.

Очевидно, пять законов исторического развития не затрагивают эту идею. Это вполне понятно, потому что преимущественно эти пять законов обобщают закономерности развития культурно-исторических типов в целом, т.е. механизм воплощения творческой идеи как таковой. Сам же поиск принципа выде-

ления Данилевским десяти культурно-исторических типов в этих пяти законах выглядит ошибочным.

Такой вывод, однако, не означает бесполезности этих законов для понимания самобытной идеи каждого культурно-исторического типа. Они представляют интерес в части описания цивилизации и толкования цивилизационного развития. Напомним, что понятия «цивилизация» и «культурно-исторический тип» у Данилевского не равнозначны, хотя некоторые исследователи ошибочно полагают, что эти понятия у Данилевского тождественны. Этой позиции придерживаются: Д. Кузнецов, написавший предисловие к одному из изданий книги «Россия и Европа» [10], Б.В. Балуев [11], китайские исследователи Сунь Фан [12] и Ду Юйпэн [13]. Такому подходу изначально способствует сам Данилевский, который порой использует эти термины без чёткого различения их содержательного контекста: например, при перечислении десяти культурно-исторических типов он описывает их как, «культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке...» [1, с. 109], или, рассуждая о разнообразии форм исторической жизни человечества внутри культурно-исторических типов, Данилевский пишет: «только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации, и можно отличать те формы исторического движения...» [1, с. 106]. Но в то же время, при тщательном прочтении текста Данилевского становится однозначным понимание этих категорий: цивилизация – это только один из периодов развития культурно-исторического типа, точнее, цивилизация – это третий из четырёх периодов развития культурно-исторического типа, в котором он достигает вершины своего развития и после которой начинает проживать упадок. Продолжительность этапа цивилизации очень короткая, но интенсивность этого периода очень высокая, поэтому силы для развития культурно-исторического типа быстро исчерпываются, а восстановление их невозможно. Для Данилевского цивилизация является воплоще-

нием всех творческих сил народа, позволивших ему через осуществление разнонаправленной духовной деятельности пройти путь от «бессознательной чисто этнографической формы быта» до «самобытной политической единицы». Завершение этапа цивилизации может проявиться в двух вариантах: либо успокоением на достигнутом и постепенным дряхлением «в апатии самодовольства»; либо «апатией отчаяния», причиной которого становится осознание неразрешимых противоречий, указывающих на недостижимость идеала или его ошибочность [1, с. 131]. У Б.В. Балуева, историка и автора глубокого научного исследования трудов Н.Я. Данилевского и его критиков, также находим этому подтверждение: «период «расцвета» и плодоношения Данилевский и считает цивилизацией культурно-исторического типа. Т.е. он разделяет эти два понятия, считая цивилизацию вершинной частью в развитии культурно-исторического типа» [11, с. 91–92].

Для культурно-исторического типа период цивилизации занимает особое место – с формированием этого этапа можно определить появление самобытного культурно-исторического типа. Утверждение возникновения самобытного культурно-исторического типа невозможно ни на первом, ни на втором этапе. Когда один или объединение народов находятся на ступени организации «бессознательной чисто этнографической формы быта», по Данилевскому, они ещё не составляют самостоятельный культурно-исторический тип, представляя собой лишь этнографический материал. Вариантов «биографии» у таких народов три: они либо накапливают силы для развития и оформляются в политическую единицу, реализуя сценарий как «положительных деятелей в истории человечества» (греки, римляне, египтяне), так и «отрицательных деятелей» (гунны, турки, монголы), либо, не имея сил для политической независимости, вынуждены принимать чужие конструктивистские принципы и служить материалом для целей других народов. Если даже народ/народы приобретает

политическую независимость и формирует политическую единицу, это тоже не может являться подтверждением возникновения самобытного культурно-исторического типа. Данилевский обосновывает это положение примером культурно-исторического пути финских племён [1, с. 111–112].

Цивилизация – это период полного расцвета культурно-исторического типа, максимального воплощения его творческой идеи. Такое представление позволяет определить целесообразность определённого методологического подхода: для понимания содержания творческой идеи конкретного культурно-исторического типа вполне возможно начать с изучения периода цивилизации этого типа.

Заключение

Выделяя язык в качестве единственного «морфологического признака» выделения Н.Я. Данилевским десяти культурно-исторических типов, критики его «естественной систематизации» (В. Соловьёв, Н.И. Кареев и др.) настаивают на несоответствии между квалификацией языков и культурно-историческими типами. Однако такой подход выглядит сомнительным и требует дополнительной аргументации, поскольку Данилевский, помимо языка, указал также внутреннюю творческую идею конкретного культурно-исторического типа как основу его «биографии» развития. Поиск критиками принципа выделения культурно-исторических типов в законах развития культурно-исторических типов также представляется необоснованным. Результативным в получении объективных знаний о различных культурно-исторических типах может стать методологический подход, основанный на всестороннем изучении периодов цивилизации в историческом развитии каждого из них.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993, 2000. – 480 с.

3. Асланов Ибрагим Кибар Оглы. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Философия и общество. 2002. № 1 (26). С. 164–181.

4. Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке // Мир России. Т. 1. 1992. № 1. С. 163–216.

5. Соловьёв В.С. Россия и Европа // Соч. в 2 т. Т. 1. Философская публицистика. – М.: Правда, 1989. – 689 с.

6. 丁海丽, 丹尼列夫斯基的文明形态史观理论及其价值 学术交流, 2012年2月, 第2期, 第11–13页. (Дин Хайли. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и её ценность // Академический обмен. 2012. № 2. С. 11–13.)

7. Шабурова М.А. Роль языка в формировании культурно-исторического типа // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21) С. 158–163.

8. 安德烈·瓦基莫维奇·斯米尔诺夫著, 陈红译, 尼·雅·丹尼列夫斯基的文化历史类型概念 国外理论动态, 2020年第2期, 第127–134页. (Смирнов А.В. Н.Я. Данилевский: Концепция культурно – исторических типов // Теоретические тенденции за рубежом. Перев. с русс. яз. Чэнь Хун. 2020. № 2. С. 127–134.)

9. Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов // «Русская Мысль», кн. IX, 1889. – URL: <https://danilevsky.ru/wp-content/uploads/2020/01/kareev.-teoriya-kulturno-istoricheskikh-tipov..docx> (дата обращения: 09.02.2024).

10. Кузнецов Д. Предисловие // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 5–10.

11. Балувев Б.В. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». – Тверь: Изд. дом «Булат», 2001. – 418 с.

12. 孙芳, 丹尼列夫斯基的“文化历史类型”理论及其现实意义 西北师大学报 (

- 社会科学版), 2008年3月第45卷第2期, 第1–5页。(Сунь Фан. Теория «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского и её актуальность // Вестник Северо-Западного педагогич. ун-та. Серия: Философские и общественные науки. 2008. № 2. С. 1–5.)
13. 杜宇鹏, 丹尼列夫斯基文化历史类型论及其当代影响 苏州大学学报(哲学社会科学版) 2019年第五期, 第14–15页。(Ду Юйпэн. Культурно-исторический тип Н.Я. Данилевского и его современное влияние // Вестник Сучжоуского университета. Серия: Философские и общественные науки. 2019. № 5. С. 14–19.)
  2. Hegel G.V.F. Lectures on the philosophy of history. – St. Petersburg: Nauka, 1993, 2000. – 480 p.
  3. Aslanov Ibrahim Kibar Ogly. Theory of cultural-historical types N. Ya. Danilevsky // Philosophy and Society. 2002. No. 1 (26). pp. 164–181.
  4. Pivovarov Yu.S. Nikolai Danilevsky: in Russian culture and world science // World of Russia. T.1. 1992. No. 1. pp. 163–216.
  5. Solovyov V.S. Russia and Europe // Op. in 2 volumes. T.1. Philosophical journalism. – M.: Pravda, 1989. – 689 p.
  6. 20122012页。(Dean Haili. Theory of cultural-historical types N.Ya Danilevsky and its value // Academic exchange. 2012. No. 2. P. 11–13.)
  7. Shaburova M.A. The role of language in the formation of a cultural-historical type // Vestnik Nizhny Novgorod. University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2011. No. 1 (21) pp. 158–163.
  8. 安德烈·瓦基莫维奇·斯米尔诺夫著, 陈红译, 尼·雅·丹尼列夫斯基的文化历史类型概念 国外理论动态, 2020年第2期, 第127–134页。(Smirnov A.V. N. Ya. Danilevsky: The concept of cultural and historical types // Theoretical trends abroad. Translated from Russian. Chen Hong. 2020. No. 2. P. 127–134.)
  9. Kareev N.I. Theory of cultural and historical types // “Russian Thought”, book. IX, 1889. URL: <https://danilevsky.ru/wp-content/uploads/2020/01/kareev.-teoriya-kulturno-istoricheskikh-tipov..docx> (access date: 02/09/2024).
  10. Kuznetsov D. Preface // N. Ya. Danilevsky. Russia and Europe. M.: Institute of Russian Civilization, 2008. pp. 5–10.
  11. Baluev B.V. Disputes about the fate of Russia: N. Ya. Danilevsky and his book “Russia and Europe”. – Tver: Publishing house. house “Bulat”, 2001. – 418 p.
  12. 孙芳, 丹尼列夫斯基的“文化历史类型”理论及其现实意义 西北师大学报(社会科学版), 2008年3月第45卷第2期, 第1–5页。(Sun Fan. The theory of “cultural-historical types” of N. Ya. Danilevsky and its relevance // Bulletin of the North-Western Pedagogical University. Series: Philosophical and social sciences. 2008. No. 2. P. 1–5.)
  13. 19年第五期, 第14–15页。(Du Yupeng. Cultural and historical type N.Y. Danilevsky and his modern influence // Bulletin of Suzhou University. Series: Philosophical and social sciences. 2019. No. 5. pp. 14–19.)

ON THE PRINCIPLE OF THE DIVISION OF CULTURAL-HISTORICAL TYPES BY N.I. DANILEVSKY

Wang Qiang

Capital Normal University

The article examines critical approaches to the theory of cultural and historical types by N.Y. Danilevsky, as well as to the description of language as the basis for the identification of ten cultural and historical types. Special attention is paid to the views of N.I. Kareev and V. Solovyov, marked by the most radical approach to the consideration of Danilevsky's concept and the characterization of the principles of his classification. The author dwells in detail on the description of the foundations of the “natural systematization” of cultural and historical types, the requirements for the principle of scientific classification and the laws of cultural and historical development formulated by Danilevsky and criticized by Solovyov and Kareev. The conclusions from this study were the following conclusions: 1) the principle of dividing cultural and historical types is not only the language, but the inner creative idea of these types; 2) as a methodology for obtaining objective knowledge about various cultural and historical types, an approach based on a comprehensive study of the periods of civilization in the historical development of each of them can be used.

Keywords: N. Y. Danilevsky, civilization, cultural and historical type, “natural system”, language, inner creative idea.

References

1. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. – 816 p.

Национальное самосознание: факторы формирования и элементы проявления

Петрова Елена Игоревна,

к.ф.н., доцент кафедры правовых и политических наук ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Исследование направлено на рассмотрение национального самосознания и элементов, на основе которых такое сознание появляется и факторов его формирования. В процессе исследования было приведено определение основополагающей сущности самосознания, его характерных черт, элементов и выполняемых функций, а также определены действия факторов, оказывающих непосредственное влияние на самосознание на национальном уровне. Помимо этого, были выделены основные части национального самосознания, выраженные в проявлениях такого явления на практике. Отдельное внимание уделяется элементам и функциям самосознания национальной направленности, что играет существенную роль в формировании всей нации в целом. Национальное самосознание является неотъемлемой частью любой нации, ведь именно на её основе происходит формирование многочисленных аспектов становления религии, ценностей, ориентиров, понятий и многого другого.

Ключевые слова: самосознание, сознание, этническое самосознание, национальное самосознание, общественное сознание, психология.

Конец прошлого тысячелетия понес за собой различные изменения и преобразования, модификации и модернизации в социальной, культурной, духовной, политической и экономической сферах жизни нашего государства, что породило высокую актуальность изучения и анализа понятия термина «идентичность» как социокультурного феномена. Другими словами, высокий интерес к этому вопросу просматривается в различных социально-философских и теоретико-концептуальных дискурсах во всем мире. Перед большинством современных государств последние четыре десятилетия стоит вопрос соответствия политической системы, которая базируется на универсальных ценностях, и чувством идентичности личности, которое определяет ее принадлежность к тому или иному сообществу.

Основу человеческой идентичности во всем мире главным образом составляют ценности, общечеловеческие взгляды, интересы, обычаи и традиции, что имеет огромное значение для объединения общества, этнической группы или нации в единое целое под давлением процессов развития государств, наднациональных групп и гражданского общества в целом.

В современном понимании анализ теоретико-методологических основ содержания этнического и национального начал мирового сообщества следует осуществлять в сцепке природных и искусственно созданных факторов в формировании наций, взаимодействия и культурного влияния, соотношения нации и государства, коллективных представлений и системы социальных связей.

Нация как историческая общность людей, сложившаяся на определенной территории в процессе своего становления, а также формирования особенностей культуры, основана на его этническом значении и синонимично с по-

нятием «этнос». Следует отметить, что контекст понятий «этнос» и «нация» несет в себе некую связь. Так, вне зависимости от условий развития общества и общественного сознания в целом термин понятия «нация» всегда несет в себе следующие условия: гражданство, общее волеизъявление, массовое участие всех слоев населения в делах государства, в политической жизни страны. Таким образом, следует сделать вывод, что нация в современном понимании представляет собой сознательно сконструированное сообщество.

Национальная идентичность является одной из составляющих идентичности человека, которая связана с принадлежностью его к определенной нации, культуре, стране. Она не является прирожденной чертой личности, а проистекает из осознания общности культуры, языка, истории с определенной группой людей. Разделение человечества на нации является закономерным и естественным процессом. Каждой нации свойственна самобытность, свойственна определенная идентичность. Государство является определяющим условием для полноценного функционирования нации, а нация, в свою очередь, является источником политической власти в обществе.

Наступивший век, в котором процессы глобализации, интеграции, унификации интенсифицировались не только в политике и экономике, но и в социально-культурной жизни человека, особенно ярко раскрыл проблемы сосуществования людей, разных этнических и национальных групп в мире. Так, следует отметить, что в современном мире самосознание существует как социальное явление лишь в том случае, если оно в любых исторических формациях реализует в себе органическое единство теоретического и практического, индивидуального и коллективного, современного и исторического.

Основной целью проводимого в статье исследования является рассмотрение национального самосознания, а также элементов, на основе которых такое сознание появляется и факторов его

формирования. Поэтому были намечены к решению следующие задачи:

- провести определение основополагающей сущности самосознания, его характерных черт, элементов;
- выявить оказывающие влияние действия факторов, оказывающих непосредственное влияние на самосознание на национальном уровне;
- выделить основные части национального самосознания, выраженные в проявлениях такого явления на практике.

Исторически сложилось так, что разные этнические группы осознавали бытие ещё со времён учений Карла Маркса. Учёный, вместе с Фридрихом Энгельсом, рассуждал о том, что в теории существуют два понятия: национальное создание и сознание племенное [8]. При этом, первое понятие нередко можно было заметить в высказываниях Ленина В.И., когда речь заходила про национальные аспекты [7, с. 419]. В рамках научных пониманий Кушнер П.И. разработал обобщающее понимание «этническое самосознание», которое могло бы быть использовано для любой этнической общности вне зависимости от её вида. Таким образом, была отмечена существенная роль понятия [6].

Немного позднее Чебоксаровым Н.П. понятие было отнесено к характеристикам этничества [13]. После этого, исследователем Козловым В.И., характеристика этнического самосознания была выдвинута в качестве основной относительно этноса [3, с. 103]. Подобное мнение было сформулировано Шелеповым Г.В. [15, с. 71]. Следует отметить, что в рамках 1960 годов самосознание в рамках национального уровня достаточно полно прослеживалось в научной литературе [9, с. 25].

Тем не менее, многочисленные разногласия можно встретить между национальным и этническим самосознанием и сознанием. В большей степени разногласия базируются на сложности понятий и явлений, определение которых авторы пытаются сформулировать. Помимо указанных разногласий, можно встретить различность в трактовках

понимания этноса и нации, а также сознания и самосознания. Нередко авторы предпринимают попытку отнесения этнического самосознания к элементам национального [1].

К основной отличительной черте следует отнести то, что сознание в большей степени подразумевает знание о другом человеке или явлении, в то время как самосознание представляет собой знание конкретно о себе [9, с. 25]. Так, можно сделать вывод о том, что мнения основаны на общественной форме выражения обоих пониманий, когда самосознание представляет собой наличие знаний об общности самого человека, либо об общности других людей, если речь идёт об общем сознании.

Даже в самом определении самосознания заложено сразу два термина: самосознание и сознание. Ведь животного от человека отличает именно отсутствие сознания. Человек способен сформироваться как личность, посредством занятия различной деятельностью, общения и другими видами активности. Так, при наличии сознания будет сформировано и самосознание. А посредством самосознания, человек способен: сформировать личные идеалы и интересы; показать себя в мире многонациональном; выразить личное отношение к другим национальностям; выразить отношение к государствам и другое. На основании этого многие исследователи считают национальное самосознание основой культуры национального характера.

Тем не менее, точное определение понятий национального этнического самосознания в большей степени имеет зависимость от понимания нации и этноса.

Так, национальное самосознание является одним из основных элементов в цепочке: «этническое самосознание – национальное самосознание – общечеловеческое самосознание» (П.Е. Астафьев, Б.Т. Лихачёв, В.М. Межуев и др.).

По сути, самосознание национального характера может быть выражено во мнениях, чувствах, взглядах, идеях, настроении, характерных чертах и других аспектах. Помимо этого, оно выража-

ется через историю, направления развития, расположении как на государственном, так и на национальном уровне [10].

Под национальным самосознанием следует понимать осознание идентичности, наследия культурного характера, прошлого в историческом понимании. На основании этого у личности формируется солидарность, национальное единство народа. На базе национального самосознания происходит определение человека в обществе, место и роль в будущем всей страны и своего народа.

Также формируется уважение людей друг к другу, а также выстраивание пониманий и терпимости между собой. Так, национальное самосознание можно считать основой национального сознания, выраженной в качестве системы отношений оценочного характера и рационально-ценностных представлений, столь необходимых при самоопределении человека в рамках: социальной, политической и духовной жизни человека.

Национальное сознание, по сути, выражает общие понимания национально-этнических групп, в то время как самосознание представляет собой более узкое персональное понятие, определяющее уровень общего национального сознания в рамках одного индивида [14].

Здесь следует выделить понятие нации, как исторически сложившуюся форму общности людей с определёнными особенностями, характерными чертами которой являются: общее территориальное расположение; общность культурных аспектов; наличие общего языка.

Для каждой нации характерны различные формы национального самосознания, а также духовная составляющая жизни людей. Таким образом, самосознание не может быть отдельно от нации и способно убедить в отличительных особенностях национальной группы, которая проявляется в многочисленных аспектах, в том числе в языке, традициях, обычаях, религии и других.

При самопознании существенное влияние оказывают национальное настроение и чувства, которые способны сформировать определенного рода

эмоции, выражающиеся по отношению к этносу.

В рамках выражения национальных чувств могут быть проявлены ценностные отношения [2, с. 149].

Основой многоуровневости и многоформности национального самосознания является разносторонность культуры и политики. Следует подчеркнуть, что представители других народов и наций могут не понимать и не принимать многое из культурного и духовного наследия людей, представляющих другие этнические и национальные группы. Тем не менее, самосознание нации и есть основной аспект для ее социализации в мировом сообществе.

Можно выделить несколько основных этапов, связанных с процессом формирования национального самосознания в качестве представителей национальности:

- национальная самоидентификация, которая подразумевает под собой осознание национальной принадлежности индивида;
- этап развития интернационального и национального аспекта;
- становление сознания патриотического характера, выраженного через формирование отношения к Родине, народу, определенным ценностям и понятиям, патриотизма, исторического самосознания;
- сформированность отношения к другим национальным группам, воспитанию, межнациональному общению;
- сформированность культуры политического характера в рамках отношений национальных в гражданской деятельности [10].

Под национальным самосознанием следует понимать образование духовного характера, имеющего связь непосредственно с сознанием нации и идентификацией личности. Из этого делается вывод о приемлемости определения, когда под рассматриваемым явлением понимается осознание человеком личной принадлежности к конкретной национальности.

В рамках исследования необходимо отдельно выделить основные аспекты,

способные оказать существенное влияние на самосознание национального характера, среди которых основными являются: условия, в которых находится человек, социального и экономического характера; этническая среда нахождения человека; ценности и традиции, свойственные непосредственно определенной этнической группе; разного рода идеи социального характера, сформированные при развитии государственного строя, коммуникаций и институтов разных уровней; религиозное мировоззрение и чувства, связанные с политическими аспектами; процесс миграции и её уровень в конкретном местоположении; контакты между различными этническими группами; институты государства и институт семьи; действующая система образования, включающее в себя методы и способы воспитания и обучения; сложившейся образ жизни людей; деятельность и уровень культурных учреждений; деятельность средств массовой информации и их уровень в конкретном местоположении и многое другое.

Таким образом, каждый из указанных выше аспектов, выраженных факторами влияния, способны существенно отразиться на самосознании национального масштаба. Так, можно отметить значимость разного рода условий, особенностей развития и других моментов влияния на формирование этноса в конкретном регионе.

При этом, указанные аспекты могут двояко оказать влияние на этнос, а именно:

- благоприятно сблизить людей, сформировать достойный уровень патриотизма, любви к родине, взаимного отношения между людьми различных этнологических групп;
- неблагоприятно отразиться на народах, тем самым сформировав враждебные отношения, фашистское стремление и другие негативные последствия взаимоотношений [11].

В историческом плане основополагающей стратегической детерминантой развития национального самосознания являются реальные материальные, исторически обусловленные потребно-

сти развития общностей, что связано с формированием экономических общностей, которые относятся к одним национальным группам. Это определяется прежде всего общностью территории, на которой формировалось единое общее рыночное экономическое пространство. Именно экономический фактор является основополагающим для образования нации.

Посредством принадлежности к определённым этническим группам, формируются интересы и идеалы, свойственные для людей этой нации. Как правило, выбор таких идеалов базируется на едином самоназвании народа, а также происхождении индивидов, принадлежащих к определённой группе, территории расположения.

Существенное влияние на самосознание национального характера способны оказать воззрения религиозные, в большей степени определяющие характерные особенности менталитета.

Помимо этого, влияние оказывают идеи социального масштаба, сформированные посредством развития государства с точки зрения экономики, политики и культуры.

Среди компонентов, которые можно выделить в самосознании, теория выделяет сразу несколько видов: элементы рационального и эмоционального характера. К примеру, исследователь Ольшанский Д.В., в своих исследованиях под национальным самосознанием понимает некую группу взглядов, отношений, оценок и умозаключений, отражающих представления людей нации об истории, развитии, других общественных объединениях.

Эмоциональные элементы при этом содержат в себе сопереживание личного единства нации другим, в то время как рациональные представлены самой принадлежностью к нации.

Так, нация проходит процесс обогащения, развивается и достигает пика организации в соответствии с целями и задачами своего становления. Так, выражаются лидеры, которые привержены идеи воплощения национальных интересов [11].

Базируясь на проведённом исследовании, можно отметить, что отражается самосознание национального характера в эмоциях, мнениях, чувствах и идеях, тем самым демонстрируя особенности представлений нации и её отличие от других национальных групп. Помимо этого, происходит становление мнения относительно истории, ценностях, интересах и перспективах развития нации как в настоящем времени, так и в долгосрочной перспективе [10].

Рассматривая теоретические воззрения на структуру самосознания национального характера, можно отметить, что одним из элементов проявления национального самосознания выступает национальное чувство, которое выражает как эмоциональное отношение к собственной этнической действительности, так и к характеру межнациональных отношений, войнам, национальной экспансии. Другими словами, основным критерием объединения индивидов в группы по национальному фактору имеет то, что они чувствуют по отношению к повседневным вещам, какой образ жизни они ведут, какие поступки совершают и как оценивают совершенные другими поступки.

Отмечается, что отношение к собственной нации, чувства, которые индивид испытывает в ключе национального самосознания могут быть не только положительными, такими как патриотизм, братство, гордость и дружба, но и отрицательными, негативными: национальное превосходство, рознь, отчуждение, гнев, национализм, шовинизм, оценка по расовому и гендерному признаку [2, с. 150].

Наиболее обобщёнными формами и принципами общественных отношений, которые передаются из поколения в поколение и охраняемые силой общественного мнения по мнению многих ученых (А.К. Алиев, Н.С. Сансенбаев, Н.Д. Джандильдин) выступают обычаи и традиции, неразрывно связанные с национальными чувствами. Традиции не могут существовать без обычаев, а обычаи без традиций, поэтому данные понятия взаимообусловленные,

взаимосвязанные и взаимопереходящие. Обычаи и традиции формируются в процессе эволюции длительное время, передаются из поколения в поколение, закрепляются в сознании и отражаются в поведении людей, становятся духовной потребностью людей и могучим средством их объединения и сплочения. Таким образом, можно отметить, что национальные традиции – это исторически сложившиеся устойчивые взгляды и чувства людей, которые отличаются твердой преемственностью и устойчивостью и закреплены в обычаях и правилах поведения. Так, формирование и установка жизненных ценностей и убеждений часть происходит под их влиянием [5, с. 43–45].

При общении с представителями других наций, люди воспринимают сложившиеся обстоятельства специфически и действуют своеобразно в соответствии с национальными установками. Определение национальной установке впервые дала Л.М. Дробижева, определив ее как готовность представителя определенной нации к своеобразному действию, поведению в межнациональных контактах. Следовательно, национальные установки можно считать составной частью национального самосознания, которая формирует его определенный настрой, вызывает к жизни соответствующие социальным нормам стереотипы поведения и действий.

В современной науке отмечается, что главным объединяющим нацию фактором выступают ее общие национальные интересы, которые могут включать в себя политические взгляды, религиозные воззрения, образы средств массовой информации, систему и подходы к образованию и воспитания и т.д. Попытки ущемить интересы нации рассматриваются членами сообщества как покушение на их свободу и жизненные права. Так, национальные интересы русского народа всегда выражаются в его стремлении жить в мире с представителями других наций, сохранять атмосферу дружбы и взаимопомощи в сплоченном многонациональном российском обществе.

Однако основную выраженность жизни нации обеспечивают национальная культура и язык. Совокупность материальных и духовных ценностей нации, основные способы взаимодействия с природой и представителями иных этнических сообществ – это и есть национальная культура.

Занимательно, что формирование культур происходит именно под воздействием разного отношения этносов и наций к одним и тем же явлениям в мире и обществе. Другими словами, основой культурного становления является поведение человека, его образ жизни. Например, культура Запада направлена на воспитание индивидуализма и чрезмерного самолюбия, восточная культура же акцентирует внимание на подчинение личных интересов ценностям группы, а русская культура ставит в приоритет на формирование личности, подчиняющей свои действия и поступки обществу в целом.

Следует отметить, что национальный язык выступает одним из важнейших факторов передачи наследия из поколения в поколение в рамках определенной нации. Национальный язык рассматривается как главный структурный компонент национального единства человека, он позволяет передавать традиции и обычаи в их изначальном, первобытном виде, такими, какими они были сформированы при становлении нации.

По мнению А.Д. Карнышева национальная самооценка бывает: заниженная, адекватно низкая, адекватно высокая и завышенная. Как заниженная, так и завышенная самооценки одинаково неадекватно сказываются на поведении личности. Первая опасна тем, что личность с заниженной самооценкой ведет себя инертно, пассивно, не стремится изменить создавшееся положение и может стать орудием в действиях непорядочных людей. Завышенная самооценка не менее опасна. Такая оценка, естественно, детерминирует соответствующее поведение по отношению к другим людям [5, с. 46–47].

Уровень самооценки и самоуважения личности напрямую связан с чувством

национального достоинства. Чем больше развито в нации чувство своего достоинства, тем быстрее и чаще представители этой нации переносят эту значимость на уровень своего самоуважения.

В качестве составляющих чувства национального достоинства можно назвать гордость делами и духовным богатством своего народа, своих предков, уважение к обычаям и традициям, любовь к родному краю, почитание в качестве образцов культуры фольклорных музыкальных, поэтических, изобразительных, литературных произведений, выражение почтения к их авторам. Патриотические чувства любви к своей Родине и народу, осознание принадлежности к определенной нации – это и есть национальная гордость.

Термин «национальная гордость» в современном мире можно рассматривать с точки зрения его схожести с понятием патриотизм, которое произошло от греческого слова «родина». Так, определение термина «национальная гордость» заключается следующем: это многогранное и многофакторное «явление общественного сознания, связанное с любовью к своему Отечеству, преданности Родине, гордостью за ее прошлое и настоящее, готовностью служить интересам Родины и защищать ее от врагов, любовью к своему народу» [5, с. 47–48].

В настоящее время особенности национального самосознания, как одной из составляющих национального характера, является важной задачей тех сил, чьи усилия направлены на обеспечение бесконфликтного общественного развития.

Таким образом, характеризуя национальное самосознание, можно сказать, что оно является важнейшим фактором характеристики нации как общности и человека как члена этой общности.

На основе всего вышесказанного, следует сделать ряд определенных выводов:

- национальное самосознание – это сложное духовное образование, связанное с сознанием нации и с самоидентификацией личности, то есть –

это осознание людьми своей принадлежности к определенной нации;

- национальное самосознание формируется под воздействием следующих факторов: социально-экономические и исторические условия жизнедеятельности; этническая среда; этнокультурные традиции и ценности; социальные идеи; политические чувства, религиозные воззрения; миграционные процессы; активные межэтнические контакты; государство и его институты; система образования (обучение и воспитание); достигнутый образ жизни; СМИ, учреждения культуры и т.д.;
- элементам проявления национального самосознания, которые и являются его проявлениями можно считать: национальное чувство, национальные традиции, национальные вкусы, национальные интересы, национальную культуру и язык, национальную самооценку, национальное достоинство, национальную гордость, патриотизм.

Литература

1. Бромлей, Ю.М. Очерки теории этноса. / Ю.М. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 142 с.
2. Кекеева, С.Н. Сущность, структура и функции национального самосознания/ С.Н. Кекеева// Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 6. – С. 148–153.
3. Козлов, В. И. О понятии этнической общности. / В.И. Козлов – СЭ, 1967, № 2, – С. 100–111.
4. Крупник, Е.П. Национальное самосознание. Введение в проблему: монография/ Е.П. Крупник. – М., 2006. – 144 с.
5. Крысько, В.Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ В.Г. Крысько. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
6. Кушнер Я. // (Кнышев). Национальное самосознание как этнический определитель. – Краткие сообщения ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1949, VIII, с. 3; Он же. Этнические территории и этнические

- границы. – Труды ин-та этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. М., 1951, нова серия, том XV.
7. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1958–1965. Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина. Ч. 1. Предметный указатель. – 1969. – 730 с.
  8. Маркс, К. Собрание сочинений/ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 602; Т. 3. С. 30; Т. 8. С. 54; Т. 9. С. 8; Т. 41. С. 129, 130 Издание второе, 1955–1974 гг.
  9. Маркс, К. Собрание сочинений/ К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.
  10. Национальное самосознание// Этнопсихологический словарь [Электронный ресурс]. – 1999. – URL: http://ethnopsychology.academic.ru/240/национальное_самосознание. – (дата доступа: 19.12.2011).
  11. Сущность национального самосознания и его компоненты // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zavtrasessiya.com/consp/bel/10.html>. (дата доступа: 19.12.2011).
  12. Хабибулин К.Я. Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. / К.Я. Хабибулин. // учебное пособие. Пермь, 1974. – 136 с.
  13. Чебоксаров, Н.П. Проблемы происхождения древних и современных народов [Текст]: (Вступительное слово на симпозиуме) / Н.Н. Чебоксаров. – Москва: Наука, 1964. –19 с.; 20 см. – (Доклады / VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. (Москва, авг. 1964 г.); 391).
  14. Чеснокова, В.Ф. Юзеф Халасинский. Формирование национального самосознания/ В.Ф. Чеснокова// ПОЛИТ.РУ [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: <http://www.polit.ru/article/2008/11/25/sots/>. (дата доступа: 19.12.2011).
  15. Шелепов Г.В. Общность происхождения – признак этнической общности. / Г.В. Шелепов. – СЭ, 1967. – № 2. – С. 71.

NATIONAL IDENTITY: FORMATION FACTORS AND ELEMENTS OF MANIFESTATION

Petrova E.I.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The study is aimed at considering national identity and the elements on the basis of which such consciousness appears and the factors of its formation. In the process of the study, a definition was given of the fundamental essence of self-awareness, its characteristic features, elements and functions performed, as well as the actions of factors that have a direct impact on self-awareness at the national level. In addition, the main parts of national identity, expressed in the manifestations of this phenomenon in practice, were identified. Special attention is paid to the elements and functions of national identity, which plays a significant role in the formation of the entire nation as a whole. National identity is an integral part of any nation, because it is on its basis that the formation of numerous aspects of the formation of religion, values, guidelines, concepts and much more takes place.

Keywords: self-awareness, consciousness, ethnic identity, national identity, social consciousness, psychology.

References

1. Bromley, Yu.M. Essays on the theory of ethnicity. / Yu.M. Bromley. – М.: Nauka, 1983. – 142 p.
2. Kekeyeva, S.N. Essence, structure and functions of national identity / S.N. Kekeyeva // Bulletin of the Stavropol State University. – 2009. – No. 6. – P. 148–153.
3. Kozlov, V.I. On the concept of ethnic community. / IN AND. Kozlov – SE, 1967, No. 2, – P. 100–111.
4. Krupnik, E.P. National identity. Introduction to the problem: monograph / E.P. Krupnik. – М., 2006. – 144 p.
5. Krysko, V.G. Ethnic psychology: Textbook. aid for students higher schools, institutions / V.G. Krysko. – М.: Publishing Center “Academy”, 2002. – 320 p.
6. Kushner Ya. // (Knyshev). National identity as an ethnic determinant. – Brief communications from the Institute of Ethnography named after. N.N. Miklukho-Maclay, 1949, VIII, p. 3; It's him. Ethnic territories and ethnic boundaries. – Proceedings of the Institute of Ethnography named after. N. I.

- Miklouho-Maclay. M., 1951, new series, vol-
ume XV.
7. Lenin, V.I. Complete works / Institute of
Marxism-Leninism under the Central Com-
mittee of the CPSU. – 5th ed. – Moscow:
Gospolitizdat, 1958–1965. Reference vol-
ume to the Complete Works of V.I. Lenin.
Part 1. Subject index. – 1969. – 730 p.
  8. Marx, K. Collected Works / K. Marx, F. En-
gels. Op. 2nd ed. T. 7. P. 602; T. 3. P. 30; T.
8. P. 54; T. 9. P. 8; T. 41. P. 129, 130 Sec-
ond edition, 1955–1974.
  9. Marx, K. Collected Works / K. Marx, F. En-
gels Op. 2nd ed. T. 3. P. 25.
  10. National identity // Ethnopsychological Dic-
tionary [Electronic resource]. – 1999. –
URL: http://ethnopsychology.academic.ru/240/national_identity. – (access date:
12/19/2011).
  11. The essence of national identity and its
components // [Electronic resource]. –
URL: [http://www.zavtrasessiya.com/consp/
bel/10.html](http://www.zavtrasessiya.com/consp/bel/10.html). (access date: 12/19/2011).
  12. Khabibulin K. Ya. Self-awareness and inter-
national responsibility of socialist nations. /
K. Ya. Khabibulin. // tutorial. Perm, 1974. –
136 p.
  13. Cheboksarov, N.P. Problems of the ori-
gin of ancient and modern peoples [Text]:
(Introduction speech at the symposium) /
N.N. Cheboksarov. – Moscow: Nauka,
1964. –19 p.; 20 cm. – (Reports / VII Interna-
tional Congress of Anthropol. and Ethnogr.
Sciences. (Moscow, Aug. 1964); 391).
  14. Chesnokova, V.F. Jozef Halasinsky. Forma-
tion of national identity / V.F. Chesnokova //
POLIT.RU [Electronic resource]. – 2011. –
URL: [http://www.polit.ru/article/2008/11/25/
sots/](http://www.polit.ru/article/2008/11/25/sots/). (access date: 12/19/2011).
  15. Shelepov G.V. Community of origin is a sign
of ethnic community. / G.V. Shelepov. – SE,
1967. – No. 2. – P. 71.

Социально-философский анализ теории и концепции социальных изменений и развития, современных общественно-политических процессов

Чеченов Аслан Магомедгериевич,

к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: a.chechenov@mail.ru

Кушхова Анежа Фёдоровна,

к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: Aneja2380@inbox.ru

Желиготова Радина Михайловна,

к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: zhelegotova@mail.ru

Атабиева Зарема Алихановна,

к.с.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова
E-mail: atab_zara@mail.ru

изменений характерно трансформироваться под воздействием определенного типа общества, для которого характерна определенная форма. Обозначается проблема модернизации в Российской Федерации, которая отличается существенной спецификой, что делает ситуацию в стране неповторимой и уникальной не похожей на соседние страны.

Ключевые слова: социальные изменения, трансформация, развитие, самоорганизация, институты, модернизация инновации, нововведение, эволюция, социокультурный эволюционизм.

Дается социально-философское обоснование таких теорий и концепций, как социальные изменения, трансформации и развитие современных общественно-политических процессов. Анализируется эволюционный подход в социальных науках, социокультурный эволюционизм, идеи линейного типа как движение вперед во времени и пространстве. Рассматриваются социальные изменения в теориях инновации, трансформации, модернизации, которые превращаются в особый фактор социального развития общества, Инновационная деятельности человека рассматривается как внесение разнообразных изменений и новых элементов – видов, методов, способов, повышающих результативность деятельности. Под социальной инновацией понимают формирование и внедрение принципиально новых социальных институтов и институционального взаимодействия, новых структур и механизмов общественного развития, основанные на особой роли изобретений, как источника социально-экономического, социально-политического прогресса. Социальная философия исходит из того, что динамика социальной жизни может меняться самым неожиданным образом, испытывая на себе влияние разных трендов. Как правило, для социальной динамики и социальных

Понятие «социальные изменения» – одно из наиболее распространённых и обобщено трактуемых социально-философских понятий. Объясняется это тем, что как раз социальная философия изучает фундаментальные основания социальной жизни, человеческого взаимодействия, развитие многообразия институциональных форм и общезжития, наиболее общие закономерности функционирования роста и эволюции социума. **Цель данной статьи социально-философский анализ теории социальных изменений в общественно-политических процессах. Даная цель предполагает решение следующих задач: проанализировать концепции эволюционного подхода в социальных науках, а также идею прогресса линейного типа как движение вперед во времени и пространстве, раскрыть теории циклического развития как альтернативу теории эволюционизма, рассмотреть и раскрыть социальные изменения в теориях инновации, трансформации, модернизации.**

Эволюционный подход в социальных науках берет свое начало и методологическое обоснования в теории Ч. Дарвина и социал-дарвинизма Спенсера [9]

Э. Дюркгейм раскрывал процесс социальных изменений как естественную механическую солидарность, основанную на сходстве индивидов и их общественных функций, к солидарности органической, основанной на разделении труда и дифференциации социальной, которая приводит к объединению людей в единый социум. [5, с. 18]. Согласно «историческому материализму» К. Маркса, производительные силы объективно и эволюционно развиваются, развивая способности человека воздействовать на окружающую среду. Дальнейшее поступательное развитие приводит к росту и развитию производительных сил что, обуславливает возникновение новых классов, базовые потребности и интересы которых вступают в противоречие с потребностями и интересами эконо-

мически и политически доминирующих классов, от которых зависят производственные отношений. В конечном итоге это приводит к возникновению антагонистических противоречий в обществе, что приводит к социальным конфликтам. Таким образом, у К. Маркса присутствуют как эволюционный, так и революционный подходы к анализу социальных изменений [14, с. 1, 4].

Для преодоления некоторых ограничений в концепции эволюционизма был выработан так называемый линейный тип социальных изменений. Линейный тип социальных изменений рассматривает историю развития человечества как целенаправленное движение. Линейный тип динамики социального движения возник вследствие результата влияния библейского богословия, учения теологов и воспринят в общественном сознании в идеях эволюционизма и прогресса. Линейный прогресс направлен в будущее, воспринимаемый как движение вперед во времени и пространстве [8, с. 30–51].

Наиболее ярким выражением линейных представлений являются идеи социокультурного эволюционизма. Александр Месуди утверждает, что человеческая культура представляет собой эволюционный процесс, который обнаруживает основные дарвиновские механизмы: изменчивость, конкуренцию и наследование [7, с. 11]. Согласно Дарвину, разнообразие и сложность природы можно объяснить с помощью достаточно простых принципов, действие каждого из которых можно раскрыть эмпирически. Во-первых, различия, которые существуют между индивидами; во-вторых, происходит «борьба за существование» в виду ограниченности ресурсов на данной территории; в-третьих, признаки передаются от родителей к потомкам в процессе размножения. Сам Дарвин в некоторых своих поздних работах проводил определённые параллели между природной эволюцией и развитием социумом [2, с. 90, 91].

Позже многие другие выдающиеся ученые делали подобные наблюдения – например, американский философ Уи-

лям Джеймс, представитель прагматизма и функционализма, которого принято называть «основателем психологии». В частности, он отмечал, что существуют заметная параллель между фактами социально эволюционного развития, и биологической эволюцией, как предлагал Дарвин [3]. Следовательно, можно утверждать, что развитие культуры, религии, знаний, технологий, социальных институтов происходит по принципам, описанным Дарвином.

Поиск новых альтернативных теорий эволюционизма, подходов к социальным изменениям, привел к обоснованию теории циклического развития и теории социального изменения Т. Парсонса

В концепции циклического развития эволюция общества, рассматривает социальные изменения по примеру с колебанием маятника. Которое оказалось, выведено из равновесия под действием каких-либо социальных процессов, колебательно двигается от одной точки общественного к другой, приостанавливается посередине и восстанавливает стабильность.

Даная теория раскрывает историю России как постоянное колебание «разобщённого общества» между полюсами противоположных идеалов. Собственно развитие представляет собой, постоянный поиск равновесия между этими полюсами, наиболее удачный – в период устойчивого развития страны и наименее удачный – в период кризисов [4].

Теория социального изменения Т. Парсонса строится на основе структурно функциональной мыслительной модели общества и его изменения по аналогии с кибернетической иерархией управленческих систем сложности. Глубокими изменениями, по мнению Парсонса можно считать те, что меняют культурную систему [11, с. 10]. Следующий вид социального изменения «изменение структуры» происходит, когда общественная система выходит из состояния равновесия слишком сильным становится давлением изнутри и вовне.

Система способна самоорганизоваться, что соответствует свободному развитию. Внешнее влияние необходимо учитывать, но его воздействие не в состоянии полностью изменить развития системы [1, с. 20].

Исследователи социальных изменений выделяют также инновационные изменения, которые превращаются в особый фактор социального развития [6, с. 16].

Практически во всех сферах деятельности человека инновационная деятельность рассматривается как внесение разнообразных изменений и новых элементов – видов, методов, способов, повышающих результативность деятельности.

Теория и методология инноваций основана на эволюционной модели развития общества. Теорию инновации объективно обусловило необходимость изучить поступательное развитие общества. В основу была поставлена роль изобретений, нововведений как источника социально-экономического, социально-политического прогресса. Обоснование эволюционного характера общественного развития, более подробно рассматривается в социальных теориях инновации. С позиции социальной философии как науки об обществе, изменения являются ключевой характеристикой эволюционного развития общества, социальных явлений и процессов. В теории социальной философии изучение социально-экономических изменений связывалось: с выявлением причин и закономерностей изменений и процессов, с обоснованием зарождения механизмов нового и дальнейшего его распространение и внедрение в общественную практику, выявление и проектно-прогнозное обоснование возможных социальных последствий.

Французский социолог Г. Тард считал, что социальное развитие, представляет собой определённую систему выбираемых и передаваемых человеком изобретений. Возникновение инновации происходит как результат творческой деятельности человека на необходимые потребности общественного и личност-

ного развития, инновация является заключительным продуктом изобретения, после его внедрения обществом [12, с. 45–46].

Наиболее важными для социального развития являются социальные инновации, которые носят комплексный характер, применяются во всех областях. Под социальной инновацией понимают формирование и внедрение принципиально новых социальных институтов и институционального взаимодействия, новых структур и механизмов общественного развития. Исследователи социальной инновации считают, что наиболее благоприятным периодом для принятия инновации этого типа является период социальной турбулентности, который наступает вследствие экономического кризиса. В период устойчивого общественного развития инновационные идеи могут быть не восприняты, не актуальны. В период социальных завихрений, как считают специалисты, инновации становятся фактором выхода из кризиса. Социальная философия исходит из того, что динамика социальной жизни может меняться самым неожиданным образом, испытывая на себе влияние разных трендов. Первоначально понятие «тренд» возникло в географическом расположении потока реки, океана, морского изгиба, поворота, а впоследствии это слово стало означать поворот и изменения в экономическом плане. Затем этот термин стали использовать многие науки, в том числе и философия, социология. Данное понятие трактовалось как смена социальных взглядов, процессов, происходящих в определенных сферах жизни общества. Например, Хосе Оргета-и-Гассет, в своей знаменитой книге «Восстание масс» отмечает, что в современных глобальных изменениях бюрократии западных институтов кардинально меняются и ценностные установки [10].

По нашему мнению, *тренд – это фундаментальные специфические черты социальной динамики, имеющие главные (целеполагающие) задачи для определенного этапа социального развития*

и сопряженные с ценностной и культурной ориентацией человека.

Исследователи в области социальной философии отмечают, что для социальной динамики и социальных изменений характерно трансформироваться под воздействием определенного типа общества, для которого характерна определенная форма [13, с. 169].

В заключение следует сказать, что в России, некоторые важные процессы обладают существенной спецификой, что делает ситуацию в стране неповторимой и уникальной не похожей на соседние страны. Анализ социально-трансформационных процессов в разных регионах мира указывает на существенные цивилизационные различия, подтверждает убедительность аргументов в пользу своеобразия российских трансформаций и в историческом прошлом, и в предстоящем будущем.

Литература

1. Гриценко В.П. Социальная семиотика. / В.П. Гриценко. – Екатеринбург: Ин-т междунар. связей, 2006. – 243 с.
2. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь: Пер. с англ. 6-го изд. (Лондон, 1872) / Чарлз Дарвин; [Статьи А.В. Яблокова и др.]; отв. ред. А.Л. Тахтаджян; Коммент. Я.М. Галла, Я.И. Старобогатова; АН СССР. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. отделение, 1991. – 539 с.
3. Джейм Ульям. Многообразие религиозного опыта / Джейм Ульям; пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович и М.В. Шик. – Издательство: АСТ. Серия: Философия, 2022. – 518 с.
4. Динамика российского общества: вклад в науку. Ахиезер, А.С. Труды. – М., 2006. – 408 с.
5. Дюркгейм, Э.О разделении общественного труда. Метод социологии. – Москва: Наука, 1991. – 575 с.
6. Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. – СПб., 2004. – С. 16.
7. Месуди, Алекс. Культурная эволюция. Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру

- и объединить социальные науки / Алекс Месуди; пер. с англ. О. Собчука и А. Шели. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 384 с.
8. Никовская, Л.И. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором. / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Полития. 2007. – № 1. – С. 30–51.
  9. Новые идеи в социальной философии / ред. В.Г. Федотова. – М.: Ин-т филос. РАН, 2006. – 324 с.
  10. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. – М.: Весь Мир, 1997. – 704 с.
  11. Парсонс Т.П. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
  12. Платонова Н.М., Платонова М.Ю. Инновации в социальной работе. – М., 2012. – 256 с.
  13. Социальная философия / отв. ред. С.Э. Крапивенский. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. – 320 с.
  14. Сочинений в 30 т. К. Маркса и Ф. Энгельса, – 2-е изд. – Москва: Госполитиздат. 1954. Т. 3. С. 1–4.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE THEORY AND CONCEPT OF SOCIAL CHANGE AND DEVELOPMENT OF MODERN SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Chechenov A.M., Kushkhova A.F., Zheligotova R.M., Atabieva Z.A.

Kabardino-Balkarian State University named after. HM. Berbekova

The socio-philosophical substantiation of such theories and concepts as social changes, transformations and the development of modern socio-political processes is given. The evolutionary approach in the social sciences, sociocultural evolutionism, linear type ideas as a movement forward in time and space are analyzed. Social changes in the theories of innovation, transformation, modernization is considered, which turn into a special factor of social development of society, human innovation activity is considered as the introduction of various chang-

es and new elements – types, methods, methods that increase the effectiveness of activities. Social innovation is understood as the formation and implementation of fundamentally new social institutions and institutional interaction, new structures and mechanisms of social development based on the special role of inventions as a source of socio-economic, socio-political progress. Social philosophy proceeds from the fact that the dynamics of social life can change in the most unexpected ways, being influenced by different trends. As a rule, it is characteristic for social dynamics and social changes to transform under the influence of a certain type of society, which is characterized by a certain form. The problem of modernization in the Russian Federation is outlined, which is characterized by significant specifics, which makes the situation in the country unique and unique unlike neighboring countries.

Keywords: social change, transformation, development, self-organization, institutions, modernization of innovation, innovation, evolution, sociocultural evolutionism.

References

1. Gritsenko V.P. Social semiotics. / V.P. Gritsenko. – Ekaterinburg: Institute of International connections, 2006. – 243 p.
2. Darwin Ch. Origin of species by natural selection, or Preservation of favorable races in the struggle for life: Trans. from English 6th ed. (London, 1872) / Charles Darwin; [Articles by A.V. Yablokov and others]; resp. ed. A.L. Takhtadzhyan; Comment. Y.M. Galla, Y.I. Starobogatova; Academy of Sciences of the USSR. – SPb.: Science: St. Petersburg. department, 1991. – 539 p.
3. James William. The Diversity of Religious Experience / James William; lane from English V.G. Malakhieva-Mirovich and M.V. Chic. – Publisher: AST. Series: Philosophy, 2022. – 518 p.
4. Dynamics of Russian society: contribution to science. Akhiezer, A.S. Proceedings. – M., 2006. – 408 p.
5. Durkheim, E. On the division of social labor. Method of sociology. – Moscow: Nauka, 1991. – 575 p.
6. Karpova Yu.A. Introduction to the sociology of innovation. – St. Petersburg, 2004. – P. 16.
7. Mesoudi, Alex. Cultural evolution. How Darwin's theory can shed light on human culture and unify the social sciences / Alex Mesoudi; lane from English O. Sobchuk

- and A. Sheli. – M.: Publishing house “Delo” RANEPa, 2019. – 384 p.
8. Nikovskaya, L.I. Public policy in modern Russia: between the corporate-bureaucratic and civil-modernization choice. / L.I. Nikovskaya, V.N. Yakimets // Politia. 2007. – No. 1. – P. 30–51.
  9. New ideas in social philosophy / ed. V.G. Fedotova. – M.: Institute of Philosophy. RAS, 2006. – 324 p.
  10. Ortega y Gasset X. Selected works: Trans. from Spanish / Comp., preface. and general ed. A.M. Rutkevich. – M.: Ves Mir, 1997. – 704 p.
  11. Parsons T.P. On the structure of social action. – M.: Academic Project, 2000. – 880 p.
  12. Platonova N.M., Platonova M. Yu. Innovations in social work. – M., 2012. – 256 p.
  13. Social philosophy / resp. ed. S.E. Krapivensky. – Volgograd: Volgograd State University Publishing House, 2000. – 320 p.
  14. Works in 30 volumes by K. Marx and F. Engels, – 2nd ed. – Moscow: Gospolitizdat. 1954. T. 3. P. 1–4.

Нанотехнологии и инновационное развитие общества

Горбунова Ирина Юрьевна,

д.х.н., проф., зав. кафедрой технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: giy161@yandex.ru

Кравченко Татьяна Петровна,

к.т.н., ведущий инженер кафедры технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: kravchenkopolimer@gmail.com

Юцкова Екатерина Валерьевна,

к.м.н., зав. отделением неврологии ГКБ № 1 им. И.М. Сеченова, Первой Градской больницы
E-mail: yutskova@gmail.com

В обзоре представлены результаты исследований тенденций применения и внедрения наиболее современных технологий для развития общества. Оцениваются возможности развития нанотехнологий для революционного прорыва в промышленном производстве и социально-экономической сфере. Целесообразность разработки новых промышленных технологий для производства наноматериалов, позволят российскому обществу сохранить приоритеты в науке и производстве.

Ключевые слова: общество, развитие, нанотехнология, приоритеты, исследования, достижения.

Успешное внедрение новых технологий требует пристального внимания к взаимодействию между технологией и обществом. Эти взаимодействия носят двунаправленный характер: с одной стороны, технология изменяет социальные модели и бросает им вызов. С другой стороны, структуры управления и ценности общества влияют на прогресс в развитии технологий.

Такое грандиозное испытание призвано направить исследователей на поиск конкретного научного или технологического прорыва, который позволил бы преодолеть одно или несколько узких мест на воображаемом пути к решению важной проблемы развития (или, предпочтительно, нескольких).

Подход к рассмотрению социальных аспектов внедрения новых технологий представляет собой эксперимент в реальном времени: попытка понять, как наилучшим образом сбалансировать необходимое делегирование ответственности за детальные аспекты новых технологий с необходимостью более широко информировать общественность в вопросах, касающихся их использования [1].

Научные принципы, лежащие в основе технологических достижений, гарантируют, что преимущества для общества превосходят любые связанные с ними затраты или риски. Но иногда изобретение либо представляет риск само по себе, либо приносит некоторые элементы риска. Преимущества остаются основным направлением инноваций на протяжении большей части пути от их создания до общественного признания и внедрения. Если очевидные затраты и риски не были учтены, необходимо учитывать фундаментальные факторы риска и научить общество правильно на них реагировать.

В соответствии с анализом существующих на данный момент тенденций применения и внедрения наиболее современных технологий в рамках технически и экономически развитых государств,

можно прийти к выводу, что в ближайшем обозримом будущем прочной основой дальнейшего развития производственных сфер станут те технологии и материалы, которые сформированы в соответствии с наиболее современными разработками в сфере нанотехнологий [2].

Нанотехнологии, которые появились в жизни человечества сравнительно недавно, с течением времени занимают все более прочные позиции в целом ряде сфер жизни человека и общества. Основным фундаментом сложного процесса развития нанотехнологий являются фундаментальные исследования, которые разрабатываются в прикладных областях многих сфер деятельности человека, поскольку нанотехнологии, с одной стороны, сами строятся на результатах теоретических исследований, а с другой, именно благодаря им они и развиваются.

Сферы научной и производственной деятельности, в которых могут и будут применяться нанотехнологии, безграничны, а появление нанотехнологий рассматривается как начало новой эры научно-технической революции, которая сильно меняет мир в XXI веке.

Следовательно, развитие нанотехнологий приведёт нас к совершенствованию эволюционного взаимодействия природы и общества на основе удовлетворения жизненных потребностей человека, решению проблем исследования и синтеза новых веществ, биосферы, рационального природопользования, возобновляемой энергетики [3].

В нашей стране в последние годы начался процесс активного перехода от теоретической и фундаментальной составляющей исследований к практическому освоению передовых нанотехнологий для реальных секторов экономики. Это во многом прослеживается и в увеличении дотаций государственного бюджета, направленных на развитие нанотехнологий: в 2015 году на Федеральную целевую программу развития нанотехнологий в Российской Федерации и СНГ было выделено свыше 300 млрд руб. Значительно возросли и показатели потенци-

ального рынка нанопродукции: на сегодняшний день он определяется объемом в примерно 600 млрд. руб. Таким образом, степень значимости и высота потенциала развития рынка инновационных технологий, в том числе и нанотехнологий, достаточно очевидны. В нанотехнологиях существуют такие области, где российские ученые стали первыми в мире, получив результаты, положившие начало развитию новых научных течений. Однако, по мнению экспертов, по коммерциализации нанотехнологических разработок Россия пока еще отстает от многих развитых стран [4].

Большинство экспертов в области стратегического планирования, научно-технической политики и инвестирования уверены, что в ближайшее десятилетие нас ждет новая научно-техническая революция – нанореволюция, которая затронет все области науки, производства, национальной безопасности, медицины, быта, отдыха и развлечений. Последствия ее будут не менее значимыми, чем изменения, вызванные компьютерной революцией последней трети XX века. И этому уже есть весомые подтверждения в самых разных сферах жизни. Сегодня в государственных программах практически всех экономически развитых стран в качестве приоритетных направлений научно-технического развития указаны исследования в области нанотехнологий, что призвано обеспечить скорейшее преодоление последствий кризиса и стабильный рост экономики на ближайшие десятилетия [5].

Важнейшей тенденцией и требованием современного этапа развития технологии является сокращение доли сырья, материалов и энергии в себестоимости готового продукта при значительном увеличении затрат на предварительные исследования, проектирование, разработку оборудования и технологии. Расширение объемов и областей применения наноматериалов является одним из факторов, обеспечивающих реализацию этих тенденций. Чтобы не оказаться на обочине мировой цивилизации, необходимо соответствующим образом выстраивать инфраструктуру экономики

и управления, совершенствовать систему образования, разумно инвестировать в фундаментальную науку и поддерживать инновационные разработки, быстро доводя их до рынка [6].

Сегодня интерес к наноматериалам достиг настоящего ажиотажа, в котором могут потеряться ориентиры и ключевые результаты исследований. В научном сообществе до сих пор нет единого мнения о перспективах развития нанотехнологий. Некоторые ученые уверены в безграничных возможностях нанотехнологий и предсказывают революционный прорыв в промышленном производстве и социально-экономической сфере.

Осознавая все неопределенности и риски, следует согласиться с мнением, часто высказываемым крупнейшими авторитетами в науке и высокотехнологичном бизнесе, что «самая большая опасность, исходящая от нанотехнологий, которая может нанести наибольший ущерб обществу, это решение не развивать эти технологии!» [7].

Сегодня развитие нанотехнологий, заключающееся в получении наноструктурированных материалов (частиц, пленок, композиций) и расширении сфер их применения, является одним из значимых направлений научно-технического прогресса, что позволяет поднять на новый уровень конструкторские и технологические разработки, повысить качество потребляемых человеком продуктов, что, несомненно, окажет огромное влияние на мировую экономику и социальную сферу [8].

Нанотехнологии признаны важнейшей технологией благодаря их способности улучшать социальное благосостояние и экономический рост в различных областях промышленности. В долгосрочной перспективе нанотехнологии позволят применять более эффективные подходы к производству с использованием меньшего количества сырья и энергии. В краткосрочной перспективе общественные проблемы, возникающие в связи с развитием нанотехнологий, сосредоточены вокруг вопросов, кто контролирует использование нанотехно-

логий, и кто извлекает выгоду из их использования [9].

В отличие от западных стран, которые начали активно внедрять нанотехнологии в 1990-е, в России эти исследования начались спустя 10 лет. Это было связано с отсутствием финансирования проектов и общим отсутствием спроса. Первая программа по нанотехнологии была разработана в 2000 году для нужд военной промышленности. В 2007 году нанотехнологии были признаны потенциально приоритетной отраслью и, начиная с этого года, был принят ряд государственных программ: создание финансово-экономического механизма для формирования оборотного капитала в учреждениях и предприятиях, разрабатывающих наноматериалы и нанотехнологии, а также развитие инфраструктуры для поддержки инноваций в этой области на всех ее этапах. В том же 2007 году была основана Российская корпорация нанотехнологий, являющейся на данный момент важной компанией страны в данной отрасли. Задачами корпорации являются поддержка и софинансирование проектов в области нанотехнологий.

Актуальная разработка новых промышленных технологий для производства наноматериалов позволит России сохранить существующие приоритеты в науке и производстве, и особенно нанотехнологии потенциально могут предложить бесценные достижения в области медицины, в частности, нанотехнологии играют жизненно важную роль в создании экономически эффективных диагностических инструментов. Всё это поможет человечеству развивать и предлагать новые технологические решения для сохранения жизни на планете Земля [10].

Однако, существует внешняя проблема – привлечение, подготовка и консолидация квалифицированных научных, инженерных и рабочих кадров для обновленного технологического комплекса Российской Федерации. Для разработки и практической реализации необходимых и достаточных мер в области создания и развития нанотехнологий должна быть сформирована государственная по-

литика, которая, в свою очередь, должна рассматриваться как часть государственной научно-технической политики, определяющей цели, направления, механизмы и формы деятельности. На основании этого выдвинутый тезис, что с наступлением нового тысячелетия началась эра нанотехнологий, становится постулатом [11].

Сторонники нанотехнологий призывают правительства работать над законодательством последних, которое будет способствовать финансированию исследования среди спонсоров передовых технологий. Благодаря приложениям, инструментам, методам, устройствам, машинам и лабораториям, основанным на наномолекулах, нанотехнологии оказали наибольшее влияние на человеческую жизнь [12].

Несмотря на уровень успеха, достигнутый благодаря внедрению и применению нанотехнологий, по-прежнему существуют проблемные области, требующие тщательного изучения. И хотя нанотехнологии имеют широкий спектр применений, растущее беспокойство по поводу возможных проблем со здоровьем и окружающей средой, которые они создают, продолжает оказывать влияние на политиков и потребителей. Более того, отсутствие четкой и всеобъемлющей глобальной практики и рамок для использования нанотехнологий препятствует их широкому признанию [13].

Несмотря на то, что нанотехнологии могут быть использованы для решения некоторых из наиболее острых проблем развития в мире, к сожалению, систематического определения приоритетов практического применения нанотехнологий, направленных на решение этих проблем, с которыми сталкиваются более 8 миллиардов человек, живущих в развивающихся странах, до сих пор не проводится.

Требуется более эффективное управление технологическими инновациями в области нанотехнологий с более четкими целями устойчивого развития и более качественной оценкой экологических рисков и жизненного цикла. Во многих отношениях нанотехнологии являются

примером попытки технологического решения проблем, которые на самом деле требуют социальных, экономических и политических решений.

Нанотехнологический подход – очень интересный эксперимент, именно потому, что он решает вопрос о том, как наилучшим образом стимулировать нацию поддерживать фундаментальные исследования. Но он также может усилить некоторые проблемы, связанные с более ранними технологическими разработками [14].

Прогнозирование применений, когда наука все еще находится на относительно ранней стадии своих исследований, рискует разочаровать общественность, которая нетерпелива в своих ожиданиях краткосрочных результатов. Лидеры отрасли должны стремиться к сотрудничеству и саморегулированию, но также поддерживать общественное образование в области естественных наук и разумное законодательство для решения юридических и социальных вопросов, связанных с нанотехнологиями [15].

Заключение

Установление четких границ сфер применения «нанотехнологий» позволит выявить перспективы их развития, оценить границы и возможности их позитивного влияния на научно-технический прогресс и общество в целом.

Необходимо максимально использовать возможности многочисленных применений нанотехнологий, именно для того, чтобы узнать больше о динамике взаимодействия науки, техники и общества, что поможет нам в будущем управлять ходом развития технологий на благо развития общества.

В конечном счете, различные испытания нанотехнологий будут заключаться в их пользе для людей, измеряемой экономическим ростом, улучшением здоровья и продолжительности жизни, охраной окружающей среды, укреплением безопасности, социальной жизнеспособностью и расширенными возможностями человека. Это сделает необходимыми в ближайшие годы дальнейшую модернизацию промышленности и суще-

ственный вклад инвестиций в область нанотехнологий.

Литература

1. Bogue R. Nanocomposites: A review of technology and applications // *Assembly Autom.* 2011. Vol. 31. No. 2. pp. 106–112. DOI: 10.1108/01445151111117683
2. Salamanca-Buentello F, Persad DL, Court EB, Martin DK, Daar AS, et al. Nanotechnology and the developing world // *PLoS Medicine.* 2005. Vol. 2. Issue 5. e97. pp. 0383–0386. DOI: 10.1371/journal.pmed.0020097
3. Ann P. Dowling Development of nanotechnology // *Materials Today.* 2004. Vol. 7. Issue 12. pp. 30–35. DOI: 10.1016/S1369-7021(04)00628-5
4. Николайчик Ю.А., Куис Д.В., Сви-
дунович Н.А., Ровин С.Л. Общие
проблемы развития и внедрения на-
номатериалов и нанотехнологий //
Литье и металлургия. 2020. № 4.
С. 152–162. DOI: 10.21122/1683-606
5-2020-4-152-162.
5. Адышкина К.В., Корягина А.И. Со-
временные достижения в сфере
нанотехнологий: реальный эффект
и дальнейшие перспективы их импле-
ментации в строительную отрасль //
Наукофера. 2022. Т. 8. № . С. 186–
190. DOI: 10.5281/zenodo.6809624
6. Базарова Ж.А. Нанотехнология в хи-
мической технологии // *Universum:*
технические науки. 2022. № 6–4 (99).
С. 38–40.
7. Kenneth H. Keller Nanotechnology and
society // *Journal of Nanoparticle Re-*
search. 2007. Vol. 9. Issue 5. pp. 5–10.
DOI: 10.1007/s11051-006-9193-3
8. Jeremy Ramsden The impact of nano-
technology // *Nanotechnology Percep-*
tions. 2011. № 7. pp. 28–66.
9. Иваников В.П., Кабакова А.В. Сфе-
ры применения нанотехнологий //
Управление техносферой. 2022. Т. 5.
№ 1. С. 67–85. DOI: 10.34828/Ud-
SU.2022.34.67.007
10. Сигаева В.В., Солдаев И.И. Развитие
нанотехнологий в России // *Теория
и практика современной науки.* 2020.
№ 3(57). –С. 228–234.
11. Пчелинцева Н.В., Чепраков И.В.,
Картечина Н.В. Нанотехнологии и на-
номатериалы в современном мире //
Наука и образование. 2022. Т. 5. № 1.
С. 105–112.
12. Rajesh Purohit, Aman Mittal, Srajan
Dalela, Vilas Warudkar, Kiran Purohit,
Surabhi Purohit Social, Environmental
and Ethical Impacts of Nanotechnol-
ogy // *Materials Today: Proceedings.*
2017. Vol. 4. Issue 4. pp. 5461–5467.
DOI: 10.1016/j.matpr.2017.05.058
13. Sunday A. Afolalu, Joseph F. Kayode,
Stella I. Monye, Sunday L. Lawal, Omo-
layo M. Ikumapayi An overview of nano-
technology and its potential risk // *E3S
Web of Conferences.* 2023. Vol. 391. 12
p. DOI: 10.1051/e3sconf/202339101080
14. Shiza Malik, Khalid Muhammad, Yasir
Waheed Nanotechnology: A Revolution
in Modern Industry // *Molecules.* 2023.
Vol. 28. № 2. 26 p. DOI: 10.3390/mol-
ecules28020661
15. Beni A. A., Jabbari H. Nanomaterials for
Environmental Applications // *Results in
Engineering.* 2022. Vol. 15. pp. 1–11.
DOI: 10.1016/j.rineng.2022.100467

NANOTECHNOLOGY AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Gorbunova I.Y., Kravchenko T.P., Yutskova E.V.

RKhTU im. D.I. Mendeleev, City Clinical Hospital No. 1
named after. THEM. Sechenov, First City Hospital

The review presents the results of research on trends in the use and implementation of the most modern technologies for the development of society. The possibilities of nanotechnology development for a revolutionary breakthrough in industrial production and the socio-economic sphere are being evaluated. The expediency of developing new industrial technologies for the production of nanomaterials will allow the Russian society to maintain priorities in science and production.

Keywords: society, development, nanotechnol-
ogy, priorities, research, achievements.

References

1. Bogue R. Nanocomposites: A review of technology and applications // *Assembly Autom.* 2011. Vol. 31.No. 2. pp. 106–112. DOI: 10.1108/01445151111117683

2. Salamanca-Buentello F, Persad DL, Court EB, Martin DK, Daar AS, et al. Nanotechnology and the developing world // *PLoS Medicine*. 2005. Vol. 2. Issue 5. e97. pp. 0383–0386. DOI: 10.1371/journal.pmed.0020097
3. Ann P. Dowling Development of nanotechnology // *Materials Today*. 2004. Vol. 7. Issue 12. pp. 30–35. DOI: 10.1016/S1369-7021(04)00628-5
4. Nikolaichik Yu.A., Kuis D.V., Svidunovich N.A., Rovin S.L. General problems of development and implementation of nanomaterials and nanotechnologies // *Casting and metallurgy*. 2020. No. 4. pp. 152–162. DOI: 10.21122/1683-6065-2020-4-152-162.
5. Adyshkina K.V., Koryagina A.I. Modern achievements in the field of nanotechnology: real effect and further prospects for their implementation in the construction industry // *Scienceosphere*. 2022. Vol. 8. No. pp. 186–190. DOI: 10.5281/zenodo.6809624
6. Bazarova Zh.A. Nanotechnology in chemical technology // *Universum: technical sciences*. 2022. No. 6–4 (99). pp. 38–40.
7. Kenneth H. Keller Nanotechnology and society // *Journal of Nanoparticle Research*. 2007. Vol. 9. Issue 5. pp. 5–10. DOI: 10.1007/s11051-006-9193-3
8. Jeremy Ramsden The impact of nanotechnology // *Nanotechnology Perceptions*. 2011. No. 7. pp. 28–66.
9. Ivannikov V.P., Kabakova A.V. Areas of application of nanotechnology // *Technosphere Management*. 2022. T. 5. No. 1. pp. 67–85. DOI: 10.34828/UdSU.2022.34.67.007
10. Sigaeva V.V., Soldaev I.I. Development of nanotechnologies in Russia // *Theory and practice of modern science*. 2020. No. 3(57). -WITH. 228–234.
11. Pchelintseva N.V., Cheprakov I.V., Kartchina N.V. Nanotechnologies and nanomaterials in the modern world // *Science and education*. 2022. T. 5. No. 1. pp. 105–112.
12. Rajesh Purohit, Aman Mittal, Srajan Dalela, Vilas Warudkar, Kiran Purohit, Surabhi Purohit Social, Environmental and Ethical Impacts of Nanotechnology // *Materials Today: Proceedings*. 2017. Vol. 4. Issue 4. pp. 5461–5467. DOI: 10.1016/j.matpr.2017.05.058
13. Sunday A. Afolalu, Joseph F. Kayode, Stella I. Monye, Sunday L. Lawal, Omolayo M. Ikumapayi An overview of nanotechnology and its potential risk // *E3S Web of Conferences*. 2023. Vol. 391.12 p. DOI: 10.1051/e3sconf/202339101080
14. Shiza Malik, Khalid Muhammad, Yasir Waheed Nanotechnology: A Revolution in Modern Industry // *Molecules*. 2023. Vol. 28. No. 2. 26 p.m. DOI: 10.3390/molecules28020661
15. Beni A. A., Jabbari H. Nanomaterials for Environmental Applications // *Results in Engineering*. 2022. Vol. 15. pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.rineng.2022.100467

Философия логистики

Крюков Виктор Васильевич,

профессор, доктор философских наук, профессор кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий

E-mail: krukovzav@mail.ru

Сотникова Елена Вячеславовна,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий.

E-mail: sotnikovaev@mail.ru

Ступина Наталья Сергеевна,

доцент кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий.

E-mail: Nstupina2601@mail.ru

Предметом исследования в данной статье является прояснение смысла термина «логистика» в его генезисе и современном понимании в свете философских категорий пространства и времени. Отдельным аспектом выделены информационные феномены образов и знаковых моделей в сопровождении движения реальных грузов и продвижении цифрового контента в коммуникации субъектов логистической деятельности. В статье применены методы этимологического анализа, философской герменевтики, диалектического синтеза. Результаты исследования позволяют раскрыть глубокую укорененность логистических действий в многие виды человеческой деятельности.

Информационная логистика имеет свою специфику как комплекс действий по эффективному распределению информационных потоков между цифровыми и традиционными медиа. Он необходим при маркетинговых исследованиях, при планировании и контроле движения материалов для оптимального определения маршрутов движения, средств доставки, пунктов отправления, перевалки и доставки имущества для любых целей.

Ключевые слова: логистика, оптимальность, пространство, время, информация, образ, знак.

Preamble

The standard definition of logistics [1,2] is given as a set of organizational, managerial, production and technological processes for the effective provision of various social structures – political, economic, demographic, defense – with material, financial, commodity (consumer) and information resources. From the point of view of practical application, logistics is “the selection of the most effective option for providing goods of the right quality, the right quantity, at the right time, in the right place with minimal costs. [3, p. 7–8]

From the perspective of managing supply departments and organizations, logistics can be considered as the strategic regulation of material – cargo and commodity flows in the processes of procurement, transportation, sale and storage of materials, parts and finished products. Understanding logistics also includes managing the relevant flows of information, both managerial and consumer content. Logistics is aimed at optimizing costs and rationalizing the process of production, sales and related services both within one enterprise and for entire industries and markets.

Etymon

The term *logistics* (from the ancient Greek λόγος – word, thought and λογιστική – the art of counting) originally appeared in the *quartermaster* (from the French intendant – caretaker, manager) service of the armed forces. This word was first used in the treatises of Emperor Leo VI (865–912) on the art of war. In the Byzantine Empire, at the court of the emperor there were special people, *logistics officials*, whose duties included the distribution of provisions and equipment for the soldiers.

Logistics methods can be found in other cultures from different eras. For example, the 16th-century Spanish lawyer and economist Juan Polo de Ondegardo reported in 1572 that in the Inca Empire, *officials* records were kept of the current necessary products for the Inca court, taking into ac-

count the place of dispatch, the products delivered, the delivery time and the distance.

The term “logistics” was introduced into the modern lexicon at the beginning of the 19th century by the French military specialist Antoine Jomini, but until recently in Russian vocabulary they preferred to use the term “supply”.

The most important characteristic of logistics actions is the concept of *optimality* (Latin *optimus* – best). The most *effective* (lat. *effectum* – result, success) way of solving any problems must satisfy *extreme* (lat. *extremum* – extreme) principles. The extremes are *maximum* – the greatest, and *minimum* – the smallest value of a certain value. The optimal solution method can be considered to be one that allows you to obtain the most complete and successful result with the least expenditure of resources – material, energy, financial, labor, etc.

Philosophical allusions

In understanding the essence of logistics activities, the philosophical categories of *space* and *time* have a deep meaning. In logistics, the meanings of philosophical categories of *space* as order, *topology* (from ancient Greek τόπος – place) of the coexistence of fragments of terrain, and extent, remoteness, *metrics* of elements of the earth's surface, as well as *time* as a sequence, the order of events (topology), fragments of some processes, and their duration, longitude (metric) of anything that happens.

The word “*space*” comes from the verb “to wander” – to move, cross (compare the Latin *trans* – through) and the noun “country” – terrain, distance (mountains and valleys), and in the Slavic word “*time*” one can see “an ancient image of rotation, wheels; *time* is related to words with the root “*vr*”, “*vert*” – rotate, spin, rotation of the heavens. The Sun and Moon “revolve” in the sky, the clock hands rotate around the dial: rotation, circle, cycle – this is the deep archetype of time in the spiritual culture of mankind.” [4, p. 66]

Information logistics has its own specifics as a set of actions for the effective distribution of information flows between digital and traditional media. It is necessary in marketing research, when planning and moni-

toring material movements for the optimal determination of movement routes, delivery vehicles, points of departure, transshipment and delivery of property for any purpose.

The word “*information*” (from the Latin *informare* – to explain, to report) comes from the root *forma* – form, appearance, image, and goes back to the ancient Greek μορφή – appearance. Hence the term “*morphology*” is known – the description, theory and technique of analysis and processing of certain, for example, geographical structures. However, in Aristotle's philosophy, the categories “*form*” and “*content*” were correlated with the ideal beginning and material substrate of some realities, and form was interpreted as a way of connecting elements of content. Or, for example, in the philosophy of Pythagoras the principle was formulated: the whole is greater than the sum of its parts, and that which is greater than the sum is the order, series, order of arrangement (structure, structure) and the sequence of actions (causes and consequences of movements) of the material from which a fragment of reality is complex. Ludwig von Bertalanffy used this principle as the basis for his general theory of systems.

It is also characteristic that *information* is a *form* with the prefix “*in-*”, meaning placement inside, insertion, implementation, penetration into depth. And this is the main meaning of communication: not just to present some idea, but to form an image and put it into the mind of the interlocutor.

The concept of *image* also carries a very definite meaning: it is something that is formed, separated from the original, duplicates it and represents, or, figuratively speaking, acts “on behalf of and on behalf of” the prototype. The image is always imprinted on some material medium, but does not have its own body and therefore is incorporeal, immaterial. The image is an *ideal* essence, *eidōs* (from ancient Greek ἰδέα – view, and εἶδω – to see). Thus, a person's face and appearance can be depicted in a drawing, painting, photograph or video: the substance of the copy is secondary and variable, but the person is recognizable and invariant. In the same way, a melody can be sung, whistled, tapped on a xylophone, hummed on a trumpet or played on a har-

monica, and at the same time we will definitely recognize a familiar song: the order of sounds will represent it on any instrument. The image is not the thing itself, but its idea, otherness, imitation and simulation, but it is knowledge that refers to the prototype, or a copy that addresses the original.

“The image of reality is not an autonomous reality, but it is a kind of *quantum*, a clot of some field of information, and in this sense it is as external to the subject as the internal element of his existence. The continuum of information does not break, but only concentrates in the content of the psyche, changing only the substratum, the materiality of the carrier.” [5, p. 36]

The information content of logistics requires *knowledge* of multifaceted content. The word “knowledge” itself is a verbal noun from the Slavic *nobility*. Signs are new, artificial things, the only purpose of which is to represent, to represent (the prefix *re* – once again, again) things of the first kind that we cannot “*know*”, have as such, but about which we get the opportunity to “*know*”, have an idea about them. By correlating the first with the second, we will be able to “*understand*” (from the Latin *nim, nomina* – name) what we are talking about.

Conclusions

In those cases in which we cannot present a thing in its own body, incarnation, in the flesh, materiality, we exhibit its *image*, that is, we present, represent its replacement – a sign. In the science of signs – *semiotics* (from ancient Greek *σημῖον* – sign, *σημά* – sign) there is a basic definition: *a sign is a thing that replaces another thing*. A sign can have a complete, portrait resemblance to the object being replaced – it is called *iconographic* (from Ancient Greek *εἰκών* – image), partial, schematic (from Ancient Greek *σχῆμα* – figure, posture), or a conditional, conventional relationship to prototype, symbolic (from ancient Greek *σύμβολον* – joint throwing, signal).

“Anything can be used as signs: sounds, images, smells, gestures, but the most commonly used signs are those that are specially created and well adapted for solving problems of communication, communication, and exchange of information, name-

ly *symbols*, from which sign systems and, above all, *language are made up*, lively conversational speech” [6, p. 96] and texts as writing, a universal way of recording and transmitting various information, including those tied to such objects as physical *reality* (from the Latin *res* – thing), geographical *environment*, space-time *continuum* as extension and duration, order and sequence of earthly existence.

Литература

1. Родников А.Н. Логистика: Терминологический словарь. – М.: Экономика. – 1995. – 251 с.
2. Логистика: Учеб. Пособие / Под ред. Б.А. Аникина. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 327 с.
3. Шумаев В.А. Логистика в теории и практике управления современной экономикой. – М.: МУ им. С.Ю. Витте, 2014. – 212 с. – С. 7–8.
4. Крюков В.В. Материя и бытие в диалектической версии / Монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008.- 168 с.: ил. (Серия «Монографии НГТУ»).
5. Крюков В.В. Виртуальная реальность в модальностях переживаний и в общении. – Идеи и идеалы. – 2015. – № 3(25). – Т. 1. – С. 34–42.
6. Крюков В.В. Сумма аксиологии. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 205, [1] с., [10] л. цв. ил.: портр.; 23 см. – (Серия: Монографии НГТУ).
7. Kryukov V. Virtual reality and digital communication with students. – *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores* / Año: VII, Número: Edición Especial, Artículo no.:108, Período: Febrero, 2020. Mexico.

ETYMON OF LOGISTICS

Kryukov V.V., Sotnikova E.V., Stupina N.S.

Siberian State University of geosystems and technologies

The subject of the article is to clarify the meaning of the term “logistics” in its genesis and modern understanding in the light of philosophical categories of space and time. A separate aspect highlights the information phenomena of images and iconic models accompanied by the movement of real goods and the promotion of digital

content in the communication of logistics entities. The article uses methods of etymological analysis, philosophical hermeneutics, and dialectical synthesis. The results of the study reveal the deep rootedness of logistics activities in many types of human activity.

Information logistics has its own specifics as a set of actions for the effective distribution of information flows between digital and traditional media. It is necessary in marketing research, when planning and monitoring material movements for the optimal determination of movement routes, delivery vehicles, points of departure, transshipment and delivery of property for any purpose.

Keywords: logistics, optimality, space, time, information, image, sign.

References

1. Rodnikov A.N. Logistics: Terminological Dictionary. – M.: Economics. – 1995. – 251 p. [In Rus]
2. Logistics: Textbook. Manual / Ed. B.A. Anikina. – M.: INFRA-M, 1998. – 327 p. [In Rus]
3. Shumaev V.A. Logistics in the theory and practice of modern economic management. – M.: MU named by S. Yu. Witte, 2014. – 212 p. – P. 7–8. [In Rus]
4. Kryukov V.V. Matter and being in the diachronic version / Monograph. – Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2008. – 168 p.: ill. (Series "Monographs of NSTU"). [In Rus]
5. Kryukov V.V. Virtual reality in the modalities of experiences and in communication. – Ideas and ideals. – 2015. – No. 3(25). – T.1. – P. 34–42. [In Rus]
6. Kryukov V.V. Sum of axiology. – Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2018. – 205 p., – (Series: Monographs of NSTU). [In Rus]
7. Kryukov V. Virtual reality and digital communication with students. – Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores / Año: VII, Número: Edición Especial, Artículo no.:108, Período: Febrero, 2020. Mexico.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Kravchenko A.I.</i> Open and closed society by K. Popper: reality and illusions	5
<i>Mostovaya D.A.</i> Informal communications in an organization: theoretical foundations and methodological guidelines	21
<i>Hohlova O.M.</i> Social consent as a condition for the development of modern Russia	28
<i>Karim Hossam Abdelraouf Hussein.</i> Ontology of consciousness and sociocultural relationships: philosophical analysis of the forms of Arab social consciousness in the context of Arab-Western relations	37
<i>Shcheglova M.I., Gabdullin I.R., Nedorezov V.G.</i> The reality of phenomenal experience as a component of the emergence of geometric illusions: philosophical analysis of experimental data on the impact on the consciousness of people and animals	44

EMPIRICAL STUDIES

<i>Anosov S.S.</i> Social activism of Russians	49
<i>Baev P.A.</i> Economic well-being of youth worldviews	57
<i>Gritskikh N.V., Rybak N.S., Motorina E.G.</i> Features and trends in the development of creative industries in the XX–XXI centuries	65
<i>Reshetnikova E.V., Gurinovich L.A., Sharaburak M.A.</i> Formation of ethnic identity of youth in the process of reproduction of social education	73
<i>Dortseva E.V.</i> Features of propaganda influence on modern Russian youth in the digital environment	88
<i>Zavarzina Y.V.</i> Landscaping in public opinion	100
<i>Maslodudova N.V.</i> Online dating as an alternative field for the potential marriage market	113
<i>Polyushkevich O.A.</i> Formality of trust and solidarity in an unstable world	121

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Zayakina O.A.</i> Career orientations of university students: experience from sociological research	128
<i>Sidorova N.V., Struk E.N., Wang Hao.</i> Professional motivation of students of technical universities: the experience of empirical research at IRNTU	133
<i>Sushko V.A.</i> Mechanisms of state influence on the formation of the middle class	138
<i>Khudyakova M.A.</i> Transformation of the social contract in modern Russian society (based on the results of sociological research)	150
<i>Kaymarazova A.K.</i> The institutional impact of education on the social mobility of young people in Russian society	158
<i>Gracheva O.E., Mkrtumova I.V.</i> Modern ideas about the role of mediation in parental alienation syndrome in public discourse and the practices of specialists (based on sociological research materials)	164
<i>Gildingersh M.G., Davydov S.A., Petrov M.A.</i> Methodological aspects of the formation of corporate culture and the practice of their application in the organization	172
<i>Rychikhina E.N., Shchetkina M.A.</i> Organization of monitoring of the corporate culture of the educational complex	181

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

<i>Wang Qiang.</i> On the Principle of the Division of Cultural-Historical Types by N.I. Danilevsky	190
---	-----

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Petrova E.I.</i> National identity: formation factors and elements of manifestation	198
<i>Chechenov A.M., Kushkhova A.F., Zheligotova R.M., Atabieva Z.A.</i> Socio-philosophical analysis of the theory and concept of social change and development of modern socio-political processes	207

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

*Gorbunova I.Y., Kravchenko T.P.,
Yutskova E.V.* Nanotechnology and

innovative development of society..... 213

Kryukov V.V., Sotnikova E.V., Stupina N.S.
Etymon of logistics 219

